ISSN 2618-9623

Төбәк тарихы буенча журнал
Краеведческий журнал

Туган җир

Родной край

3*2026

Көзләр җитә, илгә икмәк кайта

Бөтендөнья татар конгрессы
Татарстан Республикасы татар төбәк тарихын өйрәнүчеләр
җәмгыяте

ТУГАН ҖИР

Төбәк тарихы буенча журнал

3*2026

Казан – 2026

Всемирный конгресс татар
Общество татарских краеведов Республики Татарстан

РОДНОЙ КРАЙ

Краеведческий журнал

3*2026

Казань – 2026

УДК 908
ББК 26.89 (2Рос.Тат)
Т 70

Баш мөхәррир:
Дамир Мәүләви улы Исхаков,
тарих фәннәре докторы

Баш мөхәррир урынбасары:
Альберт Әхмәтҗан улы Борһанов,
тарих фәннәре кандидаты

Редакцион коллегия:
Аблязов Камил
Акчурин Мәгъсүм
Галимова Эльмира
Гатауллин Ринат
Закиров Ринат
Измайлов Искәндәр
Зәйдуллин Ркаил
Салихов Радик
Сафин Фаил
Ситдыйков Айрат
Тычинских Зәйтүнә
Фәхретдинов Раил
Халиков Илгиз
Хисамов Олег
Шәйдуллин Рафаил

Редакцион-нәшер итү төркеме
Җаваплы сәркатип:
Дәүләтшина Гөлнара Фарикъ кызы
Web-редакторлар:
Ярхамов Илнур Ирнис улы
Хәбибуллин Ринат Илшат улы
Корректор:
Хөсәинова Алина Җәмил кызы

Главный редактор:
Дамир Мавлявеевич Исхаков,
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора:
Бурханов Альберт Ахметжанович,
кандидат исторических наук

Редколлегия:
Аблязов Камиль
Акчурин Магъсум
Галимова Эльмира
Гатауллин Ринат
Закиров Ринат
Измайлов Искандер
Зайдуллин Ркаил
Салихов Радик
Сафин Фаиль
Ситдиков Айрат
Тычинских Зайтуна
Фахрутдинов Раиль
Халиков Ильгиз
Хисамов Олег
Шайдуллин Рафаиль

Редакционно-издательская группа
Ответственный секретарь:
Давлетшина Гульнара Фариковна
Web-редакторы:
Ярхамов Ильнур Ирнисович
Хабибуллин Ринат Ильшатович
Корректор:
Хусаинова Алина Ямилевна

Басманың адресы:
Казан шәһәре, Карл Маркс ур., 38/5
Электрон почта: monitoring_vkt@mail.ru
http://tatar-congress.org/ru/tugan-zhir/
http://tugan-zhir.org
Татар төбәк тарихы буенча
кварталлык журнал
Татар һәм рус телләрендә

Адрес издания:
г. Казань, ул. Карла Маркса, 38/5
Электронная почта: monitoring_vkt@mail.ru
http://tatar-congress.org/ru/tugan-zhir/
http://tugan-zhir.org
Ежеквартальный журнал
по татарскому краеведению
На татарском и русском языках

ISSN 2618-9623

Туган җир: Төбәк тарихы буенча журнал [Родной край: Краеведческий журнал]. №3.
Казан: Бөтендөнья татар конгрессы. 2026.

ЭЧТӘЛЕК

Милли һәм төбәк тарихын өйрәнүнең фәнни-методологик яклары

Д.М. Исхаков.
«Чыңгыз нәселе турында дастан (*Фасли дастани нэсли Чыңгыз*)». 8

Төбәк тарихы буенча фәнни мәкаләләр

Л.Ш. Гарипова, Ә.К. Булатова.
Сәфәр чыктым ерак юлга... 22

З.А. Тычинских.
XIX – XX гасыр башында Тубыл губернасында татар сәүдәгәрлеге формалашу мәсьәләсе. 31

Фәнни-популяр язмаларда төбәк тарихы

Ф.С. Хәкимҗанов.
Матур яңгырашлы исем – Бишбалта. 38

Р.А. Бушков.
Чәйханәдән Чәй йортына кадәр. 50

Э.М. Сибгатова.
Ачыладыр тарих пәрдәсе... 65

Р.К. Шакиров.
Турай абыз. 79

И.И. Ярхамов.
Вакыйгаларда һәм шәхесләрдә XX гасыр татарларының кыскача тарихы. 91

Мирасыбызның төбәк тарихына кагылышлысы

М.Г. Худяков.
Рус этнографиясендә бөекдержавачылык шовинизмы (*Дәвамы*). 103

А.Г. Хәмидов.
Бабабызның дәфтәре (*Дәвамы*). 123
Габдрахман ага истәлекләре. 134

Төбәк тарихына караган тарихи чыганаклар

Д.Н. Таҗи.
Арслан Габделкәримов патша «Николай Палкинга»га хат язган. 155

Х.З. Баһаветдинова, М.М. Имашева.
Хәдичә Ямашева-Таначева: сөргеннән язган хатлар. 168

И.Е. Алексеев, О.В. Степанов.
Татарстанның Питрәч районы Колай авылында нумизматик табылдыклар: Алтын Урда чоры тәңкәләре. 176
Дастан «Гыйса углы Амәт». 188
Айсылдынъ улы Амет баьтир (*ногай варианты*). 191
Г.Н. Зәйниева.
Фатих Әмирхан: шәхес һәм документлар. 198

Татар рухы

Р.Н. Латыйпов.
Ике башлы бөркеттән алып дала демократиясенә кадәр. 217

Төбәк тарихына караган хезмәтләр турында мәгълүмат. Рецензияләр

З.Ә. Тычинских.
Н.А. Фәйзуллинаның «Знатный бухарец земли Тюменской» китабы турында. 226

Хушлашу

Р.Р. Минһаҗ.
Ул атаклы археолог, күренекле мәгърифәтче иде. 229
Р.В. Шәйдуллин.
Рәмзи Кәлим улы Вәлиев истәлегенә. 232

Төбәк тарихы буенча конференцияләр һәм очрашулар. Хатлар һәм кайтавазлар

Т.Т. Нигамәтҗанов.
Хәсән Туфан музеенда. 238
И.В. Халымбаджа, Ф.Ф. Харисов.
В.Г. Халымбаджа исемендәге Геология музее тарихы. 241
Хроника. 246

Авторлар буенча белешмә

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-методологические аспекты изучения национальной истории и краеведения

Д.М. Исхаков.
«Дастан о Роде Чингиса (*Фасли дастани нэсли Чингис*)». 8

Научные публикации по краеведению

Л.Ш. Гарипова, А.К. Булатова.
Вышел в дальний путь... 22

З.А. Тычинских.
К вопросу о формировании татарского купечества в Тобольской губернии в XIX – начале XX вв. 31

Краеведение в научно-популярных публикациях

Ф.С. Хакимзянов.
Звучное имя – Бишбалта. 38

Р.А. Бушков.
От чайханы до Дома чая. 50

Э.М. Сибгатова.
Открывается завеса истории... 65

Р.К. Шакиров.
Турай абыз. 79

И.И. Ярхамов.
Краткая история татар XX столетия в событиях и лицах. 91

Наше историко-краеведческое наследие

М.Г. Худяков.
Великодержавный шовинизм в русской этнографии (*Продолжение*). 103

А.Г. Хамидов.
Тетрадь нашего деда (*Продолжение*). 123
Воспоминания Габдрахмана ага. 134

Исторические источники по краеведению

Д.Н. Тазиев.
Арслан Абдулкаримов написал письмо царю «Николаю Палкину». ..155

Х.З. Багаутдинова, М.М. Имашева.
Хадича Ямашева-Таначева: письма из ссылки. 168

И.Е. Алексеев, О.В. Степанов.
Село Кулаево Пестречинского района Татарстана в нумизматическом отношении: находки золотоордынских монет. 176
Дастан «Гыйса углы Амат». 188
Амет батыр сын Айсылдына (*ногайский вариант*). 191
Г.Н. Зайнеева.
Фатих Амирхан: личность и документы. 198

Татарский дух

Р.Н. Латыпов.
От двуглавого орла до степной демократии. 217

Информация о краеведческих трудах. Рецензии

З.А. Тычинских.
О книге Н.А. Файзуллиной «Знатный бухарец земли Тюменской». 226

Некролог

Р.Р. Мингазов.
Он был известным археологом, выдающимся просветителем. 229
Р.В. Шайдуллин.
Памяти Рамзи Калимовича Валеева. 232

Краеведческие конференции и встречи. Письма и отклики

Т.Т. Нигаматзянов.
В музее Хасана Туфана. 238

И.В. Халымбаджа, Ф.Ф. Харисов.
История Геологического музея им. В.Г. Халымбаджа. 241
Хроника. 246

Сведения об авторах

МИЛЛИ ҺӘМ ТӨБӘК ТАРИХЫН ӨЙРӘНҮНЕҢ ФӘННИ-МЕТОДОЛОГИК ЯКЛАРЫ

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И КРАЕВЕДЕНИЯ

Д.М. Исхаков

«ДАСТАН О РОДЕ ЧИНГИСА (ФАСЛИ ДАСТАНИ НЭСЛИ ЧИНГИС)»

(к проблеме перечня кланов и клановых вождей во втором варианте эпического произведения)

Как известно, дастан о роде Чингиса (Чингисхана) входит в состав поволжско-татарского сборника фольклора конца XVII в. [Усманов: 1972. С. 97–133]. Но у татар он был обнаружен и в виде самостоятельных текстов [«Чыңгызнамә»: 2019]. Нужно также отметить, что данное эпическое произведение было известно и у казахов [Казахский: 2022. С. 273–289, 403–406], однако их версии похожи, да и то не полностью, лишь на одну группу бытовавших у татар версий этого дастана. К настоящему времени большинство известных у татар текстов названного дастана опубликовано [Дәфтәре: 2000; Мирастан: 2011. Б. 37– 94; Ivanics, Usmanov: 2002. PP. 31–93; «Чыңгызнамә»: 2019].

В итоге анализа текстов выяснилось, что они представляют собой два варианта эпоса, из которых один, как мы полагаем, более ранний, бытовал и у казахов (детальнее об этом см.: [Исхаков: 2026]). А вот второй его вариант, имеющий важные различия по сравнению с первым вариантом, сохранился, как думается, только у татар. Наше внимание будет сосредоточено именно на последнем, по нашему мнению, более позднем по времени формирования, тексте рассматриваемого эпического произведения.

В данном случае нас заинтересовал имеющийся в тексте этого варианта дастана перечень кланов и клановых вождей, отличающийся по ряду параметров от аналогичного перечня, содержащегося в первом варианте дастана о роде Чингиса. Вопрос об этих кланах и клановых вождях нуждается в самостоятельном анализе потому, что изучение его не только позволяет более точно датировать время формирования этого варианта эпоса, но и высказать некоторые идеи относительно ведущих татарских кланов Золотой Орды XIV–XV вв. А это, в свою очередь, дает возмож-

ность углубления наших представлений относительно социально-политического устройства развитой (поздней) Золотой Орды второй половины XIV–XV вв., которое было основано на клановых принципах.

В обоих вариантах изучаемого дастана речь идет о клановых вождях, за спиной которых стояли конкретные племена, находившиеся, согласно этому эпическому произведению, вокруг Чингиса (Чингисхана) изначально. Более того, эти племена фактически привели его к власти через приглашение его в ставку Алангу (Алан-Гоа) из мест, где он скрывался от недоброжелательных родственников. При этом называются разные числа кланов и клановых вождей – от 9/10 до 12/15/17. На деле базовое число предводителей кланов вначале называется как 10, затем к ним так или иначе примыкают ещё четыре клана, но позже остальных. Специальный разбор вопроса о числе клановых вождей, поехавших к скрывавшемуся от родственников Чингису показал, что первоначально их насчитывалось 9, с одним специфическим дополнением – 10 [Исхаков: 2026]. Но вот то, что набор кланов и их число в разных версиях дастана о роде Чингиса имел определенные различия, требует объяснения. В общем плане пока заметим, что данные различия были связаны с ролью конкретных кланов в социально-политической структуре вначале Еке Монгол Улуса, затем Улуса Джучи (Золотой Орды). Ранее нами уже было установлено, что список первоначальных кланов, находившихся вокруг Чингисхана со времени начала формирования Еке Монгол Улуса, в собственно монгольских источниках («Сокровенное сказание» (XIII в.), «Алтан Тобчи» Лубсана Данзана (XVII в.) иной, чем в исследуемом нами дастане [Исхаков: 2026]. Отсюда было сделано заключение о том, что в поволжско-татарских и казахских версиях данного эпического произведения больше отразилась реальность уже золотоордынского времени, в том числе и то, что фигурирующие там имена клановых вождей, зачастую данные в виде эпонимов, относятся к важнейшим кланам Улуса Джучи (Золотой Орды), какого времени – это ещё требуется установить.

Обращаясь к интересующему нас второму варианту дастана о роде Чингисхана заметим, что он имеет несколько особенностей по сравнению с первым вариантом, среди которых и предварение имен клановых вождей следующей строкой: «…имена беков периода <правления> хана Джанибека» («…Хан Җанибәкнең заманасындагы бикләрнең атлары болардур») [«Чыңгызнамә»: 2019. Б. 111]. Далее идет список биев (беков) из 17 позиций, вообще-то превосходящий по числу клановых вождей иные списки на несколько позиций, что уже само по себе заслуживает внимания. Но дело не только в этом, а ещё в том, что разбираемый список состоит только из имён конкретных знатных предводителей племен с

указанием их клановой принадлежности, хотя иногда и неясной, а также спорной.

Этот список клановых вождей уже привлекал внимание исследователей, в том числе и наше [Мустакимов: 2009а; 2009б; Исхаков: 2009б; 2009в; 2011]. При этом И.А. Мустакимов, опубликовавший в свое время фрагмент второго варианта дастана о роде Чингисхана (сейчас он издан полностью), указал на то, что некоторые имена беков из приводящегося там перечня не удается идентифицировать с известными по более достоверным источникам лицами, что он был склонен объяснять текстологическими причинами (неясность почерка, описки). Им же было отмечено, что упоминаемые в источнике знатные вожди кланов жили не только в эпоху хана Джанибека (1342–1357) [Мустакимов: 2009а. С. 123; 2009б. С. 275]. С нашей стороны высказывалось мнение о том, что само определение времени жизни клановых предводителей из фольклорного произведения может быть условным, связанным с особенностями так называемого эпического времени, которое следует воспринимать в разбираемом случае скорее как нечто вроде «в стародавние времена», нежели точная хронология [Исхаков: 2011. С. 23–24]. Поэтому, при анализе списка клановых вождей главное – не время жизни биев (беков), хотя это тоже имеет значение. Важнее сама фиксация в дастане определенной клановой структуры, которая была фундаментом Золотой Орды. Эта структура отражена в эпосе через список знатных татар времен хана Джанибека. Однако стоит учесть,что обозначенная в произведении «эпоха Джанибека» является условной и, как мы далее увидим, довольно растяжимой по времени.

Теперь обратимся к самому списку биев (беков), из-за текстологических причин (отсутствие знаков препинания прежде всего), вызывающих между исследователями некоторые разночтения (см. таблицу 1). Таких проблемных моментов там несколько. Что касается стоящей в списке биев (беков) первой фигуры Бурулдая/Бурундая, чья клановая принадлежность определена как «мангытай», то это определение можно было бы расшифровать как манг+тай, когда последняя часть термина, по монгольской традиции, скорее всего выступает прилагательным, обозначая нечто вроде русского окончания -ский. В результате получится, что клановое наименование этого вождя в данном случае будет манг/мәң/мең, то есть мы имеем дело с кланом минг/мең. В то же время нельзя полностью исключить и этноним мангыт (манг+ыт). Но это менее вероятно, ибо в списке позиция мангыт уже стоит в виде указания на клановую принадлежность Тимер бия – ак мангыт. Вызывает раздумья и клановое определение Мамая б. Аладжи (Алача), находящегося в какой-то сопряжен-

ности с идущей за ним фигурой Урук-Тимура (Үрәк-Тимур) с не ясной клановой принадлежностью. Дело в том, что этноним «кыбджак» может относиться не к Мамаю, а к Урук-Тимуру, чья клановая принадлежность тогда могла бы звучать как «кыбджак шырын». Однако, при этом Мамай останется без кланового определения, что не совсем вписывается в особенности разбираемого списка – там все вожди имеют такие определения (есть одно исключение, см. далее). Поэтому, нельзя полностью избавиться от впечатления, что после определения «кыбджак» могло стоять конкретное имя, затем однако утерянное из текста. Почему такое возможно, разберем ещё ниже. Не поддается расшифровке и термин «э.н.дж.ли» (инҗеле/илчеген), поставленный перед именем Кутлы Буги (Котлыбуги). Не исключено, что этот термин отражает не клановую принадлежность Котлыбуги, а какой-то титул (звание) данного племенного вождя. В то же время возможен и вариант, когда это определение может обозначать, как увидим далее, и наименование какого-то ответвления большого клана найман. Короче, вопрос об этом понятии нуждается в отдельном разборе, ибо Кутлыбуга занимает в списке самостоятельную позицию, поэтому по логике источника у него должна быть клановая принадлежность.

Теперь мы можем перейти к общему анализу приведенного выше списка знатных татарских вождей.

Прежде всего в данном списке надо выделить группу кланов, связанных с золотоордынскими ханом Тохтамышем (1380–1397/98) и его предками. Имеем в виду Кара-ходжу бия из клана аргын, Сарай бия из клана барын и Уренг-Тимура из клана шырын (в списке возможен, как было отмечено, и вариант «кыпчак-шырын»), являвшихся вождями личных элей (каучин) предков этого хана. Об этом есть соответствующее место в «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи [Утемиш-хаджи: 1992. С. 115; Утемиш-хаджи: 2017. С. 55]. Причем ширин Уренг-Тимур, ставший после поражения хана Тохтамыша от хана Уруса (глава Кок Орды) (1368–1377) его «улуг беком», то есть, беклярибеком, фигурирует и в «Кара таварих» Утемиша-хаджи [Утемиш-хаджи: 2017. С. 53, 58–59, 62, 67]. Там же упоминается и Сарай бек, действительно являвшийся главой клана барын [Утемиш-хаджи: 2017. С. 66, 72; Кырыми Абдулгаффар: 2018. Кн. 2. С. 77]. Аргын Кара-ходжа, фигурирующий и в дастане «Идегей» как глава аргынов [Идегәй: 1988. Б. 47, 141, 205], упоминается как один из «стариных нукеров» хана Тохтамыша под 1407 г. также у Шараф ад-дина Йезди в «Зафэр-наме» [Золотая Орда: 2003. Т. I, С. 366]. Заметим, что и у Ахсикенти в его «Межму ут-таварих» (XVI в.) есть пассаж о том, что эли «бахрин, оргун, кыпчак и байри» были вместе с ханом Тохтамышем» [Сайф ад-дин дамулло Шах Аббас Ахсикенти: 1996. С. 46]. Фактически

тут речь идет о той же «четверке» личных элей хана Тохтамыша, проблемной является лишь позиция «байри». Правда, в одном из изданий Йезди Кара-ходжа определен так: «из людей рода байри» [Шараф ад-Дин Али Йезди: 2008. С. 342]. Тогда получается, что у Йезди так поименован клан аргын, однако наименование его клана уже приведено там (оргун), поэтому это заключение относительно Кара-ходжи следует признать ошибкой данного автора и скорее «байри» это иное обозначение клана шырын (ширин). В любом случае позиции аргын Кара-ходжа, барын Сарай, шырын Уранг-Тимур и в скрытой форме – позиция «кыбжак», присутствующие в анализируемом тексте дастана, оказываются причастными больше к эпохе Тохтамыша, то есть, ко второй половине XIV в.

Ряд имен из списка относится к знатным татарским предводителям более раннего периода. Так, Джир-Кутлы, выступающий в рассматриваемом дастане как сын кыйата (катая, что ошибка) Астая, у Утемиша-хаджи фигурирует как важное лицо «во время смуты», то есть, в ходе «великой замятни», когда он выступает как предводитель, уведший «левое крыло» Золотой Орды к «берегам реки Сыр-Дарьи». Тогда же другой представитель того же клана (внимание!) – Мамай, «забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым» [Утемиш-хаджи: 2017. С. 47]. Поэтому Мамай должен быть признан не «кыбджаком», а кыйатом. У Утемиша-хаджи есть и данные об отце Джир-Кутлы – Астае (Истае). По его данным, именно кыйат Астай (Истай) совместно с салджигутом Алатаем привели Узбека в г. Сарай после смерти хана Токты в 1312 г. и возвели его в сложных условиях на сарайский престол. Видимо, именно за это кыйат Асатай (Астай) и получил в управление левое крыло Улуса Джучи (Золотой Орды), после него доставшееся его сыну Джир-Кутлу, а затем – внуку Тенгиз-Буге [Утемиш-хаджи: 1992. С. 109; Утемиш-хаджи: 2017. С. 41–43]. От этого же автора известно, что салджигуту Алатаю тогда же под управление было выделено племя минг (мең) [Утемиш-хаджи: 2017. С. 43]. Похоже, что салджигут 'Али (Гали) би из нашего списка имел какое-то отношение к Алатаю, но не к тому Алатаю из списка, который маркирован как «буркыт». А в целом получается, что присутствующие в списке клановых вождей Джир-Кутлы и Мамай оба были весьма знатными представителями клана кыйат, проживая в эпоху «великой замятни» перед приходом к власти в Золотой Орде хана Тохтамыша.

Сейчас о некоторых других лицах из нашего списка. Скажем, интересно имя Амет бия сына Исы из клана уйшын. Более чем вероятно, что под ним подразумевается Амет би, являющийся героем специального дастана, посвященного ему и включенного в состав «Дефтер-и Чингис-наме». Как явствует из этого произведения, он в свое время не поладив с ханом

Джанибеком и его женой Тайдуллой, выкрал их дочь, затем некоторое время скрывался от гнева этого хана, но после его смерти вернулся к ставшему ханом Бердибеку, при котором даже «владел половиною его юрта» [Дәфтәре Чыңгыз-намә: 2000. Б. 33–35], то есть он являлся крупной политической фигурой в Золотой Орде при хане Бердибеке (1357–1359). В ходе рассказа об этом в дастане всплывает еще одно имя, присутствующее в изучаемом списке – это кыпчак Мәңгол (Мэнгол) угылы Тимер би. Согласно дастану об Амет бии, когда его герой возвращался с места, где он до этого скрывался – а это «Идел якасында/на излучине Итиля», с ним была и дочь хана Джанибека, до того находившаяся у Бердибека. Причем по пути они вначале, зайдя уже во владения Джанибека, гостили у Темира, сына Мэнгэля. Вот он и есть, как думается, кыбчак Мәңгол (Мэнгол), чьим сыном был Темир би. В дастане об Амет бии фигурирует еще одно интересное для нас лицо – имеем в виду пришедшего разыскать скрывающегося в «излучине Итиля» Амета б. Исы алачина Алава – тут явно имеется в виду Алау из клана алчын из нашего списка. Получается, что он тоже жил при хане Джанибеке.

Так как Амет б. Иса из клана уйшын оказывается весьма важной политической фигурой, стоит присмотреться к его отцу Исе. В наших прежних работах мы отождествили его с кыйатом Исатаем (Астаем), считая именно его Иса беком, которого Ибн Баттута именовал «старшим эмиром», «начальником эмиров», то есть, беклярибеком, к тому же указав, что он является зятем хана Узбека [Исхаков: 2009б. С. 39; Исхаков, Измайлов: 2007б. С. 120]. Но с нашим мнением не согласился И.А. Мустакимов, предложив видеть в Иса беке Ибн Баттуты уйшына Ису, отца Амет бия [Мустакимов: 2009 б. С. 276]. Полагаем, что этот исследователь был прав и в отце Амет бия действительно надо видеть именно бывшего зятем хана Узбека эмира Ису из клана уйшын.

Таким же образом, можно установить историчность и фигуры 'Али (Гали) бия из клана салджигут. Как видно из «Чингис-наме» Утемиша-хаджи, во время кратковременного правления в Золотой Орде в эпоху «великой замятни» хана Базарчи (ок. 1362 г.), Тайдулла-бегим, вдова покойного хана Джанибека, способствовавшая его приходу во власть, полагая, что «Сиджуд 'Али бек, [являвшийся] … старшим эмиром», не будет этому хану «покоряться», вызвала его к новому хану и он был убит. А вот его сын по имени Хасан, приходившийся «племянником (видимо, по женской линии – Д.И.) сыну конграта Нагадая Ак-Хусейну… бежал и пришел к [нему]» [Утемиш-хаджи: 1992. С. 113]. Нам при анализе этой информации надо иметь в виду, что по данным Ибн Баттуты одна из жен хана Узбека была дочерью эмира Нангудая (Нагадая), который

вероятно является Нангудай беком, чей сын Ак-Хусейн являлся правителем «вилайета Хорезма» [Утемиш-хаджи: 1992. С. 113]. Мы также знаем, что эмир Нангудай бек уехал из г. Сарая вместе с Саййидом – Ата, сопровождая его во владение Хорезма (в Туркестан) [Исхаков: 2011 б. С. 70]. В итоге получается, что 'Али бека из клана салджигут надо рассматривать в этой связке и в общем контексте знатных татарских беков, находившихся вокруг сарайских ханов со времени правления хана Узбека и его наследников. Присутствующий в списке знатных татар из дастана о роде Чингисхана Бик би сын Казарбулат-бахадура, названный весьма красочно как «распорядитель сорока копий»/«кырык сөңгеле», будучи из клана кунграт, более чем вероятно, относится к тем же кунгратам, которые правили в Хорезме, но мы, к сожалению, не имеем более конкретной информации об этой фигуре и его генеалогии.

Из оставшихся не прокомментированными имен биев из списка татарской знати можно обратится еще к двум фигурам, для введения их в определенные хронологические рамки – это Кутлыбуга би с не очень ясной клановой принадлежностью и ак мангыт Темир би. Что касается первого из них, то из «Утемиша-хаджи» известен бек племени найман Кутлуг-Буга, находившийся в окружении Шибанида Хызыр хана в момент восшествия на сарайский престол (1360 г.), то есть тоже в эпоху «великой замятни» [Утемиш хаджи: 1992. С. 112]. Вероятно, это тот самый Cotlubuga из ярлыков Джанибека (1347) и Бердибека (1358), данным венецианцам; он же фигурирует похоже в проезжей грамоте (1354) и в ярлыке (1357), выданным митрополиту Алексею [Исхаков, Измайлов: 2007а. С. 152]. Это было важное лицо – у ал-Мухибби, мы уверены, именно он упомянут как Кутлубуга инак, с указанием на то, что он – «наместник хана Джанибека, один из [тех] четырех, которые по принятому обычаю, бывают правителями в землях Узбека». Причем переписка с ним велась по меньшей мере с 1351 г. [Золотая Орда: 2003. Т. I. С. 161]. Не исключено, что обозначение предводителя клана найман Кутлубуги, бывшего одним из карачабеков хана Джанибека, неясным термином «э.н.дж. ли» может быть связано с его статусом «инак». Но его нахождение на высокой должности карачабека в период правления Джанибека, как раз вписывает его в число одной из выделенных выше групп знатных татар, находившихся во власти в эпоху этого хана.

А вот ситуация с ак мангыт Темир бием, отец которого в нашем списке не указан, явно была более сложной. Как представляется, в его лице мы имеем дело с Тимуром б. Мансуром, внуком Идегея, умершем ок. 1484–1486 гг. Он являлся беклярибеком Большой Орды во второй половине XV в. [Трепавлов: 2001. С. 99, 123]. Само определение его кла-

новой принадлежности как «ак мангыт» могло как раз проистекать из нахождения этой части клана мангыт на западе (ак – в тюркской географической ориентации, это запад), на территории Большой Орды, в отличии от мангытов, распоряжавшихся Ногайской Ордой, занявшей земли бывшего левого крыла Золотой Орды (не исключено, что этноним «кара мангыт», известный среди ногайцев, обозначал прежде всего именно их). Но если это так, то клановая группа во главе с Темир бием, возникающая в исследуемом списке из дастана, относится уже к другой эпохе, отстоявшей от рассмотренных выше клановых групп на целый век или несколько меньше (если учесть присутствующие в списке из дастана клановые группы из окружения хана Тохтамыша). Отсюда напрашивается и другой вывод – раз в списке знатных лиц присутствует белярибек Большой Орды Темир (Тимур) из клана ак мангыт, то эта позиция, возможно, указывала в дастане на преемственную связь между Золотой Ордой и Большой Ордой, признаваемой прямым политическим наследником Улуса Джучи – «престольным юртом»/«тахт эли» [Трепавлов: 2010. С. 9].

Часть фигур знатных татар (это буркыт Алатай би, тама (тäмäн) Узэкчу, кунграт Казарбулат бахадур, джалаир Батыр би, майман (найман) Азамат (Әзмәт) би) с конкретными историческими личностями пока отождествить не удалось по источниковым причинам. Исследование этих материалов относится к числу перспективных задач, решение которых, однако, возможно исключительно при условии введения в оборот новых источников.

Какие же выводы следуют из предпринятого в рамках настоящей статьи анализа второго варианта дастана о роде Чингисхана? Они могут быть сведены к следующим моментам:

Данный список клановых вождей отражает в основном имена предводителей татарских кланов Золотой Орды XIV в., с выходом в одном случае на XV в. Но в целом мы можем заключить, что сам второй вариант дастана о роде Чингисхана в таком случае следует признать сложившимся в XIV–XV вв.

Как было установлено, в разобранном списке татарской знати целый ряд лиц (уйшын Амет би, найман (?) Кутлубуга, кыйат Джир-Кутлы, кыйат Мамай, шырын Урук (Уренг)-Тимур, ак-мангыт Темир би) занимали не просто должности карачабеков, а в большинстве своем являлись беклярибеками: кыйат Мамай би перед приходом во власть в Золотой Орде Тохтамыша был главой ее правого крыла, а кыйат Джир-Кутлы – левого крыла; ширин Уренг-Тимур вначале являлся беклярибеком у правителя Кок Орды Уруса, а затем, примкнув к хану Тохтамышу, заместил кыйата Мамая, как правитель правого крыла государства; Амет би из клана

уйшын, владевший по дастану у хана Бердибека «половиною его юрта», тоже явно был главой одного из крыльев Золотой Орды, какого – точно не известно, но скорее всего, левого крыла. А Темир би являлся беклярибеком Большой Орды. Да и другие клановые вожди из списка были видными фигурами – именно кыйат Астай (Исатай/Иса) совместно с салджигутом Алатаем не просто привели Узбека в г. Сарай, но участвовали в его интронизации. Похоже, они тоже могли быть карачабеками. Алчын Алау, выполнявший особое поручение хана Джанибека по возвращению Амет бия, тоже вряд ли был рядовым клановым вождем. А аргын Кара-Ходжа и барын Сарай наряду с сыном ширина Уренг-Тимура Тегинёй являлись при хане Тохтамыше и его родственнике Улуг-Мухаммеде их карачабеками [Исхаков, Измайлов: 2007а. С. 155]. Салджигут 'Али (Гали) би, убитый около 1362 г. по воле Тайдулла-бегим, тоже будучи «старшим эмиром», должен быть определен как один из карачабеков Золотой Орды.

В итоге, рассматриваемый список беков, хотя и приурочен к «эпохе хана Джанибека», включает – как было показано выше – преимущественно представителей высшей татарской знати XIV в., и отчасти XV в. Они являлись не просто предводителями известных в Золотой Орде кланов, а возглавляли те племена, которые можно считать элитными. И тут нам следует вернуться к их числу – как было сказано, таких кланов мы в списке обнаруживаем 17. В связи с этим числом нам еще раз необходимо вернуться к проблеме, уже обсужденной ранее в нашей публикации, посвященной анализу труда Ибн Баттуты [Исхаков: 2009а; 2011]. Речь там идет о военном параде, проходившем в 1334 г. в рамках курултая при участии хана Узбека в районе Бешдага, когда перед золотоордынским ханом с выполнением определенных церемоний прошли 17 десятитысячных (тьмов) воинских подразделений во главе со своими эмирами – темниками. Это и были элитные войска государства. К этой информации добавим, что тот же Ибн Баттута, побывавший и в Хорезме, описал проходившее там судебное заседание, имевшее место в резиденции великого эмира Кутлуг-Тимура, на котором кроме правоведов участвовали еще 8 «старших эмиров» [Золотая Орда: 2003. Т. I. С. 146]. Нами было предложено видеть в этих «страших эмирах» глав основных татарских кланов, контролировавших «вилайет Хорезма», то есть, левое крыло государства. Это скорее всего карачабеки, «сидевшие» в этом владении (с удвоением (4+4) из-за внутреннего деления войск владения на два собственных крыла). И тут пора вспомнить о том, что в дастане «Идегей» при хане Тохтамыше тоже прослеживается деление государства на «девять юртов» («тугыз йорт») и «восемь юртов» («сигез йорт»), причем последние были близки к владению Тимура. Мы предложили трактовать эти деления как указание на

число административных делений территории Золотой Орды: первые 9 «юртов» – это правое крыло, а вторые 8 «юртов» – левое крыло [Исхаков: 2025. С. 117]. В совокупности же это как раз дает цифру в 17 «юртов», которые и могли контролироваться отдельными тьмами элитных войск Золотой Орды. Об этом, например, свидетельствует существующее в источниках выражение «Крымский тумен», который по всей видимости и контролировал Крымское владение, куда входили не только полуостров Крым, но и другие прилегающие, достаточно обширные территории.

Таким образом, согласно исследованному списку из дастана, в рассматриваемое время – начиная с периода правления хана Узбека и в целом весь XIV в., элитными оказываются кланы: (1) минг (мең), (2) уйшын, (3) алчын (это – алчын-татар), (4) ак мангыт, (5) энджиле [найман], (6) салджигут, (7) кыйат, (8) кыбджак – 1-й, (9) шырын, (10) барын, (11) аргын, (12) буркыт, (13) найман (мәйман), (14) тама, (15) джалайыр, (16) конграт, (17) кыбджак – 2-й. Так как дастан о роде Чингисхана в общем посвящен обоснованию особой роли фигурирующих там клановых вождей и стоящих за ними кланов, с учетом их значимости в социально-политической структуре прежде всего Золотой Орды XIV в., к этим кланам и должно быть приковано наше внимание.

Тогда выяснится, что состав рассмотренных кланов в значительной мере совпадает с присутствующим в более раннем варианте данного эпоса составом кланов (см.: [Исхаков: 2026]). Эти совпадения относятся к кланам кыйат, конграт, уйшын, минг (мең), тамйан (это тама), кыпчак, боркыт, салджигут. Нет из раннего списка кланов кирейат, муйтан, тэленгут (тангут) (их названия использованы как эпонимы). Однако, даже с учетом этого момента, данный состав не будет полностью совпадать с перечнем изначально находившихся по «Алтан Тобчи» рядом с Чингисханом кланов, имена которых приводятся у Лубсан Данзана – это племена джалаир, чжурчжит, арулат, татар, хушин (уйшын), урянхай, сулдус, бэсут (йисут), ойрат [Лубсан Данзан: 1973. С. 91, 118, 166–169, 243]. Как видим, совпадения есть (хушин, татар, джалаир), но лишь частичное. Именно из-за этого список кланов, приводящихся во втором варианте дастана о роде Чингисхана, как и в его первом варианте, следует признать отражением исторических реалий и этнического самосознания уже золотоордынских татар и это культурно-историческое наследие к раннему монгольскому (монголо-татарскому) историко-культурному наследию имело лишь частичное отношение.

Проблема отмеченных элитных (изначальных) кланов, находившихся в Улусе Джучи и ставших там аристократическими родо-племенными подразделениями, находившимися в окружении Чингисидов как государ-

ствообразующие племена – кланы карачабеков, «делателей» ханов – до сих пор остается разработанной недостаточно несмотря на наличие монографии Ю. Шамильоглу на эту тему [Шмильоглу: 2019]. Проведенный нами анализ состава клановых вождей из второго варианта дастана о роде Чингисхана выявил большие лакуны относительно карачабеков разных периодов в Золотой Орде. Фактически мы пока из-за источниковых трудностей не имеем возможности выстроить общую картину развития системы карачабеков в этом государстве, в том числе и с выяснением смены позиций клановых вождей и их кланов в ходе прихода к власти в Улусе Джучи новых поколений Чингисидов и связанных с ними карачабеков, когда могли происходить подъемы иных кланов, по той или иной причине получивших особый статус. В частности, показательный пример тут это клан мангыт, усилившийся при Идегее и сохранивший даже после его смерти позицию элитного клана не только в Ногайской Орде, но и в Большой Орде, а впоследствии – татарских ханствах. Однако, уже отец Идегея Балтычак би являлся карачабеком в левом крыле Золотой Орды, что говорит о передвижках лишь в рамках определенного набора элитных кланов.

Таблица 1

Список клановых вождей «эпохи хана Джанибека»

№	Версия И.А. Мустакимова	Версия Р.Ф. Марданова	Версия Д.М. Исхакова
1	Мангытал Бурулдай (Бурудай)	Мангытай Борулдай	Ман[г]ытай Бурал-дай/Бурулдай
2	Уйшын Иса угылы Амет	Уйшын Гайсә углы амәт	Уйшын Иса углы Амет
3	Алджин Алав	алчын Алау	Алчын Алав
4	Ак мангыт Т.м.р би	ак мангыт Тимер би	Ак мангыт Т.М.р би
5	э.н.дж.ли Кутлу би	инҗиле (илчеген) Котлыбуга	э.н.дж.ли Кутлу би
6	с.джут ‘Али би	Сижут Гали би	с.джут Али би
7	[кытай] Астай угылы Дж.р Кутлы	кыйат Астай угылы Җиркотлы	кыйат Астай угылы Дж.р Кутлы
8	Аладжа углы би Ма-май кыбджак	Алача угылы Бима-май кыбчак	Аладжа углы би М[а]май
9	Шырын Ур[у]к-Ти-мур	ширин Үрәктимур	кыбджак шырын Ур[у]к-Тимур
10	Аргын Кара Ходжа	аргын Карахуҗа	аргын Кара Ходжа

11	Барын С[а]рай би	Барын Сарай би	барын Сарай би
12	Буркыт Алтай би	боркыт Алатай би	буркут Алатай би
13	Майман (найман) аз.мат (Р.з.мат) би	мәймән Әзмәт би	М[а]ман (найман) Аз.мат (Р.з.мат) би
14	Тама Уз.к Чу	тама Үзәкчү	Тама Уз.к Чу
15	Джалаир Б.т.р би	җәлайр Батыр би	джалаир Б.т.р би
16	Кыбджак М.нгал углы т.м.р би	кыбчак Мәңгол угылы Тимер би	кыбджак М.н.гал углы Т.м.р би
17	Кункрат кырык сунгли К.р.з. Булат бахадурнынг углы Бек би	коңграт кырык сөңгеле Казарбулат Бәһадурның угылы Бик би	кунграт кырык сунгиле К.р.з. бахадурның угылы Бек би

Список источников и литературы

1. Дәфтәре Чыңгыз-намә. – Казан: «Иман»нәшрияты, 2000. – 44 б.
2. Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. Сост., ввод. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. – М.: Типография «Наука», 2003. – 448 с.
3. Идегәй. Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. – 254 б.
4. Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ. 2011а – 228 с.
5. Исхаков Д.М. Исторические очерки. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009-б. – 164 с.
6. Исхаков Д.М. Исторические реалии в тюрко-татарских дастанах («Ак Кубэк», «Туляк и Сусылу», «Идегей», «Чура батыр»). – Екатеринбург: УрО РАН, 2025. – 208 с.
7. Исхаков Д.М. Одно из важных наблюдений Ибн Баттуты по внутреннему устройству Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посв. памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. – Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 21–27.
8. Исхаков Д.М. Татарские кланы в источнике XVII в. «Дефтер-и Чингис-наме»: к вопросу о генезисе средневекового татарского служилого сословия // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2026. Т. 16, №3. С. 14–39.
9. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Клановая структура Улуса Джучи // Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и совре-

менность / Отв. ред. И.А. Гилязов, И.Л. Измайлов. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2007-б. С. 108–143.
10. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). – Казань: РИЦ «Школа», 2007-а. – 356 с.
11. Казахский фольклор и литература в собрании русских востоковедов и тюркологов до начала XX века: нарративные источники. – Алматы: Silver Press, 2022. – 744 с.
12. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Кн. 2: Перевод / Серия «Язма мирас». Письменное наследие. Textual Heritage. Вып. 5. / перев. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 200 с.
13. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введ., ком. и приложение Н.П. Шастиной / Памятники письменности Востока. Т. X. – М.: Наука, 1973. – 439 с.
14. Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. – Казан: Татар кит. нәшр., 2011. – 331 б.
15. Мустакимов И.А. Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран / ред. кол. С.Г. Кляшторный (пред.), Т.И. Султанов, В.В. Трепавлов. – М.: Вост. лит., 2009-б. С. 273–283.
16. Мустакимов И.А. Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып. 1. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009-а. С. 122–131.
17. Сайф ад-дин дамулло Шах Аббас Ахсикенти, аның уулу Нурмухаммед. Тарыхтардың җыйнагы («Маджму ат тут-таварих»). / Котор. М. Досболов, О. Саронов, – Б.: «Акыл» мамконцерны, 1996. – 128 с.
18. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. – Тула: «Гриф и К°», 2010. – 112 с.
19. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 752 с.
20. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1972. – 222 с.
21. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскр. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная ред. И.М. Миргалеева. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 312 с.

22. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, перев., транскр., текста, прим., исследование В.Т. Юдина. Коммент. и указ. М.Х. Абусаитовой. – Алма-Ата: «Гылым», 1992. – 240 с.
23. «Чыңгызнамә»: тарихи дастаннар / төз. Р. Мәрданов. – Казан: «Милли китап» нәшрияты, 2019. – 288 б.
24. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде: монография / Перевод с англ. яз. Ч.И. Хамидовой, Р. Хаутала; отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019 – 260 с.
25. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Перев. со староузб., предисл. и комм., указ. и карта А. Ахмедова. – Ташкент: Изд-во «San`at», 2008. – 486 с.
26. Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis – Legende (Däftär-i Čingiz-nāmä). I. (Worwort, Einfűhrung, Transkription, Wőrterbuch, Faksimiles). Studia Uralo-Altaica 44. – Szeged, 2002. – 324 p.

ТӨБӘК ТАРИХЫ БУЕНЧА ФӘННИ МӘКАЛӘЛӘР

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО КРАЕВЕДЕНИЮ

Л.Ш. Гарипова, Ә.К. Булатова

СӘФӘР ЧЫКТЫМ ЕРАК ЮЛГА...
Мордовия Республикасының Атюрьево, Ельники районнарындагы татар авылларына экспедиция

85 еллык эшчәнлегенең беренче көннәреннән алып Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм сәнгать Институты татарлар яшәгән төбәкләргә фәнни экспедицияләр оештырып килә. Соңгы 15–20 ел эчендә бу эшчәнлек яңа сулыш алды: татарлар компактлы яшәгән торак пунктларны комплексы өйрәнү тормышка ашырыла башлады. Бүгенгә Татарстан Республикасы һәм аннан читтә яшәүче милләттәшләребезнең телен, халык аваз иҗатын, милли сәнгатен һәм тарихын өйрәнү максатыннан 500 дән артык торак пункт тикшерелде. Бу эш системалы рәвештә алып барыла: ел саен ким дигәндә өч фәнни экспедиция оештырыла.

Мордовия төбәгенә Г. Ибраһимов исемендәге ТӘһСИ галимнәре 2023 елдан башлап комплексы фәнни экспедициягә чыга башладылар. Өч елга исәпләнгән бу сәфәр 2023 елда Ләмбрә һәм Ромоданово районнарындагы авылларны өйрәнүдән башланып китте. 2024 елда Дубёнки, Кочкурово, Рузаевка, Инсар, Кадошкин, Торбеево, Ковылкин, Зубово-Поляна районнарындагы татар авыллары өйрәнелде. 2025 елда исә экспедиция Темников, Атюрьево, Ельники районнарына юл алды.

Мәкаләдә Мордовия Республикасының Атюрьево, Ельники районнарындагы татар авылларына 2025 елдагы сәфәр нәтиҗәләре белән уртаклашабыз.

Сәфәр эшен Атюрьево районы Кыштыру (Большой Шуструй) авылыннан башладык. Борынгы, бай тарихлы авылда безне ихластан каршы алдылар. Һәр белгечебез өчен очрашу кызыклы, мәгълүматлы булды.

Кыштыру авылына XVII гасырда нигез салынган. XX гасыр башында биредә 1500 артык кеше яшәгән, 5 татар мәктәбе эшләп килгән. Чал тарихның кайбер истәлекләре белән авыл урамыннан узганда да танышып була. Мәсәлән, кайчандыр Мәскәү шәһәрендә дә завод-фабрикалар тоткан, үз авылын гына түгел, тирә-як авылларны да эшле иткән бай-

ларның йорт, кибет биналары сакланып калган. Күбесе инде ташландык хәлдә булса да, берсендә әле бүген дә кибет эшләп килә.

Кайчандыр шаулап, гөрләп тормыш барган авылда, кызганычка каршы, яшәүчеләр саны инде бик күпкә ким. Яшьләр, туган нигезләреннән аерылып, зуррак торак пунктларга, шәһәрләргә китеп урнаша, авыл картая...

1913 елгы чыганаклар буенча авылда 3 мәчет булган. Бүгенге көндә бер мәчетләре сафта. Гомер буе укытучы булып эшләгән, 39 ел стажлы Теркулов Әхәт Абдрахман улы авылдашлары үтенече буенча мәчеттә алтынчы ел имамлык итә. Мәчет матур һәм якты. Иң мөһиме, авыл кешеләре 200 еллык тарихы булган бу мәчетнең шул вакыттагы рәвешен дә саклап калганнар, алай гына түгел, бинаның тышлык такталарына да зыян китерелмәгән. Бу исә аның борынгылыгын, тарихилыгын да, авыл халкының Аллаһ йортына мөнәсәбәтен дә күрсәтеп тора. Совет елларында клуб хезмәтен үтәгән, аннан ашлык склады булып торган мәчетне саклап калуда колхоз рәисе Теркулов Заһидулла Габидуллович (бүгенге көндә вафат) зур көч куйган – бина төзекләндерелеп сафка бастырылган.

Кыштыру авылы урамнары белән таныштырып, авылдашлары белән очрашуда ярдәм иткән өчен китапханәче Чудова Раиса Васильевнага зур рәхмәтебезне белдерәбез. Мукшы милләтеннән булган Раиса ханым шушы авылга килен булып төшеп, татар телен дә өйрәнгән, балаларына да өйрәткән. Безне каршы алганда да татар милли киемендә иде. Ул авыл тарихын да яхшы белә, һәр бина турында озын-озак итеп сөйли ала. Авылдашларының да хөрмәте зур аңа.

Кыштыру авыл җирлегенә шулай ук кечерәк Татар Тенеше, Яңа Аллагол, Кече Шуструй авыллары керә.

Татар Тенеше авылы Шуструй елгасы буенда урнашкан. Тарихи документларда Тенеш 18 йортлы авыл буларак билгеләнгән [Путешествие: 2013]. Авыл исеме төмәннәрдән булган йомышлы татарлар Тенешевлар белән бәйле булса кирәк.

Бер генә урамлы Татар Тенешендә безне укытучы Тактамышева Равилә Шәкүр кызы кабул итте, аларда басма һәм кулъязма китаплар белән дә таныша алдык.

Атюрьево районы буенча 2013 елда «Путешествие в Атюрьевский край» дигән китап та нәшер ителгән. Басмада күп татар авыллары, аларның үсеше, үзгәреше хакында күп мәгълүмат алырга мөмкин: «1919 г. – Открытие врачебной амбулатории в Усть-Рахмановке. 1935 г. – Открытие средних школ в селах Атюрьево, Стрельниково, Усть-Рахмановка, Морд. Козловка. В этом же году начали действовать первые машинно-тракторные станции» [Путешествие: 2013. С. 145].

Усть-Рахмановка – Яңа Аллагол авылы да – кечерәеп, сүрелеп бара торган авыллардан. Мәктәп 2020 елда ябылган. Авыл һәм мәктәп тарихы белән укытучы Совешова Эльвира Хәйдәр кызы таныштырды, кайбер материаллар белән дә ярдәм итте. Мәсәлән: «Мәктәп тарихы 1922 елдан башлана. Сабын заводы хуҗалары, сәүдәгәр бертуган Акчуриннар, үз йортларын калдырып, Маньчжуриягә китәләр. 1930 елларда әлеге бина мәктәп өчен җайлаштырыла. Беренче директоры – Кузьмин (исем-отчествосы теркәлмәгән), соңгы җитәкче – Минькова Зимфира Исмаиловна». Мәктәп тарихы җентекләп өйрәнелгән, башлап укыткан укытучылар, тәрбиячеләрнең һәрберсе турында мәгълүмат тупланган. Авылда матур, төзек мәчет булса да, мәчеткә йөрүчеләр инде юк дәрәҗәсендә (2013 елдан башлап имам вазыйфасын Алиулла Азизулла улы Алтышев алып бара (1957 елгы).

Яңа Аллагол авылыннан Рәмзия Хәлилова гарәп язулы кульязма дәфтәрне (Фатыйма апа дәфтәре) Мирасханәгә тапшырды. Дәфтәрдән кайбер үрнәкләр китерәбез:

Зая үткәрдем гомерләремне, уйламадым һичбер көннәрне,
Үтте гомер искән җил кебек, саргаеп беттем корган гөл кебек.
Әйдәгез бергә йөрик киң җирдә, сизми калырбыз – керербез гүргә.
Пәйгамбәрләр дә дөньядан кичкән, әҗәл ширбәтен алар да эчкән.
Әҗәл ширбәте бигрәк ачы, үлем ястыгы бигрәк каты.

Гомумән, Мордовия төбәгендә мөнәҗәт үрнәкләре бик күп очрады. Мөнәҗәт мирасы буыннан-буынга күчеп, күчерелеп килсә дә, аларны башкаручыларны, кызганычка каршы, очрата алмадык.

Фәнни сәфәребез вакытында Татар Веләзмәсе авылында да эшләдек. Һәр яктан уңган халык яши монда: бииләр дә, җырлыйлар да, тарихтан да мәгълүматлы. Алар ярдәме белән тарихи җырлар, авыл көйләре дә язып алынды, халыкның инде онытыла башлаган уеннары, йола-гадәтләре дә искә төшерелде. Татар Веләзмәсе авылында мәчет юк, ләкин хәтемнәр уку, җомгаларга йөрер өчен яңа өй бирелгән. Халык бердәм биредә, алдагы елларда мәчет манарасы күтәрелеп, азан тавышы да яңгырар дип ышанып калабыз.

Зур һәм Кече Пешләй авылларында да булдык. Зур Пешләй авылы мәчетендәге очрашуда безне мәчет имамы Вергасов Заһидулла Каюм улы авылның 1791 елгы картасы белән таныштырды. Картаның сакланышы яхшы, язулары да укырлык.

Кайчандыр гөрләп торган зур авыл инде кечерәеп бара. Янгын афәтләрен дә күргән авыл – 1937 елда мәчетләре янып көлгә әйләнә, сугыштан соңгы елларда ут чыгып, 200 дән артык хуҗалык янып бетә. 2019 елда исә буш калган мәктәп тә янып юкка чыга. Хәзерге мәчет элекке кибет

бинасын яңартып күтәрелгән. Кибет тоту үзен акламый башлагач, бина күп еллар ташландык хәлдә тора, каты җилдә түбәсез кала, кар-яңгырдан идән-түшәмнәре бетә бара. Бу хәлне күреп, Мордовия Республикасы мөселманнары Үзәк Диния нәзарәтеннән зур ярдәм итәләр, аннан инде авыл халкы бергәләшеп, акрынлык белән мәчетне сафка бастыра. Шунысын да әйтергә кирәк, бу эштә руслар да, мукшылар да читтә калмый, алар да үз өлешләрен кертә. Шул рәвешле, мәчет күтәрелә. Ул бүген дә матур гына эшләп килә. Мәчетнең элекке бинасы да фотоларда сакланып калган. Авыл халкында борынгы китапларга сак караш саклана, кулъязма китаплар белән дә таныша алдык.

Кече Пешләйдә бүгенге көндә бары 6 гына йорт калган. Ташландык өйләрне агачлар басып килә, ерактан монда хәтта авыл барлыгы да сизелми. Бу авылларда безне озатып йөргән Килдеева Сәимә Али кызы һәм авыл советы җитәкчесе Килдеев Сәет Заһидулла улына зур рәхмәтебезне белдерәбез. Алар авыл тарихын яхшы беләләр, авылдшлары белән очрашуда да зур ярдәм иттеләр.

Алга таба сәфәребез Ельников районына юл тотты. Мордовиянең төньяк-көнбатышында урнашкан әлеге районның Күгеш (Акчеево), Чуриле, Вачи һәм Шашка (Ликенье) татар авылларында булдык. Эшебезне район үзәге Ельниковта төбәкне өйрәнү музееннан башлап җибәрдек. Безне иң куандырганы – бу районның татар авыллары турында китап белән танышу булды. Ельников районы туган якны өйрәнү музее хезмәткәрләре Е.В. Никишова, Т.А. Шашанова һәм ветеран укытучы Р.К. Шехмаметьеваларның искиткеч зур тырышлыгы нәтиҗәсендә дөнья күргән күләмле «Ельниковцы: очерки о татарских селах и русском селе Кабанове» китабы [Никишова: 2023] әлеге авыллардан чыккан, авыл, төбәк тарихына битараф булмаган һәркемдә булырга тиеш дип саныйбыз. Гаҗәеп зур эш эшләнгән, әлеге китап зур чараларда да тәкъдир ителергә, таратылырга тиеш. Басма өчен берничә ел дәвамында материал тупланган: авыл халкы белән тыгыз элемтәдә торып, һәр авылның мәшһүр кешеләре белән беррәттән, авыл хуҗалыгын үстерүгә өлеш керткән беркем дә онытылмаган, һәр гади эшчегә, колхозчыга китапта урын бирелгән. Басманың кыйммәте әле еллар үткән саен артачак кына.

Әйтеп кителгәнчә, авторлар, архивларны өйрәнеп, күп материал туплаганнар. Аларның бер өлешен «Ельниковская трибуна» газетасында да яктыртып барганнар. Мәсәлән, 2020 елның 21 август санында архив һәм музей хезмәткәрләре Е. Никишова, Е. Замотаева, О. Харитоновалар «Из истории татарских сел» мәкаләсендә Күгеш, Чуриле (Чурино) һәм Иске Кадыш авылларының 1930 еллардагы хәле бәян ителә: «В начале XX века население Акчеева составляло более 900 человек (вместе с крестьянами

села Каменный Брод). В селе действовала мечеть, при которой работала школа: в ней дети учились читать и писать на арабском и русском языках, о чем свидетельствует тетрадь татарского мальчика за 1914 г., хранящаяся в музее. В селе было четыре торговых заведения, маслобойка, мельница, кузница, пожарная машина. В Чурино жили 569 человек, действовала мечеть и при ней школа, имелось зернохранилище». Шулай ук авыл кешеләре сәүдә белән дә шөгыльләнгән, ирләрнең күбесе рус һәм мукшы телен дә бик яхшы белгән. Бу исә сәүдә эшен алып баруда бик нык ярдәм иткән. Авторлар шуны да игътибарсыз кадырмаганннар. Билгеле булганча, документ алып бару эшендә рус милләтеннән булган кешеләр утырган. Шул сәбәпле, татар исемнәрен русча теркәгәндә документларда бик күп хата киткән, алга таба исә нәсел шул фамилия белән дәвам итәргә мәҗбүр була. Авторлар китапның 5 томында мондый «ялгыш»ларны төзәтеп, дөрес итеп урнаштырачакларын да әйтеп китәләр. Мәкаләдә сайлау хокукыннан мәхрүм ителгәннәр хакында шактый мәгълүмат китерелгән, андыйларның исемлеге дә урын алган. Билгеле булганча, сайлау хокукыннан мәхрүм ителгәннәр дәүләт хезмәткәре дә булып тора алмый, аларга башкаларга караганда күбрәк салым билгеләнә. Мондый хокуксызлыкка, гаделсезлеккә каршы чыкканнар да була. Мәсәлән, Акчи авылының Мещеров Айзатулла Юныс улы 1926–1927 елларда Акчи авыл советы рәисе булып тора. 1927 ел ахырларында ул авыл хуҗалыгы кооперациясе членнарына процентка акча биреп торганы өчен сайлау хокукыннан мәхрүм ителә. 1929 елда Айзатулла Ельник РБКна хокукларын торгызу буенча мөрәҗәгать итә, ләкин кире кагыла. Шуннан соң Мордовия өлкә комитетына үтенеч белән чыга. Авылдашлары арасында ул хөрмәт казанган күрәсең, 1929 елның 20 маенда үткәрелгән җыелышка, аны яклап, 120 кеше килә, 1933 елда аның хокуклары кире кайтарыла.

Китап авторларының берсе булган Румия Шехмаметьеваның үзе белән дә танышырга насыйп булды, аннан илаһи мөнәҗәт, бәетләр язылган гарәп язулы кулъязма дәфтәр күчермәсе алынды. Бүген дә Румия ханым белән элемтә өзелми, хезмәттәшлек дәвам итә.

Вачи авылында (Вачеевка) бүгенге көндә 22 кеше яши. Кечкенә генә авыл булса да, безнең өчен ул шулай ук нәтиҗәле авылларның берсе иде. Богданова Фәридә Хәсән кызы (1952 елгы) безгә әнисе Кримчеева Әйшә Садретдин кызыннан (1912–2000) калган ядкәрләрне күрсәтте. Алар арасында басма һәм кулъязма китаплар, мөнәҗәт, бәетләр, дин тарихы белән бәйле язмалар урын алган дәфтәрләр (гарәп язуында) бар иде. Алар арасыннан кайберләре:

Кулъязмада зур өлешне Аллаһны, Мөхәммәд пәйгамбәрне, нәбиләрне, изгеләрне зурлау мөнәҗәтләре урын ала:

Әүвәл Аллаһ исемене яд идәлем,
Соңра башлап һәр эшә керешәлем,
Эш башында һәркем аны яд итәр,
Ул эш Аллаһ аңа асан итәр.
Аллаһ исемен яд итеп эш башламак
Һәркемгә важиб, тиешле аңламак.
Булса Аллаһ исеме белән һәр эшең,
Бушка китмәс эшләгән һәрбер эшең.
Пакь улыр пакь исемне яд әйләгән,
Ирешер максудына Аллаһ дигән.
Чын күңелдән килегез, Аллаһ диик,
Күземездән яшь түгеп, бер аһ диик,
Шөйлә кылсак буш куймас Аллаһ безе,
Рәхмәте киң, ярлыкар барчабызны.
Бердер Аллаһ, берлегенә шөбһә юк,
Сөйләгәннәр яңлышып дөнья тулык,
Бер васыять сөйләмәкче буламын,
Ул васыять ошбудыр – тот колагың,
Һәркем аны тыңласа, тотар исә,
Ул кешедән һәр заман хушбуй исә.
Кылыр Аллаһ ул кешегә рәхмәтен,
Мәүледен-нәбине кылса хөрмәтен.
Хак Тәгалә чук яратты адәме,
Кыйлды адәмләремезин галәме.
Мәсҗед кыйлды, күп фәрештә адәмә,
Әл-Иблис кыйлмады аңа сәҗдә.
Диде: «Аллаһ, ни өчен бу игеннәрең?
Юкса бармы монда бер-бер әфкярең».
Диде: «Балчыктан яраттың син аны,
Мин ни өчен сәҗдә кыйлам аңа?» – диде.
Син мине уттан яраттың бит, диде,
Утмы артык яки балчыкмы, диде.
Куйды адәм алдына ул бер нуры:
«Бел, Хәбибем нур иде, бу нур», диде.
Диде: «Ул нур аның алдында, тор,
Калды аның ничә еллар ошбу нур...».

Әйшә Кримчеевага килгән хатлар да (гарәп язуында) кызыклы. Хатлар элемтә чарасы да, тормыш-көнитеш хәлләрен, уй-кичерешләр җиткерү, хәбәр итү юлы да булып торган. Хат шулай ук гарәп язуының узган гасырның 80–90 елларына кадәр дәвам итүнең дә күрсәткече булып тора.

Хатларны шигырь белән тәмамлау исә – күркәм традицияләрнең берсе. Әлеге хатлар да шигырь белән тәмамланганнар:

Талдан-талга кунар идем ак кош баласы булсам,
Хат эчендә барыр идем, язу карасы булсам.
Беребез анда, беребез монда, беребез Бөгелмәләрдә,
Бер-беребезне күрә алмыйбыз йөрәк өзгәләнгәндә.

Истәлек дәфтәрләренең берсендә Фатыйма Хәсән кызы Кримчееваның алып барган көндәлеген аерым атап үтәсебез килә. Бу дәфтәрдә Кадыш авылы такмак-жырулары да, бәетләр, үз шигырьләре дә урын алган. Авыл тарихына караган юллар да бар: «Мәчетебезнең манарасын төшерделәр. 1929 нчы ел, искечә 12 нче декабрьдә пилить итеп төшерделәр. Манара аугач, бар җәмәгать еглаштылар. Ничә мәртәбә килделәр төшерергә дип. Хатыннар бирмәделәр. Кадыштан [...] килеп төшерделәр». Дәфтәрдә урын алган сугыш бәетеннән өзек китерәбез:

Мәскәү каласыннан чыккач, күрдем Аршау каласын
Онытмагыз әткәй-әнкәй, кош та онытмый баласын.
Мәскәүдәге мәчетләрнең өсте агач, асты таш,
Җир астында окопларда җәта безнең газиз баш.
Нимечләр туп аталар – шәһәрләрне ваталар.
Безнең газиз башларымыз окопларда яталар.
Без окопта утырганда өскә туплар аталар.
Бәхетле ата балалары туган илдә җәталар.
Сачәк идек илләрдә, сачелдек чит җирләргә,
*Тагы да сачәк булыр идек, кайтсак ту*ган илләргә.

Дәфтәрдәге кайбер шигырь юлларына да тукталабыз.

Лачын
Бер урманда агач астында яшерен,
Качып утыра иде мескен күгәрчен.
Якыннан шул вакытта орды лачын
Җәеп селкеп канат атлы колачын.
Эченнән сөйләде шунда күгәрчен:
«Бу лачын нинди көчле кош, күрәмсең,
Көче күп, тырнагы үткен, явыз ул,
Зәгыйфьләрне ашар канлы авыз ул».

Мордовия Республикасы татар авылларында шундый мөнәҗәт тексты белән беррәттән, халык педагогикасына бәйләнешле күптөрле шигъри тезмәләр, бәетләр, шәкертләр ижатыннан үрнәкләр еш очрады. Гомумән, бу төбәккә оештырылган өч еллык сәфәрдә һәр өлкә буенча

кызыклы, зур мәгълүмат тупланды. Экспедиция кыйммәтле кулъязма һәм басма китапларны табып, аларны юкка чыгудан саклап кала алды, күп ядкәрләрнең фотокүчермәләре алынды. Татар халкының матурлыкка омтылышы, нәфис зәвыгы һәм хыялы шушы төбәккә генә хас орнаментлар белән бизәлгән кул эшләнмәләрендә ачык чагыла. Чигүле сөлгеләр, тукылган өстәл япмалары, яулыклар, шулай ук орчык, гөбе, бәләк кебек агач әйберләр төбәк музейларына күчерелеп, аларның фондларын баеткан. Бу экспонатлар ярдәмендә күп кенә музейларның «татар почмаклары» тулыландырылган, сирәк ядкәрләр югалтудан саклап калынган.

Фәнни экспедицияләр вакытында Россиянең төрле төбәкләрендә булырга туры килә безгә, кайда гына барсак та, милләттәшләребез яшәгән торак пунктларда күңелләребездә ниндидер бер җылылык хасил була. Татар авылларыбыз башкалардан ничектер күркәмрәк кебек тоела. Җирле халык белән аралашканда якын туганнарыбыз, абый-апаларыбызга булган якынлык сиземләнә. Татарстаныбыздан читтә, башка халыклар янәшәсендә яшәгән кардәшләребезнең үз телебездә аралашулары, телебезне саклап калуда үзләреннән зур өлеш кертүләре дә җанга рәхәтлек бирә.

Бу эштә безгә ихлас ярдәм иткән һәркемгә – эшне оештыручы җитәкчеләргә, юл күрсәтүчеләргә, авыл халкына – чиксез рәхмәтебезне белдерәбез. Бәйләнеш өзелмәс, хезмәттәшлек дәвам итәр дип ышанып калабыз.

Әдәбият

1. Абянов Р.В., Сафаров М.А. Темников: крепость империй. – Москва: Издательский дом «Читай», 2022. – 300с.
2. Акчурин Н.А. Здесь жили мурзы: [Усть-Рахмановка угасает. На зиму здесь остаются жилыми не более 4–5 домов] // Юлдаш. 2011. 28 сентября. С. 2.
3. Баляева Э. В селах чествовали старшее поколение: [день пожилого человека в татарских селах] // Юлдаш. 2020. 6 ноября. С. 5.
4. Большешуструйское сельское поселение // https://aturevo.e-mordovia.ru/vill/view/338 (дата обращения: 22.05.2026 г.).
5. Большой Шуструй; Нижний Пишляй; Усть-Рахмановка; Татарское Тенишево; Татарская Велязьма // Земля Атюрьевская / составители: А.И. Карьгин, С.С. Маркова; редколлегия: И.С. Андин, Н.В. Заварюхин, И.И. Келин [и др.]; фотоиллюстрации: В.С. Крайнова, Н.А. Бармина, И.С. Терешкина. – Саранск, 2001. С. 267–299.
6. Зайнеева Г.Н. По итогам научной экспедиции в пензенскую область // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения. Сборник материалов XIV Республиканской научно-практической конференции. – Казань, 2025. С. 161–167.

7. Мордовия Республикасы татар авылларына фәнни сәфәр нәтиҗәләреннән // Фәнни Татарстан, 2024. № 4. Б. 143–151.
8. Никишова Е.В. Ельниковцы / Е.В. Никишова, Р.К. Шехмаметьева, А.А. Шашанова. – Саранск: Издатель Константин Шапкарин, 2023. – 1040 с.
9. Путешествие в Атюрьевский край / авт.-сост.: Корчиганов О.В. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. – 370 с.
10. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Пензенская губерния: по сведениям 1864 года / обработан вычислителем А. Добровольским. – Санкт-Петербург: в типографии Карла Вульфа, 1861–1885, 1869. – [3], XXXV, 119 с., [1] цв. карт. // https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/83/Списки_населенных_мест_Российской_империи._Том_30._Пензенская_губерния.pdf (дата обращения: 22.05.2026 г.).

З.А. Тычинских

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ТАТАРСКОГО КУПЕЧЕСТВА В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. *Статья раскрывает историю становления татарского купечества в Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Особое внимание обращено на характер и географию торговли. Показано, что в XIX в. преимущественное положение сибирских бухарцев в торговых отношениях между Россией и Востоком ослабевает. Тем не менее крупные татарско-бухарские торговцы продолжают сохранять ведущие позиции в торговле со Средней Азией. Значимое место в публикации отводится гильдейскому купечеству и крупным купеческим кланам.*

Ключевые словы: *Тобольская губерния; татарское купечество; ярмарки; торговля; бухарцы; Айтмухаметов; Айтикины; Сейдуковы; Тушаковы; Ченбаевы.*

Пореформенный период в России характеризовался быстрым развитием отечественной промышленности и дальнейшим формированием всероссийского рынка. Эти процессы не обошли и Западную Сибирь. Во второй половине XIX в. в составе татарского населения Тобольской губернии образовалась устойчивая группа людей, занятых в сфере торговли и услуг, а также наемного труда, что является показателем его постепенного втягивания в капиталистическую экономику.

В налаживании и укреплении экономических связей между регионами Российского государства, в формировании всероссийского рынка ключевую роль играли сети ярмарок, на долю которых в XVIII–XIX вв. приходилась основная часть торгового оборота. Практически в каждой губернии ежегодно открывались и проводились одна или несколько ярмарок, игравших роль региональных центров оптовой торговли. Помимо них в уездных городах и селениях действовало множество базаров.

В первой половине XIX в. по динамике развития товарооборота в России первое место принадлежало Ирбитской ярмарке, игравшей роль крупного посредника в товарообмене между Европейской Россией и Сибирью. Здесь велась оживленная торговля товарами из Восточной Сибири (пушнина, чай), Западной Сибири (сырые кожи, овчина, сало, рыба, масло), Европейской России (мануфактура, галантерея, кожевенные, металлические изделия, сахар и пр.). В 1844 г. была учреждена Тюменская ярмарка, ставшая важным центром коммерческих операций местных татар и бухарцев. В 1884 г. в Тобольской губернии насчитывалось 72 яр-

марки, из которых самыми крупными в местах проживания татарского населения края были Ирбитская, Тюменская, Тобольская, Томская, Ембаевская и др. Отличительной чертой татарского предпринимательства была мелкая торговля, которой занималась значительная часть населения. На базарах и ярмарках в городах Тобольске, Тюмени, Таре, Омске, Ишиме и других местах татары продавали живой скот, дрова, сено, лошадиные и коровьи шкуры, мясо, сало и другие продукты животноводства, рыбу, орехи, ягоды, изделия кустарного производства (мочала, рогожи, деревянные кадушки, бочки, сани и т.д.). Важное место в торговле занимала пушнина. Часть татар занималась развозной и разносной торговлей. Торговля в основном осуществлялась в пределах волости либо уезда.

Постепенно втягивалось в систему общероссийского рынка сибирское село. В татарских деревнях открывались бакалейные и мануфактурные лавки. По данным Ф.Т. Валеева, в 1908 г. в пяти «инородческих» волостях Тюменского уезда существовали 58 мелких торговых предприятий с общим оборотом 755 700 руб., а в «инородческих» волостях Тарского уезда – 40 торговых заведений (лавок) с общим оборотом 46 900 руб. В Тобольском уезде в начале XX в. количество торговых предприятий татар, включая разносную и развозную торговлю, составляло 164 [Валеев: 1993. С. 87].

С.К. Патканов обращал внимание на то, что в конце XIX в. торговля являлась одним из главных занятий жителей Бухарской волости Тюменского уезда, прежде всего, юрт Ново-Шабабинских, Матьяровских, Ембаевских, Тураевских и Акьяровских [Патканов: 2003. С. 207]. Но при этом автор также замечал, что «большие обороты делают только купцы, составляющие высшее сословие в названных юртах». В 1885 г., по его сведениям, было 9 таких купцов [Патканов: 2003. С. 207]. Остальные торговцы имели свидетельства на мелочный, развозной и разносный торг, но обычно торговали без свидетельств сезонно, чаще зимой, занимаясь покупкой и перепродажей сена, рыбы, древесиной дуба, коней на мясо и пр. Торговые обороты татар, занимавшихся куплей и продажей лошадей, рыбы и других сельских продуктов, были очень невелики, а район действия ограничивался городом и ближайшими ярмарками. С.К. Патканов приводит данные о том, что в Тюменском уезде в конце XIX в. свидетельства на мелочный торг имели 84 торговца: в Червишевской волости – 25, в Богандинской – 21, в Яровской – 16, в Кашегальской – 2, в Бухарской – 20 [Патканов: 2003. С. 210].

В XIX в. среди татар и бухарцев Тобольской губернии встречались довольно крупные торговцы, занимавшиеся как внутренней, так и заграничной торговлей. Большинство из них принадлежало к потомкам сибир-

ских торговых бухарцев. Наиболее видными среди них были Сейдуковы (с. Ембаево, Тюменский уезд), Айтикины (Тара), Тушаковы (Тобольск).

Во многих городах они имели свои магазины, конторы и приказчиков. Крайними пунктами их торговых сношений на юге были Кульджа и Яркент, на севере и западе – Ирбит и Нижний Новгород. В феврале на Ирбитской ярмарке обычно закупались железные, кожаные изделия, различный мануфактурный товар, которые затем по выгодной цене сбывались в Семипалатинске, Верном, Ташкенте и Яркенте.

Важное место в торговле занимало сырье, которое везли в основном с юга (сырые кожи, овечью шерсть, сало и т.д.) и на которое был большой спрос на ярмарках в Тюмени, Ирбите [Патканов: 2003. С. 208]. Обороты богатых купцов только на кожах составляли десятки тысяч рублей. Менее богатые торговцы покупали шкуры на ближних ярмарках (в Ишиме, Ялуторовске и других местах), а затем перепродавали. Кроме кож, предметами торговли служили беличий и заячий мех, овечья и коровья шерсть, конский волос и т.д. [Патканов: 2003. С. 208].

Основная торговля со Средней Азией со второй половины XVIII в. велась через Троицкую крепость, а также Оренбург, который, благодаря своему удачному географическому положению, становится главным опорным пунктом продвижения России в Среднюю Азию. Татарское купечество, действуя через Оренбург, наладило постоянные торговые отношения с Персией, Индией, Тибетом, Кашгаром [Свердлова: 2013. С. 244–246].

Присоединение Средней Азии к России нанесло чувствительный удар по интересам сибирских бухарцев. Русские купцы в новых исторических условиях получили свободный доступ к рынкам Средней Азии. Они теперь уже не нуждались в торговом посредничестве бухарцев. Это привело к тому, что количество сибирских бухарцев и ташкентцев, занимавшихся торговлей среднеазиатскими товарами, во второй половине XIX в. значительно сократилось. Жесткую конкуренцию с русскими купцами выдержало лишь небольшое число купцов из сибирских бухарцев, имевших уже к середине XIX в. солидный капитал и прочные торговые и финансовые связи.

Среди них были, прежде всего, те татарские торговцы, которые принадлежали к гильдейскому купечеству. Так, в конце XIX в. к ним относились тобольские купцы 2-й гильдии Тохтасын Сафарович Айтмухаметов, торговавший мануфактурой и пушниной, Авазбек Бекшенев (мануфактура, пушнина, яловые кожи), Мухамет Алимович Тушаков (мануфактура и пушнина), Мухамет Сафар Ченбаев (мануфактурный товар). В Тобольском округе – это Абдулфатар Абдулсамсетов, торговавший мануфактурой, сырьем и пушниной и Абдулла Валат Карманалиев из Казанских

юрт Уватской волости, Мухамет Сарти и Мухамет Вали Бекшеневы, Мухамет Вали Касимов, торговавшие в юртах Ишеевских мануфактурным и розничным товаром и др. [Адрес-календарь: 1897. С. 28–30].

Большинство указанных купцов занимались внутренней торговлей. Основными центрами, где они обосновывались, были крупные сибирские города – Тюмень, Тобольск, Тара. Татарское купечество в Тобольске проживало в основном в Татарской слободе на ул. Большой Пиляцкой, где, к примеру, купцу 2-й гильдии Т.С. Айтмухаметову принадлежали два деревянных дома, а купец Тушаков в конце XIX – начале XX вв. построил каменный дом [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 353. Оп. 1, Д. 350]. Айтмухаметов также имел в Тобольске две каменные лавки [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 201], а М.А. Тушакову «на большом базаре в каменном гостином ряду принадлежала» каменная двухэтажная лавка, которая приносила купцу годовой доход более 700 руб. [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 289. Л. 4–5]. Тушаковы, как и многие другие купцы, наряду с торговлей, занимались и производством. Причем чаще всего сибирские бухарцы организовывали кожевенные предприятия. Так, к примеру, Тушаковыми было создано кожевенное предприятие в юртах Миримовских Тобольского уезда, а тобольские предприниматели Ченбаевы планировали организовать в 1917 г. предприятие в Тюмени [Валеев: 1993. С. 84; ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1182].

Во главе «Торгового дома Ченбаевых», основанного в 1875 г., стояли тобольские татары Мухаммед-Сафар и Худжатулла Ченбаевы [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И 177. Оп. 1. Д. 86. Л. 2–3]. Магазины и торговые склады Ченбаевых находились в Тобольске и Сургуте. Предметами их торговли были разнообразная мануфактура, меха, кожи, скот. Через своих агентов они в большом количестве заготавливали пушнину и крупными партиями вывозили ее за границу. О размахе торговли Ченбаевых в начале XX в. говорит то, что в 1910–1912 гг. в магазинах Ченбаевых, расположенных только в Тобольске, работало свыше 20 приказчиков [Валеев: 1993. С. 89].

В Сургуте торговлей мануфактурным товаром занимался инородец Ишмухамед Мухаметурзиев, а в с. Кондинском активную торговлю пушниной, мануфактурным и прочим товаром вел Рейнгулов Мухамет-Шарып Маметов [Адрес-календарь: 1897. С. 43].

По сведениям С.К. Патканова, в конце XIX в. в Тюменском уезде к купцам 2-й гильдии относились в Кашегальской волости 1 человек, в Бухарской – 9 [Патканов: 2003. С. 210].

В Тюмени галантерейной торговлей занимались екатеринбургские купцы Агафуровы («Торговый Дом Бр. Агафуровых») через доверенного Г.Н. Барлата [Адрес-календарь: 1897. С. 27].

Крупными торговцами в Тобольской губернии в начале XX в. были тюменские бухарцы Абдулкабир Муртазин и братья Мирсалимовы, отделения торговых фирм которых находились в Тюмени и Семипалатинске. Предметами торговли указанных бухарцев являлись кожа, шерсть, козий пух, мануфактура, бакалейные и галантерейные товары, скот. Они также являлись крупными производителями товарного хлеба, вывозили хлеб для продажи как на внутренний рынок, так и за границу [Патканов: 2003].

К верхушке татарского купечества относились известные тарские купцы 2-й гильдии Айтикины (Айтыкины): Абдул-Мечуп Маметьевич (мануфактурный торг), Наср-Этдин Ниясович (чайная и железная торговля), Рахматулла Ниясович, Абдул-Малик Абасович (галантерейный и мелочный товар), Сеит Хоромшакович (мануфактурная торговля) [Адрес-календарь: 1897. С. 39].

Первые представители бухарцев Айтикиных после переселения в Сибирь и принятия российского подданства занимались меновой торговлей российскими товарами в казахских степях. По мере накопления и увеличения капиталов, они перешли к караванной торговле. Караваны Айтикиных бывали в Бухаре, Коканде, Ташкенте и других городах Средней Азии. Айтикины успешно конкурировали даже с крупными русскими торговцами.

Айтикины одними из первых среди бухарцев развернули в XVIII в. широкую торговлю с Китаем. Известно, что в 1828 г. Нияз Айтикин по поручению генерал-губернатора Западной Сибири открыл новый, более короткий караванный путь от Омска до Коканда. Во второй половине XIX в. крупные партии товаров Айтикины отправляли через порты Балтийского моря в страны Западной Европы. Они имели галантерейные, гастрономические и мануфактурные магазины в Павлодаре, Семипалатинске, Верном, Таре. Торговали традиционными китайскими товарами – чаем, столовой посудой (фарфор, фаянс), шелковыми и шерстяными тканями. В 50-е гг. XIX в. Айтикины в компании с крупными русскими купцами вели торговлю в Чугучаке, Кульдже, Кяхте [Валеев: 1993. С. 88].

Известный род тюменских купцов и меценатов Сейдуковых происходил от бухарца Ашрафа, переселившегося в район Тюмени. Его потомок Карымшак Сейдуков, благодаря удачной торговле с казахами за относительно короткое время стал одним из самых богатых купцов Тобольской губернии.

Основными предметами торговли Сейдукова были восточные товары. Из Китая он привозил кирпичный чай, пряности, а из Средней Азии – ковры, шерстяные и шелковые ткани, сушеные фрукты, которыми торговали на ярмарках в Ирбите, Нижнем Новгороде, Павлодаре, Се-

мипалатинске, Петропавловске и других городах. Магазины и склады товаров Карымшака находились в Тюмени. Продолжили дело отца его сыновья: Нигматулла, Рахматулла и Хабибулла Сейдуковы. Братья Сейдуковы значительно увеличили доставшийся им по наследству капитал, открыв новые галантерейные магазины в Алма-Ате, Зайсане, Каркаралинске, Чугучаке [Валеев: 1993. С. 87]. Сейдуковы были тесно связаны со многими крупными торговыми фирмами Москвы, Петербурга и других городов [Валеев: 1993. С. 87].

Татары и бухарцы играли важную роль в налаживании торгово-экономических связей со странами Востока, способствуя росту авторитета России в этом регионе и укреплению позиций торгового капитала на рынках Средней Азии. Бухарское купечество поощрялось властью почетными званиями, наградами и т.д. Так, к примеру, ряд бухарских купцов был удостоен звания «почетный бухарец» [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. И-177. Оп. 1. Д. 86. Л. 3; ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 353. Оп. 1. Д. 350. Л. 1, 5], а во время посещения в 1891 г. Тобольской губернии цесаревичем Николаем отдельную делегацию составили депутаты от бухарцев, в которую вошли голова Бухарской волости Тобольского уезда Абдул-Муталипов и купцы Айтмухметов, Тушаков и Мухамет-Алеев. К. Абдул-Муталипов и Т. Айтмухметов были удостоены цесаревичем медалей на Станиславской ленте [Ухтомский: 1897. С. 128–133].

Российские татары и бухарцы, являясь посредниками и одновременно активными участниками российско-восточной торговли, расширяли сферу экономических интересов России на Востоке. Однако внешняя торговля была доступна лишь небольшому числу татарских предпринимателей. Основная же масса мелких, средних и даже крупных торговцев ограничивались торговлей внутри России.

Литература и источники

1. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1897 г. / изд. А.А. Крылова. Тобольск: Губернская типография, 1897. – 252 с.
2. Валеев Ф.Т. Сибирские татары. Культура и быт. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. – 208 с.
3. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в Тобольске (ГБУТО ГА в Тобольске). Ф. И 177. Оп. 1. Д. 86.
4. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 37. Д. 289.
5. ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 353. Оп. 1. Д. 350.
6. Патканов С.К. Сочинения: в 5-ти т. Тюмень: Мандр и К, 2003. Т. 1. Экономический быт государственных крестьян Богандинской, Бу-

харской, Кашегальской, Червишевской и Яровской волостей Тобольской губернии / сост. Ю. Мандрика. – 304 с.
7. Свердлова Л.М. Российские ярмарки // История татар с древнейших времен: в 7-ми т. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. Т. 6. С. 243–253.
8. Ухтомский Э.Э. Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891): в 3-х т. СПб. – Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1897. Т. 3. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. LXIX+387 с.

Күңел дәфтәреннән

Фәрид Хәкимҗан

МАТУР ЯҢГЫРАШЛЫ ИСЕМ – БИШБАЛТА

Кайберәүләр үзен аңлый башлаганнан алып, гомер буенча үзе белән булган хәл-вакыйгаларны, күргән-белгәннәрне, чынын-гайбәтен кәгазьтә төшереп баралар. Көндәлек буламы ул, куен дәфтәреме – анысы мөһим түгел.

Турысын әйтим, андый «маһирлык» минем башыма да килгәне булмады. Чөнки көне буе урамда уен уйныйбыз, эңгер беленә башлау белән, ике ишегалды арасына өелгән бүрәнә өстенә утырып, кем нинди мажаралы вакыйгаларны белә, шуларны тыңлыйбыз, яисә фонарьларыбызны яндырып, китапханәдән алып кайткан мажаралы әсәрләрне укыйбыз – өйгә дә караңгы төшкәч кенә көч-хәл белән чакырып кертәләр. Күк ияләре «кирәк» дип санаган нәрсәне хәтер төбенә салып барганнар, баш миенә сеңдереп килгәннәр, юк-барны шундук җилгә очыра торганнар. Шунлыктан укучылар игътибарына тәкъдим ителгән бу язмалар күңел дәфтәреннән алынган язмалар гына. Бер-бер җире ябышып җитмәгән булса, яки башка кимчелекләре баш калкытса, гафу итәрләр дигән өметтә калам.

Кайчандыр Казан ханлыгының пайтәхете, аннары XVI йөз уртасында Рәсәй патшасы Явыз Иван җитәкчелегендә килгән олы яуның дәһшәтле һөҗүме нәтиҗәсендә җимерелеп, халкы кылычтан үткәрелеп, янгыннар сөреме, кан ерганаклары эчендә хәрабәдәй калса да, Казан каласы әкренләп нәфес ала башлый, тернәкләнеп, аягына баса. Әмма канлы кырылыштан исән чыга алып, авылларга кача алган кешеләрне исәпкә алмаганда, үзен казанлы дип санаган татарларга Казанга керү катгый тыелган. Нәтиҗәдә, шәһәр тирәсендә бистәләр оеша башлаган, тулы тормыш белән көн күргән авыллар да аерым бистәгә әверелгәннәр яисә башка бистә эченә кереп китеп, үзгәреш кичергәннәр.

Заманыбызның иң матур шәһәрләреннән саналып килгән Казанның мең еллыгын үткәрү вәсиләсе белән алып барылган әзерлек ыгы-зыгылары 2005 нче елга якынлашкан саен, бәйрәм алды дулкынлануы тагын да көчәя барды. Казанның данлыклы тарихын төрле яктан яктырткан яз-

малар, китаплар, альбомнар басылып чыкты. Шәхсән үземне, Иске Татар бистәсендә туып үскәнгә күрә (гәрчә эчтәлекләрендә аерма зур булмаса да), татар бистәләре хакындагы хезмәтләр күбрәк кызыксындырды. Бигрәк тә «Бишбалта» дигән кызык һәм күңелгә ятышлы исем белән аталган татар бистәсе. Төрле чыганакларда төрлечә – йә бистә, йә авыл дип атаулары бу кызыксынуга ут кына өстәделәр. Татар энциклопедиясе булганда (җитмәсә, 1989–1992 елларда «Татар Совет Энциклопедиясе» Баш редколлегиясе карамагындагы Татар энциклопедиясе бүлеген оештырып, аның мөдире вазыйфасын да башкаргач), ник баш ватып торырга, дидем дә, Татар энциклопедиясе сүзлегенә [Татар: 2002. Б. 107] күз ташладым.

Әһә, дип әйтәм, мин үз-үземә, димәк, «Бишбалта бистәсе» буларак кабул иткәннәр икән. Казансу тамагының сул як ярында урнашкан борынгы Бишбалта авылы янәшәсендә барлыкка килгән; рәсми исеме – Адмиралтейская слобода, халык аталышында – Бишбалта бистәсе икән. Бу үзгәрешләр 1718 елда Казанда Адмиралтейство – хәрби караблар төзү үзәге – оештыру белән бәйле рәвештә тормышка ашырылганнар.

Шушы ук оешма, ягъни Татарстан Фәннәр академиясенең Татар энциклопедиясе һәм төбәк тарихын өйрәнү институты нәшер иткән махсус хезмәткә – Казанның тарихи районнары, бистәләре, урамнары, мәйданнары һәм парклары турында энциклопедик белешмәлеккә – күз салыйк [Казань: 2021. Б. 60–62]. Монда бүгенге Киров районында Казан ханлыгы чорында ук билгеле булган Бишбалта авылы урынында (!) Адмиралтейство бистәсе (ул хәзерге көндәге Клара Цеткин, Урак һәм чүкеч, Урицкий урамнары урыннарын биләгән) оештырылуы хакында сүз бара. Сүз ачылгач, монысын да искәртик, Бишбалтада яшәүче Г. Хисаметинов язуынча, «XX гасыр башларында Бишбалтага Большая урамы (10–75 нче йортлар), Карельская, Брюсов, Вәисов урамнары территориясе кергән» [Хисаметдинов: 2024. Б 130]. Һәм бу авыл Казансуның уң (?) ягында икән. Бишбалта исә бистә буларак телгә дә алынмый. Бу темага багышланган барлык хезмәтләрдә дә Бишбалта авылында Казан ханлыгы чорында ук балта осталары яшәгәнлеге һәм аларның төрле-төрле көймәләр, караблар төзүләре хакында хәбәр алга сөрелә. Ләкин шунысы кызганыч, моны раслаган бер генә тарихи чыганак та китерелми. Шулай булгач, авылның исеме белән Казансу елгасы буенда XVIII йөзнең беренче чирегендә Россия патшасы Петр I нең әмере нигезендә, Адмиралтейство оештырылу төп дәлилләр булырга хаклы дигән фараз кабул ителә кебек.

Казанның бистәләре белән тәфсилләп таныштыру максатында язылган тагын бер китапка күз салмый үтү гөнаһ булыр иде. Бу – төбәк тарихчысы Р. Бекбулатов белән язучы Р. Мостафинның 2001 елда басылып чыккан «Казань и ее слободы» китабы (2 нче басмасы 2016 елда чык-

ты) [Бекбулатов, Мустафин: 2001. С. 117–120]. Авторларның Бишбалта мәсьәләсен «Что такое Бишбалта?» башлыгы астында аерым бүлекчәдә караулары аның бистә атамасына ия булмавын тануларын күрсәтә [Бекбулатов, Мустафин]. Төрле авторлар сүзләрен кайчандыр Бишбалта төбәгендә танылган археологыбыз һәм тарихчыбыз А.Х. Халиковның казу эшләре алып барганлыгын, һәм, шуңа таянып, авылга моннан мең ел элек нигез салынуы фикерен алга сөрәләр. Кыска гына итеп булса да аларның фикерләрен санап китү зарар китермәс дип уйлыйм:

1) Бишбалта, ягъни биш балта (алар «пять топоров» дип тәрҗемә генә ясап куялар) авылда балта осталары яшәгәнлегенә ишарә ясый, имеш (ә нигә балтачы яки балтач түгел?). Димәк, иң элгәре чаклардан ук, бу авылга агач белән эш итүчеләр, төрле су көймәләрен ясаучы балта осталары тупланганнар – биредә төпләнергә җыенган кешеләр тик торганда гына Бишбалта исемен куймаслар бит (!?);

2) Бу сүзтезмәнең асыл мәгънәсенә төшенер өчен, «биш» санына дикъкать итәргә кирәк: Шәрыктә ул изгелек төсмеренә ия саннардан санала икән: борынгы төркиләрдә Тәңрегә биш баш оруы (эндәше) булган икән, Исламда биш төп дини кагыйдә (шарт) бар, ә Мәккәдәге Үзәк мәчет биш манаралы һ.б. Бишбалтадагы «Йосыф» мәчете дә биш манаралы итеп салынган булган, җирле халык аны «Бишбармак» дип йөрткән;

3) Авыл халкы өчен «биш» санының исеме аеруча мәгънәле саналган, шул нигездә, мәсәлән, Бишбатман, Бишкүмәч, Бишмунча, Бишбаш, Бишай һ.б. ясалган. «Балта» сүзенең сугыш коралын аңлатканлыгын да өстәп, авторлар авылның исемендә андый-мондый афәт туса, авылның бирешмәслеге хакында да сүз йөртәләр.

Р. Бекбулатов белән Р. Мостафин уй-фикерләрен 3 төргә туплаганда, зиһенемдә моннан шактый еллар элек, «Татарстан яшьләре» газетасында эшләгән чагымда (1971 нче елда сыман), Мәскәүдән журналистика өлкәсендә азау теше чыккан берәү килеп, мастер-класс үткәргән иде. Аның исеме истә калмаса да, «Журналист отличается от писателя тем, что писатель выдумывает, а журналист имеет право только додумывать» дигән сүзләре хәтергә уелып кергән. Әлегә «Бишбалта» топонимына (атамасына) тукталмыйча, «язучы кеше белән журналист кешеләрнең фикер йөртү үзенчәлекләре бер-берсенә карышып китмәдеме икән?» дигән шөбһә башын калкыта башлады. Беренчедән, авылның урнашкан җирен төрле язмаларда төрлечә белдерә башлыйлар: Адмиралтейство бистәсе Бишбалта авылы урынында оеша; Адмиралтейство бистәсе Бишбалта янәшәсендә барлыкка килә; 1718 елда Казан астында урнашкан Бишбалта авылында Адмиралтейство төзү турында Указ; Идел яры буенда Бишбалта (Пять топоров) дип исемләнгән авыл барлыкка килә һ.б. Ә авыл исә

Казансу (Туры Казан тармагы) ярыннан 1–1,5 чакрым, ә Иделдән 7 чакрым ераклыкта урнашкан була.

Төрле язмаларга, китап-журналлардагы бәяннарга караганда, бу татар авылының төп халкы агач кискән, балта кулланып, агач йортлар салган, суда йөзү җайланмалары, төрле-төрле көймәләр төзегән. Бишбалта халкы Казан кирмәненең агач диварын торгызуда, шәһәр эчендә төрле корылмалар салуда катнашкан. Шулаен шулай да... Моңа ышанырга да мөмкин, җитмәсә, якында гына куе урман гөрләп үсеп утыра, елга да әллә ни ерак түгел. Тарихи чыганак булмау гына боларны матур риваятькә калдыра. Юкка гына, тарих фән. канд. Р. Султанов: «Предполагаем, что не позднее второй половины XIV в. здесь уже существовало развитое судостроительное производство, а к XV в. селение (монда сүз «Бишбалта» авылы хакында бара – Ф.Х.) становится большим населенным пунктом, где основное население занималось строительством торгового и военного флота» [Султанов; 2004, б. 116], – дип язып, сүзен фаразлау яссылыгында гына алып бармыйдыр.

Икенчедән, иң әүвәле, авылга нигез салганда, аңа «Бишбалта» исеме бирелү шик тудыра, чөнки бу кушма исемнең мәгънәсе «балта осталары» төшенчәсен бирә алмый. Ул күбрәк эмблема, символ үзенчәлегенә ия. Халыкта «Балтач» / «Балтачы» кебек сүзләрне куллану да бар бит әле.

Ә нигә Бишбалта, Җидебалта түгел?

Югарыда биш санында изгелек төсмерен табып, Ислам дине белән бәйләү хакында да әйтеп үткән идек. Дин белән биш санының (русчалатып әйтсәк, цифраның) яки ул сан исеме «биш» сүзенең никадәр изгелеге бар – анысын белмим, гөнаһысына керәсем килми. Әйе, ислам диненең биш шарты бар, болар – шәһадәт итү (ягъни Аллаһның барлыгына һәм бердәнбер, Хәзрәти Мөхәммәднең Аллаһның пәйгамбәре икәнлегенә ышану), намаз кылу, зәкать бирү, ураза тоту, хажга бару. Бу таләп «Ислам биш әсаска бина кылыньмыш...» дип башланган хадистән алынган [Islami: 1981. Б. 126–127]. Моның белән бергә ышануның нигезен тәшкил иткән Иманның шартлары да бар, әмма аларның саны алты: Аллаһка ышану (монысы ислам шарты бедән тәңгәл), фәрештәләргә ышану, китапларга ышану, пәйгамбәрләргә ышану, ахирәт көненә ышану, тәкъдиргә ышану [Имам Абдрахман Кайа: 1992. Б. 8; Islami: 1981. Б. 112–113]. Бозылган яки бөтенләй юкка чыккан китапларны искә алмаганда, бүгенге көндә илаһи китаплар дип 4 китап санала. Болар – Зәбүр (ул Хәзрәти Даудка иңдерелгән), Тәүрат (Хәзрәти Мусага иңдерелгән) һәм Инҗил (Хәзрәти Гайсәгә иңдерелгән), ә Корьәни Кәрим пәйгамберебез Мөхәммәдкә иңдерелгән [Имам Абдрахман Кайа: 1992; Islami: 1981. Б. 108–109]. Алдан исемнәре

телгә алынган 3 китап соңыннан төрле сәбәпләр аркасында үзгәртүләргә дучар ителгән булсалар да, илаһи, асыл бөек китаплардан саналалар.

Ислам дөньясының кальбе саналган Мәккәдәге әл-Харам мәчете (Кәгъбә ташы аның эчендә), чынлыкта, Бишбалта хакында язучы кайбер авторлар язган кебек, 5 манаралы булмаган, ә 6 манаралы [карагыз: ru.wikipedia.org/Wiki/Мечеть_аль-Харам]. Истанбулдагы Зәңгәр мәчетне дә 6 манаралы итеп эшләткәч, Мәккәнең имамы моны мокатдәс нәрсәне мыскыллауга санап, манаралар санын арттыруны таләп итә. Шуннан соң солтан Әхмәт әл-Харам мәчетенә җиденче манара эшләтә. Соңрак мәчетне яңарту, үзгәртү эшләре вакытында манаралар саны 9га җиткерелә. XXI йөз башындагы үзгәртүләрдән соң мәчетнең манаралары саны тагын икегә арта.

Гомумирәк алып караганда, сүзтезмәдә яки җөмләдә сан исеме кулланылганда, ике төрле мөмкинлекне истә тоту зарур (ә бу зарурлыкның асылында кешенең фикерләү үзенчәлеге, аның акыл дәрәҗәсе үсү ята). Нух пәйгамбәр заманнарында күз күреме колачлый алган нәрсә бер данә (аңа бәйле берлек төшенчәсе яши), ә аның тышындагысы – ике, ягъни күп. Акыл арткан, камилләшкән саен, күплек (җәмгылык) төшенчәсен башка сан исемнәре белән күрсәтү дә гадәткә кереп китә. Икенче төрле итеп әйтсәк, сан исемнәренең эчтәлеген берәр әйбернең данә күплеге түгел, ә фәлсәфи аңламдагы күплек (аңа җәмгылык дип тә әйтергә мөмкин булыр иде) тәшкил итә. Мәсәлән, без сөйләмебездә «ике уйлап тормыйм» тәгъбирен кулланабыз икән, бары тик 2 мәртәбә генә уйлауны күз уңында тотмыйбыз, ә озак иттереп, күп уйлауны төшенәбез.

Ономастикага бәйле сүзләрдән санлы атамаларны карасак, аларда күбрәк (әмма һәрвакыт түгел) конкретлык, данәлек чагылыш таба, карагыз: Өчиле, Өчнарат, Өчмунча, Дүртмунча, Дүртөйле, Бишмунча һ.б. авыл исемнәре. Җиде кизләү кебек атамаларда исә өстәмә тикшеренүләр үткәрмичә, данә мәгънәсеме, күплек мәгънәсеме өстенлек иткәнен әйтүе читен, чөнки татар телендә «җиде» сан исеме күплек мәгънәсендә гаять тә актив кулланыла, мәсәлән: «Җиде ятып, җиде уянгач, җиде төн уртасының җиде юл чатында торган теге кешеләрне җиде иләктән үткәреп, җиде бабаларын таныттым».

Бишбалта сүзенә кире кайтсак, «биш» сүзе балтаның биш данә булганлыгын яисә балталар күп булганлыган аңлатудан тыш, башка фикер тумый. 1994 елда «Казан» журналының август ае санында танылган язучыбыз Җәвад Тәрҗемановның Бишбалта авылының килеп чыгышы хакында риваяте басылган иде. Ике яшьнең мәхәббәте тарихына багышланган бу әсәрдә язучы Бишбалта авылы хакында болай дип яза: «Авылның исемен алар үзләренең эш коралы – балта исеме белән атыйлар. Оста егетләрнең биш балтасы була, шулай итеп алар авылга Бишбалта дигән

исем бирә һәм аның даны еракларга тарала» (әсәрнең тексты алынды: [Хисаметдинов: 2024. Б. 7]).

Бишбалта сүзе кайдан килеп чыккан?

Борынгы рус елъязмаларын караганда, кызык һәм файдалы мәгълүматларга тап булырга мөмкин. Мәсәлән, Казан ханлыгы чорында, 1551 елның 14 августында Казансу белән Идел кушылган җирдә Казан ханлыгын Россиягә кушу турында проектны тикшерү оештырыла. Анда Казан ханы Шаһгали, руханилар Кол Шәриф сәет Мансур улы, шәйехләр, хаҗилар, дәрвишләр, Худай Кул җитәкчелегендә угланнар, Нургали улы Булат Ширин җитәкчелегендә кенәзләр һәм морзалар катнашалар [Пресняков: 1893. Б. 179–180; Худяков: 1991. Б. 137]. Мәскәү ягыннан катнашучыларны да искә алганда, бу корылтайда бик күп кеше катнашкан булып чыга. Рус Елъязмаларының Тулы Тупламасында исә мондый сүзләр теркәлгән: «Царь Шигалей и все царя и великого князя воеводы приехали на казанское устье (Казансу елгасын чыганакларда Казан дип кенә атыйлар – Ф.Х.) и стали от Волги и до Бежеболды, а вверх две версты, а за Казань вниз до Царева луга» [ПСРЛ. Т. XIII:1904. Б. 168]. Бу авылның исеме тагын бер вакыйгада телгә алына. 1552 елның 9 мартында Мәскәү белән Казан арасындагы килешү нигезендә Казанга рус идарәчесе килергә тиеш була. Нәкъ шушы көнне Казандагы Мәскәү тарафдары булган хөкүмәтне бәреп төшереп, кенәз Чапкын Отучев җитәкчелегендә яңа хөкүмәт оеша. М. Худяков бу вакыйганы түбәндәгечә бәян итә. «Шәһәрдә бар да тыныч иде. – дип яза ул. – И. Черемисинов казанлыларның ант бирүләрен дәвам иттерде. Идарәче Бежболдага (Адмиралтейская бистәсе урынында урнашкан авыл) җиткәндә (ул Зөядә туктаган була – Ф.Х.), аны озатып килүче өч казанлы – Ислам кенәз, Кебек кенәз һәм морза Аликә Нарыков (мәрхүм Чура Нарыковның кардәше) аннан алга барырга рөхсәт сорадылар» [Худяков: 1991. Б. 143]. Елъязмалар Тупламасында исә бу вакыйга болай бирелгән: «И как на Бежболду воеводы приехали и поехали наперед в город от воевод Ислам князь, да Кебек князь да Аликей мурса Чурин брат Нарыкова» [ПСРЛ. Т. XIII:1904. Б. 176]. Монда күзгә ташланган нәрсә – тарихи чыганакларда «Бежболду» дип исемләнгән авылның М. Худяков тарафыннан «Бежболда» дип атавы һәм Адмиралтейство бистәсе урынында урнашканлыгын төгәл күрсәтелү. Ә Адмиралтейство бистәсе хәзерге Клара Цеткин, Урак һәм Чүкеч, Урицкий урамнары җирен үз эченә алган булган [Казань: 2021. С. 60].

Минем хәтердә калган тагын бер вакыйга бар: 1974 нче елда, Мәскәүдә СССР Фәннәр академиясе Тел белеме институты аспиранты булган вакытта, 1722 нче елда Петр I нең Фарсы иле белән сугышка барганда Шәһре Болгарда тукталып, андагы борынгы ядкарьләр белән танышуы, авып

төшкән Бөек манараны торгызу өчен кирәкле эшләр башкарырга әмер биреп, 50 данә болгар каберташ язмаларының текстларын кунсткамерасы өчен күчереп алырга (янында ахун Кадыйр-Мөхәммәд Сөнчәләев белән бистә тылмачы Йосыф Ишбулатов та була) кирәклеген әйтеп калдырганлыгын хәтерләп, Тышкы эшләр министрлыгының Борынгы Актлар архивына киткән идем. Подполковник Савенков һәм геодезия белгече Крапивин папкасын табып [Хакимзянов: 1987. Б. 5–8], миңа кирәкле язманың фотокопиясен эшләгәннәрен көткәндә, папкадагы төрле-төрле кәгазьләрне карап утырдым. Шунда ярты дәфтәр бите зурлыгындагы бер кәгазьдәге бер сызымда берничә күл билгесе ясалып, араларында «Бежболдино» дип язылган торак урыны күрсәтелгән иде. Ул вакытта, күп уйлап тормыйча, моны үземнең дәфтәремә «Бишбулды» дип тә өстәп язып куйган идем.

Чыннан да, иске заманнарда татар гаиләләрендә бишенче ир бала тугач, аңа «Бешболду» исемен бирү гадәте булган. Тел белеменең тарихи фонетика законнары нигезендә, аваз үзгәрешләрен искә алганда, хәзерге заман татар телендә ул «Бишбулды» булып яңгырый; русча тәрҗемәдә «Беш» кисәгенең «Беж» итеп үзгәреше тел алды өрелмәле саңгырау «ш» авазының җирле сөйләштә яңгыраулашканын күрсәтә, җитмәсә, янында яңгырау «б» авазы да бар). Нәтиҗә итеп шуны әйтергә мөмкин, бу авылга беренче булып нигез салучылар аңа «Бешболду» (Бишбулды) ир кеше исемен биргәннәр булыр.

Ә «Бишбалта» исеме кайдан һәм ни заман килеп чыккан соң? Тел белемендә халык этимологиясе дигән төшенчә яшәп килә. Икенче төрле аңа ялган этимология дип тә әйтәләр. Мондый күренеш сөйләүче кешенең аңлашылмаган яки бераз гына аңлашылган сүзне аның яңгырашына гына нигезләнеп (тарихи яктан акланмаса да) аңлатырга тырышканда барлыкка килә. Безнең язучылар мондый ысулны еш кына көлке тудыру өчен кулланалар, мәсәлән, Тажи Гыйззәтнең «Чаткылар» пьесасында тикшерүченең әбидән сорау алу күренешен укып карагыз.

Ул еш кына диалекталь, искергән яки алынма сүзләрне «мантыйклы» итеп аңлатканда яисә исемнәрне, атамаларны кыскартканда хасил була. Казаның җәяүлеләр өчен яраклаштырган Бауман урамын күпләр белә. Ә менә аның нәкъ урта бер җирендә тышкы кыяфәте белән дә башка биналардан аерылып торган Матбугат йортын (хәзер анда «Ногай» кунакханәсе) хәтерләмәүчеләр дә бардыр. Менә шул йортта Казанда нәшер ителә торган һәммә газета-журналларының редакцияләре, Татар китап нәшрияты, Татарстан китап палатасы, Татарстанның матбугат министрлыгы, Татарстан Журналистлар берлеге һәм тагын әллә нинди оешмалар эшлиләр иде. Икенче катның бер почмагында Татарстан язучылар берлеге җирләшеп, Тукай клубын да гөрләтеп яшиләр иде. Мин 1969–1972 елларда «Татар-

стан яшьләре» газетасында эшләгән чорда, Берлек ай саен дивар газетасы чыгара иде (исеме «Тынгысыз каләм» иде кебек). Язучылар берлегенә генә түгел, гомумән, бинадагы башка берәр оешмага килгән кеше шул газетаны укымый китмәгәндер дип беләм. Бигрәк тә, «Батулизмнар» бүлеген. Бу атаманы ел саен 1 нче апрельдә Көлке бәйрәме оештырып мәш килгән Рабит әфәнде Батулла үзе уйдырдымы икән, әллә берәрсе шыттырдымы – аныңсыныңгөнаһысына керә алмыйм – хәтерләмим, әмма «батулизм» термины җәһәт таралып өлгерде. Анда халык этимологиясе күренеше ярылып ята иде: Ә сез беләсезме? дигән сорау куела да, яңалыклар тезелеп китә. Имеш, «трамвай» сүзе татар сүзе икән. Казанда трамвай йөри башлагач, салкын бер көндә тукталышта суыктан туңа башлаган затлы гына киемле бересе янына икенчесе килеп: «Торасыңмы, бай?» – дип сораган, ди. Тегесе, салкыннан авызларын бөрешетереп: «Торам бай, торам...» – дигән икән. Шуннан халык теленә трамбай / трамвай сүзе кереп киткән, ди.

Яки, «шкаф» сүзе дә татар сүзе икән бит. Ул дивар буена куелып, аны ышкып торганлыктан, ышкып / ышкап сүзе таралган.

Яки, «ракета» да татар сүзе икән бит! Ул болай гына очып китә алмый ла. Башта өрә, аннан соң очып китә. Шуңа күрә дә аңа башта «өрә китә» дип исем биргәннәр, соңыннан «ракета» булып алышынган икән. Һәр сан саен шундый яңалыклар өсте-өстенә өелеп кенә торды, хәтта кайбер кешеләр аларның кайберләрен фәнни әйләнешкә дә кертергә маташып карадылар.

Исемнең кыскартылуына үрнәк йөзеннән, Казан тарихыннан бер мисал китермәкче булам. Узган гасырның урталарында Казан тимер юл вокзалыннан Әми тавы дигән җиргә автобуслар йөри иде. 1965 нче елда танылган язучыбыз Фатих Хөсни, «Шәмәхә тавыклар» хикәясен язып, бер яңа татар бистәсенең исемен ачты. «Зур-зур яңа йортлар салына безнең Әмә тавы бистәсендә», – дип язды ул. Әмма Казан бистәләре исемлегендә андый бистә юк. Кайбер кешеләр, «ама / әмә» сүзен төрки телдә булган «аба» белән чагыштырып, күпчелек төрки телләрдәге «аю» сүзен (вариантлары адыг / айы, айыв / айу һ.б.) куркыныч кыргый хайван исеме булганлыктан, әйтергә ярамый дип, аюга «әмә» диярга күнеккәннәр, имеш. Чөнки Казан тирәсе куе урман белән әйләндерелеп алынгынлыктан, анда аюлар да шактый булган, диләр. Бу тау исеме соңрак салынган авылга да күчкән икән. Ләкин галимнәр бу авылның исемен Әхмәт исемле кеше белән бәйлиләр. Явыз Иван Казанны басып алгач, Әхмәт исемле кеше монда килеп, авылга нигез салган яки XIV гасырда урдалылар эзәрлекләвеннән качып, Әхмәт исемле феодал бирегә килеп җирләшкән (к.: «Амет» дастаны) дигән фараз да бар. Авазлар үзгәрүе законча лыклары ягыннан караганда, монда бернинди каршылык юк, чаг.: Әхмәт > Әмәт (русча Аметьево / Ометьево); гади сөйләмдә: Әмәт > Әмә / Әми.

Шагыйребез «Сүз башым бит Шүрәле» дигән төсле, минем дә сүз башым бит Бишбалта иде. Ачыкланган фактларга тукталыйк: 1) бүгенге көндә «Бишбалта бистәсе» дип тәкъдим ителгән урын 1718 елда Адмиралтейство бистәсе эчендә калган «Бишбулды» татар авылы җире; 2) «Бишбулды» авылы Казан ханлыгы чорыннан ук билгеле; 3) авылның Казансудан ерак булмавын искә алып, адмиралтейство рәсми эшли башлаганчы ук, анда төрле көймәләр ясаучы балта осталары да булганлыгын танырга мөмкин; Л.М. Свердлова фикеренчә (ә ул «История торговли и промышленности в России» / Под ред П.Х. Спасского. Т. 2, Вып. 2, СПб., 1996. Б. 3; Виргинский В.С. Начало парового судоходства в России (Из истории русской транспортной техники до 40-х годов прошлого века). – М., 1948, С. 7, 12) кебек рәсми чыганакларга таянган), йөк көймәләре – белән, стружа, насад кебек шактый зурлары да, дощник, тихвинка, коломинка, кладной, каюк, ладья, кебек вагракларын да Түбән Новгород белән Казанда ясалганнар. 1703 елда голландияле Де-Бруйн аларда көймәләр ясау өчен яраклаштырылган зур мәйданчыкларга тап була, Казанда шул елда суга төшерү өчен 40 көймә әзер була [Свердлова: 1991. Б. 9]; 4) 1552 елда «Бишбулды» татарлары авылдан куыла яисә Казаннан качып чыга алган сугышчыларның артларыннан куып килгән Явыз Иван гаскәре тарафыннан казанлылар белән бергә үтерелә (чөнки бу авыл Рус дәүләтенә буйсынган Тау ягы халкы белән Казан ханлыгының чик ноктасы булып торган); 5) 1565–1568 еллардагы кеше санын алу авылда 3 кеше яшәгәнлеген, аларының да яңа күченгән крестьяннар икәнлеген күрсәтә.

Шулай итеп, XVIII йөзнең ахырына кадәр «Бишбулды» авылының (әгәр сакланып килгән булса) исемен үзгәртүгә китерә алырдай сәбәпләр күренми. Авыл утырган урын тирә-як җирләр белән бергә Җылан монастырена бирелә, хәтта 1646 елда авылда монастырьнең ат абзары салына, ә авылның үзендә 98 кеше яшәве (крестьяннар 16 ишегалдында, буйдаклар 13 ишегалдында) билгеле [РДБАА. Ф. 1209. Кит. 6441. Б. 92–92 ар.], 1676 елга авыл халкы кими, исәп алучы Дмитрий Кошелев санавынча, авылда 1 поп яшәгән, 10 крестьян ишегалды, 6 буйдак ишегалды булган. Бер ишегалдында берничә хуҗалык булу ихтималыннан, төгәл саннарны билгеләү мөмкин түгел. Хөкүмәт 1680 елларга Казан елгасының Җылан монастыре яры буендагы аланлыкта, Бежболды авылы янында, Казан тамагыннан ярты чакрым түбәнрәк, су ярыннан бер ярым чакрым ераклыктагы югары урында икмәк басуын киңәйтергә уйлый [Кунцевич: 1801. Б. 17, 38–41]. Ә инде XVII йөз ахыры – XVIII йөз башында авыл җирләрендә Адмиралтейство бистәсен оештыру эшләре җәелеп китә.

Шулай да, Бишбалта атамасы ничек барлыкка килгән соң? Һәм кайчан? Тормышта мондый атама кулланылгач, аның туу сәбәпләре дә булырга тиеш

бит. Без, мәсәлән, үткән гасырның уртасыннан ахырына кадәр Иске Татар бистәсендә яшәгән кешеләр Адмиралтейство бистәсен ишеткәнебез дә булмады, Бишбалта, Усия, Бакалтай сүзләре колакта чыңлап торалар иде.

Гадәттә, Адмиралтейство 1829 (яки 1830) елда таралгач, хәрби караблар төзү осталары Адмиралтейство белән бергә Әстерханга күченсәләр дә, шактый гына балта осталары, такта яручылар, җилкән ясаучылар, күнчеләр, тимерчеләр һ.б.лар иске Адмиралтейство бистәсндә калган булырга тиешләр. Р. Бекбулатов белән Р. Мостафин язуларына күрә, Адмиралтействога күрше авыл крестьяннары эш көче буларак теркәлгәннәр, ә алар күпчелектә татар, чуваш һәм мари милләтеннән булганнар [Бекбулатов, Мустафин: 2016. Б. 132]. XVIII йөз ахырына аларның гомуми саны 100 меңнән артып киткән. Сүз дә юк, аларның шактые иске урында калырга тиеш. Бер өйрәнгәч, бернинди авырлыксыз төрле типтагы елга көймәләрен булса да ясауны дәвам итәргә мөмкиннәр бит.

Мондый шартларда, ягъни бер халык күпчелекне тәшкил иткән вакытта – бу очракта татар – аның сөйләм теленә дә өстенлек бирелә. Яшәгән төбәкнең «Бишбулды» исеме аң эшчәнлегендәге ассоциатив үзгәреш нәтиҗәсендә җиңел генә «Бишбалта» сүзенә күчә ала («балта» сүзе үзе дә актив кулланылышта йөри). 1820 елда авыл туфракларында сәүдәгәр Юнысовлар акчасына Җамигъ мәчете салыну, 1898 елда сәүдәгәр Антоновлар акчасына икенче Җамигъ мәчете төзелү (алар 1980 елларда сүтеләләр) [Хисаметдинов: 2024. Б. 132] татар мохитенең нигуын күрсәтә. Бу чорда, ихтимал, халык телендә Бишбалта булып үзгәргән атама рәсмиләшеп тә киткәндер.

Нәтиҗә итеп, 2024 елда басылып чыккан яңа бер китап хакында да әйтмичә мөмкин түгел (аның хакында мәгълүмат биреп, китапны табып та биргәне өчен, тарих фән. д-ры Дамир әфәнде Исхаковка бик зур рәхмәтемне җиткерәм). Ул – төбәк тарихчысы, эшмәкәр һәм иганәче Гарәфетдин Миңлегазиз улы Хисаметдиновның «Бишбалта: үткәне, бүгенгесе һәм киләчәге» (Казан: Алгоритм+, 2024. 216 б.) дип исемләнгән китап. Исеме җисеменә тулысынча туры килгән бу хезмәттә Бишбалтада яшәгән асыл затның бу төбәкнең Казан тарихында җитди урын тотканлыгын тарихи һәм мәдәни фактларга таянып ачып бирергә омтылуы, биредә дә татарларның тупланып яшәүләрен тасвир итүе генә түгел, ә шактый бай күрсәтмәлелек – архивлардан табылган рәсемнәр, фотолар, сызымнар, планнар, карталар, документлар һ.б.ны күрсәтү – 25 ел дәвамында тупланылган, уйланылган авыр хезмәт җимеше булып торалар. Алар хезмәтнең кыйммәтен бермә-бер арттырып җибәргәннәр.

Китапны кулыма алып карап торганда, ул кинәт кенә төрле йоннан эрләнгән зур йомгакны хәтерләтеп: анда нечкәрәк җепләр дә, калынраклары

да бар, сыеграк төйнәлгәннәре дә, тыгыз тартылганнары да бар, төерләр дә очраштыргалый. Сез укый торган төбәктәге «татар бистәсе» төшенчәсен дә киңәйтеп җибәрүен Гарәфетдин әфәнденең саллы хезмәт җимеше хакында җәелеп язарга җыенмыйм. Чөнки аның Бишбалта бистәсенең (исеменең сөйләм теленең закончалыклары, лингвистик һәм экстралингвистик сәбәпләр нигезендә үзгәреп, билгеле бер чордан алып, яңача яңгырашы да, төбәктә «татар бистәсе» төшенчәсен киңәйтеп җибәрелүе дә) яңа атаманы кулланыга киртә була алмый. Монда тагын бер нәрсә бар: Адмиралтейство 1829 (1830) елда Әстерханга күчерелгәндә, яңа урынга төп белгечләр генә китәләр бит, ә Адмиралтейство бистәсенең төп халкы туфрактан аерылмый.

Китапта Бишбалтаның якын тарихына һәм киләчәгенә зур урын бирелгән. Бу китапка бәя бәяләмә бирергә алынучылар (тарихчымы, музей оештыру белгечеме, идарәчеме – мөһим түгел), һичшиксез, киләчәктә хәл ителәсе мәсьәләләрнең исәбе гаять зур икәнлегенә, аларның төрле өлкәләргә караганлыгына, кирәклек-кирәксезлек ягына да, конкрет эшне башкаручыларны аныклау, вакыт чикләрен билгеләү һ.б., һ.б.ларны күз уңында тотарга туры киләчәк.

Файдаланылган әдәбият исемлеге

1. Имам Абдрахман Кайа. Иман вә гыйбадәт / Мөх. Ф. Хәкимҗан. – Мәскәү, 1992. – 128 б.
2. Казань: исторические районы, слободы, улицы, площади и парки: иллюстрированный энциклопедический справочник. Кн. 1 / под ред. Р.В. Шайдуллина. – Казань, 2021.
3. Кунцевич Г.З. Грамоты Казанского Зилантового монастыря. – Казань, 1901.
4. Пресняков А.Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. – СПб., 1893.
5. ПРСЛ, Т. XIII, половина 1-я. 1904. – 310 с.; Половина 2-я. 1906. – 240 с.
6. Ренат Бекбулатов, Рафаэль Мустафин. Казань и ее слободы. – Казань: Заман, 2001. – 208 с.; 2-е изд., испр. и доп. – Казань: Заман, 2015. – 208 с.
7. РДБАА [Россия Дәүләт Борынгы Актлар Архивы]. Ф. 1209. Кит. 6441.
8. Свердлова Л.М. На перекрестке торговых путей. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 159 с.
9. Султанов Р.И. Историческая география Казани. Город и его предместья в XVI–XVII веках. – Казань: Магариф, 2004. – 211 с.
10. Татар энциклопедия сүзлеге / Баш ред. М.Х. Хәсәнов. – Казан: ТФА Татар энциклопедиясе ин-ты, 2002.

11. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских булгар / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М,: Наука, 1978. – 208 с.
12. Хисаметдинов Гарәфетдин. Бишбалта: үткәне, бүгенгесе, киләчәге. – Казан: Алгоритм+, 2024. – 216 б.
13. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. – М.: Инсан, 1991. – 319 с.
14. Islami bilgiler ansiklopedisi / Hazrrlayan M. Özakkaş. – Istanbul: Sağlam kitabevi. – 139 s.

Чайную на Востоке называют чайханой. Она зародилась на рубеже XVI–XVII вв. при караван-сараях и базарах Персидской империи как «помещение для чаепития».

В России к подобным торговым заведениям, где посетители могли попить чаю, первоначально относили появившиеся во второй половине XVIII в. на почтовых трактах из Санкт-Петербурга и Москвы до «знатных городов» трактирные дома-гостиницы. Собственно чайные завелись в империи лишь во второй половине XIX в. Одними из первых они возникли в Казани и были прозваны татарами на восточный лад чайханой.

Р.А. Бушков

ОТ ЧАЙХАНЫ ДО ДОМА ЧАЯ

Татарская чайная на Сенном базаре. Баки Урманче.

Вот городская чайхана,
Сынками байскими она
Полным-полна, полным-полна, –
(*Перевод Р. Морана*)

запечатлел Габдулла Тукай в стихотворении «Хатирәи «Бакырган» («В память о «Бакыргане») татарскую чайную приграничного с казахской Степью городка Уральска. В нём началась его журналистская и литературная деятельность. Здесь проводились ежегодные ярмарки с участием среднеазиатских купцов. Не удивительно, что местные татары прозвали заведение на восточный лад чайханой.

Слово «чайхана» пришло в татарский язык из Средней Азии и Персии. Оно переводилось с персидского как «помещение для чаепития».

«Джай-хатай-хан – это такая харчевня, в которой пьют иностранную теплую воду, – отозвался о ней посетивший эту страну в 1636–1638 гг. в составе шлезвиг-голштинского посольства немецкий дипломат и путешественник Адам Олеарий в изданном им в 1647 г. «Описании путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». – Попивая этот напиток персияне играют здесь в шашки или же в шахматы. И в других местах они пьют тоже черную темноватую воду-отвар из растения чая, привозимого узбекскими татарами в Персию из Китая».

Это было первое свидетельство европейца не только о персидской, но и восточной чайной вообще. Персы назвали его «помещением для китайского чая» по принятому в Западном Китае наименованию напитка «джай», откуда он проник в Персию.

К удивлению Олеария, в тогдашней персидской столице Исфахане чайное заведение мирно уживалась с кофейней «кавехане», где подавался кофе, еще один распространившийся на Ближнем Востоке напиток.

Кавехане, как и джайхан, он посчитал порождением восточной харчевни, где посетители ели и пили за плату.

Харчевни попадались ему не только в Персии, но и Московии. На обратном пути из Исфахана посольству в ожидании санного пути в Москву пришлось задержаться на пять недель в Казани. И здесь Олеарий и его коллеги познакомились с местной харчевней и харчевным рынком, где они купили провизию на дальнейшую дорогу. Казанцам чайная и кофейня оказались неведомы, они довольствовались совсем иными заведениями – кабаком и корчмой с хмельным питьем.

Эти заведения с отпускаемым в них за деньги и в долг хлебного вина, пива и меда немецкое посольство открыло для себя еще в Москве, перед отправкой в далекое Персидское государство. Даже любопытному его секретарю Олеарию тогда не пришло в голову, что название корчмы связано с харчевней с продаваемой в ней едой – харчами.

«Карчма, от харча производное, суть в некоторых государствах позволенные строить при путях домы, где проезжающие отдыхать, тако пищу и питие купить могут» – разъяснил о нём первый русский историк В.Н. Татищев в своём энциклопедическом справочнике «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский».

Такую корчму знали и в ханской Казани. О «корчемницах царевых» то есть ханских, говорилось в написанном жившим при дворе казанского хана русским пленником, летописцем и автором «Казанской истории», или «Истории о Казанском ханстве». Он подметил, что на летних празд-

никах «гражане, мужи з жёнами и з детми, гуляюще по них, пияху в корчемницах царёвых, купяше на цену и прохлажахуся».

Летописец упомянул также казанские «царские кабаки», которые В.Н. Татищев посчитал «дворами для постою», «токмо для зимы». Один из них располагался у крепостной башни, отчего она именовалась кабацкой. В ханской столице были и кабацкие ворота.

Возвратившись в Москву после взятия Казани в октябре 1552 г. провозглашенный царём Русского государства Иван IV Грозный решил учинить на Балчуге государев, или царев кабак. Но задумал он его, по замечанию В.Н. Татищева, уже не как казанский зимний постоялый двор, а «питейный дом, где казенное питье продают». Казенным питьем стало считаться хлебное вино. Торговали им теперь только в кабаке, доход от продажи отчислялся в казну.

Со временем кабаки появились и в других городах. Помимо вина, в них дозволили отпускать посетителям пиво, брагу и мед. Не стала исключением и покоренная Москвой Казань. И в пребывание в ней Олеария и немецкого посольства здесь исправно работали с обеда и до вечера два кабака – большой и малый. В них, как и в Москве, отпускались на деньги и в долг, распивочно и на вынос хлебное вино в чарках; пиво и мед-кружках. Приобретенной кабацкой водкой угостили немцев в честь православного праздника святого Николая в доме, в котором они остановились.

В Западной Европе при Адаме Олеарие вино можно было купить в небольших ресторанчиках – тавернах, напоминавших этим русские кабаки. В них также, как там, посетители могли покурить табак. Олеарий застал еще времена, когда в европейских городах появились модные кофейни с чайными комнатами при них. В них наряду с кофе предлагался и китайский чай, доставлявшийся на континент морем основанной в 1600 г. Ост-Индской компанией.

Но когда мода на кофе и чай дошла затем до России, Адама Олеария уже не было в живых. Эти восточные пития приглянулись во время поездки в 1697 г. в Западную Европу юному русскому царю Петру I Алексеевичу. Посетив в составе «Великого посольства» Голландию, Англию и Австрию, он захотел в короткий миг изменить страну на европейский лад. Царь-реформатор предписал своим придворным и знатным людям подобно европейцам пить чай и кофе, курить табак. А на берегах Невы по его указу возвели настоящий европейский фешенебельный город, похожий на Амстердам, где он четыре месяца учился кораблестроительному ремеслу. Петр I назвал его в честь своего святого по-голландский Санкт-Петербургом и сделал новой российской столицей. Он завел в ней как в Европе кофейный дом, где можно было попить кофе и чай.

Здесь же собирались «курители» табака. Поначалу эти модные продукты доставлялись из Западной Европы морем и попадали в Петербург через Архангельский порт. Но потом их стали привозить казенные торговые караваны, ходившие из Москвы в китайскую столицу Пекин, маньчжурский и монгольский города Наун и Урга с установлением официальных отношений по заключенному между Китаем и Россией Нерчинскому договору.

Однако царская кофейня не сразу вышла за пределы новой столицы. Она открылась лишь в Немецкой слободе Москвы, возникшей при царе Алексее Михайловиче и заселявшейся выходцам из западноевропейских государств. Не спешили ее завести даже в главных городах семи губерний, учрежденных по введенной Петром I в России новой системе управления государством. Русские кофейни стали появляться уже в правление императрицы Екатерины II, проведшей новую областную реформу и увеличившей число губерний до 50. Она сама была любительницей кофе, и он превратился в напиток её окружения. Его пили, правда, в основном в столице, тогда как в провинции даже новая дворянская элита предпочитала чай. Так обстояло дело и в Москве, признанной её столицей.

Чай прописался в заводимых по большим дорогам постоялых дворах и гостиницах для проезжающих. Обустройство таких путей от Петербурга «до всех знатных градов» задумал и начал еще Петр I. Екатерина II продолжила его дело и своим указом от 13 января 1772 г. повелела соединить ими губернские и уездные города. Они получили название от почтовых трактов. По примеру ближайших от всех европейцев поляков на них завелись трактирные дома-гостиницы с предоставлением проезжающим ночлега и еды. В подражание им при них устраивались кухмистерские с кухней, то есть столовые с поварней. Еду на кухне стали готовить на кухонной голландской плите с использованием порожденной ею наплитной посуды и заменой горшков и чугунок кастрюлями. Под новым веянием в трактирных домах устанавливалась европейская мода на чай и табак.

Появление в эпоху Екатерины II постоялых дворов и трактиров на почтовых трактах запечатлел А.С. Пушкин в своей классической повести «Капитанская дочка». Её герою Петру Андреевичу Гринёву пришлось ночевать и чаевничать сначала в симбирском трактире, а затем в постоялом дворе под Оренбургом.

В послесловии к повести Пушкин признавался, что написал своё произведение на основе его рукописи. Она досталась ему якобы от одного из его внуков, «который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом».

А занимался тогда поэт сбором материалов о пугачевщине, казачьих и крестьянских выступлениях 1773–1774 гг. под предводительством ка-

зачьего атамана Е.И. Пугачева. С этой целью он предпринял в 1833 г. поездку в связанные с ним места в Поволжье и Приуралье. Осталось неизвестным, существовала ли в действительности семейная хроника Гринёвых. Но именно по её результатам Пушкин написал повесть «Капитанская дочка» и исторический труд «История Пугачёва». В нём он коснулся Казани и казанского трактира при Гостином дворе, где промышляли приезжие купцы и торговцы.

В июльские дни 1774 г. атаман Е.И. Пугачёв присмотрел его для установки пушек. И отсюда, как вспоминали потом казанские старожилы в разговоре с А.С. Пушкиным, обстреливал из них крепостные стены Кремля и Спасский монастырь.

«Пугачёв, поставя свои батареи в трактире Гостиного двора, за церквами у триумфальных ворот, стрелял по крепости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему её правый угол и коего ветхие стены едва держались», – говорилось об этом в «Истории Пугачёва».

За два дня хозяйничания в городе пугачевские повстанцы сожгли в нём около 2200 домов. Сгорел и Гостиный двор с 777 лавками и трактиром.

Но город недолго пребывал без трактирного заведения. Его восстановили, как и положено, с трактирной кухмистерской, кухонной голландской плитой и наплитной посудой в придачу. А позже она дополнилась новомодным русским самоваром для приготовления чая. Впервые его начали делать в виде цельного чайного прибора для кипячения воды еще на мануфактурах заводчиков Демидовых на Урале в первой половине XVIII в. В основанном в 1778 г. первом в Российской империи самоварном заводе Назара Федоровича Лисицына в Туле принялись производить в усовершенствованном виде, с дополнительными принадлежностями, а главное – в большом количестве.

Обзавестись самоваром трактирщика вынудила растущая популярность среди постояльцев чая. Прибору отвели место в буфетном помещении, заведенном для отпуска водки. Её продажу в трактирах вместе с мёдом, пивом и брагой узаконила императрица Екатерина II своим «Указом о вине» от 1 декабря 1781 г. До него такое право имели только казенные питейные заведения. Туда после трактира наведывались и его постояльцы, породив пословицу «Веет, веет ветерок, из трактира в погребок». Отныне дозволение на неё получили трактирные буфеты. В них стали отпускать и горячий чай.

«Трактир – постоялый дом, в котором можно из платы получить пищу и ночлег», – дали объяснение трактиру в изданном в 1794 г. «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенной», первом научном толковом словаре русского языка. Это определение шло от со-

стоявшего в ней поэта Г.Р. Державина, участвовавшего в составлении слов на букву «Т».

Казанский трактир вполне соответствовал этому определению. Но он уже не мыслился без чая и табака. Происходившие в нём чаепития невольно сделали его как бы чайной. И в первую очередь для возчиков, извозчиков, мастеровых и чернорабочих. К их радости здесь отпускали кипяток, особенно важный зимой в холодную погоду. На кипятке они готовили на скорую руку медовое питьё сбитень, при случае заваривали прихваченный с собой дешевый черный кирпичный чай. А потом и вовсе перешли на него, отказавшись от сбитня. Зародилась даже пословица «Нынче уже не сбитень, а все чаёк». Не возбранялся в трактире и табак. Немало людей приходило сюда под предлогом покурить. Оттого трактирных завсегдателей чаще звали «трубокурами», то есть охотниками табака, чем даже чаёвщиками.

Однако на беду казанцев в 1797 г. случился новый пожар, окончательно лишивший город Гостиного двора и восстановленного первого своего трактира. Посетивший Казань в 1798 г. Павел I распорядился восстановить сгоревший Гостиный двор, а значит и трактир. Ему подыскали другое место. Пока шло восстановление сгоревшего Гостиного двора, уже к концу XVIII в. к нему добавились новые, и в начале XIX в. их уже насчитывалось десять. Они были обозначены как «съестные трактиры» в составленном Казанской губернской чертежной «Описании города Казани» за 1804 г., куда вошли также 10 харчевен, 4 каменных и 14 деревянных питейных домов.

Сразу два «съестных трактира» значились на самой престижной Воскресенской улице – напротив Гостиного двора и близ императорского университета. Владели ими Шварц и Гедлер, и по их фамилиям люди звали заведения немецкими. Гедлер состоял экономом Казанского дворянского собрания. Именно ему доверили устройство угощения «почетных посетителей» на торжествах в честь полного открытия императорского Казанского университета 5 июля 1814 г. Среди разных кулинарных изысков оно включало цветочный чай с лимоном и ромом.

Трактиры Рыбнорядской улицы облюбовали извозчики. Целая казанская слобода занималась в городе извозом. Многие из них ходили в трактир отогреться и чаевать, да вдоволь, «до третьего пота».

Продажа чая в трактирах тогда никак не оговаривалась. В отличие от водки, на то не требовалось особого разрешения. Официальное его дозволение установилось лишь после высочайшего утверждения 14 марта 1821 г. «Положений о гостиницах, ресторациях, кофейных домах, трактирах и харчевнях» по Санкт-Петербургу и Москве, губернским и уездным городам, заштатным городам и селениям. Отныне трактиром признава-

ли «открытое для публики помещение, в котором либо отдаются в наем особые покои со столом, либо производится продажа кушаний и напитков». К трактирным питиям отнесли «делаемую из хлеба водку, полпиво, мед, пиво и портер», а также китайский чай. Отпускать их предписали из трактирной буфетной порционно, в трактирной стеклянной питейной посуде: водку в стеклянных графинах с рюмкой для приема, а чай – стеклянных чайных стаканах.

А вскоре, согласно этому «Положению» по губернским и уездным городам, Казанская шестигласная дума провела первые торги по найму на пользование на четыре года находившихся в городском ведении 10 трактирных заведений. Они состоялись той же осенью. В них участвовали купцы всех гильдий, мещане, цеховые и торгующие крестьяне. Их выиграли купцы Гаврила Синяев и Макар Щербаков, мещане Осип Еремеев, Мещане Василий Баев, Руф Петров, Алексей Щербаков, Михайла Белов, Иван Попков, Федор Маклаков, торговый крестьянин Алексей Чесноков. Градская дума заключила с ними контракт на аренду трактиров, объявив их содержателями этих заведений.

Не сразу название трактира прижилось среди казанцев. Они именовали его харчевней, харчугой, кабаком и даже «трахтиром». Казанские ямщики, как и перевозчики людей и почты на других почтовых трактах, харчевней считали дешевый трактир с простыми кушаньями, чаем и табаком.

И ямщик, забыв кабак,
Запивает чай в харчевне
Или курит в ней табак, –

выразился в стихах о ямщицком времяпрепровождении в нём приятель Пушкина – поэт П.А. Вяземский. Они посвящались памяти петербургского живописца А.О. Орловского, прославившегося своими картинами из жизни ямщиков.

Но в этот раз поэт ошибся, забыть кабаки никто не собирался. Его название закрепилось за трактирами, как бы принявшими от них эстафету в торговле хмельным питьем. И посещенный А.С. Пушкиным в сентябре 1833 г. в Казани трактир на улице Малое Польце для встречи с мастеровым-суконщиком Василием Бабиным назывался не иначе, как Горлов кабак. Он поведал ему со слов родителей, как в июле 1774 г. суконщики «вооружились чем ни попало, поставили пушку у Горлова кабака» и пытались дать отпор осаждавшим город пугачевским отрядам. Его рассказ вошел в написанную Пушкиным «Историю Пугачева».

Казань в те годы насчитывала 15 трактирных заведений. И, как заметил в изданной в 1834 г. «Краткой истории Казани» видный историк-краевед, адъюнкт российской словесности императорского Казанского уни-

верситета М.С. Рыбушкин, они вместе с питейными домами усердно посещались «множеством любителей разгульной жизни».

И все же не было в Казани трактира, где бы не чаевничали. И в заведении трактирщика Михайлова на Булаке, едва в нём обустроились в начале осени 1839 г. приехавшие из Санкт-Петербурга связанный с Пушкиным дружбой писатель граф В.А. Соллогуб и молодой художник Г.Г. Гагарин, им сразу же предложили чаю. К радости обоих, в окно их номера виднелся Сенной базар, а значит, они могли вдоволь понаблюдать отсюда за местной восточной торговлей. Но первую покупку – роскошный восточный халат – Соллогуб сделал не на базаре, а в номере. Его занес для продажи татарский торговец. Писатель не удержался, купил товар, отметив приобретение ароматным чаем с компаньоном Гагариным. Совершенная затем с ним прогулка по базару окончательно их убедила, что Казань – это «почти Восток», своеобразное «преддверие Азии». Эти впечатления вошли потом в написанную им после возвращения в Петербург дорожную повесть «Тарантас». Их дополнили сделанные с натуры рисунки Гагарина. Среди них были и иллюстрации казанских чаёвщиков, включая татар. Ни он, ни Соллогуб не подозревали, что тем самым породят образ чайной Казани в русском изобразительном искусстве и литературе.

В казанских трактирах татары им не попадались. Удивляться этому не приходилось – будучи мусульманами, они избегали их из-за продажи запрещаемых шариатом алкогольных напитков. Но зато охотно заходили в расположенные в Старотатарской и Новотатарской слободах мусульманские харчевни и кухмистерские. В них еда готовилась в соответствии с требованиями шариата – сводом правил праведной жизни мусульман. Чай татарское мусульманское духовенство посчитало дозволенным для своей паствы питьем. По сути эти заведения являлись для татар как бы чайными. Такое отношение к ним сложилось и в Казанской татарской ратуше, учрежденной по указу императрицы Екатерины II в 1781 г. и ставшей первым в Российской империи органом самоуправления проживавших в татарских слободах Казани купечества и мещанского сословия.

Трактиры, как говорилось, татарами не посещались. Но профессор императорского Казанского университета К.Ф. Фукс в изданной в 1844 г. книге «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях» заметил, что татарские гостинодворские купцы, случалось, обедали в них, чтобы не терять время на поездки домой. «Иногда берут с собой в трактир утку или кусок говядины и отдают сварить в солянке, потому что не употребляют в пищу мяса заколотой русскими скотины; некоторые из них решились бы есть такое мясо, но боятся, что русские положат туда свинину», – объяснял он.

Но находились среди татар и такие, кто заходил сюда, чтобы попить чаю и покурить из трубки – курительного прибора из мундштука с чашечкой с табаком. Через трактиры, полагал К.Ф. Фукс, «познакомились они с европейскою роскошью и пьянством».

Большинство казанских трактиров находилось на Воскресенской, Большой Проломной и Рыбнорядской улицах. В составленном коллежским асессором И.С. Черновым первом «Указателю города Казани, или Памятной книжке для жителей Казанской губернии на 1840 год» приводились 22 таких заведения.

Они назывались обычно по именам их содержателей или владельцев. На Воскресенской улице выделялись трактирные заведения Гусева, Ермолаева, Рюмина, Федорова и Иосифа Фохта, Большой Проломной – Мельникова и Потехина, Вознесенской – Укусникова, Егорьевской – Дехтярева, Коровина и Рязанова, Рыбнорядской – Боркова и Парунова, Мокрой – Петра Корюкина, Котелова и Перлова, а также Игната Курицына на Гостиничном рынке и Жадина на Сенной площади. Тремя трактирами одновременно владел Макар Шербаков, и посетители различали их по месту нахождения – на Большой Проломной, у Петропавловской горы и на Булаке.

Но некоторые из заведений носили имена российских и даже иноземных городов – «Санкт-Петербург» Никифора Егорова против Толкучего рынка, «Одесса» Щербакова и «Константинополь» Терентия Банникова на Большой Проломной улице, «Очаковский» Савелия Абрамова на Малой Проломной. Из патриотических чувств Потехин назвал свой трактир на Большой Проломной «Россией».

В середине XIX в. на Воскресенской улице появилось трактирное заведение «Китай», названное так его владельцем П.Е. Фигурновым в честь родины полюбившегося казанцам чая.

Оно расположилось невдалеке от Гостиного двора, откуда к нему вела Гостинодворская улица. Среди его посетителей было немало гостинодворских торговцев. Некоторые из них имели здесь свои столы, которые никому не дозволялось занимать в часы обеда.

Посетителям трактира предлагался обед из пяти, четырёх и трёх блюд, включающий щи с гренками, телятину, дичь с подливой, макароны с сыром.

У купцов вошло в обыкновение приглашать сюда друг друга на чай. Вместе чай пить означало заключить сделку. Отмечали ее по-купечески «за грош да пошире или пошире да за грош». Заказывали самые разнообразные кушанья – от холодной осетрины с хреном и икры до жареного поросёнка и московской телятины, не забывая про чай, причем лучших сортов.

Вполне заслуженно заведение обрело у посетителей репутацию солидного купеческого трактира. На Воскресенской улице таких отзывов удостоился лишь трактир А.И. Коммонена, расположенный в доме помещика И. Мергасова.

В трактир «Китай» во время учёбы в 1853–1855 гг. в императорском Казанском университете не раз захаживал для «хлебания щей и таскания из них солонины» будущий писатель П.Д. Боборыкин. Известность у читателей получил его автобиографический роман «В путь-дорогу», после которого появившимся в нём новым словом «интеллигентность» стали обозначать лучшие качества человека.

Он, студент у профессора-химика А.М. Бутлерова, охотно посещал проводимые здесь друзьями вечеринки. Для таких случаев претендующий на звание пристанища шумных студентов трактир располагал просторным залом, предназначенным для торжеств и банкетов. Популярным напитком на них был чай, вперемежку с ромом и вином.

Владетель «Китая»
Смотрит пошляком,
Если в чашку чая
Не вольёт он ром, –

откровенничали студенты в стихотворных признаниях об этом.

Они называли такое питье «чаем с позолотой». Трактир «Китай» выступил установителем моды на него в других трактирных заведениях города.

Нашелся трактирщик, захотевший ввести моду также на водочные травяные настойки и ягодные наливки. Он дал своему трактиру привлекательное название «Бальзам», в расчете, что его захотят посетить не только русские, но и татары. Ведь заведение его находилось у Татарского моста через проток Булак, ведущий из русской в татарскую часть города.

И надо же такому случиться, вывеска его заведения сразу же попалась на глаза приехавшему в Казань в сентябре 1858 г. знаменитому французскому романисту Александру Дюма-отцу.

«В Казани над винными лавками можно увидеть вывески, где написано «бальзам», – вспоминал он об этом с юмором в опубликованном впоследствии очерке «По России». – Страждущий татарин входит в аптеку, выпивает вместо лекарства бутылку вина и уходит исцеленный.

Магомету нечего возразить, перед ним больной человек, а не пьяница».

Писатель отнес увиденное к «особенностям местных нравов». «Как известно, Магомет запрещает пить вино, но при некоторых болезнях не возбраняется использовать его в лечебных целях», – шутил он.

Эта трактирная вывеска привлекла внимание и находившихся в Казани офицеров Генерального штаба из Санкт-Петербурга. Они занимались сбо-

ром сведений к предстоящему учреждению Казанского военного округа. Военное министерство в 1861 г. издало на их основе сборник материалов по Казанской губернии для географии и статистики России. Его составитель Лаптев включил в него свои впечатления о встрече в трактире посетителя из татар. Его обескуражило приобретение им «бальзама, настоянного ароматными травами на самой крепкой водке». Ведь тому, как мусульманину, казалось бы, запрещено употребление спиртного. Недоумение военного снял сам покупатель. Якобы куплено им не вино, а полезный для здоровья бальзам, и не грех запить его чаем. Улыбнувшись, он так и сделал, Лаптеву оставалось лишь быть наблюдателем происходившего.

Но к выходу в свет труда военных попавший на его страницы казанский трактир уже закрылся. На этом настояли татарские купцы, входившие в Казанский попечительный о бедных комитет Императорского человеколюбивого общества. Они обвинили владельца в сомнительной репутации его заведения. На их стороне стали «Казанские губернские ведомости». Но для газеты эта история имела продолжение. В редакцию поступило письмо-пожелание запретить в казанских трактирах продажу водки, заменив её чаем, возбуждающим веселость духа не хуже водки и главное – не вызывающим у человека опьянение. Несмотря на убедительные доводы, ей пришлось признать предложения читателя далёкими от реальности.

«Посмотрите на мещанское угощение вечером: прежде всего гостю подают рюмку вина, за нею другую и иногда и третью, – прокомментировала газета читательское обращение в неофициальной части «Казанских губернских ведомостей» 22 января 1860 г. – И это называется перед чайком. Напившись чаю, принимаются опять за вино».

Так что, заключали «Казанские губернские ведомости», уповать на замену водки чаем в трактирах пока не приходится. И посетители вряд ли согласятся с запретом хмельного, тем более повсеместно пока открываются все новые трактиры. В «Памятной книжки Казанской губернии на 1861 год» А. Михайлова и С. Николаева указывалось наличие в Казани свыше пятидесяти таких заведений. По Высочайше утвержденному 4 июля 1861 г. новому «Положению о трактирных заведениях» их разделили на два разряда – высший и низший. К первому отнесли рестораций, или чистые трактиры, трактиры, кофе-рестораны, в них разрешались бильярдные игры и музыка для развлечения. Посетители могли тут почитать газеты, послушать музыкантов или артистов.

Во второй разряд включили харчевни, столовые и кухмистерские.

Появление в Казани первого «кофе-ресторана на Воскресенской улице» отметил вышедший в свет в 1862 г. в Санкт-Петербурге первый путе-

водитель для путешествующих по Волге «Волга от Твери до Астрахани». Издание правления пароходного общества «Самолет» рекомендовало его для «обедов и кушанья по порциям». В одном ряду с ним назывались чистые трактиры гостиницы «Одесса», номеров Батурина, Белоусова, Жарова, Кристофоровой, Резанова, Тихонова и Щербакова.

Было отмечено, что в городе имеются и летние трактирные заведения. Перовое из них появилось в 1842 г. в «Казанской Швейцарии» – месте загородных гуляний на Арском поле. А в 1859 г. оно дополнилось трактиром Белозёрова «под тенью деревьев» разбитого вокруг Черного озера сада.

«Это место редко бывает пусто, во всякое время дня и ночи с добродушною радостью принимает к себе бескорыстно всех и каждого, не обращая внимания ни на костюмы, ни на звание», – писала про Черноозерский сад начавшаяся издаваться в 1867 г. частная газета С.М. Шпилевского «Справочный листок г. Казани».

«Чародейною силою оно привлекает и манит к себе самую пёструю, разнообразную публику», – отмечалось в ней про озеро. Разумеется, гулявшие вокруг него в саду люди заглядывали и в чистый трактир, называемый теперь Черноозёрским.

Реклама татарской еды. Начало XX в.

Не мог пройти мимо Черноозёрского сада и находящегося здесь трактира обосновавшийся в Казани бывший морской офицер Черноморского флота Владимир Петрович Невельской. После выхода в отставку он почувствовав в себе литературные силы и выпустил в 1867 г. небольшую книжку «Казанские трактиры».

«Разрезывая вдоль и поперёк матушку – Казань, мне приходилось не раз заходить в так называемые трактиры, – откровенничал в ней новоявленный литератор. – Заказать мимоходом пирожок в гривенник, с пресной водой, – дело здесь обыкновенное, хотя подчас не особенно вкусное, но зато сытное».

Книга явилась его первым литературным опытом, и он попытался отобразить в ней картинки из трактирной жизни Казани. Родились они у него под впечатлением посещенных им в один из дней той осени популярных у казанцев некоторых трактиров первого разряда. Благо, погода

стояла хорошая, и располагались заведения недалеко друг от друга, на самых оживленных местах в центре города.

– Что вам угодно-с? – встретил его курчавый половой трактира на Большой Проломной улице, откуда «слышна была музыка» модной механической «машины».

Он протянул ему порционную карту. В меню значились:

«Обед из пяти блюд, 1 руб.: 1. Щи с гренками, 2. Холодная рыба, 3. Соус (с разным приготовлением), 4. Дичь с подливкою, 5. Миндальное пирожное;

обед из четырёх блюд, 75 коп: 1. Щи с гренками, 2. Соус, 3. Дичь или телятина, 4. Миндальное пирожное;

обед из трёх блюд: 1. Щи с гренками, 2. Телятина, 3. Макароны с сыром, бутерброд».

Чай и хмельные напитки заказывались отдельно.

Невельскому бросились в глаза чаёвничающие в «так называемом общем зале»: «В переднем углу сидели купцы и пили чай, в смежной комнате угощались извозчики».

Посетители за чаем встретились ему и в известном ему трактире в двухэтажном здании на Рыбнорядской улице, куда выходила Большая Проломная. Вместе с Рыбнорядской площадью эту улицу в народе называли «чревом Казани». В здешних торговых рядах, растянувшихся от озера Кабан до Кузнечной площади за Нечаевым бугром, можно было купить всё, что пожелает человеческое чрево. И на любой вкус. Тут на прилегающих улицах значились девять трактиров и одна кухмистерская.

В трактире Невельской оказался среди «личностей в сюртуках, и в пиджаках, в поддёвках и фраках особенного покроя». Половые разносили в чайниках, в паре с кипятком, новомодный кантонский чай.

Трактирный рейд бывшего моряка завершился в любимом купцами Гостиного двора и Толкучего рынка заведении при гостинице у Петропавловского собора.

«Из окон этой гостиницы можете видеть, с одной стороны, весь разгул разъярённой толпы торгующих и покупающих в так называемый базарный день, а с другой, всю тишину церковной, загородной жизни», – представил он её в книге.

Это было двухэтажное здание в девятнадцать окон, которым владели некогда именитые казанские купцы – сначала И.А. Михляев, а затем И.Ф. Дряблов. При первом в начале лета 1722 г. в нём побывал направлявшийся в Персидский поход император Пётр I, заложивший в честь отмеченного накануне своего пятидесятилетия первый камень под бу-

дущий Петропавловский собор. При втором в доме останавливалась во время посещения Казани в мае 1767 г. императрица Екатерина II. В 1770–1816 гг. здесь располагались богадельня – приют для стариков и инвалидов, в 1816–1833 гг. – харчевня, в 1833–1840 гг. – гостиница, а с 1840 г. – при ней трактир, открытый купцом С.А. Макашиным.

От главного входа в трактирное заведение на втором этаже вела узкая лестница. Оно занимало несколько обширных комнат, одна была отдана под буфет со стойкою, а в трёх других размещались чистая половина и простонародное отделение.

«В этот трактир ходят большею частью торговцы из Гостиного двора и Толкуна выпить известную пару чая известного же достоинства и поболтать о том, о сём, – рассказывал Невельской. – В этом трактире есть зало с трюмо, так что каждый посетитель может всецело осмотреть свою фигуру с ног до головы. Это заведение наводняется днём и служит местом разговоров и сделок по коммерческой части».

«Народу было много, когда я вошёл в трактир, – описывал он свое посещение трактира. – Большая часть посетителей сидела за чаем, поминутно спрашивая у малых кипятку; остальная часть – за живительными напитками, громко разговаривая о своих нуждах и делах».

Помимо кипятка, они просили принести полагающиеся к чаю бубликов и баранок.

Его посадили за «чуть ли не единственно пустопорожний стол» в уголке большого зала. К его радости здесь ему удалось сытно поесть, попить чаю и даже послушать музыку. Выступили трактирные музыканты, шарманщик и девятилетняя девочка-певичка, спевшая «Лучинушку» и «Не белы снеги».

Было за полночь, когда Невельской и другие посетители покинули трактир.

– Напредки просим покорнейше, не обойти нашего заведения, – произнёс, провожая его, расторопный буфетчик.

В книге «Казанские трактиры» Невельской поведал лишь о трех трактирных заведениях из пятидесяти имевшихся тогда в Казани. Их посещение укрепило его во мнении, что большинство казанских трактиров «носят свой какой-то особенный отпечаток, очень схожие между собою, с маленькою только незаметною разницею».

Схожим было то, что все заведения разделялись на две половины – чистую, или белую, и чёрную, а также буфетную. Обязательной в них стала кухня-кухмистерская с необходимой столовой посудой для приготовления кушаний и чая, а также чайные приборы для чаепитий. Непременным условием было наличие в меню горячих блюд.

Гостиница «Булгар» пользовалась популярностью своим буфетом – чайной.

Во всех трактирах прислуживали половые в белых рубашках – «белорубашечники», одетые в русский костюм – белую рубашку навыпуск, подпоясанную шнурком, и белые штаны. Они начинали подручными, обычно подростками 13–15 лет, и лишь на пятый год им давали шёлковый пояс и поручали работу в зале. Половые не получали денег за работу, а брали себе чаевые, или на татарском «чәйлек».

(Продолжение следует)

Эльза Сибгатова

АЧЫЛАДЫР ТАРИХ ПӘРДӘСЕ...

(Әгерҗе районы Биектау авылы буенча XVII–XIX гасыр халык исәбен алу документларына күзәтү)

2025 ел Әгерҗе муниципаль районы Башкарма комитетының архив бүлеге өчен әһәмиятле вакыйгаларга бай ел булды. Беренчедән, архив бүлеге яңа бинага күчте һәм республика күләмендә семинар үткәрде. Икенчедән, район, республикада беренчеләрдән булып, «Ядкәр» генеология порталы проектында эш башланды. Халык исәбен алу документларын (хуҗалык кенәгәләре, ревизский сказкалар, переписьләр, метрика язулары һ.б.) дәүләт порталына кертелә башлады. Соңгы елларда нәсел-нәсәп өйрәнүгә кызыксыну артканнан арта бара. Генеологик мәгълүмат чыганакларына мөрәҗәгать итеп, гадәти эзләнү ысулларын куллану, еш кына, кыенлыклар тудыра. Шуңа күрә, автоматик эзләү системаларын булдыруны тормыш үзе таләп итә. Район күләмендә волонтерлар командасы тупланды, «Туган як тарихы» оешмасы, шәхси генеологлар һ.б. энтузиастлар белән элемтә торгызылды. Аларның тәҗрибәләре район газета битләрендә яктыртылып барыла. Казан архивлары галимнәре тарафыннан семинарлар, консультацияләр үткәрелә. Бу эшләр, әлбәттә, район администрациясе һәм архив җитәкчесе Романова Марина Николаевнаның бердәм булып, бер-берләрен аңлап эшләү нәтиҗәсе. «Ядкәр» проектында катнашу мине дә үз тәҗрибәм белән уртаклашу теләгән уятты. Архив документларын өйрәнеп, туган авылым Биектауның тарихын, ерак әби-бабаларыбызның нәсел-нәсәпләрен, затлы шәхесләрнең үткән юлларын ачыкларга мөмкинчелек бирде.

Халык санын алсалар да,
кенәгәләргә язып,
Исемнәрен бозсалар да,
урысча итеп язып,
Үзәкләргә үтсәләр дә,
яңа салымнар салып,
Рухын саклап калган татар –
булмаган җанын алып!

Фәнзилә Гомәрова (*Сокман авылы*)

«Ядкәр» проектын тормышка ашыру кысаларында ТР Архив эше буенча Дәүләт комитеты вәкилләре, Әгерҗе районы башлыгы һәм волонтерлар төркеме белән тәүге очрашу. 2024 ел.

Биектау – татар авылы. Әгерҗе шәһәреннән көнбатышта Ишкәшәр елгасы буена урнашкан. Авылның төньяк- көнбатыш басу, урман-болыннары Удмуртия авыллары белән чикләшә.

Авыл халкы ике төрле сословиедән торган: «ясаклы», «государственный крестьяннар», кайбер документта «типтяре», халык телендә «иркеннәр» дип йөрткәннәр. Әмма алар күп түгел. Икенчесе – крепостной крестьяннар. Алар күпчелек халкын тәшкил иткән. Татар тарихында крепостнойлык – сирәк булган күренеш, әмма безнең төбәккә хас. Әүвәлге заманнарда Биектау алпавытлары – татар морзалары Яушевлар, ә 1733 елларда Яушевның биләмәләрен татар морзасы Котлыгъмөхәммәт Тәфкилев сатып ала.

Биектау тарихындагы икенче үзенчәлек – ике исемле булу. Авыл турында беренче мәгълүмат 1605 елга кагыла. 1744–1752 елларда Мәүлә Бохараев һәм тагын 4 хуҗалык кешеләре Тәфкилевның канунсызлыгына каршы Сенат кәнсәләриесенә (Санк-Петербургта югары оешма, хәзерге Кабинет Министровка тиң) үтенеч язуы белән мөрәҗәгать итәләр. Алар бабаларын 1605 елда Себердән күчеп килеп Ишкәшүр Пүчинкәсеннән җир сатып алганнарын һәм ирекле кешеләр булганнарын дәлиллиләр: «... изстари родственники их Юков с сыном Янбаем пришел из Сибири в Уфимский уезд на Казанские дороги в деревню Терсю и купил де вотчинную землю... Та деревня Бектов приписана к той же волости Терси и именуетца починок Ушкашур Бектов» [РГАДА. Ф. 248, Оп. 5, Ед. хр. 263, Л. 171 об, 248].

1678 елгы халык исәбен алу документларыннан башлап, авылның исеме «в деревне Юре по речке Искашер», шулай ук «Починок Ушкашар» һәм Юр өлеше үзгәрмичә «Искошер», «Искоршевка», «Иркашевка», «Ушкошер» һәм, ниһаять, 1744–1752 елгы документта «именуетца починок Ушкашур Бектов» диелгән һәм аннан соңгы документларда гынә «в деревне Биктове по речке Ушкашур» дип языла. Бу атама да төрлечә, хаттә Пихтово рәвешендә дә теркәлгән [ГА КО. Ф. 619, Оп. 2, Ед. хр. 139]. Тагын бер бәхәсле атама – авыл уртасыннан аккан елга исеме – Ишкәшәр турында. Барлык архив документларында да елга исеме алда күрсәтелгәнчә. Тик олы юлдан барсагыз, елга аша күпер өстендә «Мувижа» дигән исем эленеп куелган. Бу ботенләй колакка гына түгел, тарихка ят исем булып чыга. «Татар энциклопедик сүзлеге»ндә дә шул ялгышлык. Авыл халкы сөйләмендә исә гомер-гомердән елга «Ишкәшәр» дип йөртелә.

Мәскәү архивыннан алынган XIX гасырның 1 нче яртысындагы «Экономические примечания...» дә [РГАДА. Ф. 1355, Оп. 1, Ед. хр. 337, Л. 329 об–336] авыл икегә бүленеп «деревня Юр по речке Искашур Биктово тож» диелә дә, государственный һәм «...владения господ штабс-ротмистра Александра, майора Павла и полковника Алексея Петровых Тевкелевых...» крепостной крестьяннар, дип языла. Башка документларда да Биектау ике авыл булып теркәлгән. Димәк, бу өченче узенчәлек. 1898 елгы «Ведомость о мирских сборах и расходах...» документында «Биктово – 170 ревизских душ; Искашур – 9 ревизских душ. Всего 1578 руб 56 коп., на 1 душу 8 руб. 29 коп.» [НА РТ. Ф. 321, Оп. 2А, Ед. хр. 6, Л. 5–38] дип теркәлгән. Ике авыл булып теркәлү 1897, 1917 елгы халык исәбе алу документларында «Юр по речке Искашур» – «государственный» крестьяннар, ә «Биктау» өлешендә крепостной крестьяннар теркәлгәннәр.Авылның икегә бүленеп язылуы 1930 елларга кадәр бара.

Авылның «Ишкәшәр» яки «Ишкәшүр» дип аталуы елга исеменә бәйле. «Шур» кушымчасы фин-угыр телендә – «елга», ә «Починок» дигәне кечкенә авылны аңлата. Раиф Мәрдәнов язмаларында авылның бүгенге исеме – Биектау (Биктау), тауларга нисбәтле булмыйча, элекке дәвердә киң таралган төрки-татар кеше исеменә – Биктә (Бикәү) исеменә бәйле булырга да мөмкин, дигән фикер үткәрелә. Рус телендә һәрчак «Биктово деревня» дип әйтелү һәм язылудан Биектау булып китүе ихтимал. Югыйсә, рус колонизациясе чорында русчага тәрҗемә ителеп «Высокая гора» дип тә йөртелгән булыр иде. Ә андый вариант бер дә очрамый. Элеккерәк документларда, мәсәлән, 1762 елда, авыл Ясаклы Биктау дип язылган, XVII гасырдан авыл Арча даругасы Казан өязе биләмәләрендә, ә XVIII гасыр азагында Вятка губернасының Алабуга өязе карамагына күчә.

Халык исәбен алу документлары. Әгерҗе төбәге тарихын өйрәнеп тулы бер системага салучы якташыбыз тарихчы, археограф, текстолог фи-

лология фәннәре кандидаты – Фәтхелбаян улы Раиф Мәрданов, болай дип яза: «...безнең яклар әүвәлдә Болгар, аннан соң Алтын Урда һәм Казан ханлыкларына кергән һәм Арча белән Җөри даругаларына кертелгән, – дип кертелгән. «Даруга» сүзе борынгы монгол теленнән кергән. Башлангыч мәгънәсе «өлкә, төбәк һәм аның идарәчесе дигәнне белдергән бу сүз рус теленә «юл» – «дорога» буларак кулланылышка кереп калган. Халык исәбен алуның төп максаты салымнар һәм сәүдә эшләрен көйләү, ил-дәүләтнең гаскәри көчләрен тоту ихтыяҗыннан килеп чыккан. Бу дәвердә аңарчы булган исәп алудан соңгы үзгәрешләр (каядыр киткән кешеләр булса, кая китүләре, яңа килеп урнашучылырның кайдан килгәнлеге һ. б.) ачык итеп язылырга, шулай ук ике хуҗалык бергә кушылып, бер итеп күрсәтелмәскә тиешлеге әйтелгән. Хатын-кызлар язылмаган, чөнки ясак йорт-хуҗалык башыннан түләнгән. Беренче булып йорт хуҗасы, ир балалар, шулай ук 15 яшьтән кечкенә ир балаларның яшьләре күрсәтелергә тиеш булган. Тормыш-көнкүреше фәкыйрь булганнарның ясакларын киметергә, ә яхшырак яшәүчеләргә өстәп язарга кушылган һ.б. күрсәтмәләр бирелгән. Авылда электән яшәгән хуҗалыклар акчалата бер сум егерме тугыз алтын һәм өч тәңкә, ашлыклата өч чирек һәм ярты әчмуха (осьмина) арыш, шул хәтле үк солы, бер чирек арпа түләгәннәр. 1678 елдан соң аларга тагын ярты ясак түләргә арттырылган (акчалата тугыз алтын һәм дүрт тәңкә), ашлыклата бер әчмуха арыш, шул кадәр үк солы, бер четверик арпа билгеләнгән. Бу чорда бер сум – 100 тәңкәгә, бер алтын – 15 тәңкәгә, ә чирек дигәне – алты пот, әчмуха – чирекнең яртысы, ягъни өч пот, четверик – ярты потка тиң булган. («Тарихта тибрәлгән Тәбәрле». Р. Мәрдәнов).

Биектауда халык исәбен алу турында беренче документ 1678 (186) елгы ясаклы крестьяннар (№ 1) буенча. «Переписная книга… по Арской дороге Казанского уезда переписи стольника Матвея Супонева… деревня Юр по речке Искошер». Дүрт хуҗалыкта 8 кеше яшәгән, шуларның өчесе – балалар. Ике хуҗалык монда яшәсәләр дә ясакны документ буенча теркәлгән җиргә түләгәннәр: Имякейка Альдергушов – Иж (Иж-Бәйки авылы 4 км.), Буныска Тинеев – Кызыл Яр авылларына (9–10 км.).

«1710 һәм 1716 нчы еллардагы халык исәбен алуны Пётр патша Ландрат переписьләре дип атаган. «Салымнардан котылу өчен кайбер өй-каралтыларны вакытлыча сүтеп куеп яисә ришвәт биреп хуҗалыкларны яздырмыйча да калдырганнар. Шуңа күрә бу исәп алуда йортлар саны төгәл үк түгел. Салымнар бик күп булу сәбәпле, хуҗалыкта яшәүчеләр торган җирләрен ташлап качып та киткәннәр, һичьюгы кечкенә балаларын яздырмый калу кебек хәлләр еш булган. Качкыннарның салымын авыл халкы бергәләп түләргә тиеш булган. XVIII гасыр уртасында җан башына салынган налог 1 сум 70 тиен, ягъни 17 пот ашлык бәясенә тиң

булган, татарларның бер җан башына төшкән салымы 6 сум 80 тиенгә җиткән, чөнки чукындырылган татарлар түләргә тиеш булган салымнар мөселманлыкта калучылар өстенә йөкләнгән. Крестьян үз гаиләсе өчен салым түләү максатыннан базарга дистәләгән пот икмәк чыгарып сатарга мәҗбүр булган. Моннан тыш алар ат һәм киемнәре белән бергә рекрут бирергә, әйбер сатканга, мунча тоткanga, һәм өйләнешкән өчен дә салым түләргә тиеш булганнар. Барлык кешеләрне яздырмаган өчен староста һәм выборныйларга – үлем җәзасы, ә авыл халкын камчы белән суктыру һәм иң яхшы яшь егетне чиратсыз рекрут итеп алу каралган була. Бу фактларны тарихчылар да беркетеп калдырганнар. Гомумән, татарлар хөкүмәтнең нинди дә булса рәсми кәгазьләренә язылуыннан бик өркегән. Шуңа да карамастан яздырылмыйча калган кешеләр барыбер бик күп булган» (Р. Мәрдәновтан).

«Юре по речке Искашер по переписным книгам 1710 и 1711 гг. (№ 2) написано два двора, ясашного тягла один ясак с четью», «а по переписи сего 1716 году…» ясаклылар бары ике хуҗалык. Документның ахрында: «И от тое убыли и малолюдства остальные татары, платя сполна подати, оскудали» – дип тә өстәп куелган.

1719–23 елларда (№ 3) уздырылган халык санын теркәүдә салым түләү берәмлеге итеп йорт хуҗалыгы түгел, ир-ат җан башы исәпләнә башлаган. Бу чара бер үк вакытта рекрутлыкка алынасы кешеләрне исәптә тоту өчен дә кирәк булган. Алдагы халык исәбен алу документлары «Ревизские сказки» дип языла башлаган. Димәк, сказка (сказать) – телдән әйтелгән белешмә.

«Патша Пётр I фәрманы белән исәптән чыгарылганнарны (авыр салымнардан качып, торган җирләрен ташлап китүчеләрне, үлүчеләрне) кимүчеләрне барларга һәм калган кешеләрне тегеләр өчен салым түләүдән азат итәргә боерыла. 1720–25 еллар арасында да безнең яктагы авыллардан 200ләп кеше башкортлар арасына качып киткән дип теркәлгән, шулай ук исәп алу вакытында урман-чокырларда яшеренеп калганнары да була. Казан өязендәге авылларда яздырмыйча яшереп калган ир-атлардан 219 кеше мәҗбүриләп солдатка алынган. Дәүләт салымнарын түләүдә солдат хезмәтендә булып кайтучыларга ташламалар каралган каралуын. Ләкин аларның туган авылларына исән-сау кайтучылары аз булган. Тарихның төрле дәверләрендә Әгерҗе төбәге халкы чит җирләргә дә күчкән. Төбәктәге халык саны даими үзгәреп – кимеп яки артып торган. Хәтта кайбер авыллар кайчак бөтенләй бушап калганнар. Аларга яңадан кешеләр килеп урнашкан. XVII–XVIII йөзләрдә, хөкүмәтнең колониаль изүе көчәйгән саен, төбәк халкы, үз нигезләрен калдырып, күпләп көнчыгышка – Кама аръягына һәм Урал буйларына, башкорт далаларына күчкән. 1744 нче елда Оренбург Каргаласына патша фәрманы

белән Әгерҗе ягындагы Иске Акхуҗа, Иж-Бәйки, Биектау һәм Нажар авылларыннан унике татар гаиләсе (ир-атлар саны – 53) күчерелгән.» (Р. Мәрдәнов. «Әгерҗем – йөрәк җырым» 54 бит).

Безнең авыл тарихында да мондый мисаллар бар. Ясаклы татарлардан дүртесе качкында, крепостнойлардан – Узбәк Уразаев хуҗалыгында «находящегося в бегах брата его родного Бахтеяра сын Бакир» тәрбияләнә; «... из возвращенных из бегов...» Ишали Бухаров, Юлдаш Енабердин». Бу кешеләрне алпавыт Тәфкилев бездән 40 км. ераклыктагы Кырынды авылыннан табып кайтарткан һәм алар христиан диненә күчкәннәр. Сәбәпләре, әлбәттә, билгеле. Авылда алпавытның 14 хуҗалыгы теркәлгән, җидесендә ятим балалар тәрбияләнә. Сәбәпләре күрсәтелмәгән. Әлбәттә, халык авырулардан да күп кырылган, шулай да иреккә омтылу, хөрлек хисе – күчеп китү, качып китү дә булгандыр. Яшәү шартлары авыр булса да халыкның әхлак кагыйдәләре тотрыклы булган, ятим балаларны ялгыз калдырмаганнар.

«В Терсинской волости а именно что был в деревне ... Починок Ушкашар бригадира Алексея Тевкелева итого – 14 дворов. В них мужеска полу – 51, женска – 57 душ» (№ 4). Безнең өчен бик әһәмиятле документ бу. 300 ел элек язылган документларга таянып, авылдашларның 12–13 буын шәҗәрәләрен төзергә мөмкинчелек туды. 14 крепостной крестьяннар нәселенең 7 дәвамчылары бүгенге көндә авылда яшиләр. Менә аларның нәсел башлары – Ишметка (Ишмөхәммәт) Игишев, Уразча Токтамышев, Исәнбай Тюкенов, Узбәк Уразаев, Өркәй Сафәров, Ибраһим Акметев (Ахметов), Хөсәен Таскешев (Дусмөхәммәтов).

Шулар арасында Үзбәк Уразаев кавымыннан авылыбыз горурлыгы – күренекле галим-педагог, тел белгече, җәмәгать эшлеклесе, «Хезмәт герое», «Хезмәт Кызыл Байрагы» ордены кавалеры, СССРның «Атказанган фән эшлеклесе» Хафизитдин улы Мөхетдин Корбангалиев бар. Кечкенә Мөхетдин 5 яшеннән абый-апасына ияреп авыл мәдрәсәсендә дини белем ала, аннан соң укуын рус-татар мәктәбендә дәвам итә. Күренекле галим-тарихчы Гайнетдин Әхмәров аның беренче укытучысы. Крепостной крестьян баласы Мөхетдин Казанга китеп, укытучылар училищесен Мактау грамотасына тәмамлый, 10 елга якын Казан, Вятка губерналары мәктәпләрендә укыта, иҗтимагый һәм сәяси тормышта катнаша һәм үз фикерен дәүләтнең югары даирәләрендә яклый алырлык дәрәҗәле шәхес булып халкына хезмәт итә. Аның фәнни хезмәтләре саны 130 артык. Биектаулылар галимнең 13 буын варислары теркәлгән нәсел шәҗәрәсен торгыздылар. Бу нәселдә ике профессор бар. Бүгенге көндә А.Н. Туполев ис. Казан техник университеты – КАИ профессоры, физика-математика фәннәре докторы – Сәйфетдинов Алмаз Илгиз улы галимнең абыйсының дүртенче буын оныкчыгы. Шунсын да әйтеп узарга кирәк, Алмаз Илгиз

улы Татарстан Республикасы Фәннәр Академиясенең «Физика, энергетика, җир фәннәре бүлеге» профессоры.

XVII–XVIII гасыр башы халык исәбен алу документларын барлаганда борынгы, моңлы төрки исемнәр сокландыра: Тимер, Гадел, Хөсәен, Булат, Бәйрәм, Йосып, Мостафа, Бүләк, Халисә, Карлыгач, Шикәр, Иркә һ.б., ә гарәп һәм фарсы телләреннән кергән исемнәр XVIII–XIX гасыр башларында киң таралыш алганы күзәтелде.

1745 елгы халык исәбен алу. (№ 5) 1744 елга кадәрле халык исәбен алу чаралары кораллы хәрбиләр тарафыннан уздырылган. Белгәнебезчә, Биектау авылы кешеләренең күпчелеге алпавыт бригадир Алексей Тәфкилевның крепостной крестьяннары. «Книга переписная ...Зюрейской дороги Казанского уезда» чыганагында болай дип әйтелә «Вафат булганнар – 17 кеше, яңа туган балалар – 25, рекрутка алынганнар – 3, чукынганнар – 2, качкыннар – 2 гаилә, башка авылга күчергәннәр – 1 гаилә.

Сүз башында татар алпавытларының исемнәрен алыштыру сәбәбен аңлатып китик. Безнең очракта (Йосыф) Алексей Тәфкилев турында. Патша Пётр I чукынмаган алпавытларның крепостной крестьяннар тотуын чикли торган бер-бер артлы указлар чыгара. Чукынырга теләмәгәннәрнең җирләре һәм крестьяннары алына, шуңа да буйсынмый чара булмый. Күпчелегенең исем-фамилияләре кәгазьдә генә кала, халык арасында аларга татар телендә дәшәләр, диннәрен дә мөселманча башкаралар. Алай гына да түгел, Тәфкилевлар авылларда мәчет-мәдрәсәләрне үз хисапларына тоткаННар, женазаларын мөселман гореф-гадәтләре буенча үтәп, мөселман зиратларында җирләнгәннәр. Шунсын да әйтергә кирәк, Модыбый, Тирсә, Нажар, Кыдырлы авыл зиратларында Тәфкилевларның нәсел-нәсәп кабер ташлары әле дә исән.

Крепостной крестьяннар гаиләләре ишле, бала-чага күп, күпхатынлык гадәти күренеш. Беренчедән, крестьянга җир ир-ат башыннан бирелгән, бала табучы яшь хатын-кызлар кирәк булган. Тарих дәреслекләрендәге крепостной крестьян «хәерче» булган дигән сүз бик үк дөреслеккә туры килми. Сүземне күәтләп, 1897 елгы переписьтә [ГА КО. Ф. 576, Оп. 9, Ед. хр. 122] крепостной хуҗалыклары 112, каралты куралары барсы да такта түбәле. 1889 елгы «Материалы по статистике Вятской губернии...» документында [ГА КО. Ф. 583, Оп. 509, Ед. хр. 194] авылда112 хуҗалыкта 189 ат, 134 сыер, 506 баш сарык һәм кәҗә. 29 хуҗалыкта атларны күпләп асраганнар. Мәсәлән, Ишмөхәммәт Игишевның хуҗалыгында җан башы – 24. Өйләнгән өч улы белән бер ишек алдында яшәгәннәр. Бу гаиләдә 10 яшьлек Сөбханкол үсеп килә. Киләчәктә ул Пугачев яуларында катнашучы батыр булачак. Хөсәен Таскешевның (Тинкешев) гаиләсендә өч ир бала үсә, шуның иң зурысы – Бохармөхәммәт (Бохармәт) Пугачёв явында катнашачак.

Гомумән, бу кыю, тәвәккәл егетләрнең нәсел җепләре бүгенге көндә дә авылда яшиләр. Арада беренчеләрдән булып дин гыйлемен үзләштергән мөхтәррәм имам Нәбиуллин Рафис Рәшит улы бар. Ул еш кына ерак бабасының ирек, азатлык юлында корәшче булуын халыкка искәртә.

Ясаклы татарлар 15 ир-ат, 5 хуҗалык. (№6) Фамилиеләрен карасак, Ишмяковлар – 2 , Урмякеев – 1, Тимеровлар – 2 хуҗалык. Үрмәкәй ыругыннан Илмөхәммәткә 58 яшь, Кадермөхәммәткә 43 яшь, Исәнмөхәммәткә 9 яшь. Димәк, бүген Әгерҗедән кайтканда уң якта «Исәммәт әрчүе» дип йөртелгән авыл көтүлеге шул еллар вакыйгасына барып тоташа. Якынча 300 ел элек Исәммәт агач-куакларын әрчеп үзенә чәчүлек җире ясый. Алда язылганча, ясаклы татарлар арасында, авыр салымнардан качып, торган җирләрен ташлап китүчеләр гадәти күренеш булган, димәк, бүгенге көндә авылда алдагы 3 хуҗалыктан Исәммәт ыругы дәвамчылары гына яши. Башка ясаклы татарлар кайсы-кая күчеп киткәннәр.

Алпавыт үзе яратмаган, яисә буйсынмыйча качып киткән крепостной крестьяннарын авылдан авылга күчереп йөртүен дәвам итә. 1745 елгы документта «Переведённые» дигән өлештә Бикметко Илметев Тирсә авылына күчерелгән. 1742–44 елларда Тирсә крестьяннары Тәфкилевка каршы баш күтәргәннәр арасында булып, төрле авылларга качып киткән гаиләләрнең кайберләрен Биектауга кайтарганнар. Шулар арасыннан Кызыл Ярдан Сөләйман Усаев (Дусмөхәммәтов) һәм аның өч улы Габдекәй, Габделкәрим, Әбҗәлил һәм оныклары Ярмөхәммәт, Габдерәхим бар. Бу гаилә тарихына алдарак тагын да тукталырбыз. Бу шанлы еллар вакыйгалары кыскача гына «Тирсә крестьяннары кузгалышлары» дип «Татар энциклопедик сүзлеге»ндә мәңгеләштерелгән. «Казан губернасы Тирсә волосте крәстияннәренең крепостной тәртипләргә каршы баш күтәрүләре. 1 нче кузгалыш 1742–44 елларда була. Сәбәбе – элекке дәүләт крестьяннарын алпавыт Көтлыгъмөхәммәд Тәфкилевкә крепостнойлыкка бирү. Кузгалышта Чишмә, Нажар, Тирсә, Балтач, Мордвинкино авыллары халкы катнаша. Башлап йөрүчеләре – өч бертуган Заһитовлар, И. Каметов, А. Арсланов, Б. Рахманкулов һ.б. Фетнә гаскәр көче белән бастырыла. 2 нче кузгалыш 1764–67 нче елларда була. Крепостнойлыктан азат итү фәрманы чыккан икән, дигән хәбәр таралудан башлана. Тирсә волостеның күпчелек авыллары хәрәкәткә кушыла. Җитәкчеләре – М. Минкин, К. Кадермәтев, Т. Кривов, Я. Ермаков, Г. Әмирев, Г. Минкин, И. Исениев һ.б. 1767 елда волостька секунд-майор Г. Широков җитәкчелегендә бер батальон солдат җибәрелә һәм фетнә хәрби көч кулланып бастырыла. Җитәкчеләре җәзага тартыла». Качкыннар, вафат булучылар, авылдан авылга күчерелгәннәрнең күп булуы шул вакыйгаларның кайтавазы булса кирәк. Әлеге көрәш турындагы документларны Мөхәммәтдин Гыйль-

манов Мәскәү архивларына барып таба һәм әлеге тарихи вакыйгаларның дөрес булуын раслый. Ул 1200 битлек «Тирсә эше»н, шулай ук Тәфкилев белән Көчек авылы кешеләре арасындагы суд эшләрен өйрәнә.

1762 елгы ревизская сказка «Беренчеләрдән булып губерна идарәсе судлары тарафыннан үткәрелгән. Ревизия документлары татар авылларында башта татарча язылып, губерна канцеляриясендә тылмачлар тарафыннан тәрҗемә ителгәннәр». (Р. Мәрдәнов) 1745 нче елгы переписьтан аермалы буларак, хатын-кызларның исемнәре, фамилияләре, кияүгә килсә, кайдан килгәне, кызларның кияүгә кайсы авылга кияүгә чыкканы һ.б. язылган. Авылдагы ясаклы татарлар: ир-ат – 10, хатын-кыз – 5 кеше. (№ 7) Әлбәттә инде, кыз бирешү, хатын алу күпчелек үз сословиесеннән булган. Авылга Әгерҗедән, Тобадан, Шурсак (?) авылларыннан кызлар төшкән, Юртай Тимеровның кызы Гөлшатны Оренбург якларына кияүгә биргәннәр, димәк, ерак аралар белән дә элемтәләр нык булган. Сәлимә исемле Тирсә кызын алпавытка тиешле мәһәрен түләп Бакый исемле егеткә кияүгә алып кайтканнар.Тарих өчен тагын кызыклы берничә очракка юлыктык. Ясаклы татар кызы Атнабикә Тирсәгә крепостной крестьян егеткә кияүгә чыккан. Шундый ук фактны Раиф Мәрданов 1782 елгы Тәбәрле авылы халык исәбен алу документларыда да тапкан иде. Алпавыт Тәфкилевның Биектауда яшәгән Муса исемле крепостной крестьянының хатыны Гөлсем Сөләймән кызы (1704–1766) Тәбәрленеке булган. Белгәнебезчә, Тәбәрле – ясаклы татарлар авылы. Мәхәббәт хакына иреген фидия кылу, чөнки ул егеткә кияүгә чыккач, алпавытның хокуксыз колына әверелә; басуында эшли, оброк түли һ.б. Шулай ук, 1849 елда Биектау авылы кызы белән Иж шәһәре егетенә никах укытылган.

1762 елгы ревизская сказкада Биектаудан Бикбай, Бакый һәм Биктимер Юртайковлар турында «...означенные души по определению Казанской Губернской канцелярии в 1771 г. за поселением Оренбургского уезду в деревне Стерлитамакове из наличности здесь выключены» диелгән. «Тарихтан мәгълүм булганча, Стәрлетамак, Илек яткылыкларыннан олау белән китерелгән аш тозын Агыйдел буйлап җибәрер өчен, 1766 нчы елда пристань буларак салынган. Стәрлетамак – 1781 елдан өяз каласы, хәзерге вакытта Башкортстанның Уфадан кала икенче зур шәһәре. Димәк, әлеге каланың нигезләнеп, ныгып китүенә безнең авыл татарлары да өлеш керткән. 1771 елда патшабикә Екатерина II Алабуга өязенә кергән татар авылларының дәүләт крәстияннарыннан 93 ир-атны гаиләләре белән (200дән артык кеше) Оренбург губернасындагы яңа нигез салынган Стәрлетамак авылына күчергән» (Р. Мәрдәнов).

Крепостной крестьяннар исәбе документында беренче тапкыр авылның исеме Биектау дип язылган. «...секунд-майора Осипа Тевкелева

в деревне Биктове по речке Ушкашур». (№ 8) Без уйлаганча, авылларда кеше исәбе аздан күбәюгә таба барган дип күзаллау элекке чор өчен хас түгел. Бик авыр тормыш шартлары авырулар халык санын гел киметеп торган. Безнең якларда халык санының тотрыклы арту күренеше XVIII гасыр ахрыннан гына күзәтелә. Авылда 18 хуҗалык. Туган-тумача әти-әниләре, абыйлары, энекәшләре, уллары белән рәттән йортлар салып бергәләшеп яшәгән ишле нәселләр арткан. Ир-атлар саны – 82, хатын-кызлар – 73 кеше.

Олы Себер юлында урнашкан, гасырлар буе алпавыт изүендә яшәгән Биектау халкы күп кенә тарихи вакыйгаларның ихтыярсыз шаһиты һәм катнашучысы булган. 1774–75 еллар арасында Россия тарихына мәңгегә кереп калган вакыйгалар – Пугачев күтәрелеше. Пугачёв үзенең мөрәҗәгатендә (манифестында) халыкка иң кирәкле нәрсәләр – ирек, җир, су, икмәк һ.б. вәгъдә итеп, кораллы Җаек казакъларын көрәшкә күтәрә. Алпавыт Йосыф Тәфкилев, Пугачёвка каршы 400 кешелек башкорт гаскәре белән Бөгелмә төбәгенә баш күтәрүчеләрне бастыру өчен киткәч, Акбаш авылы (хәзерге Ютазы районы) янында җәзалап үтерелә. Аның кабере Бәйрәкә авылы зиратында хәзергәчә сакланган. Бу хәбәрне ишеткәч, Тирсә волостендәге крестьяннар алпавытка эшләүдән баш тарта. Халык буталышы хәбәрләре ишетелә башлау белән үк Йосыфның хатыны Зөһрә бикә балалары һәм бөтен мөлкәт, мал-туарлары белән Тирсәдән Казанга китеп барган. Шушы вакыйгалардан башланып китә дә инде. Крестьяннар хөкүмәткә буйсынудан баш тарталар, алпавыт утарын талыйлар. Үз кешеләрен – Әбҗәлил Сөләймановны Минзәлә янындагы Пугачёв гаскәре җитәкчесе Каранай Моратовка яклау кәгазе алу өчен барырга сайлыйлар. Восстание җитәкчесе «Обзалим» (русча документларда шулай) – Әбҗәлил Сөләймәнов – тарихчылар өчен билгеле шәхес. 2002 нче елда нәшер ителгән «Татар энциклопедия сүзлеге»нә күз салсак: «Сөләйманов Әбҗәлил (Гаделҗәлил) (?–1774), 1773–75 еллардагы Крәстияннәр кузгалышында катнашучы. Фетнәчеләргә 1773 елның декабрендә килеп кушыла. Е.И. Пугачёв фәрманы белән Тирсә волосте старшинасы итеп билгеләнә. Полк туплап, Әгерҗе-Тирсә төбәгендә хәрәкәт итә, сугышта җиңелеп, әсир төшә. Июнь башларында Тирсә авылында җәзага тартыла», – диелгән.

Сөләймановның ата-бабалары Тирсә морзаларыннан бәйсез булу өчен электән карулашкан һәм халык арасында абруй казанган нәселдән булган, дип яза Р. Мәрданов. Биектауга кагылышлы документлар бу турыда ни сөйли соң? 1745 елда 64 яшьлек Сөләйман Дюсеев гаиләсе, мәҗбүриләп, Биектау авылына кайтартылган. Ул вакытта Әбҗәлил – 18 яшьлек егет. Димәк, ул якынча 1727–28 елларда туган. Бу да бик кирәкле факт, чөнки тарихчылар тарафыннан (энциклопедиядән) аның туган елы билгеләнә-

мәгән. 1762 елгы документта (бездә 1769 елгы күчермәсе) (№8) Биектауда Сөләйман вафат, ә уллары Габдекәй, Габделкәрим, Әбҗәлил хуҗалыклары теркәлгән. 42–43 яшьлек Әбҗәлилнең ике хатыны: Залиха һәм Фатыйма, гаиләдә уллары Габдерәшит, Габдрафыйк, Ибраһим, Габделхалик, кыз балалары Йөзем, Мөхәллимә (Мухалибью?) үсеп килгәннәр. Нык кына тормышлы Әбҗәлил нинди сәбәпләр аркасында восстаниегә кушылырга дигән карар кыла? Җавабы – күз алдында. Тәфкилевның, крестьяннарны кол итеп, авылдан-авылга күчереп йөртүләре сәбәп түгелме? Күченү – бер янгынга тиң, ди халык. Моннан тыш, Әбҗәлилне бу адымга көннән-көн көчәя барган милли изү дә этәргәндер.

1782 һәм 1795 еллардагы халык исәбен алу Сенат җитәкчелегендәге губерна һәм өяз судлары тарафыннан үткәрелгән. Биектау крестьяннары тормышындагы бик мөһим чор. Моның шаукымы документларда да сизелә. 1795 елгы ревизская сказкада Биектау крепостной крестьяннары теркәлгән исемлегенә керешкәнче, кереш сүз бар. Анда, сан алуда катнашучылар Ярмөхәммәт Әбдекәев һәм Гәбделмәҗит Әдилев, бер кешене дә яшермәгәннәренә, антларын бозган очракта җәзалы булуларына ант иткәннәр. Йосыф Тәфкилевның биләмәләре варисларына тапшырыла «...госпоже вдове секунд-майорше Дарье Алексеевне Тевкелевой» (№9).

Документта алдагы 1782 елгы сказкада ничә яшьтә булганнар; кайсы елда вафат булганнар, рекрутка кайчан алынган һәм 1795 елда кешеләр ничә яшьтә булганы теркәлгән. Тагын да бик кызыклы мәглүмат – киленнәр авылга кайсы авылдан алынган һәм кызлар кияүгә кайсы авылга, кемгә чыккан. Авылга үз теләкләре белән 4 ясаклы татар кызлары крепостной крестьяннарга кияүгә чыкканнар: Казан өязе Тагай авылыннан Тансык – Юлай Юлдашев хатыны, Уфа өязе Торна авылыннан Сабира – Бохармәт Хөсәенов хатыны, Кырынды авылыннан Җәвирә – Йосып Юлдашев хатыны, Уфа өязе Кутаймасово авылыннан Зәгифә – Гомәр Бәйрәмгалин хатыны. Өйләндерү, кыз бирү кебек эшләрне, әлбәттә, алпавыт белән киңәшеп башкарганнар. Шуңадыр инде, Биектауга Тирсәдән 26 кыз төшергәннәр, 5 кызны кияүгә Тирсәгә биргәннәр; Мордыбыйдан: 9–3; Нажардан: 7–2; Чишмәдән: 3–1. Биектау кызларын туган якларыннан ераклarга да кияүгә биргәннәр. Алар Уфа өязе Бәләбәй якларындагы Ламовой, Килем, Устюмово, Ахун, Сөн елгасы буендагы Кутаймасово (авыл атамалары документтагыча) авылларына килен булып төшеп гомер кичергәнннәр, балалар үстергәннәр, җәсадлары да шунда. Белгәнебезчә, Килем авылында алпавыт Тәфкилевның төп утары урнашкан. Авылның 8 егете рекрутка алынган һәм Вяткага җибәрелгән. 1795 елгы документта 224 кеше турында мәгълүмат бирелгән, вафат булганнар, рекрутка алынганнар, кияүгә киткәннәрдән соң авылда барлыгы 26 гаиләдә 80 ир-ат, 86 хатын-кыз яшәгән.

Бу документ Әбҗәлил Сөләйманов гаиләсенең язмышын барларга да мөмкинлек бирде. Кызганычка каршы, батыр, тырыш нәселнең тамырын чабасы балталар инде кайралган булган икән. 26 яшендә 1785 елны баш баласы – улы Габдерәшит вафат. Вафат кына микән соң, чөнки документта «у Абдряшита жена Барчин Баширова по умертвии мужа своего вышла по желанию её и по закону мохаметанскому в замужество за деверя родного Абдулхалика...» диелгән. «...По умертвии» дигән сүз «җазалап үтерелгән»не аңлата ахрысы. Татарлар арасында, әтиләре үлгәч, балалар ятим булмасыннар өчен, тол хатынны иренең бертуганына кияүгә бирү табигый күренеш була. Аларның уртак балалары – ул һәм кызлары туа. Әбҗәлил кызлары Йөземҗамал, Мөхиббә (Мөҗәен), икенче улы Габдрафыйк, хатыны Фазыла, кызы Гөлбануның да эзләре юк. Әбҗәлилнең өченче улы Ибраһимны Уфага солдат хезмәтенә җибәрәләр. Бу да бик сәер, чөнки безнең тирә авыллардан рекрутка Вяткага алып киткәннәр. 25 ел солдат хезмәтеннән соң бу егетнең исән калуы бик шикле. Әбҗәлилнең кызлары Мөҗәенне (Мөхиббә) Уфа өязе Ахун, Җәмиләне Мордыбый авылларына кияүгә биргәннәр. Әбҗәлилнең абыйсы Габделкәрим 50 яшен дә тутырмыйча вафат, ә улы Габделмәҗит гаиләсенең язмышы тагын да фаҗигале. Аның 15 яшьлек оныгы Габделваһаб – тома ятим. Әнкәсе 35 яшендә, ә әтисе Габделмәҗитнең аннан да иртә үлүе аның восстаниечеләр сафында булуына ишәра. Гомумән әйткәндә, 1795 елгы документтагы 35 кешедән торган Сөләймановлар нәселенең бер генә кешесе дә Биектауның алдагы 1834 елгы ревизская сказкасында теркәлмәгән. Көчле, булдыклы нәсел кешеләрен авылдан алып китеп кайсын кая таратканнар.

1811 (№ 10); 1816 (№ 11); 1834 (№ 12); 1858 (№ 13) еллардагы ясаклы татарлар теркәлгән ревизская сказкаларда берничә яңалык. Беренчедән, авыл Вятка губернасы Сарапул өязенә һәм Иж-Бубый, Варзи-Ятчә Данилово олыслары карамагында булган. Авылдагы ясаклы татарлар бары бер гаилә – Колмөхәммәт Урмәкеев варислары теркәлгән. Мөнәкәй (Нәбекәй) исемле кыю, башбирмәс хатын турындагы риваят тә шул нәсел кешеләренә барып тоташа.

Акморза, Бояр чишмәсе, Бояр тарлавы, Мулла болыны – бу атамалар Биектау тирәсендәге урман-кырларга, болын-суларга хуҗа булган морза, боярларга бәйле исемнәр. Тирә-якта саранлыгы, усаллыгы белән дан алган Әкрәм морза яшәгән. Авылның бер өлеше җирсезлектән, сусызлыктан бигрәк тә интеккән. Морза шулкадәр усалланган, солдаттан кайткан егетне күндереп, тау башындагы чишмәне дә күмдергән. Менә шунда инде Мөнәкәй исемле хатын чәчләрен кистереп, ир-ат киеменә киенеп, атка атланып, өяз башкаласы Алабуга шәһәренә сәфәр чыга. Исәбе – булдыра алганча җыйган документлары нигезендә Әкрәм морзадан

үзләренә тиешле җир-суны кире тартып алу. Һәм, чыннан да, максатына ирешә – дәүләт крестьяннарына җир ала. Тик, ярты юлга җиткәч, суга рөхсәт алмаганлыгы исенә төшеп, кире борыла һәм Ишкәшәр суына сукмак салу рөхсәт язуын да ала. Искитмәле хәл! Мөнәкәй, йөрәкле булу өстенә, мөгаен, русча да белгәндер, үзләренең хаклыгына нык ышанган, максатчан, тәвәккәл хатын булгандыр дип уйларга кала.

1834 елгы крепостной крестьяннар теркәлгән ревизская сказкада биектаулыларның хуҗалары үзгәргән: «помещица, вдова, прапорщицы Елисаветы Николаевой дочери, по мужу Тевкелевой и детей её». (№14) Бу елгы халык исәбен алу документында гаилә башлыгының әтисенең исемен русчалатып «ов» яки «ин» ителеп фимилиягә әйләндерелгән, ә балаларын татарчалатып «улы» дип язылган. Мәсәлән, Зейнуллы сын Гиззатулла һ. б. Авылда 19 крепостной гаилә. 2 егет рекрутка алынган. Яркәй Ярмөхәммәт улы һәм Хәбибулла Рәхмәтулла улы ниндидер җинаять өчен сөргенгә җибәрелгән.

Сөргенгә җибәрелүнең сәбәпләре, әлбәттә, күп булгандыр. Бәлки, ат караклыгы өчен. Крестьян хуҗалыгында төп эш көче – ат зур байлык булган. Ә менә Сиражетдинова Сорур әбинең бер туганын сөргенгә куылу сәбәбен истәлек итеп сөйлиләр. (Сорур әбинең әнкәсе Тирсә кызы – «пошый» нәселеннән.) «Пошый» кушаматы ерак бабаларының алпавыт рөхсәтеннән башка сөйгән кызы белән урманга качып китүе белән бәйле. Салкын кыш җитә башлагач, яшь хатынның бәби табар вакыты да якынлашкач яшьләр кире авылга кайталар. Менә шуннан соң алпавыт үчен ала да инде, аларны суд карары белән сөргенгә җибәрә. Авылда барлыгы 101 ир-ат, 112 хатын-кыз крепостной крестьяннар яшәгән. Бу саннарның дөреслеген Тирсә крепостной крестьяны Хәммат Усманов раслаган. Боларга тагын 10 ясаклы кешеләрне дә кушсаң, зур гына авыл була.

Икенче документның тулы исеме «Ревизская сказка 1858 года, февраля десятого дня, Вятской губернии Елабужского уезда деревни Биктовой помещиков: штабс-ротмистра Александра, майора Павла, полковника Алексея Петровых Тевкелевых; сестры их статской советницы Фатимы Петровой Бикмаевой, малолетней племянницы Хадичи Мамат-Гиреевой Педисовой о состоящих мужского и женского пола крепостных крестьянах». (№15) Авылда барлыгы 20 хуҗалык теркәлгән. 8 егет рекрутка алынган.

Габдулгани Сәпәрәев 6 яшьлек улы Әхмәтвәлине крепостнойлыктан азат итә. Тырышып-тырмашып, акча җыеп, алпавыттан сатып алгандыр, улының киләчәктә азат, хөр ир-ат булачагын уйлап куангандыр. Авылның уртасыннан Себергә илтә торган юл уза, дип язылган иде. Бу нәсел кешеләре авылда почта станциясе һәм этапное помещение тотканнар. Зур юлларда 25–30 чакрым саен почта станцияләре булган. Хөкүмәт эше

белән йөрүчеләрне һәм хат-хәбәрләрне тиз вакыт эчендә йөртү һәм иештерү өчен һәр почта станциясендә атлар алмаштырылган; Себергә куылган каторжаннарны кундыру йорты – этапное помещение булган.

Нәселләр барлауны дәвам итәбез һәм Үзбәк Уразаев нәселенән Бикмөхәммәт Ярмөхәммәтовның Балтачтан килгән үги улы Габделгалләм нәселе үрчеп киткәне күренә. Документны Тәфкилевның хезмәтчесе Мөфтәхетдин Габделхәсән улы Моратов раслаган. 1858 елда авылда крепостной ир-ат саны – 156, хатын-кыз – 156, государственный крестьяннар – 13, барлыгы 325 кеше. Биектау халкы тормышы тыныч, имин булгандыр дибез...

Кулланылган халык исәбен алу документлары исемлеге

1. ГА Кировск. обл. (г. Киров) Ф. 176, Оп. 2, Ед. хр. 325.
2. ГА Кировск. обл. (г. Киров) Ф.176, Оп. 2, Ед. хр. 595.
3. ГАКО – Ф. 576, Оп. 9, Ед. хр. 122.
4. НА РТ – Ф. 3, Оп. 2, Ед. хр. 529.
5. НА РТ – Ф. 3, Оп. 2, Ед. хр. 531.
6. НА РТ – Ф. 3, Оп. 2, Ед. хр. 574.
7. НА РТ – Ф. 3, Оп. 2, Ед. хр. 585.
8. НА РТ – Ф. 99, Оп. 2, Ед. хр. 35.
9. НА РТ – Ф. 3, Оп. 2, Ед. хр. 447 «б».
10. РГАДА (Москва) Ф. 1209, Оп. 1, Ед. хр. 6454.
11. РГАДА (Москва) Ф. 1306, Оп. 2, Ед. хр. 1701.
12. РГАДА (Москва) Ф. 350, Оп. 1, Ед. хр. 146.
13. РГАДА (Москва) Ф. 350, Оп. 2, Ед. хр. 1133.
14. РГАДА (Москва) Ф. 350, Оп. 2, Ед. хр. 1139.
15. РГАДА (Москва) Ф. 350, Оп. 2, Ед. хр. 1141.
16. РГАДА (Москва) Ф. 350, Оп. 2, Ед. хр. 1155.
17. РГАДА (Москва) Ф. 350, Оп. 2, Ед. хр. 1187.

Кулланылган әдәбият

1. Вәлиева Ф.С. Халкына багышланган гомер. Казан, 2004.
2. Мәрданов Р.Ф. Тарихта тибрәлгән Тәбәрле. Казан: «Тамга» нәшр., 2011.
3. Мусин Ч. Әгерҗе төбәге: тарихи сәхифәләр. Казан, 2008.
4. Сибгатова Э. «Бөек Себер юлында Биектау». Сарапул: «Алмаз-Принт», 2021.
5. Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт татарской энциклопедии АН РТ. Под ред. М.Х. Хасанова, 1999.

Руслан Шакиров

ТУРАЙ АБЫЗ

Во второй половине XVII в. в среднем течении р. Ик возник земельный спор между ирехтинскими башкирцами и «чувашами» Казанского уезда, проживавшими в деревне Мушуга (ныне Мензелинский район). В результате длительных судебных разбирательств было вынесено компромиссное решение. «Чуваша» остались жить на своем месте, часть земель отошла ирехтинцам, которые якобы проживали в тех местах «до ногайского разорения», которое случилось вероятно в конце XVI – начале XVII вв. Перипетии этого дела хорошо известны в историографии, так как именно в результате этого спора и стало известно о ярлыке хана Сахиб-Гирея, данного в 1523 г. предкам «чуваш» Акешке Доскееву с товарищи. Сам ярлык был впоследствии обнаружен в 1911 г. выдающимся татарским археографом и историком Сайидом Вахиди в деревне Мамалаево Мамадышского уезда (ныне Сабинский район Республики Татарстан). Интересно, что потомки казанского «чувашенина» Акешки Доскеева перешли в башкирское сословие, его внук Рысь Псяков стал известным башкирским старшиной и впоследствии все его потомки числились как «башкирцы». Основные документы по этому делу хранятся в Москве в архиве Древних актов в фонде Уфимской приказной избы. Между тем, внимательное изучение этих дел привело к выводу, что изначально это было одно большое дело, которое впоследствии было расшито на несколько мелких, что связано, видимо, с частичным повреждением некоторой части листов. В результате часть информации была утрачена. Однако не так давно было обнаружено еще одно дело, в котором имеются некоторые утраченные части основного первоначального дела. В нем есть интересные моменты, касающихся Чувашайки Тураева и его отца – Турая. Это потомки известного в Восточном Предкамье рода Шейхдербыша Миркамалова. Оказалось, что после того, как ирехтинские башкирцы сьехали со своих мест, часть земель захватил Турай и его сын – Чувашай. Ниже представлен текст, который касается этих событий: «Казанской дороги Ирехтинской волости Каракуска Аканаев да Сарбашка Бараков с товарищи, всею волостию и в челобитье их написано: в прошлом де 183 (1675) г. была у них от дедовских отцов с них коих родных вотчинах очная ставка, Уфимского уезду ж Казанской дороги с чувашею с Чувашайком Тураевым с товарищи и сыски были, а в сысках многие люди сказали по их что та вотчина и при басурманских царях была ирехтинских башкирцев, и стольник и воевода Петр Кондырев дружа им Чувашайку с товарищи тою вотчиною велел им владеть, а им де отказать, а они де ирехтинские

башкирцы, неведая, что отец его Чувашайков их ирехинских башкирцов оболгав, в древних годех бил челом блаженные памяти великим государем царем и великим князем российского царства, будто та их ирехтинских башкирцов вотчина выморочная, а та де вотчина невыморочная они де ирехтинцы ис той вотчины отошли в иное место от войны на время и жили в новом месте понуже и доныне де живут, потому что по выданному челобитью дедовскую и отцовскую и их ирехтинскою вотчиною его Чувашайков отец Турай и он Чувашай с товарищи завладели и ныне владеют напрасно, а по указу великих князей государей и по соборному уложенью вотчинами владеть велено родственникам, а в иные роды отдавать не указано, чтобы родственные вотчины из роду не выходила, а они де ирехтинцы той вотчине родственники, потому что деды и отцы их тою вотчиною владели и в сысках про то сказались ж и в ясашных книгах на Уфе в приказной избе про тое их вотчину за отцом Чувашаевым за Тураем написано выморочною его оболгательством, а та их ирехтинская вотчина не выморочная и доныне они ирехтинцы в живущих, и чтоб великий государь пожаловал бы их велел им от той вотчины, против блаженныя памяти отца своего государева великого государя и великого князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белыя россии самодержца, и своего великого государева указу и соборного уложенья, и против записных уфимских ясашных книг указ учинить кому та вотчина правая родственников или иных родов, а они де ирехтинцы той вотчине отцов своих дети и родственники, и на Уфе в приказной избе по прежним делам и по приговорам за рукою стольника и воеводы Петра Кондырева, деревни Тураевой Чувашайку Тураеву с товарищи о спорной вотчине ирехтинских башкирцов во владеной память прошлого 183 (1675) г. августа в 12 день написано: тою вотчиною владеть велено исцу Чувашайку с товарищи по сыску, по указу великого государя и по соборному уложенью, по тем статьям, которые статьи к исковым делам, а не к вотчиным, потому что по сыску с обе стороны сказали что та спорная вотчина истцов Чувашайки с товарищи старинная, а с другую сторону сказали: что та вотчина ирехтинских башкирцов старинная ж, только в обыску сказали по истцам по Чувашайке с товарищи больше другой половины, потому их Чувашайку с товарищи и владеть велено, а ирехтинским башкирцам от той вотчины отказано противу указа великаго государя и уложенья против исковых дел, а не против вотчинных статей, а в указе великаго государя и в соборном уложенье о вотчинах в разных главах и статьях напечатано: вотчинами велено владеть вотчинникам и вотчичам, а та вотчина по челобитью ирехинских башкирцов после приговора стольника и воеводы Петра Кондырева. На Уфе в Приказной избе в ясаш-

ных книгах прошлых давних лет 129 (1621) да 130 (1622) да 136 (1628) гг. написано: Турай абыз по окладу дает государева ясаку на год по шести куниц с оброчной вотчины по Ику реке ниже Юрмы деревни выморок ирехтинских башкирцов, и тот Турайка прежнему исцу Чувашайку отец, и та вотчина по тем книгам обьявилась старинная ирехтинская, а не их Чувашайкова с товарищи. Потому и прежде Чувашайкова отца Турайка та вотчина была ирехтинских башкирцов. Сам он Турайка тое вотчину обьявил за собою ирехинских башкирцов выморок, и в прежнем деле по челобитью Чувашайка с товарищи на ирехтинских башкирцов тех ясашных книг о той вотчине не обьявлено, потому знатно что та вотчина мимо прежних вотчинников ирехтинских башкирцов отдана им Чувашайку с товарищи, и велено им владеть мимо вотчинников, а по ясашной книге той вотчине прямые вотчинники ирехтинские башкирцы, а не Чувашайко с товарищи, а в обысках в прежнем деле многие люди сказали про тое спорную вотчину, что де та вотчина старинная ирехтинских башкирцов и при басурманских царях тою вотчиною владели ирехтинские башкирцы, а Чувашайков дед и отец Турайко и он Чувашайко с товарищи при бусурманских царях тою вотчиною владелиль того в иску не сказали, да и в ясашных книгах написано утайкою что будто та вотчина выморочная, а та вотчина обьявилась не выморочная, той вотчине вотчинники есть, а в указе великого государя о вотчинных статьях напечатано: будет которой отчины сыщутся вотчинники и те вотчитны велено отдавать вотчинникам, чтобы вотчины из роду не выходили, и по тому великого государя указу и по выписке за пометою стольника и воеводы Венедикта Яковлева Хитрова, тою вотчину велено поворотить назад в род и владеть вотчинникам ирехтинским башкирцам Каракуску Аканаеву да Сарыбашку Баракову с товарищи, потому что и в прежнем деле в обыску сказали что та вотчина и при бусурманских царях была их ирехтинских башкирцов, а не Чувашайков с товарищи, да в ясашных книгах написано оболгательством ирехитнскою выморочною вотчиною потому им ирехтинским башкирцом стольник и воевода Венедикт Яковлевич Хитров и велел владеть вотчинникам по указу великого государя и по соборному уложенью, а не вотчинникам Чувашайке с товарищи от той вотчины велел отказать, потому что они той вотчине не вотчинники тою вотчиною они владели оболгательством. Стороны у подлиной крепости написано на обороте по склейкам стольник и воевода; а внизу по окончании грамоты Венедикта Хитрова, с начала ж той грамоты по ветхости и гнилости года месяца и числа нет во обстоятельстве значит».

Этот недостающий в оригинальных делах из РГАДА отрывок примечателен тем, что есть указание на окладные книги 1620 гг., в которых

указан непосредственно Турай-абыз, внук или сын Шейхдербыша. Приставка абыз означает что он был грамотным человеком и учителем. Ранее сам Турай в документах не встречался, хотя его сыновья достаточно хорошо зафиксированы в источниках, это Чувашай, Ясчей (жители Тураево), причем потомки Чувашая принимали активное участие в продаже земельных наделов в сословии «башкирец».

Отец или дед Турая Шейхдербыш Миркамалов известен по грамоте 1580 г. – «Лета 7089 года сентября 15 числа по Государеву Цареву и Великого князя Ивана Васильевича всея России наказу царев и великого князя велел Михайло Бичеговский отдать на оброк чуваше Шихдербышу Миткоманову да Тевкелю Тохтамышеву да Бектимиру Еналееву из той их деревни бортный ухожий на Каме реке по обе стороны Камы реки да за Камой по Ику реке на обе стороны выморок Аккозиня Абашево да Тактамышевой Аккозины да Абыша Аккозина да Такказия. А наперед сего та вотчина была на оброке за Абаем Маскариным и у Абая та вотчина взята и отдана Шихдербышу да Тевкелю да Бектемиру, потому что та вотчина старинная, а оброку им дати в государеву казну по Михайла Битеговскому два батмана меду; пошлин да оброк сей дан на рождество Христово в 89 году и как сия грамота к вам придет и вы бы по-прежнему и по сему нашему Великого Государя указом уфимским башкирцам Арычке Тохтамышеву с товарищи той вотчиной с рыбными ловлями всякими угодьями владеть по старым их крепостям».

Согласно шеджере, опубликованному в книге Марселя Ахметзянова «Тататарские родословные», у Шейхдербыша было 12 сыновей – Курай, Туктамыш, Тукбирде, Тутай, Кахарман, …уйка, Максут, Ырыс, Байсуба, Бигаш, Илбакты, Таубакты, Таукильде. Турай являлся сыном Курая. При этом сама грамота дана «башкирцу» Арычке – внуку Шейхдербыша и жителя деревня Байляр, от которой и произошло название волости, а не от мифического «башкирского» рода. Второй вариант шеджере опубликован в книге «Башкирские шеджере» и в ней Турай указан как сын Шейхдербыша.

В грамоте 1637 г. упоминается Курманай Шейхдербышев – «по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея россии указу боярин и воевода Иван Васильевич Морозов князь Никита Никимич Гагарин дьяки Никифор Тальчин Леонтей Полуктов дали грамоту чувашам Зюрейской дороги деревни Балтачевой Алакейке Тявкиеву, Тавгильдяйке Тавкиеву, Курманайке Шейхдербышеву, Балтачке Сапаргочеву, Ахпайке Басубину, Ясчейке Тораеву для того били они челом государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всея России, а сказали живут де они в деревне Балтачевой на полуясаке и ныне де им в этой деревне не пожилось скотиною опала и хлеб не родится по многие годы а с тое де близко

тоеж деревни Балтачевы полянка версты с две пол речке Учумень по обе стороны а сенные покосы у них будут за Камою рекою верхняя межа по речке Улюк а нижняя межа по Ик реку и государь бы их пожаловал велел ис той деревни выпустить с старыми их полуясака на ту полянку да о них на себя…. Вновь полясака и велеть бы им на ту полянку и на сенные покосы дать ввозную грамоту а в приходной хлебной книге нынешнего 149 (1641) написано по зюрейской дороге деревни Балтачева, а в ней по окладу двадцать дворов без чета и в том … полдвора Алакая Тевкелева полдвора Тявгильдейки Тевкелева полдвора Курманка Шехдербышева полдвора Балтая Сабуртозиева полдвора Ахпайка Пасубина полдвора Яничейка латуша (?) а полянка что по речке Учумень от деревни Балтачевы версты с две в ясашной хлебной книге нынешнего 149 (1641) г. на ясак ни на ком не сыскано и будь тому так государю били челом деревни Балтачевой Алакайка Тевкеев с товарищи … полянка что по речке Учумень лежит впусте не владеет ею никто и спору ни с кем не будет и чуваше Алакейке Тявкиеву, Тавгильдяйке Тавкиеву, Карманку Шейхдербышеву, Балтачке Сапаргочеву, Ахпайке Басубину, Ясчейке Тораеву на той поляне по речке Учумень по обе стороны что от деревни Балтачевой версты с две жить на старых своих полуясаках да им же платить вновь полясака пашню пахать и сено косить за Камою рекою и всякими угодьи владеть опричь бортных ухожий и бобровых гонов… и товарищей им на ту поляну на новоприбыльныя ясаки призывать у подлинной грамоты пишет тако к сей грамоте государеву цареву и великого князя Михайла Федоровича всея России печать царства казанского приложил боярин и воевода Иван Васильевич Морозов лета 7145 (1637) г. февраля в 3 день назади у той грамоты память дьяка Леонтея Полуктова справа подьячего Григория Амирова сверху копии рукою написано: чтена.»

В этой грамоте интересен топоним – д. Балтачева «версты с две от поляны по речке Учюмень». Эта речка находится в Менделеевском районе Республики Татарстан и является правым притоком Камы. Вдоль нее последовательно находятся деревни Татарский Сарсаз, Псеево, Куразово и Тураево. Однако населенного пункта с топонимом «Балтачево» возле этой речки нет и по известным картам и документам не было.

Свет проливает еще один не так давно найденный документ – «Бьет челом Уфимского наместничества Мензелинской округи а ныне живущие в Елабужской округе в деревне Сарсаз по речке Учюмень ясашные тептери Салих Даумов Тлявмет Усеев с товарищи а о чем наше челобитье тому следуют пункты:

1-прадеды и деды наши по названию ясашные чуваша и по данной им в прошлом 7145 (1637) г. грамоте те наши прадеды и деды вышли из

деревни Балтачевой на порожжую пустую поблизости той деревни в двух верстах у речки Учюмень поляну, где по заселению, а по них и мы жительство имеемому и поныне и по заселении их наши предки против той грамоты для общаго владения припустили для поселения поблизости нашей деревни в версту на той же речке вниз по течению оной ясашных татар, которые ныне на показанном месте жительствуют под названием деревни Псеевой, а пашенною землею и всяким лесом по обе стороны реки Учюмень сенными покосами и протчими угодьями кроме бобровых и иных зверей лов за Камою рекою против той грамоты с верхнею межи по реку Улюк до нижней межи по Ик реку обще с теми псеевскими припущенными предками нашими татарами владение без спора и за оные угодьи и землю все мы вообще в казну вашего императорского величества платили в платеже коих и росписки у нас имеются.

2-а назад тому годов с пять зазвав из нас Салиха Даумова с отцом Даумом Аймановым деревни Тураевы башкирец Биктемир Килмаев имеющуюся у нас подлинную показанную данную предкам нашим грамоту выпросяя при случившемся тогда у него в доме уфимского уезда города Мензелинска коллежским регистраторе Леонтье Тихановском якобы для посмотру кою в то время нам обратно не отдал, обьявляя при том что он оную нам отдать в другое время и после того по не однократному требованию нам обратно не отдав отзываясь разными отговорками и после того время спустя с годы в приезд ко оному Бектемиру в дом онаго же регистратора Тихановского отец мой Дауман б отдаче обратно на онаго Бектемира просил почему он и приказал ему Бектемиру чтоб он ее отдал отцу моему на что он Бектемир обьявил якобы у него бывшими в доме его разбойниками оная грамота унесена и отзываясь тем нам поныне той грамоты не отдает и после того время без всякого права усильством своим предписанные по урочищам сенные покосы отняв владеют оными и поныне называя своими из состоящего в тех наших дачах березнику и к снятию для ситки дехтю берест как нам так и припущенным в товарищество предками нашими до владение не допущают да и сена косить … недостаточно для домоводства на показанных сенных покосах а с протчими угодьями ко владению не допущают называя все оные своими, а припущенных предками нашими ясашных деревни Псеевой татар Бектемира Султанаева с товарищи не допущают же и незнаемо почему он Бектемир с товарищи повсегодно с них берет за кошенье на показанных покосах сена оброк, а ныне я именованные Салих по умерству отца моего Даума Айманова в письмах отыскал с той подлинной грамоты точную копию покосы имянно оное владение нам принадлежит а не тем башкирцам по кое мы им обьявили чтоб он кошению сена и владению протчим угодьем и снятию берест допустили общеприпущенными

татарами, но они не взирая желая до владения не допустить и тем причинить нам крайние убытки и разорение естлиж оные башкирцы будут в том нас и за сим притеснять и до владения не допущать имеем на них особо просить формально явочного челобитья о том от нас на них башкирцов присутственное ж то еще не подано».

В ревизской сказке 1811 г. Вятской губернии Елабужского уезда Байлярской волости команды старшины Рахмана Ибрашева о состоящих в деревне Сарсазах государственных окладных тептярях и бобылях в 5 дворе зафиксирован Салих Деумов 60 лет (родился в 1751 г.). Его братья Валит и Хамит.

В переписи 1762 г. д. Сарысазовой Казанской дороги Уфимского уезда в 5 дворе зафиксирован Аит Дюсеев (умре). У него сын Дуваим 36 лет (род. в 1726 г.), его дети – Валит, Салих, Хамит.

Первая ревизия по деревне Сарсаз Уфимского уезда сохранилась по ясашным татарам и первые четыре двора совпадают с таковыми по данным 3 ревизии. Однако 5 двора нет, либо Аит Дюсеев переехал в деревню после 1 ревизии, либо был пропущен и не записан (что более вероятно). Таким образом, непосредственным держателем оригинала грамоты 1637 г. были жители деревни Сарсазовой и «поляна» в вышеупомянутой грамоте относится именно к этой деревне.

В другом документе за 1791 г. сказано – «..поданным в палату 10 декабря 1791 г. от живущих Елабужской округи в деревне Сарсаз по рече Учумень ясашные татара Хамит Диумов и Муса Токтагулов прошением обьявили, что прадеды и деды их по названию ясашныя чуваша по данной им в прошлом 7145 (1637) г. грамоте вышед из деревни Балтачевой на порозжую пустую состоящую поблизости той деревни двух верстах у речки Учумень на полянку на оной поселились …».

Подтверждением, что Сарсаз и есть «поляна» служит первая ревизия по этой же деревне, которая относилась к Зюрейской дороге Казанского уезда, она назвалась как «Чумень, полянка тож»(выделено мной – Р.К.). По всей видимости, термин «поляна» как раз и взят из этой грамоты, само название трактуется как «поляна по реке Чумень». Поселившись на этой поляне, они припустили ясашных татар ниже по течению на версту – так появилась деревня Псеево. Последняя по всей видимости так названа по имени Псейки Турачеева (вполне возможно – сына Турая), который просил разрешения платить окладной ясак вместе с Тимкою, Янбулаткою и Бекмаметком Рыковыми из дер. Рысаевы «вопче по 3 куницы да вновь в прибыль по кунице на год в 1694 году».

Еще ниже по течению основалась д. Тураево, которая как раз и названа по имени Турай-абыза – «лета 7164 (1656) ноября в 23 день по го-

судареву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца указу писцы Семен Васильевич Волынский да дьяк Михайло Патрекеев дали на оброк порожжую землю на речке на Каме против устья Ик реки сенные покосы из Костромы Богоявленского монастыря игумену Герасиму с братею для того в нынешнем 194 (1686) году сентября в 24 день били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея великия и малыя и белыя России самодержцу они игумен с братею в Казанском де уезде в писцовых книгах Семена Васильевича Волынского за Камою рекою против устья Ик реки земля и сенные покосы рыбные ловли и лес и ныне де тою порожжею землею и сенными покосы и рыбными ловлями и лесом не владеет никто лежит впусте от татарского разоренья и государь бы пожаловал велел тою порожжую землю и сенные покосы и рыбные ловли и лес дать им на оброк, а писцы Семен Васильевич Волынский с товарищи тое землю не писали и не теряли послан был про тое землю и про сенные покосы и рыбные ловли сыскивать казанец Андрей Издосский, и в сыску Андрея Издосского написано новокрещены и черемисы шесть человек сказали, слыхали де они от отцов своих, что в прежние годы была пашенная земля на Каме реке против устья Ик реки жили татаровя, а ныне де та земля лежит впусте поросла лесом, а владеют де на той земле татарове деревни Тураевы да деревни Безяки одним бортным ухожьем, а почему владеют по государевой ли грамоте или по писцовой и по отдельной выписи, и что с того бортного ухожья платят оброку того не ведают, а деревни Безяки да деревни Тураевы двадцать три человека сказали в прежние де годы на Каме реке против устья Ик реки на … земле живали отцы их, а как де приходили с Вятки вятченя с боем (?) на отцов их, ис той земли отцы разошлись … на новые места и ту де землю с тех мест покинули и та земля поросла лесом; а ныне де они владеют на той земле одним бортным ухожьем, а сенные де покосы косит татарин Тураевы деревни Алакайко Тявкеев, а почему де они бортным ухожьем и сенными покосы владеют по государевой грамоте или по писцовой или отдельной выписи и что с того бортного ухожьей и сенные покосы оброку платить и они де на те бортные ухожьи и на сенные покосы крепостей никаких не положили, а по дозору и по сказке Андрея Издосского переложные земли пятьдесят четвертей, лесу черного в длину на две версты, а поперек на версту, а межа тое земли верхняя идучи от Камы реки в Тураеву деревню по правую сторону дороги татарской земли, а по левую сторону дороги та порожжая земля да по изгороду тураевского поля, а по другую сторону Елховое озеро а от Елхового озера прямо на Каму реку, а по конец течет речка Безяк а пала в Елховое озеро ж, сенных покосов за Камою речкою

ниже устья Ик реки промеж плоского озера … а от плоского озера прямо на Каму реку с другую сторону Ик река а по смете сена сто копен и про рыбные ловли Андрей Издосский не сыскивал, потому что де те рыбные ловли на оброке у татар у Агишки Арысланова с товарищи; по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца указу игумену Герасиму с братьею тою переложною землею и сенными покосы владеть опричь бортного лесу, буде та земля и сенные покосы никому не отданы а оброку … игумену Герасиму с братьею с тое земли и сенные покосы велено платить в государеву казну по рублю по шестнадцати алтын по четыре деньги да с того оброку пошлины по два алтына по три деньги ежегод бесперебойно, и се данное писец Семен Васильевич Волынский печать свою приложил; у подлинной выписи на обороте пишет тако дияк Михаила Патрекеев, справил Ветка Тютчев, подинные с грамоты копии скрепил тако».

Таким образом, Алакайко Тявкеев грамоты 1637 г. в 1686 г. указан уже как житель деревни Тураевой, которая также находится возле реки Учюмень. В грамоте 1686 г. точно указано, что «жили татаровя, отцы их», а затем разъехались, либо от набегов вятичей либо по причине неурожаев. Интересно, что бизякинцы и тураевцы ранее жили вместе в той же деревне Балтачеве. Часть потомков поселилась вниз по Каме, основав Бизяки, часть вверх по Каме, основав деревни вдоль реки Учумень – Тураево, Псеево, Куразово, Сарсаз.

Интересно, что оригинал грамоты 1637 г. был «выпрошен» башкирцем деревни Тураевой не просто так – по всей видимости, они также считали себя законными ее владельцами.

Из архивных источников известно, что существовала деревня «Балтачева, а Тойма тож». Этот топоним зафиксирован в ходе земельных споров ирехтинских башкирцев и татар деревни Мушуги – «что родовые земли мушугинцев располагались по Зюрейской дороге деревни Малые Суни … да деревня Балтачева а Тойма тож … да деревни Ныс». Можно предположить, что речь идет о той же самой Балтачевой, что «с две версты от речки Учумень». Тем более недалеко протекает речка Тойма.

Однако есть еще документ за 1634 г., приведем его полностью: «В нынешнем 1736 году августа в 4 день в поданном в Казанскую губернскую канцелярию прошению Казанского уезда Зюрейской дороги деревни Тоймы шердербышевской пустоши ясашных татар Козынбая Юнусова с товарищи написано в прошлом де во 142 (1634) г. били челом великому государю деды и отцы их и они ясашные татара Казанского уезду Зюрейской дороги починка на диком березнике Девлекейко Аккозин да Айтугайко Байгильдин о пустоши шердербышевской которая по сю сторону Камы реки

за Вяткою рекою по Тойме реке по межам и урочищам и против того их челобития вышепомянутая пустошь шердербышевская дедам и отцам и им на ясаки по межам и урочищам и отдана и дана было на ту пустошь грамота а во время башкирского разоренья вышепомянутая грамота утратилась и чтобы повелено было с прежнего их челобитья и грамоты на ту пустошь шердербышевскую по межам и урочищам из Казанской губернской канцелярии дать им ее императорского величества владеной указ а по справке в казанской губернской канцелярии в архиве сыскана книга поместных дачь прошлого 142 (1634) г. за приписью дьяка Федора Ребенского кому даны ввозные грамоты, а с того куды посланы для отказу поместных земель и протчих дел. И в той книге между протчим написано августа в 25 день данною грамотою чуваше Казанского уезду Зюрейской дороги починка что на диком березнике по речке Игате Девлекеку Акозину да Айтугайке Байгильдину для того в 142 (1634) г. били челом они великому государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всея России, а сказали жили де они в той деревне за Камою рекою и платили Девликейко в государеву казну по целому ясаку, а Айтугайко по полясаку на год и в том де 142 (1634) г. в той деревне в Березниках побили калмыцкие люди и его Девликейка изстрелили и им де в той деревне за Камою рекою жить стало невозможно и есть де пустошь шердербышевская по сю сторону Камы реки за Вяткою рекою по Тойме реке по обе стороны, а межа той пустоши кунеевская мельница на ключе, а нижняя межа мустафинской ключ, а сенные покосы по Пенеру озеру, а тою де пустошью не владеет никто и государю бы их пожаловати велети им из за Камы реки из деревни Березнику перейти жить по сю сторону Камы реки на шердербышевскую пустошь и велеть им с него Девлекека полясака снять и написать на брате его Досмаметке, а в приходной хлебной книге 142 (1634) г. написано по Зюрейской дороге починок на диком березняке по речке Игате, а в нем семь дворов с четою в том числе двор Девликейка Акозина полдвора Айтугайка Байгильдина, Досмаметка Козина и в том починке на ясак не написано и будет так как государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всея России чуваша Девлекейка Якозин да Айтуганко Багильдеев били челом о пустоши шердербышевской за Вяткою рекою по Тойме реке по обе стороны лежит буде впусте не владеет ее никто и спору не будет о той пустоши и чуваше Девлекейку Акозину на полуясаке да Айтугайке Багильдееву на полуясаке, а Досмаметку Девлекееву на брате Девлекейковена полуясаке за Вяткою рекою на путоше шердербышевской по Тойме реке жить и пашню пахать и сена косить и всякими угодьи владети опричь бортных угодьев и бобровых и иных зверей гонов, а государев им денежной ясак и …. хлеб в государеву казну платить на год бесперебойно и товарищей к себе на ту пустошь на

новоприбылые ясаки призывать и сегож августа в 24 день по указу ее императорского величества и по определению казанской губернской канцелярии велено вышеписанному челобитчику с отысканной книги поместных дачь 142 (1634) г. для ведома дать копию за секретарскою рукою чего ради ему Козынбаю Юнусову с товарищи с ее и дана подлинную подписал секретарь Дмитрий Резников справил канцелярист Степан Самарцов». Эта грамота дана жителям деревни Тоймы Карамала тож в 1736 г. Упомянутый в ней Конзыбай Юсупов есть в Ландратской переписи – «(д) Козенбайка да Мустафайка Юнусовых, он, Казенбайко з женою Гультейкою и з дочерью Аднакейкою, и вышеписанной брат ево бежали в 712-м г., по переписным книгам 710-го и 711-го гг. написано на нем тягла пол-ясака». В списке выбывших после 1 ревизии есть Казынбай Юнусов, в 1723 г. ему было 37 лет (род. в 1686 г.) и умер в 1743 г. Таким образом, Тойма Карамала тож что по речке Тойме и есть та самая «шердебышевская пустошь». Без всякого сомнения, она имеет отношение в Шейхдербышу Миркамалову.

Подтверждением этому может служить еще один список грамоты – «… и в прошлом в 202-м г. сентября в 29 день били челом нам великому государю Уфимского уезду Казанские дороги Байлярские волости деревни Тураевы башкирцы и ясашные татаровя Ишелейка Чювашев с товарыщи в прошлых-де в 75-м (1567) в 89-м (1580) гг. по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Иоанна Василевича всеа Росии даны родственником их прапрадедом и прадедом и дедом и отцом их Бигечку Чювашеву, Ширдербышку Милкоманову да Тевкейку Тохтамышеву, Байтемирке Еналееву вотчины что ныне в Уфинском уезде в урочищах по Шилне речке по обе стороны, а напред того та вотчина бывала за башкирцом Тохтамышем да из деревни Тоймы бортной ухожей на Каме реке по обе стороны Камы реки, да за Камою рекою по Ику по обе ж стороны выморок Акозинко Обашева с товарыщи, а напред того та вотчина была за башкирцом же за Байком Москариным ис тех-де даных вотчин те их родственники платили в нашу великого государя казну оброку на год по полтретя батмана меду да пошлин три алтына беспол денги и даны им по тем межам на те вотчины владеные памяти, а в тех своих вотчинах те их родственники против тех своих крепостей в межах против дач по Ику реке по обоим сторонам верхнею межею Болшим озером а нижнею межею озером Орловым да в тех же межах озеро Ягыр да озеро Улюк река и с ыными озеры и с лесными речками кои в вышеписанных их родственников в дачах в бортных ухожьях с Ыку реки по обе стороны и по Ижу реке по обе ж стороны да по Шилне речке вверх с одну сторону да по Калмашу речке по одну ж сторону да по речке Бексесеню по обе стороны с вершины и до устья да по речке Секешу по одной стороне с вершины и до устья и по тем

межам и урочищам бортным ухожем и рыбными и звериными ловлями и сенные покосы и всякими угоди владели и после тех дач в тех даных своих угодях те их родственники поселилися деревнями в разных местех, деревнею Тураевою поселились близ устья Ику реки по которою деревнею ныне о старинных их покосех учинился быть спор…». Как видим, в этой грамоте указана д. Тойма, в которой они и жили, а так же есть указание на заселение «деревней Тураевою близ устья Ику реки», то есть, по всей вероятности речь идет о событиях, указанных в грамоте 1637 г.

Между тем деревня Балтачева упоминается в вышеозначенной грамоте за 1637 г. и в ней было 20 дворов. Таким образом, Балтачево грамоты 1637 г. не является шердербышевской пустошью, да и расстоянием последняя от р. Учумень 6–7 верст, а не 2.

Здесь есть три варианта. Первый – «Балтачево, а Тойма тож» относилась к другой территории, там, где находились деревни Ныс и Малые Суни. Второй – переписчик топоним «Балтачево, а Тойма тож» записал с ошибкой и имелось в виду «Балтачево и Тойма тож» (выделено мной – Р.К.), то есть две деревни – Тойма (будущая шердебышевкая пустошь по р. Тойма) и Балтачево грамоты 1637 г., которая находилась вероятно между деревнями Тураево и Бизяки и в которой жили дети Шейхдербыша, от этого места до нынешнего Татарского Сарсаза как-раз около 2–3 км. Третий вариант – «Балтачева, а Тойма тож», есть та самая Балтачева, упомянутая в грамоте 1637 г. и ранее до хлебной книги 1640 г. она именно так и именовалась, что могло быть следствием того, что дети Шейхдербыша вышли из деревни, где он жил и основали Балтачево. Далее термин «Тойма» отпал, осталось просто Балтачево. К примеру, деревеня Сарсаз именовалась ранее как «Сарсаз Малая Чумень», а потом осталось только «Сарсаз».

В дальнейшем часть потомков от «чуваш» грамоты 1637 г. перешли в сословие «башкирцев», а часть – тептерей – «грамота ж 7145 (1637) г. дана из роду башкирцов и тептерей, а не ясашных татар, а потому самому они поверенные башкирец Бикбом и тептерь Даимов их татар (ясашных) в общее владение принять не могут».

Вывод: Шейхдербыш Миркамалов проживал вполне вероятно на месте нынешней деревни Тоймы, которое и входила в состав Зюрейской дороги Казанского уезда. Деревня Балтачево находилась между современными Бизяки и Тураево. Потомки Миркамалова основали множество деревень по обе стороны Камы на территории будущей Байлярской волости и в XVII в. многие из них числились как «башкирцы» и «тептери», этнически оставаясь при этом татарами.

И.И. Ярхамов

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТАТАР XX СТОЛЕТИЯ В СОБЫТИЯХ И ЛИЦАХ

(Окончание. Начало читайте № 2, 3, 4, 2025, № 1, 2, 2026)

Промышленное строительство республики в 1970–80-е гг.: Председатель Совета Министров ТАССР Гумер Исмагилович Усманов. 1966–1982 гг.

Ответом на вызовы времени явилось постановление Совета Министров ТАССР № 261-а от 10 мая 1966 г. «Об образовании бюро Совета Министров Татарской АССР». Структурные изменения позволили Правительству реорганизовать работу в русле быстрого и своевременного реагирования на возникающие проблемы. Правительство издавало постановления и распоряжения, а постановления вступали в силу после их опубликования на татарском и русском языках в газетах «Социалистик Татарстан» и «Советская Татария». Срочные и важные постановления Совета Министров подлежали широкому и немедленному обнародованию по радио или по телеграфу.

В этот период и возглавил Совмин Татарии Гумер Усманов.

Он родился в Чистополе в бедной многодетной семье. Отец трудился на судоремонтном заводе слесарем, мать занималась детьми. В 15 лет Усманов поступил в Чистопольский техникум механизации сельского хозяйства. Участвовал в обработке земель техникума.

Работал в Усадском училище механизации преподавателем спецдисциплин. И здесь, участвуя в уборке хлеба, едва не стал Героем Соцтруда. «*Наш директор пообещал в райкоме, что уберём тысячу гектаров. Это рекордная цифра была*, – вспоминал много позже в одном из своих интервью Усманов. – *Но мы же молодые, азартные: сделаем! Запаслись перед уборкой двумя комплектами запчастей с комбайна «Коммунар». Нам прямо в поле вагончик поставили, колхоз «Победа», где мы работали, повариху выделил... И бригада наша убрала-таки 1026 гектаров! За такое в те времена полагалось звание Героя Социалистического Труда. На меня уже документы собрали. Но выяснилось, что уборку надо было закончить за 25 дней, а нам дожди помешали, и мы потратили побольше. Вот я и не стал героем...*» [Он мог стать первым Президентом Татарстана... 2021].

Однако ударника труда решили избрать первым секретарём Высокогорского райкома ВЛКСМ. «*Мне об этом в последний день уборки прямо*

в поле сообщили, когда к моему комбайну неожиданно «Волга» подъехала, – вспоминал Гумер Исмагилович. – *Но я не хотел работать секретарём. Быстро уволился и подался в Казань, поступать в артиллерийское училище. Семь экзаменов сдал, меня уже и зачислили. Но это дело не прошло: из училища меня забрали, увезли на пленум и избрали всё-таки секретарём райкома комсомола...*» [Там же].

В 1954 г. Усманов вернулся в Чистополь, преподавал в своём родном техникуме математику и техническую механику. Заочно поступил в Казанский сельхозинститут. В 1956 г. стал лектором в Чистопольском горкоме КПСС, а в 1960 г. был избран там секретарём. Через год – уже вторым секретарём, ещё через год – первым.

Гумер Исмагилович рассказывал: «*Я ведь везде привык работать как следует, а не просто в шикарном кабинете срок отбывать... Помню такой случай в 62-м г. Лето, надо хлеб убирать, а у нас дожди льют не переставая. Поля как болото, вода до пяти сантиметров глубиной, утки крякают! Разве можно технику выводить на такое поле? В других районах, правда, тракторами комбайны таскали. Но что на поле останется после трактора? Пашню гробят, технику гробят. Мы на такое не пошли. И день за днём в сводках – ни одного убранного гектара по району. Тогда меня начали по пять раз в сутки склонять по радио и телевидению, с утра до вечера... Тогда я позвонил Фикряту Ахмеджановичу Табееву – первому секретарю Татарского обкома КПСС. Всё как есть ему рассказал... Табеев умел и слушать, и слышать. Поверил мне, не стал ломать. А вскоре установилась отличная погода, и мы упущенные дни наверстали. Первыми в республике завершили уборку! Я очень благодарен Фикряту Ахмеджановичу. Когда в 66-м я стал Председателем Совета Министров ТАССР, то в этой должности проработал вместе с первым секретарём Табеевым 15 лет. Общий язык находили всегда*» [Там же].

В 1966 г. Гумер Усманов стал самым молодым в стране премьером республики. «*Рано тогда начинался мой рабочий день*, – вспоминал он. – *Я на работу раньше всех приходил. У меня уже данные были на столе – отовсюду. Но я никаким цифрам не верил, сам лично перепроверял, с людьми сам разговаривал. Всю республику не то что объехал, я пешком прошёл всю республику... И никогда не было у меня привычки с собой десятки министров возить и торжественно разрезать ленточку на открытии каждого туалета... Это не в моём характере*» [Там же].

На плечи молодого премьера легли все нелёгкие проблемы добычи нефти, строительства КамАЗа, ЕлАЗа, «Нижнекамскнефтехима»... Усманов, опираясь на свой опыт, позднее рассказывал, что у Татарстана есть всё для процветания: колоссальный потенциал, замечательные люди,

с которыми можно творить чудеса… «*Смогли же построить КамАЗ, построить огромный город Набережные Челны... Это был 35-й город по величине в СССР. В республике было сильнейшее машиностроение, налаженное сельское хозяйство*» [Там же].

В 1970-е гг. большое значение придавалось освещению в прессе хода промышленного освоения северо-востока республики. В СМИ неизменно подчёркивались небывалые масштабы Камского автозавода, исключительно высокие темпы строительно-монтажных работ, которые обеспечивались колоссальными государственными капиталовложениями. Коллективы тысяч предприятий страны работали под девизом «Заказы КамАЗа – досрочно!». Создание КамАЗа, как и всего Камского территориально-промышленного комплекса, во многом носило экспериментальный характер. По сути дела, строительные площадки представляли собой испытательный полигон для принципиально новых решений в строительстве, всесоюзную лабораторию технологических, организационных инноваций. В проектировании и строительстве автогиганта участвовали около 25 министерств и ведомств, свыше 100 научно-исследовательских институтов, около 150 строительно-монтажных управлений. Заказы стройки выполняли 5 тыс. предприятий СССР, оборудование поставляли 867 заводов из 307 городов страны. На стройке работали люди из 96 городов и областей.

В 1960–70-е гг. в Набережных Челнах нередко проводились всесоюзные школы передового опыта организации труда. Сосредоточение огромного количества людей и материальных средств позволило уже к 1976 г. получить первую продукцию Камского автогиганта, хотя строительство его было развёрнуто только в 1969 г. Начало работы КамАЗа было приурочено к XXV съезду КПСС. В советское время, как известно, эти съезды, проходившие раз в пять лет, народ традиционно встречал особыми трудовыми подвигами. Колонне новеньких автомобилей марки «КамАЗ», вставших в Москве на Красной площади у Спасской башни Кремля, было суждено знаменовать самые высокие достижения страны к очередному партийному форуму.

На КамАЗе стали производить большегрузные автомобили и тягачи, автопоезда большой и особо большой грузоподъёмности. Массовое производство автомобилей с дизельными двигателями способствовало экономии топливно-энергетических ресурсов страны. К середине 1980-х гг. на автомобилях «КамАЗ» осуществлялся основной поток автоперевозок в СССР. Страна преодолела остро ощущавшийся до сих пор дефицит грузового транспорта [История татар. Т. 7: 2013. С. 428].

В наградном листе Усманова на орден Трудового Красного Знамени сообщается, какие экономические и другие достижения были у Татарстана под его руководством. Подчёркивается, что Усманов «особенно важное

внимание уделяет дальнейшему развитию химической и нефтехимической промышленности». Также сообщается, что в 1976–80 гг. на объектах этой отрасли освоено около 1,5 млрд рублей капвложений, или на 18% больше, чем за годы девятой пятилетки (с 1 января 1971 г. до 31 декабря 1975 г.). Введено в эксплуатацию 40 новых производств и мощностей, объём производства увеличен на 94%. За это время освоен выпуск 166 новых видов продукции. Предприятия данной отрасли вырабатывали 31% полиэтилена, производимого в стране, 33% изопренового каучука, 11% автомобильных шин, 21% стирола, почти половину кинофотоплёнки и магнитных лент.

В этом же наградном листе сообщается, что при Усманове производительность труда возросла за пять лет в 1,5 раза, прибыль – в 2,2 раза, а себестоимость продукции была снижена на 10%. Объём продукции со знаком качества был увеличен более чем в 3 раза и составлял около половины всего выпуска. В республике за 5 лет введено 8,5 млн кв. м жилья, школ на 125 тыс. мест и детских дошкольных учреждений на 49 тыс. мест [ГА РТ, Ф. Р-128, Оп. 10, Д. 485, Л. 14].

Занимаясь промышленностью и селом, Усманов не забывал и о развитии культуры. Это при нём и во многом благодаря ему построили концертный зал Казанской консерватории, новое здание татарского театра им. Камала, Дворец спорта, ДК химиков, Выставочный зал союза художников и так далее.

Но в то же время в работе учреждений, призванных обогащать духовную жизнь народа, стала проявляться утрата ценностного отношения к сокровищам национальной культуры. На сцене оперного театра имени Мусы Джалиля из года в год сокращалось число созданных местными композиторами произведений. Если с 1939 по 1950 гг. здесь было поставлено 13 национальных спектаклей, с 1951 по 1960-й гг. – восемь, то с 1961 по 1970-й гг. – только пять [Коммунист Татарии. 1970. № 8. С. 10].

В репертуаре Государственного филармонического оркестра в 1968 г. числилось 33 произведения русских и зарубежных классиков, 21 – композиторов союзных и автономных республик СССР и только 13 – татарских композиторов. К 1969 г. последних в репертуаре осталось только восемь. В работе республиканского радио и телевидения также явно недоставало передач на татарском языке. В 1960-е гг. Казанская студия телевидения вещала по 1,5 часа в сутки, из них на татарском языке – 43 мин., на русском – 47 мин. Татарское радио ежедневно вещало в среднем по 4 часа, из них 2 час. 40 мин. – 2 час. 50 мин. на татарском, 1 час. 10 мин. – 1 час. 20 мин. – на русском [ГА РТ, Ф. 15, Оп. 7, Д. 640, Л. 2–3]. Учитывая, что Казань являлась единственным очагом татарского радио и телевидения в стране, налицо было игнорирование духовных запросов татарского населения.

А тем временем развитие системы государственной власти шло своим чередом. В 1978 г. принимается новая Конституция ТАССР. Это была последняя Конституция советского периода, она состояла из 10 разделов, 16 глав и 161 статьи. 12 глава была посвящена Совету Министров, который был правомочен решать все вопросы государственного управления, отнесённые к ведению ТАССР. Компетенции Совета Министров и его Президиума, порядок их деятельности, а также перечень министерств, государственных комитетов и других органов государственного управления определялись Законом о Совете Министров ТАССР, который был принят 23 августа 1979 г.

Основные направления деятельности Совмина ТАССР:

1. Руководство народным хозяйством, социально-культурным строительством и другими сферами государственного управления ТАССР.

2. Управление промышленными, строительными, сельскохозяйственными предприятиями и объединениями, предприятиями транспорта и связи, научными учреждениями, а также иными организациями.

3. Определение задач и функций, порядка организации и деятельности республиканских и местных органов управления.

4. Координация деятельности предприятий, учреждений и организаций союзного и республиканского подчинения по вопросам, относящимся к ведению Татарской АССР.

Закон определял Правительство как высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти ТАССР, и его полномочия по отраслям: экономика, социальное развитие и культура, финансы, кредит и цены, труд и заработная плата, наука и техника, законность, безопасность и обороноспособность страны. Также в законе был указан перечень 16 министерств и 9 государственных комитетов. Для разрешения хозяйственных споров между предприятиями и организациями при Совете Министров действовал Государственный арбитраж ТАССР. Реализацией планов государственного управления в качестве постоянного органа занимался Президиум Совета Министров ТАССР [Правовые и исторические аспекты… 2021].

В 1982 г., на пороге перестройки и крутых перемен в стране, Усманова избрали Первым секретарём Татарского обкома КПСС. А в 1989 г. случился головокружительный карьерный взлёт – до секретаря ЦК КПСС, что стало для Гумера Исмагиловича, как он сам признавался, «полной неожиданностью».

«*Моя бы воля, не было бы этого взлета,* – рассказывал он в середине 2000-х. – *19 сентября 1989 г. проходил пленум ЦК. Я выступал на нём, доказывал, что надо повысить статус республики, что в реальности многие*

автономные республики по всем параметрам, включая экономический и научно-технический, не уступают союзным республикам, а возможностей для своего развития имеют куда меньше... Всё прошло нормально, выступление нашло поддержку. В конце пленума, как обычно, пошли оргвопросы. И вдруг Горбачёв предлагает избрать секретарём ЦК Усманова. Честно говоря, я даже не сразу понял, что это про меня, пытался сообразить, какой тут ещё есть Усманов? А когда вышел на трибуну, отказался: прошу не избирать меня, готов привести аргументы... Но Горбачёв слушать не стал, все равно поставил вопрос на голосование. Меня избрали единогласно» [Он мог стать первым Президентом Татарстана... 2021].

Развитие республики в начале 1980-х гг.: Председатель Совета Министров ТАССР Ильдус Харисович Садыков. 1982–1985 гг.

Ильдус Харисович Садыков – инженер-механик с высшим техническим образованием, опытный руководитель производства, партийный работник с многолетним стажем. Он возглавлял Совет Министров ТАССР с 1982 по 1985 гг., приняв эти полномочия у Гумера Усманова и сдав их затем Минтимеру Шаймиеву.

В 1930 г. деда Ильдуса Садыкова репрессировали по обвинению в кулачестве и выслали в Читинскую область. Заодно забрали и сына (отца Ильдуса Харисовича), отправили на поселение в Красноярский край (оба были реабилитированы в июне 1994 г.).

В 1948 г., после разрешения вернуться в Татарстан, в родные места, Садыковы переезжают в Казань. 10-й класс Ильдус заканчивает уже в известной школе № 2, расположенной на Булаке. После школы он поступил в Казанский химико-технологический институт (ныне Казанский национальный исследовательский технологический университет). По окончании вуза по распределению попал на Казанский завод резинотехнических изделий (РТИ), где за 11 лет прошёл путь от механика до главного инженера.

Затем Ильдус Садыков несколько лет работал Первым секретарём Приволжского райкома партии Казани. 25 декабря 1969 г. одновременно в трёх городах Татарстана прошли партийные конференции, на которых избрали новых первых секретарей горкомов КПСС: в Елабуге – Салиха Габдуллина, в Набережных Челнах – Раиса Беляева. В Нижнекамске Первый секретарь Татарского обкома партии Фикрят Табеев представил на пост руководителя местной партийной организации Ильдуса Садыкова,

который в этой должности проработал почти 14 лет. К моменту его избрания некогда рабочий пос. Нижнекамский уже превращается в столицу нефтехимии Татарстана.

Совмин республики Садыков возглавлял недолго, но под его руководством Правительство добилось активного развития энергетической отрасли ТАССР. Садыков внёс огромный вклад в строительство Нижнекамского промышленного комплекса и города Нижнекамска. В период его работы было газифицировано 90% казанских квартир, на селе этот показатель составил 5%. К 1985 г. на одного жителя ТАССР приходилось 13,8 кв. м жилья [Садыков Ильдус Харисович. prav.tatarstan.ru/sadikov-ildus-harisovich.htm. 2021].

По словам родственников Ильдуса Садыкова, он тяжело переживал уход с поста Председателя Совмина в 1985 г. Говорят, кто-то из достаточно влиятельных персон прицепился к тому факту, что Правительство республики возглавляет сын когда-то репрессированного, который к тому времени ещё не был реабилитирован. Так или иначе, Ильдус Харисович сдал полномочия премьера Минтимеру Шаймиеву, и его назначили директором Всесоюзного научно-исследовательского института углеводородного сырья, которым он руководил с 1985 по 1991 гг. Последние 10 лет своей жизни он возглавлял совместное швейцарско-татарстанское предприятие «Волгапласт» [Ильдус Садыков: 2021].

«Ильдуса Садыкова отличали ответственность, целеустремлённость, принципиальность, требовательность и трудолюбие, чуткое и доброе отношение к окружающим, – даёт ему оценку Мансур Хаснулин, мэр Нижнекамска в 1978–1985 гг., позже – вице-премьер республики. – Работалось мне при нём и вместе с ним легко и плодотворно».

Навстречу новому времени: Председатель Совета Министров ТАССР Минтимер Шарипович Шаймиев. 1985–1989 гг.

Минтимер Шарипович Шаймиев родился 20 января 1937 г. в д. Аняково нынешнего Актанышского района Татарстана в семье потомственных крестьян. Его дед Шаймухаммет был крепким зажиточным середняком, в годы коллективизации попавшим под раскулачивание. Отец, Шагишарип Шаймиев, всю жизнь проработал в сельском хозяйстве, 26 лет был председателем колхоза.

Детство Минтимера Шаймиева пришлось на военные и послевоенные годы. В 1954 г., окончив школу, он поступил в Казанский сельскохо-

зяйственный институт, по окончании которого с 1959 по 1962 гг. работал инженером, а затем главным инженером Муслюмовской районной ремонтно-технической станции.

В 1962 г., в возрасте 25 лет, Шаймиев стал управляющим Мензелинского межрайонного объединения «Сельхозтехника» ТАССР. С 1967 г. два года работал инструктором и заместителем заведующего отделом сельского хозяйства Татарского обкома КПСС. А в 1969 г. был назначен министром мелиорации и водного хозяйства ТАССР – самым молодым министром в республике в свои 32 года.

Дело в том, что в те годы в стране был сделан решительный шаг в сторону мелиорации земель. И назначение Минтимера Шариповича на эту должность было неслучайным. «На момент, когда Шаймиев возглавил Министерство мелиорации и водного хозяйства республики, эта проблема находилась в зачаточном состоянии, – читаем в книге И. Цыбульского и Н. Шайдуллиной «Минтимер Шаймиев» из серии ЖЗЛ. – Работая заместителем заведующего сельхозотделом обкома КПСС, он курировал механизацию, электрификацию сельского хозяйства, газификацию, строительство и в том числе мелиорацию. Так что ему все эти отрасли были знакомы.

В кабинете не засиживался, чаще старался выезжать в районы. Там кипела основная работа, разворачивалась настоящая жизнь, люди занимались реальными делами. Шаймиев осматривал площади, предназначенные для мелиорации, советовался с населением, специалистами, как лучше обустроить луга, превратить их в орошаемые культурные пастбища и поля» [Цыбульский, Шайдуллина: 2016. С. 117.].

Не прошло и 2–3 лет, как о мелиораторах республики заговорили на самом высоком уровне. Стали появляться статьи в газетах – не только местных, но и центральных. Их опыт по созданию орошаемых культурных пастбищ привлёк всеобщее внимание. В 1972 г. в республике прошёл всесоюзный семинар, куда собрались мелиораторы со всей страны. Они знакомились с тем, как ведётся работа, каких здесь добиваются результатов, как создают прочную кормовую базу для животноводства.

За то время, что Минтимер Шаймиев был министром мелиорации и водного хозяйства ТАССР (1969–1983), в республике были построены оросительные системы на площади 270 тыс. га, сооружено 450 плотин-водоёмов.

В Минводхозе РСФСР Татарстана удалось пробить финансирование строительства двух специализированных овощеводческих совхозов. До этого с выращиванием овощей на открытом грунте в республике была большая проблема. За три года сумели построить крупные оросительные системы, в новых совхозах возвели современные посёлки.

Такая работа быстро отразилась на состоянии городских прилавков. В овощных магазинах республики, наконец, появились свежие овощи из открытого грунта. Для ТАССР обеспечение населения такой продукцией было помимо прочего и важной задачей здравоохранения – только так можно было изменить сложившийся (особенно в татарской среде) мясомолочный тип питания в пользу увеличения потребления овощей.

В 1983 г., в 46 лет, Минтимера Шаймиева назначили первым заместителем Председателя Совета Министров ТАССР. У Председателя Совмина было два первых заместителя: Минтимер Шаймиев – по строительству, Борис Исаев – по сельскому хозяйству.

В республике тогда поделили на две части очень крупный Чистопольский район, выделили из его состава Новошешминский. И Шаймиеву решением бюро обкома было поручено в кратчайшие сроки организовать строительство райцентра нового района.

Минтимер Шарипович собрал всех председателей исполкомов республики, министров и других руководителей, каждому дал конкретное задание – сколько привезти срубов, построить кирпичных домов... Прямо на строительной площадке сделали привязки, определили, что кому нужно делать. В установленный срок, за неполные два года, всё было исполнено, как и задумывалось. Построили более трёхсот домов, больницу, административное здание, подстанцию, высоковольтные линии электропередач... Гумер Усманов, тогда Первый секретарь обкома, возвращаясь однажды из Набережных Челнов на вертолёте, залетел в Новошешминск посмотреть, что там делается. С ним прибыли руководители ряда крупных строительных организаций республики. Гумер Исмагилович был искренне удивлён произошедшими переменами. Его впечатлила сама панорама новостроек. Когда-то он сам работал в этих краях секретарём горкома партии и мог по достоинству оценить увиденное [Там же].

В 1983–1985 гг. М.Ш. Шаймиев – секретарь Татарского обкома КПСС. Председателем Правительства он стал в 1985 г. и быстро почувствовал, в каком униженном положении находились так называемые автономии. Каждую копейку приходилось выпрашивать у центра едва ли не на коленях, любое решение – обязательно согласовывать.

Шаймиеву приходилось часто встречать гостей из разных стран, показывать им достопримечательности Казани, и почти всегда приезжие, восхищаясь нашей столицей, отмечая, что это очень своеобразный старинный город, говорили о том, что бросается в глаза его неухоженность. А как он мог быть ухоженным, если Москва не выделяла больше 9–10 млн рублей в год на благоустройство, в то время как требовалось 60–70 млн рублей (в старых ценах, разумеется)? Вот и ветшали здания, не обнов-

лялись улицы, требовал бесконечного ремонта автотранспорт (на одном этом ремонте республика теряла гораздо больше денег).

Времена менялись, но необходимых средств на элементарные нужды республики по-прежнему не находилось. ТАССР, как и вся страна (за исключением Москвы и Ленинграда), перешла на талонную систему распределения жизненно необходимых продуктов. Хотя в ряде регионов даже на талоны продуктов не было. Были и в ТАССР времена, когда фондов на продовольственное зерно оставалось буквально на несколько дней. Но всё же талоны, эти «цветные бумажки», помогли очень многим людям, особенно горожанам. Они гарантировали хоть какой-то минимум продовольствия каждому. Такая картина была в стране в начале перестроечных лет [Там же].

И это притом, что к концу советского периода Татарская автономия по своему производственному и научно-техническому потенциалу превосходила ряд даже союзных республик и входила в число наиболее развитых экономических регионов РСФСР! Среди 70 областей и автономных республик РСФСР ТАССР занимала второе место по объёму промышленной продукции, восьмое – по продукции сельского хозяйства. Показатели промышленной продукции в пересчёте на одного жителя республики на треть превышали аналогичные цифры по СССР, были на четверть выше, чем, например, в Литве.

Совокупный общественный продукт составлял 23 млрд. рублей, но республика имела право оставлять для удовлетворения социально-культурных и иных потребностей всего 2–9% от суммы отчисления прибыли предприятий и организаций союзного и республиканского (РСФСР) подчинения.

Это приводило к тому, что Татарская республика не в состоянии была удовлетворить нужды населения в товарах народного потребления. Более того, любое производство регламентировалось директивой из Москвы. «Мы, – отмечал М.Ш. Шаймиев, – республика, производящая у себя молочную продукцию, без ведома центра не могли самостоятельно решить, сколько из неё произвести творога, сколько масла, какие сорта сыров» [История Татарстана: 2014. С. 302].

В общем, республика не имела возможности проводить самостоятельную социально-экономическую политику. Промышленность была ориентирована в основном на общесоюзный рынок, что не позволяло обеспечить баланс внутреннего потребительского рынка и денежного обращения. По стоимости основных непроизводственных фондов в расчёте на одного жителя республика занимала 35-е место в Российской Федерации, по обеспеченности больничными койками – 61-е, врачами – 49-е,

жильём – 37-е. Из основных продуктов питания только хлебопродуктов и картофеля население республики потребляло больше, чем в среднем по стране, но гораздо меньше – мяса, молока, овощей. Производилось же этих продуктов больше, чем в среднем по Союзу и РСФСР. Вот почему в Татарской АССР с энтузиазмом восприняли постановление Совета Министров СССР о переводе с 1989 г. Литовской, Латвийской, Эстонской, Белорусской ССР, а также Татарской АССР и Свердловской области на региональный хозрасчёт.

Уже в конце октября 1988 г. в республике были созданы правительственная комиссия и рабочая группа из учёных-экономистов. Когда обсуждались принципы перехода на хозрасчёт, высказывались самые различные точки зрения, но все сходились в одном: дисбаланс между вкладом республики в экономику страны и материальным благополучием её населения должен быть ликвидирован.

Начались в это время в республике и другие перемены. В первые годы перестройки большую активность проявляло экологическое движение. «Зелёные» энергично выступили против строительства вблизи Казани биохимического завода, Татарской атомной электростанции в Камских Полянах. Они организовывали митинги протеста, сбор подписей под воззваниями с требованиями прекратить строительство опасных для окружающей среды объектов. Появились многочисленные публикации на экологические темы в местных газетах и журналах. И власти уступили давлению общественности. В конечном счёте ни биохимзавод, ни АЭС построены не были. Эти события показали, какие весомые положительные плоды может дать гражданская активность населения.

К концу 1980-х гг. общественное движение основательно политизировалось. Летом 1988 г. в республике был создан инициативный центр Народного фронта (аналогичные структуры уже действовали в прибалтийских республиках и некоторых других регионах). Центр объединил наиболее непримиримых противников существовавшей власти, открыто призывавших к свержению диктатуры КПСС. Тогда же в ТАССР сформировалось мощное национальное движение. Его главной консолидирующей силой стал Татарский общественный центр (ТОЦ), учредительный съезд которого состоялся в 1989 г. Центральным его лозунгом было: «Татарии – статус союзной республики!». На близких позициях находилось «Движение за радикальное преобразование Татарии». ТОЦ стал организатором многочисленных мероприятий, где настойчиво поднимался вопрос о повышении государственного статуса ТАССР. Было собрано 100 тыс. подписей под требованием сделать Татарстан союзной республикой. Во многих городах – местах компактного проживания татар – стали

появляться группы поддержки ТОЦ. К 1991 г. у центра были отделения в 25 городах и районах республики и 98 регионах СССР [Там же].

На фоне всех этих событий осенью 1989 г. произошло кадровое обновление Татарского обкома КПСС. Вместо Гумера Усманова, руководившего республикой с 1982 г., обком возглавил Минтимер Шаймиев, а состав обкома пополнился молодыми интеллектуалами, получившими известность благодаря своей активной гражданской позиции в годы перестройки и не имевшими номенклатурного прошлого. Это были В.Н. Лихачев, О.В. Морозов, А.Е. Бусыгин, Р.С. Хакимов и другие.

Список литературы

1. ГА РТ. Ф. 15. Оп. 7. Д. 640.
2. ГА РТ. Ф. Р-128. Оп. 10. Д. 485.
3. Ильдус Садыков: он принял полномочия премьера у Усманова, а сдал их Шаймиеву. – URL: business-gazeta.ru/article/385593 (дата обращения: 19.06.2021).
4. История татар с древнейших времён: в 7 т. / Академия наук РТ, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. – Т. VII: Татары и Татарстан в XX – начале XXI вв. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2003.
5. История Татарстана и татарского народа. 1917–2013 гг. Учебное пособие / А.Г. Галлямова, И.Р. Миннуллин, А.Ш. Кабирова, А.А. Иванов, Р.Б. Гайнетдинов, Л.И. Алмазова. – Казань: КФУ, 2014.
6. Коммунист Татарии. – 1970. – № 8.
7. Он мог стать первым Президентом Татарстана... – URL: business-gazeta.ru/article/126483 (дата обращения: 19.06.2021).
8. Правовые и исторические аспекты становления и развития Правительства Республики Татарстан. – URL: prav.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_2415235.pdf (дата обращения: 19.06.2021).
9. Садыков Ильдус Харисович. – URL: prav.tatarstan.ru/sadikov-ildus-harisovich.htm (дата обращения: 19.06.2021).
10. Цыбульский И., Шайдуллина Н. Минтимер Шаймиев. – М.: Молодая гвардия, 2016.

М.Г. Худяков

ВЕЛИКОДЕРЖАВНЫЙ ШОВИНИЗМ В РУССКОЙ ЭТНОГРАФИИ

(Продолжение. Начало читайте № 4, 2025; № 1, 2, 2026)

III. ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ.

Буржуазные ученые в период военного коммунизма. А.А. Шахматов. Буржуазные группировки в течение восстановительного периода. Аполитичность и нейтрализм. Руденко, Золотарев, Бахрушин, Берг, Зеленин, Грумм Гржимайло, Бобровников, Катанов, Емельянов, Харлампович, А.П. Преображенский, Е.А. Охитович, В.П. Пожидаев, Гурьев и Шаматов. – А.Р. Шнейдер и Л.Н. Доброва-Ядринцева. – И.А. Лопатин. Реконструктивный период и ликвидация шовинизма.

Октябрьская революция нанесла решительный удар великодержавному шовинизму. Классы помещиков и капиталистов, являвшиеся носителями шовинистической идеологии, были сбиты с командных позиций и повели вооруженную борьбу против советской власти. Во время Гражданской войны шовинистическая идеология реакционеров вылилась в лозунг «Единая неделимая Россия», являющийся лишь вариантом прежнего лозунга «за веру царя и отечество». В открытой борьбе белогвардейские банды были ликвидированы, но внутри СССР остатки буржуазии продолжали существовать еще в течение целого десятилетия. Шовинистические взгляды продолжали существовать в среде остатков буржуазного класса и постоянно проявлялись в печати. Путь к публицистике и к художественной литературе был для них закрыт, но в научной литературе для нее оставался довольно широкий простор. На позициях научных учреждений и организаций внутренняя эмиграция окопалась и до конца 1920-х гг. успешно сохраняла эти позиции. Лишь с окончанием реконструктивного периода, с выкорчевыванием капиталистических элементов и с вступлением в период социалистического строительства следы шовинистической идеологии исчезают из обихода вместе с другими пережитками, доставшимися в наследие от капитализма.

Октябрьская революция застала в стенах научных учреждений старые кадры буржуазных ученых. После некоторого саботажа и колебаний они вошли в состав советских служащих, но при этом совершенно не думали об изменении своих прежних установок и своей буржуазной идеологии. Напротив, при первой же возможности они проявили активное стремление к утверждению, выявлению и пропаганде своих буржуазных взглядов. Гражданская война способствовала проявлению этой активности со стороны реакционных группировок.

Этот процесс заметно отразился и на научных учреждениях Ленинграда. Некоторые крупные ученые, как, напр., акад. Н.Л. Кондаков, акад. М.И. Ростовцев, эмигрировали за границу. Многие этнографы под теми или иными предлогами уехали из Ленинграда и оказались «случайно» по ту сторону баррикады, в стане белых. Некоторые ученые приняли активное участие в политической борьбе на стороне врагов пролетариата. Так, например, заведующий Этнографическим отделом Русского музея Н.М. Могилянский занимал видную должность при правительстве гетмана Скоропадского в Киеве и впоследствии эмигрировал за границу. В напечатанных им записках «Трагедия Украины» И.М. Могилянский явно ориентируется на реакцию, на восстановление помещичьего землевладения[1].

Сотрудники Музея антропологии и Этнографии Академии наук А.М. и Л-А. Мерварт, уехавшие в 1914 г. в командировку в Индию, застряли там на 4 года. Из отчета об их «этнографической экспедиции», изданного в 1927 г., видно, что эти ученые путешественники ориентировались преимущественно на господствующие классы индийского населения: отчет пестрит упоминаниями о пользовании гостеприимством помещиков, браминов и лиц из других высших каст, даже индийских раджей и министров[2]. Этот союз с эксплоататорами был окончательно скреплен в 1916 г., когда по собственному признанию А.М. Мерварт, «благодаря нашим связям с Союзом южноиндийских плантаторов, А.М. Мерварту было предложено занять пост товарища директора Отдела труда союза южноиндийских плантаторов», каковой пост он и занимал около полугода[3]. Октябрьская революция расценивалась «учеными» путешественниками как «разыгравшиеся в то время в России события» которые «не давали нам надежды «на дальнейший приток средств»»[4]. В 1918 г. супруги Мерварт приехали из Индии во Владивосток, и здесь началась новая страница их карьеры. «Ученые, вернувшиеся из

[1] Сборник «Революция на Украине», сост. С.А. Алексеевым, Гиз, М., 1930 г.

[2] А. и М.М. Мерварт. Отчет об этнографической экспедиции в Индию в 1914–1918 гг., изд. Ак. наук, Лгр., 1927, С. 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13.

[3] Там же, С. 14–15.

[4] Там же, С. 22.

заграничных командировок», встретились здесь, по выражению одного ученого издания, с «бежавшими из России от большевистского террора»[1]. Таковым эмигрантом оказался сотрудник Музея антропологии и этнографии С.М. Широкогоров.

Прибыв во Владивосток и встретившись здесь с Широкогоровым, бежавшим из Ленинграда, супруги Мерварт остались на продолжительное время во Владивостоке, который был вскоре же отрезан от РСФСР чехословацкими и белогвардейскими бандами. Здесь они приняли деятельное участие в создании белогвардейского университета. Университет был задуман, как практическое учреждение, преследующее цели «подготовки молодых людей для административной и общественной службы в Сибири и на Дальнем Востоке»[2]. Дальневосточные капиталисты вполне одобрили такое практическое направление высшего учебного заведения и отозвались на него отпуском денежных средств: «Когда в беседе с видными членами Биржевого общества и Совета кредитных учреждений выяснилось, что предполагающийся университет ставит себе рядом с чисто научными заданиями также и цель подготовки практических деятелей для края и сопредельных с ним стран Дальнего Востока, то авторам этого проекта было дано обещание, что торгово-промышленные и финансовые круги города, объединенные в Биржевое общество и в Совет кредитных учреждений, будут всеми силами поддерживать университет такого типа»[3]. В «Отчете о деятельности Комитета по учреждению историко-филологического факультета во Владивостоке за первую половину 1917–1919 академического года» §2 – «Необходимость немедленного учреждения университета» – начинался следующей мотивировкой: «Летом 1918 г., когда Владивосток был освобожден от большевистской анархии... население Владивостока выросло до небывалых размеров»[4]. Автором этого отчета был А.М. Мерварт, состоявший секретарем комитета по учреждению историко-филологического факультета; председателем комитета был С.М. Широкогоров, а почетным председателем состоял генерал-лейтенант Д.Л. Хорват – «верховный уполномоченный всероссийского правительства на Дальнем Востоке»[5]. Биржевое общество ассигновало историко-филологическому факультету на 1918–19 учебный год 30 000 руб., а Совет кредитных учреждений Владивостока 22 000 руб.[6] Деловым

---

[1] Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке, Т. I, Отд. II, Вып. I, Владивосток, 1919, С. 28.

[2] Там же, Т. 1. Отд. II, Вып. II, Владивосток, 1919, С. 34.

[3] Там же, С. 57.

[4] Там же, Т. I, Отд, II, Вып. I, 1919, С. 27.

[5] Там же, С. 28.

[6] Там же, Т. I, Отд. II, Вып. II, С. 27.

кабинетом временного правителя генерала Хорвата ассигновано на первый академический год 120 000 руб.[1]

Супруги Мерварт принимали деятельное участие в организации белогвардейского университета, под покровительством генерала Хорвата. Они даже учредили в белогвардейском университете премию имени Радлова, на что пожертвовали капитал в 5000 руб.[2] О происхождении этих средств Мерварты поведали в своем «Отчете об этнографической экспедиции в Индию»: «Благодаря счастливой случайности, мы накануне отъезда из Индии получили из Лондона сумму в 400 фунтов стерлингов – задержавшийся перевод из Академии наук. Наличие этих денег... позволило нам принять деятельное участие, до известной степени даже финансовое, в создании историко-филологического факультета, вошедшего впоследствии в Д.-Восточный Гос. университет»[3]. Таким образом, часть советских денег, пересланных Академией наук Мервартам и перевезенных ими из Индии во Владивосток, пошла не на «этнографическую экспедицию», а на учреждение премии в белогвардейском университете под покровительством Хорвата.

Супруги Мерварт повествуют в своем «Отчете»: «В течение четырех лет мы состояли доцентами этого факультета». О характеристике научных трудов этого вуза, дают представление работы, напечатанные в «Ученых записках историко-филологического факультета в г. Владивостоке», напр., работа проф. М. Ершова «Новый опыт обоснования спиритуализма в русской философской литературе» (Т. I, Отд. II, Вып. 2) и некролог И.А. Шляпкина, принадлежащий перу магистра богословия А.П. Георгиевского (там же). Этот некролог густо насыщен антисоветскими выпадами («эпоха ужасного лихолетья, какую мы сейчас переживаем...», «чудовищная картина разрушения памятников русской культуры...», «московские святыни и богатейшие сокровищницы родной научной мысли подверглись решительному и беспощадному разрушению и разграблению...»), а также проникнут восхвалением И.А. Шляпкина, как великодержавного шовиниста: «Шляпкин любил все русское, был националистом в высоком смысле этого слова...»[4]. Супруги Мерварт, принимавшие «деятельное участие» в организации белогвардейского вуза, поспешили вместе с белыми покинуть Владивосток, когда белогвардейские банды эвакуировались под натиском приближавшейся Красной армии. В своем

---

[1] Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке, Т. I, Отд. II, Вып. I, Владивосток, 1919, С. 47.

[2] Там же, С. 60–61: «Положение о премии имени В.В. Радлова».

[3] А. и Л. Мерварт, Отчет об этнографической экспедиции в Индию, Лгр., 1927, С. 23.

[4] Ученые записки историко-филологического факультета в г. Владивостоке, т. I, отд. II, вып. II, Владивосток, 1919, стр. 18.

отчете, изданном Академией наук в 1927 г., Мерварт осторожно упоминают о том, что в августе 1922 г. они переселились в Харбин, скромно умалчивая об истинных причинах этой эвакуации и мотивируя свое переселение «безвыходным финансовым положением во Владивостоке»[1]. Эта эвакуация не помешала им через два года благополучно возвратиться в Ленинград и беспрепятственно приступить к исполнению своих служебных обязанностей в стенах Музея антропологии и этнографии, так как должности научных сотрудников сохранились за ними в течение всего того времени, пока они служили в союзе плантаторов, организовывали белогвардейский вуз и даже эвакуировались с белыми из Владивостока в Харбин.

Представители буржуазной науки, остававшиеся в пределах Советской России, продолжали вести свою прежнюю классовую линию, в период военного коммунизма совершенно игнорируя происшедшие сдвиги и ориентируясь на реставрацию капиталистического строя. Одним из самых ярких примеров, выражающих эту идеологию эпохи гражданской войны, является сборник памяти акад. А.А. Шахматова[2]. Участники этого сборника – выдающиеся представители гуманитарных отраслей знания, пользующиеся большой известностью и крупным авторитетом, так что их высказывания не могут считаться ни недостаточно зрелыми, ни непродуманными, – они вполне верно и точно отражают идеологию буржуазных ученых в эпоху Гражданской войны.

Проникнутые патриотизмом представители буржуазной науки скорбят о России, подпавшей под власть большевиков: «Да, господа, все можно забыть и перенести – голод и холод, и физическое утомление. Одного нельзя простить, одно трудно перенести – страдание и унижение отечества»[3]. Превращение империалистической войны в гражданскую и ответственность за ее продолжительность возлагаются на советскую власть: «К величайшему несчастью направление у нас международной и внутренней политики отделило от нас желанный мир и его блага...»[4]. «Все происшедшее за эти годы, деревенская разруха, насилия и разгромы мучительно отозвались на нем (А.А. Шахматове)...»[5]. «Мы пошли вспять, сколько усилий понадобится, чтобы вернуть нас впоследствии к утраченному нами почти окончательно чувству законности»[6]. «В наши дни всеобщего панического страха и приниженности, которых, к сожале-

[1] А. и Л. Мерварт, Отчет об этнографической экспедиции в Индию, Лгр.. 1927, С. 23.
[2] Известия ОРЯС, Т. XXV (1920), 1922.
[3] ИОРЯС, Т. XXV, С. 150.
[4] Там же, С. 59.
[5] ИОРЯС, Т. XXV, С. 69.
[6] Там же, С. 70.

нию, в профессорской среде ничуть не менее, чем где бы то ни было…»[1]. «За самые же последние годы, после революции 1917 г., я довольно часто беседовал с А.А. о событиях наших дней, и оба мы вместе скорбели о печальном положении России...»[2]. «Но пройдут года, сквозь мрак и тучи проглянет луч солнца, и на нашу родину, засияют снова ясные дни, настанут лучшие времена...»[3]. Читая эти произведения, вы чувствуете себя на фронте Гражданской войны, в лагере классового врага.

Географическое общество, Русский музей, Музей антропологии и. этнографии, и КИПС продолжали существовать в Ленинграде и после революции. Представители старой буржуазной науки стабилизировались и стягивали вокруг себя этнографов старого направления. При МАЭ они организовали Радловский кружок (1918 г). Восточное отделение б. Русского археологического общества возродилось под названием «Коллегия востоковедов» (1921 г.).

Из этнографических учреждений Ленинграда наибольшую активность в издании этнографической литературы проявила КИПС, пережившая в годы революции ряд удивительных изменений своей программы. В 1917 г. организаторы КИПС ставили перед собою задачи практического характера, непосредственно увязанные с политической жизнью: при царском правительстве – подготовку материалов к заключению мира, при временном правительстве – подготовку к учредительному собранию[4]. С провалом учредительного собрания эти практические задачи отпали, но продолжалась работа по составлению этнографических карт. В КИПС была перенесена из РГО работа Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России, основанной в 1910 г.

Товарищем председателя КИПС в первые четыре года ее существования был А.А. Шахматов, уделявший много внимания КИПС и оказавший большое влияние на ее направление. А.А. Шахматов был известен не только научной, но и политической деятельностью: он был членом Государственного совета и принадлежал к партии к.-д.

Несмотря на свой либерализм, акад. Шахматов вскоре же после свержения самодержавия, в марте 1917 г., выступил в совете профессоров и в обращении к временному правительству с протестом против увольнения от должности профессоров, назначенных после 1905 г. властью министра. Шахматов был саратовским помещиком и, по словам одного из его друзей, «любил землю какой-то особенной, нежной любовью»[5], в нем была

[1] ИОРЯС, Т. XXV, С. 149.
[2] Там же, С. 141.
[3] Там же, С. 42–43.
[4] Известия КИПС, I, С. 10.
[5] Там же, XXV, С. 68.

«любовь к земле и собственности»; Шахматов «был убежден, что всякий строй, отрицающий собственность, неспособен к прогрессу, даже просто нежизнеспособен»[1]. Естественно, что к революции Шахматов относился отрицательно. «Ничто так болезненно не поразило Ал. А. в революции, как ее пренебрежительное отношение к закону и законности»[2]. По словам проф. Д.К. Петрова, в 1918 г. Шахматов возлагал надежды на интервенцию. «Когда шли толки о предстоящем занятии Петербурга немцами, А.А. Ш-в перед одним из заседаний Совета (профессоров) в университете сказал мне, что эта оккупация не представляется ему чем-то особенно ужасным. «Быть может, – прибавил он, – в народе проснется тогда национальное чувство, и он придет спасать нас». А.А. Ш-в верил в русский народ и, конечно, не думал, что «безумное всего мира молчание» будет продолжаться вплоть до наших дней»[3].

Шахматов «был горячим приверженцем национализма, но не в той его, конечно, форме, которая признает только свое и отрицает и хулит все чужое»[4]. В.М. Истрин писал, что в ученых трудах Шахматова «конечной целью было познание русского народа, русской народности»[5]. Такие же или близкие характеристики А.А. Шахматова наладим мы и в других работах, посвященных оценке личности и деятельности А.А. Шахматова так например, П.А. Лавров назвал его именем горячего русского патриота и народолюбца»[6]. Взгляды Шахматова на национальный вопрос совпадали с политическими взглядами кадетской партии и не шли далее отмены национальных ограничений и признания автономии Польши, при сохранении за Россией «права» территориальных захватов и приобретений. По отношению к Украине Шахматов стоял за отмену ограничения в употреблении языка, но придерживался великодержавного взгляда на единство русской, украинской и белорусской народностей: «Каждый представитель русского племени, будь то великорус, или белорус или малорус (украинец), может назвать свой родной язык русским: он русский по его происхождению и в силу этого своего происхождения останется русским, каким бы изменениям ни подвергся с течением времени»[7]. Шахматов считал, что единый русский язык состоит из наречий великорусского, малорусского и белорусского[8] и что «все три

---

[1] Известия КИПС, XXV, С. 69.

[2] Там же, XV, С. 70.

[3] ИОРЯС, т. XXV, С. 150.

[4] Там же, С. 73.

[5] Там же, С. 41.

[6] Там же, С. 60.

[7] А.А. Шахматов, Введение в курс истории руского языка. Ч. I – Исторический процесс образования русских племен и наречий, Пгр. 1916 С. 7.

[8] Там же, С. 8.

наречия объединены названием «русский» язык»[1]. «Объединение так называемых украинцев с великорусами термином «русский»... их исконное единство, так же как общее с ними происхождение третьего племени – белорусов, доказывается прежде всего общностью языка, образованием малорусского и великорусского языка из одного общего языка»[2]. А.А. Шахматов ввел в употребление своеобразную орфографию: великорусы, малорусы и белорусы (с одним «с»), принимая за начало название «Русь», «Руса», с которым он соединял свою теорию о древнем центре в Руси городе Старой Руссе.

Сотрудники КИПС настолько сходились с Шахматовым во взглядах на национальный вопрос, что не только приняли его великодержавную классификацию народностей и своеобразную орфографию, но даже последовательно проводили ее в изданиях КИПС в течение 10 лет после смерти Шахматова, вплоть до конца 1920-х гг. Было внесено только одно изменение – вместо «малорусы» стали писать «украинцы». Даже в «Объяснительной записке к этнографической карте Сибири», напечатанной в 1929 г., твердо проведена великодержавная шовинистическая терминология: «Русские (великорусы, украинцы, белорусы)»[3] и приведены такие подсчеты: «Всего по Сибири зарегистрировано переписью русских... в том числе великорусов... украинцев... белорусов… Таким образом, в 1897 г. подавляющее число русских в Сибири приходилось на долю великорусов: они составляли около 95,6% русского населения, украинцы 4,3%, остальное белорусы»[4]. То же самое повторялось при подсчете населения по губерниям[5].

Победоносное завершение Гражданской войны укрепило моральный авторитет советской власти; те научные силы, которые были заняты в Гражданской войне в рядах Красной армии, вернулись к научной работе и пополнили ряды советских ученых. Но окончание Гражданской войны дало «желанный мир» также и белым, хотя не такой, какого они ожидали. В связи с началом восстановительного периода позиции буржуазных ученых в советской России также усилились: их ряды пополнились теми научными работниками, которые во время Гражданской войны пребывали в стане белых, а теперь превратились в служащих советских научных учреждений. Так, например, после ликвидации Восточного фронта из Сибири приехала в Ленинград целая группа этнографов, во главе которой стоял С.И. Руденко. Эти этнографы пополнили собою ряды научных сотрудников ленинградских учреждений и прочно обосновались в Русском музее.

---

[1] А.А. Шахматов, Введение в курс истории руского языка. Ч. I – Исторический процесс образования русских племен и наречий, Пгр. 1916 С. 10.

[2] Там же С. 11.

[3] Труды КИПС, 17, С. 5.

[4] Труды ХИПС, В. 17, С. 10.

[5] Там же, С. 13, 20–22 и 24–26.

Советское правительство всегда шло навстречу тем специалистам, которые были готовы работать в стенах советских учреждений на пользу рабочего класса. После окончания Гражданском войны, в течение восстановительного периода (1921–1928 гг.) предупредительное отношение к специалистам было одной из основных линий советской общественности, и восстановление народного хозяйства, разрушенного Гражданской войной и интервенцией, было осуществлено при участии специалистов. Однако некоторые специалисты, поступившие на советскую службу, не изменили своей буржуазной идеологии. Они признали поражение белых, пошли на работу в советские учреждения, произвели «смену вех» (сборник под этим названием был издан пражскими эмигрантами в июле 1921 г.), но вся эта «смена вех» сводилась к изменению одной лишь тактики, а не самой идеологии буржуазных интеллигентов.

Классовая борьба в течение восстановительного периода не прекратилась, она приняла лишь иные, скрытые формы. Место откровенных высказываний, враждебных по отношению к советскому строю, заняла лояльная по форме фразеология, прикрывавшая собою антимарксистское и идеалистическое содержание, которое отражало буржуазные установки, чуждые рабочему классу. Ярким примером тому являлся Этнографический отдел Русского музея, где буржуазные специалисты заняли руководящее место и продолжали развертывать коллекции в плане буржуазной научной концепции. Научная работа сосредоточилась в руках кастово-замкнутой кучки буржуазных ученых. К сотрудничеству на ответственных должностях они привлекали такие фигуры из бывших царских чиновников, как автор двухтомного труда «История Смольного института» Н.П. Черепнин, занявший должность ученого секретаря Русского музея. В течение всего восстановительного периода группа С.И. Руденко – Д.А. Золотарев, состоявшая из либеральных представителей буржуазной интеллигенции и примыкавшая к направлению, которое можно охарактеризовать, как кадетское, играла крупнейшую роль в этнографических учреждениях Ленинграда.

Националистические тенденции были не характерны для буржуазных либералов кадетского направления, и в научных работах этой группы такого рода высказывания были очень немногочисленны. Гораздо более характерными являются великодержавные устремления. В статье Устрялова «Patriotica» в пражском сборнике «Смена вех» имеются любопытные попытки вложить в советскую форму великодержавно-патриотическое содержание. Однако, если мы возьмем буржуазную интеллигенцию в целом, то увидим, что в течение восстановительного периода националистические тенденции получили очень широкое распространение в этой среде. Эта среда опиралась на остатки старой буржуазии и на новый слой

нэпманов, возникший из мешечников и спекулянтов эпохи военного коммунизма. В то же время внутренняя эмиграция дружественно перекликалась с буржуазией, бежавшей за границу и пребывавшей в эмиграции зарубежной. Кулацкорваческая идеология получила достаточно яркую националистическую окраску в годы восстановительного периода. Национальное чувство буржуазии находило величайшее удовлетворение в завуалированном суррогате монархии – в реставрации патриаршества. Пышные выходы «патриарха всея Руси» собирали целые толпы поклонников из среды старой и новой буржуазии. Рука об руку с церковниками действовали консервативные круги музейных работников. Реставрационные мастерские возрождали национальное искусство, раскрывая памятники древнерусской иконописи, интерес к которой усиленно пропагандировался целым рядом исследователей. Национальная старина возрождалась воочию путем реставрации архитектурных памятников, главным образом православных церквей, с их ярко-пестрой окраской. Любование старым бытом было некритически и любовно поднесено широкой публике путем устройства бытовых музеев. В области художественных музеев и искусствоведения всецело господствовали буржуазные эстеты, продолжатели традиций «Мира искусства» и «Старых годов», которые усиленно культивировали ретроспективизм. Институт истории искусств в Ленинграде, преобразованный в 1921 г. в научно-исследовательское учреждение, был одним из крупнейших очагов этого ретроспективного искусствоведения. Ярким примером националистических тенденций служило стремление возродить «национальные» формы палеховской иконописи путем вливания в них нового, советского содержания.

Творчество буржуазных художников в годы восстановительного периода также было в значительной степени окрашено национализмом. Укажем для примера Кустодиева, создавшего целую серию произведений, воспевавших мещанско-купеческую старую Русь. Творчество Н.А. Клюева всецело окрашено в националистические тона. Ретроспективизм Клюева, проникнутый национализмом, местами заострен до очень яркого шовинизма. Своей вершины эти шовинистические высказывания достигли в поэме «Рассея».

Клюев являлся одним их характернейших выразителей буржуазной идеологии восстановительного периода. Он мастерски выразил всю платформу «нейтральности» и «аполитичности» буржуазной интеллигенции в своих лозунгах:

Уму – республика, а сердцу – Матерь-Русь!
……..
Уму – республика, а сердцу – Китеж-град!

Для этой «аполитичности», иначе говоря – для этого двурушничества очень характерно стремление снизить значение революции, влить в революционные формы буржуазное содержание. В сфере политической мысли это течение вылилось в годы восстановительного периода в форму различных оппортунистических течений, отклонявшихся от генеральной линии партии. В сфере художественной мысли примирить революцию с буржуазией и «обезвредить» революцию пытался целый ряд писателей и поэтов, из которых назовем опять Клюева с его стихами:

Есть в Ленине керженский дух,

Игуменский окрик в декретах...

Социальный заказ классовых врагов, которому удовлетворяли эти стихи, был разоблачен в ряде критических отзывов. То же стремление «окулачить» революцию было выражено в попытках заставить революционное искусство заговорить косноязычным языком православных палеховских богомазов.

В сфере искусствоведения годы восстановительного периода ознаменовались господством формального метода, культивировавшегося буржуазными специалистами, состоявшими на службе у пролетарского государства, но продолжавшими линию своих, т.е. буржуазных классовых, интересов. Некоторые произведения художественной литературы, напр. романы «Козлиная песнь» К. Вагинова и «Вечера на Васильевском» В. Каверина, дали довольно яркое изображение этой гниющей буржуазной интеллигенции, которая в годы восстановительного периода разлагалась, не имея перед собою жизненных целей и актуальных задач. Романы эти представляют для нас особенный интерес потому, что в них выведены представители как раз гуманитарного сектора знаний – формалисты-искусствоведы, коллекционеры-эстеты, ученые-идеалисты и т.п.

Методы реакционных высказываний с наступлением восстановительного периода резко изменились. Вместо откровенных упреков и ропота по отношению к советской власти, имевших место в годы военного коммунизма, теперь были приняты вполне лояльные формы для прикрытия буржуазной идеологии. Новая тактика, усвоенная буржуазной интеллигенцией в годы восстановительного периода, сводилась к мнимой «аполитичности» и «нейтральности». «Уму – республика, а сердцу – Матерь-Русь!...». Открытые высказывания реакционного характера были прекращены, вызывающий и раздраженный тон сменился спокойным – «аполитичным» повествованием, все словесные украшения были сняты, и классово-враждебные реакционные установки были тщательно завуалированы. Реакционность выражалась иногда в самой постановке темы или в трактовке вопроса, иногда – в сообщении специально подо-

бранных материалов, не снабженных никакими комментариями, но ясно говорящих читателю об их содержании.

С.П. Толстов дал следующую оценку работ этого рода: «Оттого, что сейчас он (русский шовинизм) вынужден прибегать к очень тонкой маскировке, вуалируя свою сущность внешним объективизмом и описательщиной, не формулируя своих выводов, а лишь подводя к ним читателя, он ничуть не становится менее опасным. Скорее наоборот, ибо в таком виде он сумеет найти путь и в сознание людей, которые в противном случае явились бы его первыми противниками»[1].

В течение 1920-х гг. крупнейшее влияние в среде ленинградских этнографов приобрел С.И. Руденко – ученый секретарь КИПС, заведующий Этнографическим отделом Русского музея, профессор Ленинградского университета и т.д. Будучи связан с крупной буржуазией, С.И. Руденко примыкал к кадетской ориентации, которой придерживался А.А. Шахматов. Перед революцией на С.И. Руденко, обратил внимание М.И. Ростовцев, после Октября ставший непримиримым врагом Советской России[2]. Вернувшись из колчаковской Сибири, С.И. Руденко сплотил вокруг себя тесную группу этнографов, которые играли руководящую роль в научной жизни Ленинграда и сосредоточили в своих руках все возможности этнографических экспедиций, обработки материалов и публикаций. Вне и помимо Руденковской группы было трудно что-либо напечатать по этнографии в Ленинграде.

С.И. Руденко являлся типичным представителем буржуазной интеллигенции, для которой «смена вех» была сменой, тактики для наилучшей охраны реакционной идеологии. В течение 10 лет эта группа успешно охраняла свои старые позиции от всякого влияния со стороны марксизма и являлась надежным оплотом внутренней эмиграции. В своих произведениях С.И. Руденко совершенно игнорировал такие основные моменты, как Октябрьская революция, организация автономных республик и т.д. Во время критической проработки «руденковщины» сотрудниками Этнографического отдела Русского музея в 1931 г. было отмечено следующее: «Мимо этнографа, опубликовавшего монографию по быту башкир в 1925 г., не может пройти факт образования Башкирской автономной республики в 1919 г. и все глубокие изменения, которые необходимо вытекают из новой политической ситуации; замалчивание этого факта и его следствий есть определенный «аполитичный», имеющий известную политическую подкладку, подход буржуазного этнографа. Расценка

[1] Этнография, 1930, № 1–2, С. 65.

[2] Материалы по археологии России, Вып. 37 – описание раскопок, произведенных С.И. Руденко по поручению М.И. Ростовцева.

сдвигов в политической, социальной и экономической жизни башкир, происшедших с 1917 по 1925 гг., которую дает автор в предисловий («общая картина быта башкир, начерченная мною в свое время (10 лет тому назад), осталась по существу тою же»), показывает, что автор по тем или другим политическим соображениям не включался в социалистическую стройку и прошел мимо национальной политики СССР»[1].

Другая участница дискуссии о «руденковщине» А.Я. Дуйсбург отметила в книге Руденко «Башкиры», Ч. I, наличие такого рода подхода к материалу, классовая сущность которого «выражается прежде всего в тенденции проведения расовой теории, являющейся результатом колониальной политики буржуазных государств»[2]. А.Я. Дуйсбург дала следующую характеристику Руденко: «Поддерживая взгляд империалистов на «инородцев», как на неспособных к поднятию культурного уровня, С.И. Руденко не пытается найти объяснение отсталости башкир подведением экономической основы, т.е. фактора развития всякого общества, и тем более не касается политики угнетения самодержавия по отношению к национальным меньшинствам Российской империи, главной причины отсталости целого ряда народностей. Такого рода направление научной работы с совершенно ясной тенденцией оправдания колониальной политики царского правительства по отношению к малым народностям, полное замалчивание политики советской власти – самоопределения народов – и результата этой политики, дает нам право отнести С.И. Руденко к группе буржуазных ученых, выполняющей социальный заказ своего класса и не изменившей своей идеологии и направления работы даже и после Октября»[3].

Расовая теория в развернутом виде была представлена С.И. Руденко в докладе «Современное состояние и ближайшие задачи этнографического изучения турецких племен», прочитанном на I Всесоюзном Тюркологическом съезде в Баку 26 февраля 1926 г.[4] В этом докладе Руденко пытался очень поверхностными чертами охарактеризовать общетурецкий расовый облик, типичные элементы общетурецкой материальной культуры и характерные особенности единого социального строя всех турок. При этом оказалось, что все особенности отдельных турецких народов объясняются иноземными влияниями и заимствованиями: Руденко отметил влияние монголов и манчжуров на якутов, монгольское влияние на урян-

[1] Тезисы Н.П. Гринковой к разбору книги Руденко «Башкиры», Гл. X–XII, во время критической проработки руденковщины в Русском музее 22 июня 1931 г., пункты 9 и 10.

[2] Тезисы А.Я. Дуйсбург к разбору книги Руденко «Башкиры», Ч. II, во время критической проработки руденковщины в Русском музее 22 июня 1931 г., пункт 3.

[3] Там же. пункты 4–5.

[4] Первый Всесоюзный Тюркологический съезд, С. 58–66.

хов и алтайских тюрков, финское влияние на чуваш, иранское влияние на узбеков и на туркмен, средиземноморское влияние на анатолийских и балканских тюрков. В своем заключительном слове Руденко усиленно возражал против предложения, внесенного крымским делегатом Одобашем, об организации всесоюзного тюркологического музея. Это были, по существу, возражения великодержавного шовиниста против предложения националиста. Руденко защищал монополию Русского музея от националистических претензий со стороны отдельных «расовых» групп. Этнографическая комиссия Тюркологического съезда приняла предложение Одобаша, но отложила его на неопределенный срок – после одного из последующих тюркологических съездов»[1].

Ближайшим сотрудником Руденко по КИПС, Русскому музею и Ленинградскому университету был Д.А. Золотарев, специализировавшийся по изучению финских народов. Ярким выражением шовинистических взглядов, может служить этнографическая Карта Поволжья, составленная Европейским отделом КИПС под руководством Д.А. Золотарева. Эта карта была воспроизведена в 1925 и 1926 гг. в путеводителе «Поволжье», изданном под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского, при ближайшем участии Д.А. Золотарева. На карте Поволжья поражает ряд чрезвычайно грубых искажений, сводящихся к увеличению территории, занятой русскими, и к уменьшению пространства, имеющего нерусское население. Поразительно малы территории, заселенные марийцами и удмуртами, искусственно уменьшена территория татарского населения; совсем не отмечены коми Халтуринского уезда Вятской губернии, а также касимовские татары. Лесные пространства покрыты розовой краской, обозначающей русское население. Впоследствии Д.А. Золотарев пояснял, что во всех сомнительных случаях, когда у составителей не было точных данных об этническом составе населения – на карте обозначался цвет «преобладающей народности», а такой «преобладающей народностью» для всего Поволжья Д.А. Золотарев считал русских. Таким образом, создавался искусственный перевес в пользу русского населения, во многих случаях совершенно не отвечавший действительности и в корне противоречивший принципу, по которому производилось размежевание автономных областей и республик.

Шовинистическое содержание карты Поволжья вполне совпадало со взглядами Д.А. Золотарева на историю русской колонизации: «Проникновение русского населения... постепенное подчинение и вытеснение своих предшественников финнов... было делом исключительного значения в истории нашей области... Дальнейшему продвижению мешали не столько сами финские племена, сколько татары... Овладев и укрепив-

[1] Первый Всесоюзный Тюркологический съезд, Баку, 1926, С. 407.

шись в Верхнем Поволжьи и Окском крае, государство нуждалось в захвате всей Волги и в освобождении от тех сил, которые препятствовали дальнейшему расширению владений. Казанское и Астраханское царства, продолжавшие существовать, напоминая о татарском владычестве, не давали покоя московским правителям... Под властью Казани черемисы, чуваши и другие, изнывая от податного бремени и трудностей жизни и надеясь на Москву, согласились подчиниться московской власти и тем очень ослабили казанских татар... Башкиры, сами изъявили готовность покориться и платить русскому правительству подати – ясак»[1].

Период мнимой «аполитичности» науки и «нейтральности» научных работников совпадал с восстановительным периодом, с эпохою нэпа, и продолжался с 1921 до 1929 гг. В годы этой «передышки» классовая борьба приобрела скрытый характер и велась внутри советских учреждений. Стабилизация буржуазных элементов, совершавшаяся в стенах различных учреждений, имела кульминационные моменты в разное время, но большинство из них падает на середину 1920-х гг. В научной жизни Ленинграда имело большое значение для усиления реакционных элементов то расширение академических учреждений, которое было приурочено к 200 летнему юбилею Академии наук (1925 г.). Для того, чтобы ввести Академию в круг советских учреждений и направить ее деятельность на пользу пролетариата, руководящие органы советской общественности создали ряд чрезвычайно благоприятных условий для развития и усиления научной работы академических учреждений. Академия наук была сделана всесоюзным учреждением, штаты были значительно расширены, сметы увеличены, и в Академию влилось большое количество новых сотрудников. Особенно усилена была экспедиционная деятельность Академии – организован целый ряд комплексных экспедиций для изучения автономных областей и республик. Этнографические учреждения МАЭ и КИПС также были расширены, получили более обширные помещения, штаты их были увеличены, средства усилены. Кроме того, этнографы КИПС приняли деятельное участие в работах комплексных экспедиций, в том числе Руденко и Золотарев заняли руководящие должности, первый – в Казакстанской и Башкирской экспедициях, а второй – в Кольской и Карельской.

Благоприятные условия для научной работы, созданные советской общественностью, были, однако, буржуазными учеными, состоявшими на службе в академических учреждениях, в ряде случаев использованы против советской общественности, против интересов пролетарской революции. Классовая линия и политические установки большинства буржуазных ученых сохранялись в неизменном виде. Внешняя аполитичность

[1] «Поволожье», Изд. 1. С. 135–136, 138, 140.

и нейтральность по-прежнему маскировали лицо классового врага. Что же касается расширения штатов и смет академических учреждений, то в ряде случаев все, это было использовано не в интересах науки, а в личных интересах такого рода «ученых». В числе их были и этнографы, как С.И. Руденко и Д.А. Золотарев, своим руководством в ряде этнографических учреждений не только отрезавшие всякие пути попасть в научные академические учреждения молодым, подлинно советским ученым, особенно коммунистам, но и стеснившие деятельность более левой группы кадровых ученых, как Л.Я. Штернберг, или относительно близких к марксизму, как В.Г. Богораз-Тан. Можно, в общем, констатировать, что во второй половине 20-х гг. в составе академических учреждений произошло значительное усиление реакционных элементов, и это обстоятельство, как теперь стало известно, привело к образованию в стенах Академии наук контрреволюционной группы, обнаруженной в 1929 г. Чисто политической деятельности этой контрреволюционной группы отвечала и соответствовала аналогичная деятельность в научной области, в том числе и в области этнографических исследований.

Так, буржуазная идеология явственно выступает в монографии Д.А. Золотарева «Карелы СССР», изданной в 1930 г. В предисловии к этой книге Золотарев углубился в личные воспоминания и поделился с читателями некоторыми признаниями: «Впечатления детства и ранней юности, проведенных автором в Ярославской губ., сохранили память о карелах... В представлении ярославцев, воспринявших внешний лоск городской культуры и выработавших своеобразный облик ловких, предприимчивых, жизнерадостных людей, карелы рисовались угрюмыми, серыми хлебопашцами, с неуклюжими манерами, неловкой походкой, нескладным разговором, но людьми упорного труда, сурового нрава, умеющими постоять за себя. На самом деле, даже детский глаз отличал новых пришельцев от ярославцев, и лица, виденные в 90-х гг. и в начале 900-х гг., сохранились, как живые образы карел. Не столько рост, длинные русые волосы, часто беспорядочно висящие прямыми прядями, густые большие нестриженые рыжевато-русые бороды, загорелые румяно-коричневые лица отличали карел от ярославцев, сколько совокупность культурно-бытовых особенностей, отчасти отображенных во внешнем облике карел»[1].

Характеристика русских и карелов построена Золотаревым на противопоставлении их друг другу. Русские рисуются в положительном свете: ловкие, предприимчивые, жизнерадостные, восприимчивые к культуре. Карелы изображены отрицательными чертами: угрюмые, серые, неуклюжие, неловкие, нескладные, суровые, косматые, бородатые и т.д. Они

[1] Д.А. Золотарев, Карелы СССР, Материалы КЭИ, Вып. 24, С. 1.

представлены как культурно-отсталый народ, причем Золотарев дает понять, что карелы остались отсталыми, несмотря на свой упорный труд и на уменье постоять за себя. Из этого можно легко сделать вывод, что карелы вообще неспособны к культурному развитию.

Говоря о русских вполне прямо и определенно, Золотарев завуалировал отрицательную характеристику карелов тем, что привел ее не от своего лица, а приписал местным жителям: таковы карелы «в представлении ярославцев». Однако эта вуаль является очень прозрачной, так как Золотарев нисколько не опровергает представлений, воспринятых им с детства и, напротив, соглашается с данной характеристикой словами: «На самом деле...» Он хранит в себе детские воспоминания на всю жизнь без изменения, считая их вполне правильными.

Тот же самый прием маскировки шовинистического подхода к националам повторили сотрудники Золотарева Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринкова в работе «Кто такие бухтарминские старообрядцы». Как и Золотарев, его сотрудницы выдвинули шовинистические высказывания не от своего лица, а приписали их местным жителям – авторитетным знатокам националов: Золотарев для характеристики карелов сослался на «ловких» ярославцев, Бломквист и Гринкова высказались о казаках, сделав ссылку на бухтарминских стариков. Как Золотарев, так и Бломквист и Гринкова оставили приведенные ими характеристики без опровержения, тем самым давая понять, что они соответствуют их собственным взглядам.

Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринкова говорят о том, что казаки от природы являются скотоводами, а не земледельцами: «Старики утверждают, что лет 50–60 тому назад ни один казак не умел работать в поле, не умел обращаться с косой и серпом, будучи природным скотоводом, а не земледельцем»[1]. Только от русских «казаки понемногу обучились сельскохозяйственным работам»[2]. Таким образом, казаки – природные скотоводы, русские – природные земледельцы; казаки не умели производить сельскохозяйственные работы: они «научились» уборке сена и хлеба от русских. В таком виде, без раскрытия социально-экономической сущности земледелия и скотоводства, утверждения Бломквист и Гринковой полностью повторяют положения расовой теории и недвусмысленно внушают читателю мысль о том, что внедрение земледелия среди казаков противоречит их «природным» особенностям.

Несколькими строками ниже авторы действительно высказывают мысль, что внедрение земледелия среди казаков является искусственным мероприятием и имеет неблагоприятные последствия для местного рус-

[1] Материалы КЭИ, Вып. 17, С. 44.

[2] Там же.

ского земледелия. «В последние два года начинает несколько сокращаться наем казакских работников. Объясняется это современной политикой в крае после образования Казакской АССР... казаки получают хорошие земельные наделы... В силу этого казак начинает несколько выше расценивать свой труд... Ввиду этого многие кержаки, не находя выгодным нанимать дорогих работников и не имея возможности обрабатывать свои поля собственными силами, начинают сокращать посевы»[1].

Высказывания Золотарева о карелах, Бломквист и Гринковой о казаках близко соприкасаются с высказываниями сотрудников Якутской комиссии о якутских тунгусах. В сборнике «Якутия», изданном Академией наук в 1927 г., помещена работа С.В. Бахрушина «Исторические судьбы Якутии». В этой работе автор взял на себя роль апологета русских эксплоататоров, которые немилосердно обирали якутов и тунгусов в XVII в. С большим сочувствием Бахрушин описывает лишения русских эксплоататоров: «На якутский гарнизон ложился ряд тяжелых обязанностей. Ежегодно служилых людей рассылали небольшими партиями для сбора ясака по ясачным зимовьям и острогам... Во время этих командировок они нередко терпели жестокие лишения – «умирали голодной смертью», питались травой, кореньем и сосновою корою, «души свои сквернили... и всякую скверную едь ели»...[2]. Однако Бахрушин должен был после описаний этих лишений оговориться: «Тем не менее, поездки по зимовьям, за редкими исключениями, представляли там много выгод вследствие возможности торговать с туземцами и брать с них «поклонные соболи», что из-за очереди происходили ссоры...»[3].

Население Якутии в XVII в. Бахрушин изображает как «дикарей, из которых многие еще не выходили из первобытного состояния»[4]. Относительно тунгусов он выражается еще более определенно: «Тунгусы, обитавшие на собственно якутской территории, выступают в документах XVII и XVIII вв. с яркими чертами типичных дикарей. Татуированные («с шитыми рожами»), «весьма сурового вида и дикообразные», они еще в XVIII в. внушали ужас отдельным служилым людям, попадавшим им случайно навстречу... «Сии же иноверцы», писал один из них, «на вид дикообразны, обычаем грубы, в разговорах свирепы». Но сами они, как настоящие дикари, были пугливы и боялись незнакомых людей»[5]. «Мы так же мало знаем о правовом быте этих дикарей в описываемую эпоху»[6]... Эту категорическую аттестацию как «типичных»

---

[1] Материалы КЭИ, Вып. 17, С. 44.
[2] «Якутия», С. 293.
[3] Там же, С. 293.
[4] Там же, С. 295.
[5] Там же, С. 284.
[6] «Якутия», С. 285.

и «настоящих» дикарей Бахрушин дает тунгусам, несмотря, на противоречие с той довольно высокой материальной культурой, о которой он сам же упоминает несколько далее: «На войну в древности выходили в кольчугах, какие в виде редкости еще имелись у некоторых из них в первой половине XVIII в.; охотские тунгусы выступали в XVII в. «сбруйны и ружейны, с луком и с копьем, и в куяках, в железных и костяных»[1]... Наличие кольчуг и железных панцырей мало вяжется с представлением о «типичных дикарях».

В явном противоречии с историческими фактами, обусловленном желанием автора прикрасить действия русских в Якутии, Бахрушин утверждает: «В отличие от западноевропейских колонизаторов XVII и XVIII вв. – русские, во всяком случае, не истребляли покоренных народов, не порабощали их и не уничтожали их самобытности... они предоставляли туземцам жить, как они хотели. На страже благосостояния ясачных людей стояло государство... Социально-юридического быта побежденные русские коснулись очень мало» (!)[2].

Бахрушин поставил вопросы: «Что сделано было русскими для... общего культурного состояния Якутского края в течение трех веков их владычества... и в какой степени (русские) удовлетворяли культурные ее (Якутской области) потребности?» (С. 311). На эти вопросы он дал в высшей степени своеобразный ответ, полностью обнаруживающий реакционную идеологию автора: «...Так же медленно и также недостаточно шло культурное строительство в Якутской области. В XVII в. дело ограничивалось правительственной «ругой» на содержание причта соборной Троицкой церкви в Якутске, всего 7 человек, считая «просвирницу». В 1663 г. сами служилые люди ходатайствовали об учреждении в городе монастыря... казна, снабдив монастырь землями, приняла на свой счет содержание монастырского причта (2 чел.). Весь расход, на духовенство в 80-х гг. сводился к ежегодному денежному жалованию в 93 руб. 50 к. и к выдаче хлеба, овса и соли... Из соборных священников один был откомандирован в Колыму. Кроме духовенства, государево жалованье получали два «богадельщика»[3]. Таким образом, в историю культурного строительства Якутии Бахрушин включил снабжение попов, сооружение монастыря и содержание богадельщиков!

При описании подъема, «производительных сил» и «использования природных возможностей, предоставляемых областью», Бахрушин стоит исключительно на русской точке зрения и смотрит на вещи с этой точки зрения. О пушной охоте и о добывании моржовой кости Бахрушин

[1] «Якутия», С. 285.

[2] «Якутия», С. 306–307.

[3] Там же, С. 314–315.

говорит только применительно к русским; об эксплоатаций ископаемых богатств также говорится с русской точки зрения. О том, что «особенно острый интерес к неиспользованным богатствам Сибири» был вызван с середины XIX в. «промышленным оживлением, замечаемым во всей России» (С. 313), Бахрушин говорит как о вполне естественном факте, – очевидно, он соответствовал его буржуазной идеологии. О том, как все эти явления отражались на жизни якутского и тунгусского населения, Бахрушин не упоминает ни слова. Шовинистическая русская точка зрения в подходе к материалу обнаруживается Бахрушиным вполне.

Бахрушин получил достаточную известность как буржуазный ученый с шовинистической окраской. С.А. Пионтковский в работе «Великодержавные тенденции в историографии России» отметил: «Великодержавность и национал-шовинизм свойственны всем буржуазным историкам России. В своих исторических работах эти историки по своей методологии, по своим концепциям, по своей фразеологии стоят на тех позициях, которые были свойственны зоологическому национализму московских лабазников. Проф. Бахрушин, например, в своих исторических работах обнаруживает точные сведения о том, какой характер присущ той или другой нации. Поляки, по его сведениям, хвастуны... А в своих очерках по истории колонизации Сибири тот же Бахрушин мелкие сибирские народы очень часто называет просто и красочно «дикарями». Этот национализм сохранился в исторических концепциях и Бахрушина, и Платонова, и Любавского, и многих других. Это – историки, прежде всего великорусского народа, певцы господствующего прошлого Великороссии. В своих исторических работах они продолжают мечтать о «Великой и Неделимой»[1]. «Проф. Бахрушин сам заявил, что он продолжает национал-шовинистическую политику Ключевского, указав, что его книга является продолжением мыслей Ключевского. Но мысли Ключевского сводились к защите и обоснованию «Великой и Неделимой», к защите и обоснованию безраздельного господства и национального угнетения великорусским народом всех национальностей, населявших старую Россию... Бахрушин продемонстрировал свою связь с Ключевским, как продолжатель национал-шовинистических традиций в историографии»[2].

(Продолжение следует)

Взято из: *Этнография на службе у классового врага. Государственная Академия Истории Материальной Культуры. Ленинград, 1932. С. 22–100.*

---

[1] «Историк-марксист», Т. 17 (1930), С. 21.

[2] Историк-марксист, Т. 17 (1930), С. 24–25, ср. также С.А. Пионтковский, Буржуазная историческая наука в России, изд. Молодая Гвардия, М. 1931, С. 96–97.

БАБАБЫЗНЫҢ ДӘФТӘРЕ

(Ахыры. Башын укыгыз № 1, 2, 3, 4, 2025; № 1, 2, 2026)

8. Хакимият алмашыну

Без киткәндә Тифлсда бик кызу эссе иде. Ләкин Карсда 20 градус салкын һәм кар иде. Ике ара 260 чакрым гына. Карс түрк шәһәре булган. Җиде мсҗде бар, чиркәү җук. Ләкин түрк халкы качыб беткән. Бу вакытда әрмәнләр генә иде. Мсҗдләр ташланган, бары бер мсҗд йанында иске мәдрәсәдә пазисадан китрелгән түрк балалары бар иде 60лаб. Аларны Тифлиска озаталар. Бер вакыт мартның өчесендә төшдән сәгать 1дә ашагач афиср миңа кибетдән папирус алыб кайтырга кушды. Мин базарга йөгердем. Базарга барсам, урамда тупчылар сугышка хәзерләгән көйгә урамга тезелгәнләр. Җирле салдатлар бар да пулни сугыш коралы берлән коралланыб киенеб урамны чолгаб алган. Тәртибсез-нисез халык айкала. Әрмәнләр кибетләрен җабалар иде. Миңа папрус булмады. Мин салдатлардан «Бу ни мәл» – диб сораргa куркдым. Чөнки алар бар да бик ачулы кыйафәтдә куркныч төсдә иде. Кибетчеләрдән сорасам да «Белмибез» диләр. Мин бу салдатлар Саркамышдан кайткан булыр диб уйладым. Саркамышда забасутка[1] бар диләр иде. Тизрәк фатирга җәгердем. Кайткач афисрга күргән сөйләдем. Ул миңа: «Менә мин сиңа әйтеб килдем: Никалайга тиз шабка булыр. Тиз бтик булыр диб. Менә хәзер Никалайга шабка. Ул төшкән. Безнең Карс грнизуны вакытлы хөкүмәткә баш иәсе килми. Шуның өчен бүген началникны риставит иттләр. Җабалар» диде. Үзе киенә башлады. Ләкин Әминә анарга чгарга ирек бирмәде. «Чыкма, син гариб, чатан. Сине бер салдат бәреб җыгар. Бүген сезгә бик шәб булмас. Палкалар митш[2] йасаганда афисрларны кыйнаган кебек хәзер дә булмый калмас» диде. Мин йаңадан тиз генә урамга чыкдым. Салдатлар бара торган җакка таба китдем. Менә минем алдан ике салдат бара. Берсе фиршал[3] икән. Ул әйтә: «Бүген иртә Никалай сүрәтләрен җыртыб идәнгә ташладык. Ләкин үзебез дә хәтәрдән куркыб туйдык, орышыр диб. Ул күргәч шаркылдаб көлә» ди. Икенчесе «Мин кичә Битрбурдан хат алдым. Алмашу көнендә 2 меңгә йакын кеше үлгән диб йазганлар» ди. Бераз баргач безгә каршы бер афтамабилга ике палкауник утырганнар киләләр иде. Афтамабил бик әкрен килә. Афисрлар салдатларга нидер сөйли. Салдатлар җыела бара. Салдатлар күбрәк җыелгач шуфр афтамабилне туктатды. Салдатлар афисрларны тартыб төшерделәр дә сугыш коралларын салырга кушдылар. Бер афиср тиз генә клычын лвалвирен алыб бер салдатка бирде. Икенчесе бераз терәлеб тормакчы булган иде. Артдан бер бик зур салдат млтык төбе берлән аркасына ике табкыр бирде.

[1] забастовка

[2] мятеж

[3] фельдшер

Афиср бөкрәеб килде дә тиз генә кылыч, наганын ташлады. «Рабата, (жаныгызга гөнаһ) алмагыз» диде. Салдатлар боларны җабарга алыб китделәр. Афтамабилга салдатлар менеб утрыб урам буйлаб кидделәр.

Мин дә афисрларны алыб барган җиргә китдем. Йулда бер зур жортның зур ишегенә бер туб тусыб куйганлар. Салдатлар жук. Бу гинрал началнк грнизун фатиры икән. Аны ристауит иткәндә чкмаса аның фатирын тубка тотмакчы булганлар. Ләкин ул үзе чыккан. Үзе каубахтага барган. Мин барганда гинрал җабылган иде. Караулга патша салдатлары урнына йаңа хөкүмәт салдатлары куелган. Бер әрмән парапуршге каманда бирә. Ул йахшы атка атланган. Ул салдатларга «таваришлар» ди, «ибдшләр» ди. Менә озакламый 262 нче булкның бер дүрт салдат берлән афисрлар үзләренең булкауникларын алыб киләләр. Бер капитан кчкырыб сүйләб килә: «Менә бу палкаунк кичә безгә алла һәм патша иде. Без бүген алланы һәм патшаны жавабка куйабыз» ди. Йак-йакдан афисрларны салдатлар куыб китерәләр генә иде. Урамда афтамабилларда салдатлар тулыб утырганлар. Һәрберсендә аратрлар кчкрыб сөйлиләр. Никалайның төшүен белгертәләр иде. Мин мондан вагзалга йөгрдем чөнки кзит бу көнләрдә вакзалда гына алыб була иде. Бүген кзит да 50 тиен нумеры. Мин барганда пуиз Сарыкамыштан килеб тукдады. Пуиздан афисрлар чыга башладылар. Салдатлар вгундан чыккан бер афисрны кыйнаб суккалаб шәһәргә җабарга алыб киттеләр. Анда мондан соң озакламый Мскуаски пуиз килде. Кизит сатучылар кзтларны пуиздан алгач халык сугыша-сугыша гзит ала башлады. Көн дә 10 тиенгә сатыла торган гзит бу көн 50 тиен булганда җитми калды. Көн дә гзит сатучылар урамда кчкрыб йөрсәләр, бу көн кзитны күреб кенә калдылар.

Мин кзит алгач өйгә кайтдым. Без җыелышыб кзит укыдык. Урамда аратрлар һәр рутадан ике афиср, һәр азбудтан[1] ике салдат сайлаб кич сәгать 7 дә губирнатр йортына ибәрергә кушдылар. Җыелышка барырга Изираскины да сайлаганлар иде. Җыелышдан кайткач ул безгә йаңа началнклар сайлаганны сөйләде. Началнк гарнизунга тубчылар камандиры палкауникны, аның урынбасары итеб безнең 52 нче запснуй пулк камандирын сайлаганлар. Җыелышка ике казак гинралы кергән икән. Аларны үз ихтиарлары берлән чгарга кушканлар. Ул киниралар салдат өчен йахшы булганлар икән. Алар чәйханада салдат керсә дә чыгарга кушмаганлар. Чәй эчкәндә салдатларга тәмәке тартырга да рөхсәт иткәнләр. Шуның өчен, керсә, салдатлар боларга тимәгәнләр. Ләкин җыелышдан чгарганлар.

Моның икенче көне тупчы салдатлар үзләренең бер афисрларын эзләб килделәр. Җабарга диб. Ләкин афиср фатирында булмады. Аның урнына зур алтын крис тотыб пуп чкды. «Рабата, сез нишлисез? Батшаны хараб

[1] взводтан

итдегез инде. Афисрларны да бетерәсез» дигән иде. Салдатлар пупны алыб китделәр. Пуп тартыныб караса да, салдатлар бик коры тотды. Пуп да җалан баш чәчен селкә-селкә китде.

Афиср Изираски знатидан[1] кайткач бик күңелсезләнеб ултырды. Мин анарга «Ник болай бик күңелсез кайтдыгыз?» дигәч «Салдатлар сүзне тыңламыйлар, чис бирмиләр, узганда көләләр, кчкыралар» диде. Мин анарга «Бераз гына түз, тауирш, бераздан төзелер, алай булмас» дигәч «Йарый, караб карыйк» диде. Соңында бер өч көн узгач салдатларның тәртибкә кергәнен сөйләде.

Бер көн төшдән соң Изираски бик каушаб кайтыб миңа «Сафиулин, самавыр куйа тор. Әгәр дә чиркәүгә көчләб кертмәсәләр мин бик тиз кайтырмын. Пулкны чиркәүгә алыб баралар» диде. Чгыб китде. Мин самавр куйа башладым. Самавр кайнагач афиср кайтыб да килде. «Аллага шөкер, бу хөкүмәт дә чиркәүгә крергә теләмәгәнне кертми» диде. «Минем курыккан нәрсәм дә чиркәү. Мин анда 17 йәшемдән бирле барганым жук. Мин йәшрәк вакыт гимназиада укыганда чиркәүгә бара идем. Ләкин андан биздем. Бер көн мин чиркәүгә соң калыб барган идем. Миңа артда караб торырга тугры килде. Ни күрим – йәш матур кызлар йегетләр берлән төртешәләр, үбешәләр, көләләр. Мин моны күреб тәмам чиркәүдән биздем. Мондан соң чиркәүгә бармадым һәм бармам да. Чөнки чиркәү гыйбәдәт урыны түгел, бәлки бардак» диб икенче мәртәбә бармасга вәгъдә итде.

Чәй эчкәндә шуны сөйләде. «Надан халык тинтәк ул. Менә безнең Киф шәһәрендә унике туган «изге»бар «лавр» дигән җирдә. Анда манахлар, манашкалар тора. Менә шунда җыен халык җыела. Бу «изгеләргә»акча ыргыталар, йәрдәм сорыйлар һәм бу мәетләрне алтын-көмеш берлән күмәләр. Ахырдан бу акчаны манахлар җыеб алыб ашаб-эчеб гулит итәләр» диб патшаның бур калк[2] берлән халыкны алдаганын йаратмый сүгенеб куйды.

Никалай төшкәч мин Изираски берлән априлнең 15нә кадәре торыб 15ндән соң ике айга авылга отпускага кайтыб китдем. Мине ибдәш Израски вакзалда озатыб калды. Без инде бу вакыт афисрлар берлән «ибдәш» диб сүзләшә идек. Ләкин афисрлар тауириш дигән йаратмыйлар иде. Ләкин Израски «ибдәш» дигәнне йарата торган иде. Мин 15 нче апрлдә Карсдан чгыб 2 нче майда Казан авлына кайтыб кердем. Мин кайтканда кабка һәм киртәләр ауган иде. Мин кайтканның икенче көне хатынымдан кем иген чәчәкәнен һәм ничек эшләткән сорашдым. Безнең ат бар. Иген аларны күршегә биреб бергә эшләгәнләр. Ләкин күрше безгә вактында иген чәчмәгән. Минем хатын бер гектар богдай җаллаб чәчтергән иде.

[1] занятие

[2] ворьё (?)

Ләкин анда бик начар эшләнгән. Мин кайткач йәнә бер гиктар богдай чәчтем. Богдайны потын бер сум ун тиендән алыб үзем сукалаб йахшылаб эшләдем һәм бу җирдән 80 пот богдай алдык.

Мин бу кайтудан соң кире бармадым. Бу вакыт йаңа закун чкды: сугшка кадәрле мөгалим булыб укытган кшеләр сугыш сафндан кайтырга тиб. Мин үземнең мөгалим икәнне белгертеб кулыма йазу алыб салдат хзмәтендән бушандым. Ләкин ике айдан соң влска[1] йазу килде. Мин пулкдан качыб киткән итеб күрсәтеб һәм дә кире Карсга барырга кушыб. Ләкин минем кулымда йазу булгач миңа барырга әйтүче булмады. Шулай итеб гирман сугыш тәмам булды.

9. Совоклар союзында[2]

Жить стало лучше, жить стало веселее[3].
Шея стала тоньше, но зато длиннее[4].

Без хәзер трантаста дүртәү. Карчык белән без икәү, мәктәб диликтры һәм ат башында бер малай. Бераз әкрен бара. Трантаска утргач да карчык ат тоткан балага: «Әйдә, ку әле» ди. Мин әйтәм: «Йарый, әкрен барсын». Бу ел кашка айгыр җадав[5], ул бит бу ел тешәде. Атка әверелә. Без авылны чыккач, күперне чыккач тау менгәндә трантасдан төшеб мендек. Тауны менгәч утрдык. Без утргач карчык тагы борчыла: «Ат ку әле» ди. «Өлгереб булмас» ди. Кашка айгыр әкрен генә жуырта. Барганда миндән диликтр көлә: «Бабай кайтмакчы түгел иде» дигән була. Тагы бераз торгач зур авызын ача да тагы көлә. Мин әйтәм: «Йарый, бәлки исән торыб кайтырбыз» дим. Дилктр шатланыб куйа: «Курыкма бабай, бик һәйбәт йөреб кайтырсыз» ди. Үзе миңа папирус бирә. Без машинадан чккан төтен кебек төтен чгарыб тартабыз. Карчык безне орышкан була. «Кирәкмәгән нәрсә берлән чубаласыз» ди. Без диликтр ибдәш берлән көләбез. Менә кашка айгыр һаман әкрен жуырта бирә. Инде без приннстн авлына йакынлашабыз. Әле парахуд төтене күренми. Без Утьма кабка төбенә йалыб[6] житкәндә басу кабкасы члбыр берлән бәйләб йозак салган иделәр. Бу авылда атлар аврый икән. Каратнин. Ат белән кереб булмый. Җәйәү барырга бер чакрым артык. Без атны туктадыб трантасдан әйберләрне күтәреб алыб үкләгеч[7] аша креб китдек. Мин авыр чумаданны күтәрдем, карчык бер капчык алды.

---

[1] волостька

[2] Кипкуллардан Алабирдегә сәяхәт. Оригиналда башлангыч 2 бит житми. Оригиналның соңгы 2 бите бик өзгәләнгәнгә күрә монда кертелмәде.

[3] Сталин 1935 нче елда әйткән сүзләр.

[4] ә боларны халык өстәгән

[5] арык (диалект.)

[6] ямчы белән барып (диалект.)

[7] коймада буйга салынган колгалардан торган “капка»

Ул җиңел. Менә шушы җул мәшәкатенең башы. Айак авырта, син ике пот әйбер күтәреб бар. Диликтр йәш кеше ул кырт бара. Мин аның артыннан барам. Ләкин арттарак калам. Артыма әйләнеб карасам карчык шактый артка калган. Үзе кзарган, үзе уфылдый, «уф» диб куйа. Үзе кырт-кырт атлый. Ләкин айагы алга китә алмый. Мин аны күргәч туктадым. Кулындан капчыкны алдым. Үзем «Менә шулай була, ул җул» дим. Бераз баргач диликтр ибдәш дә безне көтә, «Әкрен баргач да йарый» ди. Әле парахуд күренми. Шулай итеб без пристнга барыб җитдек.

Пристнда багажларны сарайга куйыб үзебез дә утрыб җал иткәч без дилктр берләи Иртиш буйлаб түбән таба китдек. Пархуд көтәбез. Чөнки пархуд түбәнтен Табулдан Омскига барыр. Менә таллар артындан төтен күрелә. Ләкин ул парахуд түгел. Без папирус кабызыбыз. Дилектр «Бабай, син бит кайтмый идең» диб көлә. Мин анар: «Син булгач □□□[1]» диб куйам. Без су буенда йөри торгач тал агачлары башдан кара төтен күренә башлады. «Менә бу пархуд булырга кирәк» диде ибдәш дилектр. Без карчык җанына барыб пархуд килүен әйтдек. Ул урннан торыб карый башлады һәм пархуд икәнен белеб куаныб көтә башлады. Йарты сәгатьтән соң пархуд килеб дә җитде. Пархуд килеб җиткәне пристнда унга йакын кеше дә җыелды. Ләкин парахуд безгә бик исе китмичә туктамича китәргә бара иде. Бер йәш кенә җегет башыннан фурашкасын алыб пархудка таба селкеде. Пархуд да борны белән йарга килеб туктады да тиз генә йарга басма ташлады. Шул минутда 8 кеше креб тә китдек. Без керүгә басманы алдылар да парахуд кузгалыб да китде. Пархуд кузгалуга карчык чәйнек алыб чәй суына китеб дә барды. Димәк хәзер аның күңле тнычланды инде. Ул «Кайгырмый барыб булмый» диб «Менә без һәйбәтләб өчәү чәй эчәргә» ди. Мин пархудны караб йөрергә китдем. Минем 1931 нче елдан бирле парахудга утрган җук иде. Парахуд бик чиста, һәр җирдә тәртибле халык. Бар да шадлар.

Матруслар эшләре беткәч уйнаб көлеб йөриләр. Бер бүлмәдә кзыл почмак. Анда вакынтын[2] түгәрәк ташлар берләи билиард уйнарга өйрәнәләр. Уйнаучылар бар да йәшләр. Икенче өстәлдә шатранч[3] шакмак уены уйныйлар. Мин дә креб утрыб караб торам. Мин бу уйнаучылар пасажирлар диб уйлаган идем. Ләкин бер матрус килеб «Ибдәшләр, җыелыш була» дигәч уйнаучыларның күбесе чгыб китде. Димәк болар пархуд эшчеләре икән. Бу парахудның исеме «Свит»[4] булса, булган җирдә чын свитчы корылган һәм төзелгән. Буфит һәр вакыт сата тора, тауар күб. Пасажр алыб торалар. Икмәк, күмәч, булки җитәрлек. Балык, май, кәнфит

[1] сүз аңлашылмый

[2] вакыт-вакыт

[3] шахмат (фарсидан)

[4] «Совет»

тулыб йата. Папирус, сыра, квас күб, ала бир. Кухна һәр вакыт эшләб тора. Йулчылар бар да тук. Бәгъзе җирдә кармун, аскрибка уйныйлар. Бер татар матрус киң күк чалбар кигән, кармунга бии. Халык җыелыб караб тора. Аны мактыйлар, йахшы бии диләр. Патша вактындагы шикелле орыш, сүгеш йук. Син татар, син чуаш, син кыргыз диб берсен берсе сүкмиләр. Бар да ибдәшләр, бар да туарш[1].

1917 нче елда мин Грман сугышындан кайтканда пархудда һәм мажинада татар диб безне сүгәләр иде. Һәм башкалар да берсен берсе милләтен әйтеб сугыша, кчкрыш күб иде. Һәм ул вакыт парахудда акча берлән карта уйнау, сугышулар да була иде. Хәзер ул җук. Пархуд эшчеләре дә үзендән түбән эшчегә «ибдәш» ди. Капитан эшчеләр берлән көлеб ибдәш диб генә йөри. Элекке кебек кчкырыб, сүгенеб йөрми. Менә бер вакыт әлеге киң чалбар киеб биегән ибдәш йахшы чит киемнәрдән кзыл почмакка килеб керде дә бер ибдәшкә билиард уйныйбызмы диде. Мин монардан «Сез матрус түгелмени?» диб сорадым. Ул миңа җавабында «Без энем берлән икәү монда эшлибез» диде. «Без үз вактыбызны эшләгәч мунча керәбез дә таза кием киеб күңел ачыб уйныйбыз. Хәзер безгә бик йахшы, жалуни күб, ашау-эчү йахшы, патша вакытындагы шикелле түгел» диде. Мин кзыл почмакдан чгыб карчык җанына барганда инде кичке чәй хәзер иде. Миңа да диликтр ибдәш «Бабай парахудга кергәч җуелды, безгә җанга килмәде» диб көлә. Мин анар «Сез җоклагыз, бабайың пархудны караб җөри. Ул элеклене-хәзергене чагыштыра» дим. Ул көлә: «Син күб күргән» ди. Чәй эчкәч без йокларга йатдык. Мин йокыдан торганда пархудда эликтрк сүнгән дә иде. Инде мин җуыныб килгәндә безнең өстәлдә чәй хәзер иде. Ләкин диликтр ибдәш йугарыда йоклый иде. Мин аны тартыб уйатдым. Чәй хәзер, тор, ибдәш, дим. Ул әкрен генә тора. «Бар тизрәк йуыныб кил». Әби анарга сөлге бирә. «Менә сөлге» ди. Ул сөлгене алыб йуынырга китә. Без аны көтеб карчык белән чәй эчә торабыз. Менә ибдәш дә килде, өчәү күңелле чәй эчү. Чәй йанында май, җомырка, канфит. Тагы диликтр әллә нинди әйберләр, пичнилар, авызга кабкач ук эреб китә торган әйберләр. Карт кшегә бигрәк шәб. Чәйнәб торасы да җук, үзе тәмне. Шулай итеб чәй эчкәч мин тагы йөрергә китдем. Җугарыга чгыб Иртыш буйларын караб бардым. Болында калхуз атлары йөри. Җылга буендагы авылларда малайлар кул болгаб калалар. Болынлар ишле күренә.

Бу көн инде миңа кичәгедән күңелле. Айак авыртмый. Торгач бик авыртмый, ләкин бик тыныч да түгел. Инде бит барыбер тузәргә кирәк. Йугарыда күңелле.

Монда бренче класларда йыракдан килүчеләр бар. Надим округннан һәм Самарадан, Табулдан килүчеләр күб. Ләкин болар арасында зур кор-

[1] товарищ

саклы һәм алтын авызлы ибдәшләр булыр. Бүген бар да свит эшчесе булганлар. Алай да алар әле борынгы сыйфатдан чыкмаганлар. Алар ни кадәре ибдәш диб сөйләсәләр дә, түбән кешеләргә чирканыб карыйлар. Мин моны бик белеб киләм һәм сынаб йөрим. Менә йәнә кзыл почмакга креб утрам. Миңа йәшләрнең уйнавын караб утру күңелле. Чөнки аларның кайсы түгәрәк шарларны тиз төшерә, кайсы төшерә алмый. Сәгать унларда кзыл почмакга ике йәш кыз килеб керде. Боларның күренеб тора укучы балалар икәне. Икесе буйы тигез, берсенең чәче саб-сары, йалтыраб тора. Кашлары да сары. Күзе күгелҗем, кчерәк кенә авызлы. Икенчесе карарак чәчле, бит сипкелле, авызы шактый зур. Менә болар билиарт уйнаучы ибдәшләрдән сораб икәү уйный башлады. Уен саен сары чәчле кыз ота. Икенчесе монар пушына[1], боргалана, киреләнә, минем уйнаганым җук ди. Боларны караб тору тагы да кзык. Бу кзлар пархуд эшчеләренең кзлар икән. Укудан бушагач ата-аналарына җал итәргә килгән. Болар Омскида калырга сүзләшәләр иде. Кич ут алгач кзыл почмак ишеге төбенә шактый җуан өч ибдәш килеб туктады. Болар җугары бренче класдагылар иде. Бераз караб торгач берсе «Мин элек билиард уйнарга йарата идем» диб куйды. Икенчесе «Мин карта уйный идем» диб «Ота торган идем» диб куйды. Бераз караб торгач китделәр. Боларның ул патша заманында кем булганы аңлаб караган кешегә билгеле иде.

Шулай итеб без бүген дә пархудда бик күңелле барабыз. Кеше бик күб түгел, иркенчелек. Карчык үзенә танышлар табкан Табулдан Омскига җал итәргә баручы мөгалимәләрне. Ул алар берлән сүләшиб бара. Ул үзе дә мөгалимләр анасы. Аның ике улы мөгалим, җидесе укый. Тагы Надим йагындан килүче остәк карчыгы берлән дусланган. Карчык йанында бер ауру җегет дә бар. Болар Омскига булниска баралар. Остәк карчыгы да, егет тә урысча белә минем карчык белгән кадәр. Минем карчык болардан остәкча үзенә аларча йөзгә кадәр исәб йазыб ала. Менә шулай күңелле, ләкин айак авырта. Икенче көн безнең пархуд таң берлән Тара шәһәренә килеб туктады. Әле җактырыб җитмәгән иде. Мин таныш шәһәрне карарга чкдым. Чөнки бу Тара шәһәренә мин мондан 5 ел әүвәл күб килә идем. Инде биш <ел> килгән җук. Мин прхуд крыенда торганда минем җанга бер урта буйлы гына, илле йәшләрендә булыр, тагы бер кеше килеб туктады. Без моның берлән сүзләшә башладык. Бу вакыт пархудка җомырка йәшиге кертәләр иде. Бу ибдәш йомырка йәшиген күрсәтеб «Элек йомырканы болай эшләми торганлар иде» диб куйды. Мин җавабда: «Мин йәш чакда Казан шәһәрендә эшләгән». Падша заманында йомырка германга киткәнен, хәзер Омскига гына барганын сүләгәч, бу кеше Казан шәһәренең исемен ишеткәч, түзмәде. «Сез җомыртга эшләргә оста кеше икәнсез. Мин чәй

[1] әрләшә (диал.)

остасы. Мин татарларны чәй берлән сыйлый идем. Алар «Ласточка»маркасы чәйне йараталар иде» диде. «Сез Казан татарларын беләсез?» диде. Мин Казанда байтак кешене әйткәч «Мин Ишмратфлар, Сәйдәшефлар берлән таныш идем» диб куйды. Бу ибдәшдән «Сез хәзер свитда эшлисезме?» диб сорагач «Әйе, свитда эшлим. Хәзер булган кеше эшче. Мин элек дә эшче идем» диб куйды. Бу ибдәш 17 нче елга кадәр Омскида билгеле кеше иде.

Инде Тара шәһәреннән үзебезнең бик таныш җирләр китә. Чөнки Тарадан җугары элек Такмык олысында 22 ел тордык. Иртш буйлаб һәр җылны Тарага унар мәртәбә бара идек. Без сәгать 12 ләлрдә Такмыкка җитдек. Бу авыл без Себергә күчеб килгәндә каршы алган авыл. Без 12 нче елда пархуддан шунда төшкән идек.

Безне Такмык карты Казан авлына илткән иде. Менә бу безгә икенче Казан шәһәре кебек тоела. Чөнки 37 йәшкә кадәр Казан губирнасы Тәтеш өйәзендә торсак, андан соң Сбердә шул Такмыкка 15 чакрым Казан авлында 20 ел тордык.

Төшдән соң сәгать 3 дә без Балшурч[1] пртстнна туктадык. Бусы инде безнең әүвәлге райун иде. Без бу райунда 32 нче йылга кадәре тордык. Монда безне танышлар каршыладылар. Безнең ибдәш дликтр да шушы Балшурич пристнына төшеб калды. Ул ата-аналары җанына Казан авлына кайта иде. Безнең әүвәлге авылга, без Расидан килеб һич адәм тормаган җиргә өй салган авылга. Без ибдәшләр берлән саубуллашыб бетергәндә капитан «Җебне ычгындыр» диб кчкрыб да ибәрде. Хуш ибдәшләр, хуш сау бул дилктр. «Хәерле йул, бабай һәм әби» дигән тавышлар йаңгрыйлар иде. Инде без икәү генә калсак да күңелле. Инде иртәгә кичкә Омскига җитәбез, ибдәшләр. Мин күбрәк кзыл почмакда утрам. Йәисә уйнаган, биегән җиргә барам. Йугары чгыб утрам. Карчык үз ибдәшләр белән бара. Монда тагы Балшурчда йагмур җава башлады. Без чкканда бездә җауган йук иде. Инде менә җауа бик шәб. Җаусын – иген, печән, бәрәнге үсәр дибез.

Икенче көнне иртә сәгать 10 да ук халык Омскины сөйли башлады. Чөнки инде пархудда 15 көн килүчеләр бар. Алар дингез белән дә килгәнләр. Аларга дүрт җирдә присатка да булган. Алар зарыгалар. Без дә алар кебек. Ләкин без Омскига көндез керүне телибез. Анда авылдашлар бар. Төн аларга бару кыен булыр дибез. Прстндан йырак авылдаш. Һәркем пархуд эшчеләрен борчый: «Ничә сәгатьдә Омскида булырбыз икән» – диләр. «Кичке сәгать 9 да йә унда, «Андан соң калмыйбыз» дигән җаваб алына. Менә инде йараплнлар очалар. Омски йырак түгел. Ләкин җитеб булмый. Инде Кулмзина[2] күренә дә башлады. Омски тау артында. Менә зур моржалар күренә. Әнә Омски җитәбез. Омски йакынында

[1] Большеречье

[2] сүз аңлашылмый

су өстендә көймә белән балалар[,] балыкчылар йөриләр. Менә пархуд ут алды. Кич була. Менә Омскига җитәбез. Сәгать 10. Без пристнда идек. Бакажларны алыб пархуддан чгыб китдек.

Шәһәр урамы йакты, кеше күб йөри. Ләкин барасы бик йырак, бик аз дигәндә ике чакрым бар. Багаж шактай җиңелләнсә дә, айак авырткач азны алыб бару да кыен. Карчык йак-йагына карана. Зур йортларга карый. Ул бит бүген генә Омскины күрә. Анарга бар да гажәб. Урамда биек багана башында зур электрк җана. Йак-йакды. Зур йортлар, тагы йулда машиналар чабалар. Мин үземчә каушаб китәм. Карчык артка кала. Зур урамда ултыргычта ултрыб папирус тартам. Карчык ашыга, үзе уфлдый.

Инде без зур тиатр җанындан узыб барабыз. Монда йортлар зур, йакшы. Кеше күб йөри. Кибет эчләре электрик белән бизәлгән. Ләкин сату тукталган. Бар чатларда гына ларукдарда саталар. Без тимер күперне чккач бераз баргач да сул йакга борлдык. Безлек[1] йул Казач базар аша барырга туры килә. Без үзебезнең авылдашларны эзләб барабыз. Элек Влкуфски дигән урамда авылдаш бар. Өч йорт. Менә без шул авылдашларга барабыз. Хәзер боларның исеме ничекдер, без белмибез. Минем дә бит Омскига килгән жук. Бер дә булган жук. Расидан килгән бирле 25 ел авылдашлар берлән күрешкән йук. Без кичке сәгать 11 ләрдә авылдашдар йанына барыб җитдек. Төн булса да, капкалары ачык. Мондан 5 ел элек капка сәгать 8 дә бикләнгән иде. Хәзер 11 дә бикләнмәгән. Шәһәр тнычланган булырга кирәк дим карчыкга. Авылдашларның капка төбенә җиткәч мин карчыкга «Шушы булырга кирәк» дим. Ишек алдына керәм. «Ул капка төбендә тора иде» дим. «Крергә йарамаса капка ачык булмас иде» дим. Ишек төбенә барсак, ишекләр дә ачык. Мин «Безнең авылдаш монда торамы? Керергә рөхсәтме?» диб сорагач йәш кенә кыз «Рөхсәт, керегез» диде. Көтеб торган кунакны каршылаган шикелле каршы алды. Хуҗа хатын минем тавышны таныб «Риза абзый» диб кчкырыб җибәрде. «Әйдәгез, хуш килдегез» диләр. Безне каршы алган кзны кчкенә чагында мин бишектә күб тибрәткән идем. Ул инде үскән. Менә карчыкны күргәч авылдаш хатын дөнйасын онтды. Икәү сүләшә башладылар. 25 ел күрешмәгән кшеләр.

Бүген гөр килә өй эче, йәкәрә[2] иде. Мин исәнлек сорашкач, кабка ник бикләнми хәзер диб сорадым. Хуҗа хатын «Бер балам лисфид берлән йөрергә чыккан. Ул кайткач бикләр» диде. Мин тнычлаб бераз айакны җал итреб алдым. Ике авылдаш хатын сүзләшә. Балалар исе китеб караб торалар. Бу авылдашның ире 21 нче ел үлгән иде. Бу хатын 6 бала белән калган иде. Мондан 5 ел элек бер әүвәле эшдә иде. Икенчесе мөгалим иде. Өченче улы укый иде. Олы кзы да мөгәлимә булыб Казан йакга кит-

[1] безнең(?)

[2] мактану

кән иде. Инде хәзер боларда бүтән үзгәреш. Олы улы Казандан кайтыб Омскида өйләнгән дә хатыны белән йәнә Казанга киткән. Ул анда типуграфида сүрәт төшереб эшли икән. Икенче улы Лининградда укуда. Аны кунакга кайтуын көтәләр. Өченче улы укуын бетреб инжнир булган. Омскида эшли. Олы кызы бу ел духтрлыкка укуын бетреб чыккан. Дүртенче олы кыз да укый. Кече кызы 8 сыйныфда укый. Димәк авылдаш карчык балаларын тәмам рәтләгән. Без боларның болай йахшы укуларына бик куандык. Чөнки безнең үзебезнең дә барсы 9 балага безнең ике кечесе бу ел укый башлайачак. Без бу кич сәгать 3 ләрдә генә җокларга җатдык.

Иртәгесен чәй эчкәч без сәгать 8 дә авылдашның кече улы белән вакзалга билет алырга китдек. Карчык калды. Алар хәзер өчәү. Тагы бер авылдаш хатын керде. Ул хәзер бик борчылмый. Без ибдәш белән виткга[1] утрыб вагзалга бардык. Монда халык күб. Билет алырга көтәләр. Кайсы Казанга, кайсы Мәскәүгә, кайсы Лининградга. Вакзал эче гөр килә. Радиу белән кайсы пуиз кайсысында киләсен һәм китәсен әйтәләр. Безгә 71 нче нумр пуиз кирәк иде. Монда билет алырга очрд йазалар. Мин дә йазучы кызга барыб мине йаз дигән идем, ничәнче нумрга диб сорады. 71 нчегә дигәч «Жвай очрд»[2] диб йазмады. Мин «Башка нумрлар үлгәнмени?» диб кире китдем. Без монда билет ала алмадык.

Без ибдәшем берлән сүзләшеб билетны градскуй вакзалдан алырга диб шәһәргә кайтдык. Ләкин без касса төбенә килеб җиткәндә касса йабылды. Бер хатын билет сораб караса да, каср бирмәде. «Минем вакыт үтде. Сәгать сигез» диде. Бу хатын «Алай булса мине очредага йаз» диб калды. Без чгыб китдек. Икенче көн мин сәгать 7 дә вакзалга килдем. Ләкин халык күб. Иртән мин барганчы кичәге хатынны милска[3] алыб китгәнләр. Ул сәгатькә килеб кичке йазу белән билет сораганда бирмәгәч шаулашыб киткән икән. Мин дә очрдга басдым. Мин билет алыб киткәндә сәгать 12 нике булган инде. Безгә китәргә иртәгә сәгать 9 да. Бүген тагы кундык. Бу көн кич өч авылдаш хатын зур йәрменкә кордылар. Расидә ничек торганларын һәм Сбердәге тормшларын сөйләб, мондан 18 еллар элек татар хатнларның ничек изелгәнен, татар халкының киленләргә ничек караганларын. Кайнана, кайната диб ничек җафа, җәбер күргәнләрен. Һәрбersен искә төшерделәр. Хәзерге тормышның рәхәтлеген, ирләр берлән хатынларның тигез булуын сөйләб куанышдылар. Авылдаш хатын мондан 25 ел элек Расида торганда кыш көне арыш суккан вакытда эшчеләргә икмәк пшерер өчен мичкә йага торган мал астындан чккан салам җүеш, блчырак булгач суга торган җирдән бер суккан көлтә алыб креб мичкә тыккан икән. Шуны кайнатасы

[1] трамвай «ветка»сы (маршрут)

[2] «Живая очередь»

[3] милициягә

күреб мичдән утлы көлтәне алыб утлы көлтә берлән кыйнаганын сөйли. Өй эче утлы салам көле берлән тулды ди. Сбергә килгәч һәр вакыт коры утын гына җагыб рәхәт тормышда йәшәгәнен әйтә.

Без бу төнне тныч йокладык. Ләкин айак һаман авырта иде. Иртәгесен сәгать 7 дә без вагзалга китдек. Авылдашның бер баласы безне вакзалга кадәре озатыб барды. Без Иртиш буйлаб вакзалга йөри торган виткга утрыб сәгать 8 дә вакзалга барыб җитдек. Без барганда вакзал йанында халык бик күб иде. Чөнки без барган көнләрдә Омскида йәрмнкә иде. Бүген халык йәрмнкәдән тарала башлаган. Без ни тикгә утрырга диб торганда безнең авылда мәктәбдә аструж[1] булыб торучы Нтхалрин килеб чкды хатыны берлән. Болар үткән көз 20 сумлык билет алыб эрбет чикләвеге җыйганлар икән. Ирминкәгә шул чикләвкне алыб килеб сатканлар. Биш капчык чикләвек сатыб бер мең тәнкәдән артык акча җыйганлар. Һәм йәрмнкәдә кыйбат тавар да алганлар. Болар үзләре Чиләбе абулсның Мөслим дигән авылның. Болар да Омскида эшләре беткәч кунакка кайталар икән. Без Омски вакзалындан сәгать 10 да кузгалыб китдек. Безнең вкун пласкартни иде. Тныч, һәркем үз урнында гына бара. Вакунлар чиста, прауатниклар йәш кыз, егетләр. Мску кешеләр бик ачыклар. Уйнаб көлеб кенә йөри. Мску бер берсенә ибдәш диб кенә сөйләшәләр. Мондан 19 еллар элек герман сугыш вактда мин вгунларда күб йөргән идем. Ул вактларда гаспадин йәки барин йәки байтшка[2] диб, бераз йахшырак киенгән кешедән котың очыб йөри идек. Хәзер инде бай абзый, мулла абыз, ахун бабай дигән сүзләр йук. Бар да тауриш, бар да ибдәшләр. Элекгечә «бу татар, бу урыс, бу чуаш, бай казак, кргыз» диб берсе берсен хурламыйлар.

Без инде вагунда барганда тәрәзәдән йак-йакга караб барабыз. Чөнки җул буенда зур сафхузлар күренә. Анда трактрлар җир сөрәләр һәм дә сыер көтүләре, сарык көтүләре йөриләр. Аларны узгач озын мижа күренә. Калхуз хатынлары иген чүбе утыйлар.

Басылган язма авторы Хамидов Ризаеддин Сафиулла улы 1938 нче елның 2 нче апрелендә Тара төрмәсендә коммунистлар тарафыннан атып үтерелгән. Ул көнне үтерелгән татар укытучыларның һәм муллаларның мәетләрен сазлыкка ташлаганлар.

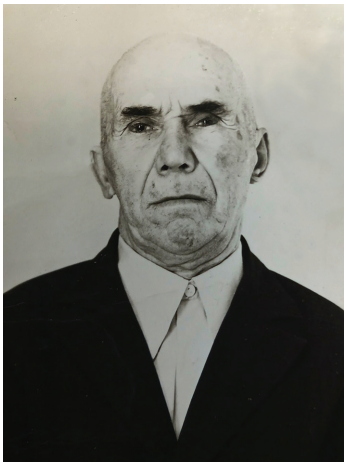
Шуңа күрә аның кабере юк.

[1] сторож

[2] батюшка

ГАБДРАХМАН АГА ИСТӘЛЕКЛӘРЕ

Кереш

Габдрахман Фәхретдин углы

Габдрахман бабамның бу язмаларын әтием – мәшһүр археолог Равил Фәхретдинов 1979 нчы елда ук матбугатка бирергә, китап итеп бастырып чыгарырга ниятләгән булган икән. Һәрхәлдә олуг язучыбыз Гомәр Бәшировның 1979 нчы елның 26 апрелендә әтиемә язган хаты шул хакта сөйли. Күрәсең, сәгате сукмаган булган. Менә, илле еллап вакыт узганнан соң, моңа мин алындым, бу эшкә фикердәшем, кордашым, үткен каләм иясе Рәшит Минһаҗны да җәлеп иттем.

«Әтием Габдрахман Фәхретдин углы гомере буена балта остасы булды, мәрхүм. Яшьрәк чакта урыс ягына чыгып йортлар салып йөргән, мин белгәннән бирле исең китәрлек өстәл-урындыклар, шкафлар, тәрәзә рамнары, бик матур бизәкләр белән тәрәзә йөзлекләре ясады, шуларның үзләрен ясый торган йөзләгән корал эшләде, алтын куллы кеше булды. Аның әтисе дә балта остасы булган, гомумән, Балтачта балтачылар күп булган – бу хакта әти мактанып, яратып сөйли иде. Җитмәсә, уен-көлкегә бик оста, шаян сүзле, бер нәрсә турында сөйли башласа, тыңлап туймаслык бер зат иде. Матур итеп тальян гармунда уйнар, кайвакыт моңаеп бер җырлап та алыр иде, мәрхүмҗан», – дип язган Габдрахман бабам турында әтием «Мондадыр безнең бабайлар» дигән китабында (Казан, ТКН, 1992).

2006 нчы елны дөнья күргән «Балтач энциклопедиясе» дигән хезмәттә (төзүчесе – Гарифҗан Мөхәммәтшин) Габдрахман Фәхретдинов хакында болай язылган:

«1901 нче елның 26 нчы мартында Балтач авылында туган. Габдерәүф хәзрәткә мәдрәсәгә йөреп белем алган. Атаклы балта остасы булган әтисе һәм абыйсы белән бергә, аларга ярдәм итешеп үсеп, үзе дә балта остасы, столяр булып җитлегә. Арбаш авылындагы арба-чана ясау фабрикасында, Балтач МТСында, ягулык әзерләп сату оешмасында һәм башка урыннарда эшли».

Раил Фәхретдинов

Гомәр Бәширов хатыннан:

Равил!

Мин бу дәфтәрләрне бөтенләй укып чыктым дип әйтә алмыйм, әмма бик кызыксынып караштырып чыктым. Абзыйның тормышы бик бай, ул күп нәрсә күрә белгән, күргәннәрен кызыксынып укырлык итеп яза да ала икән.

Шулай да боларны матбугатка чыгарлык итү ансат булмас, моңа язучы яки журналист кулы кирәк. Бәлки авыл бабаеның истәлеге итеп яки язмалары итеп бирергә мөмкиндер. Һәрхәлдә, боларны әрәм итмәскә иде.

Ихтирам белән: Гомәр Бәширов.

4.11.1979 ел.

Озакламыйча Аккош күленә китәргә җыенам, мине очрату кыенлашачак. Шул сәбәпле почта белән җибәрәм.

26.IV.79.

Каурый җыйганда

Җәйнең кояшлы җылы көне. Су буенда малайлар, бер-берсен узышып, йөгерә-йөгерә, каз каурыйлары җыя. Шактый ерак киткәч, каурыйлар күренми башлагач, кабат авыл ягына борылып, су буена килеп чүмәштеләр.

– Менә минем шул хәтле, минеке шул кадәр, – дип малайлар шактый мактанышканнан соң, Хәйри Хәмиттән, син ник дәшмисең, синеке бик аз мәллә, дип сорап куйды. Тегесе, төгәл санын әйтсәң, икенче юлы аз табыла, дип җавап биргәч, аны бүтән аптыратучы булмады.

Малайлар бөтен җирдә дә бер төследер: һаваланырга, үртәшергә ярата. Бераз сөйләшми утыргач, Хәмит, менә мин, малайлар, ике минут эчендә теге ярга чыга алам, дип ычкындырды.

– Чык! Сиңа тагын! Чыгып кара!

– Чыгам шул! Кыш җиткәч, боз өстеннән шуам да чыгам!

– Һәй, бетле кәҗә! Кышын теләсә кем чыга ала. Син хәзер чык!..

Тагын сүзсез калдылар. Хәйри, озак кына агымсуга карап торгач, бу су кая хәтле бара икән, дип кызыксынды. «Мин беләм. Безгә Түбән авылдан бер кеше килгән ие. Аннан, бу су сезнең тирәгә барып җитәме, дип сораган ием, шул сөйләде, – дип тезеп китте Хәмит. – Бу, безне узып китеп, Малмыж янында зур елгага кушыла да, бик күп җирләр баргач, тагын да зуррак бер елгага коя икән. Тагын да ераграк, озаграк баргач, диңгезгә барып керә, ди. Шунда барып җиткәнче, әллә өч, әллә дүрт мең чакрым юл уза...»

– Сезнең ничектер, минем карын ачты әле. Бүген иртән чәй дә эчмәгән ием, – дип Хәйри кесәсеннән ипи чыгарып ашый башлады. – Беркөннe әни самавырны эреткән ие. Бакырчы урыста ята. Түләп алып кайтырга акча юк әле.

– Хәйри, миңа да ипи бир әле, – дип Садыйк та, аннан ипи сорап алып, ашарга тотынды. – Әллә карын ачканга, бигрәк тәмле ипиегез. Безнең ипи болай ук тәмле булмый сыман. Әни ипи басканда күәс чиләген кыйнап алды әле. Ипи калагын алды да, менә, юньсез, ипине уңдырмый башладың, дип шап-шап сукты. Әти, бу хәлне күреп, чү, анасы, ватасың ич, дип дәште. Ватылмас, әйдә, атасы, син дә азрак суккала. Ярамас, карчык, мин суксам, ватылыр да, күәс чиләксез калырбыз, диде әти. Шуннан соң безнең ипи уңа башлады.

Тынлык озакка сузылмады. Болар янына кесәбикә (урыслардагы «кацавейка» сүзеннән. Кызлар яки киленнәр кия торган кыска җиңле камзул.), күлмәген кигән, кулына кечкенә бер капчык тоткан Сәхиб әби якынлашты. Үзе, җырлый-җырлый, каз йоны җыя:

Җәйнең җылы көннәрендә
Йөрим әле җибегәй (кылган кебек я җебеп-йомшарып дигән мәгънәдә).
Алай үзе салкын түгел,
Азрак кына җил бугай.

– Әйдәгез, балалар, аз гына каз йоны җыешыгыз әле. Зур итеп рәхмәт әйтермен үзегезгә, – дип дәште ул аларга. «Биеп күрсәтсәң, сиңа күп итеп каз йоны җыеп бирербез», – диде аңа Хәйри. Әби, ярар, балалар, биермен, биермен, дигәч, малайлар төрлесе төрле якка таралып, коелган каз йоннарын җыеп, моның капчыгына китереп салды. Озак та үтмәде, капчык тулды да. Әмма кесәбикә кесәләренә дә җыясы булды. Аларын да тиз тутырды малайлар.

– Ай, рәхмәт, балалар! Күп булды инде. Иртәгә дә килермен әле. Үзем каз асрый алмыйм шул, – дип Сәхиб әби такмак әйтеп бии башлады:

Кетер-кетер каты күмәч,
Кетертәтә Хәйри.
Катысына теше үтмәсә,
Тешен алып кайрый.

Малайлар көлештеләр, көлештеләр дә, әби, иртәгә дә кил, шәп биедең, тагын җыеп бирербез, диделәр. Сәхиб әби болар яныннан киткәндә, канатларын шап-шап итеп суга-суга, суда юынган казларны күреп алды да, тагын бер җырын искә төшерде:

Үрдәкләр йөзә боз киткәч,
Казлар коена җәй җиткәч.
Солдат кайта хезмәт иткәч,
Кызлар кайтмый бер киткәч.

Сәхиб әбинең мондый җырлар җырлавының сәбәбе бар. Үсеп буйга җиткәч, әтисе аны бер дә яратмаган егеткә кияүгә биргән. Әнисе аркылы,

ул егетне яратмыйм, дип әйттерсә дә, атасы авызын да ачтырмый. Яучы килеп йөргән вакытлар. Ындыр табагында өелгән арыш көшелен көрәк белән һавага чөеп сывыралар (җилгәрәләр, чүптән аералар). Һавада тигез генә искән җил арыш кибәген читкә очрып алып китә. Җилдә оча алмаган авыр чүпләр кире савырган көшел өстенә төшә. Сәхиб аларны себеркесе белән җитез генә читкә куалап тора. Күрше кызы, мә, Сәхиб, син дә чөеп кара әле, дип көрәкне аңар бирә. Үзе көрәкне алып аның чөйгәнен көтеп тора. Сәхибнең быел дәртсез йөрәк белән эшләгәне эшкә ашмаган шикелле, чөеп җибәргән ашлыгы һавада матур булып таралып китми. Берничә тапкыр чөйгәннән соң, җил үзгәреп башка якка борыла. Шул вакыт Сәхиб эшеннән туктап, көрәгенә таянып, җырлап җибәрә.

Көннәре дә шомлы кебек,
Еллары да кәбисә.
Бәхетләрем булмас кебек,
Җилләре дә кире исә.

Сәхибнең җырлаганын ишетеп әнисе бик кызганып куя. Тик нишләсен, кабат иренә әйтеп караса да, әти кеше сүзеннән кире кайтмый: «Ул егеткә дә бирмәгәч, кемгә бирсен?! Үзләре байлар, бөтен туй чыгымнарын үзләре күтәрә. Моның өстенә күп итеп акча да бирмәкчеләр. Бирәбез дигәч, бирәбез. Баргач, яратыр әле. Әнә Түбән авылның Чукрак Хисами малаен өйләндергәндә, кыз, егетне күрер идем, дигәч, Хисами малае урынына, менә шушы, дип бик матур бер егетне күрсәткәннәр, ди. Никах булганнан соң, пич арасыннан пәри күк Хисами малае килеп кергәч, кыз мескен егылып китә язган, ди. Шулай да барыбер ияләшеп торганнар. Боларга да бернәрсә булмас, торырлар әле». Сәхиб әби ире белән озак яшәми. Ире үлеп китеп, тол кала. Балалары булмый. Шулай ялгыз гомер кичерә. Моң-сагышларын җырлый-җырлый уздырырга күнегә. Сәхиб әби берничә тапкыр әнисе аша атасына, кайтыр идем, анда тормас идем, дип әйттерсә дә, кайтасы булмасын, өемә керәсе булмасын, дигән җавап ишеткәч, кайту өмете өзелә.

Малайлар яныннан киткәч, су буенда аңа чиләк-көянтә күтәргән Хәлимә очрады. «Әйдә, Сәхиб әби, безгә керик, сөйләшеп утырырбыз», – дип чакыра ул аны. Рәхмәт, дип баш тарта.

Күпер башы Көтерни,
Көтернигә эт өрми.
Синең белән сөйләшсәң,
Авызыңда сүз тормый.

Сәхиб әби киткәч, малайлар көлешә-көлешә, аның такмакларын такмаклый-такмаклый өйләренә таралды. Икенче көнне иртән җыйган каурыйларын чүпрәк җыючыга илттеләр. Ул аларның каурыйларын катып,

күгәреп беткән үлчәүгә әллә нинди тимер-томырлар салып үлчәде дә, малайларга берәр тиен акча бирде. Хәмитнең каурыйлары әллә ни күп булмаса да үлчәүдә авыр килде. «Бары да ата каз каурыйлары ахыры», – дип чүпрәкче Хәмиткә ике тиен акча бирде. Хәмиткә ике тиен эләккәч, малайлар, әйдәгез, без дә хәзер ата каз каурыйлары җыябыз, дип су буена йөгерделәр. Су өстендә агып бара торган каурыйлар нинди булса да аларга ата казныкы булып тоела иде. Бераздан, курыйлар күренми башлагач, малайлар ярга чыгып, чирәм өстенә сузылып ятты.

Мондый вакытта сүз иярә сүз чыкмый калмый инде. Садыйк Түбән авылга баргач, бер карт кешене «Мука»дип йөртүләрен ишетеп кайткан икән. Әле урамга чыккач, «Мука анука»дип әйтүчеләр дә бар, ди. Нигә «Мука»дип әйтәләр, тегермәннән кайтканда оны чәчелдеме икән, дип кызыксынгач, кечкенә вакытында ябышып калган кушамат икәне ачыкланган. Өйдә ашарларына булмагач, көн саен тегермәнгә барып он ашап йөргән икән бу. Шул тегермәнче урыс биргән ди аңа бу кушаматны. Бу тегермәнгә килеп керүгә, мука, анука, айда, сина ун бар, дип әйтә икән бу агай.

Билгеле, иң кызыгы, күңелне кузгатканы балыкчы Гыйлажи абзый мажаралары булды. Беркөнне урамда сөйләгәнен Хәмит үзе ишетеп торган. Шулай бервакыт Кызылъяр буенда кармак салып утыра икән бу. Бераз йокымсырап утыргач, караса тәтәле (тәтәл ташы, кармак батыбрак торсын өчен беркетелә торган таш, авыр нәрсә, бу урында калкавыч мәгънәсендә дә кулланыла) юк. Котчыккыч зур балык эләккән икән. Тартып чыгарып кына булмый. Ярый, болай гына чыкмасаң, суда йөздереп алып кайтырмын, дип авылга таба кузгала бу. Кайтмаска уйлап, дулап карагач, сыртына берничә мәртәбә таяк белән тондыргач, җайга килә бу. Шул рәвешле өч чакрым җитәкләп алып кайта моны. Авыл янына кайтып җиткәч, булышырга дип кешеләр чакыра. Балыкны тартып чыгара гына башладык, бер генә сикерде дә, җөгәнен салып китте бахыр, дип аһ иткән Гыйлажи абзый. «Мин аны җибәрмәс идем, койрыгыа ябышып булса да, артыннан йөзеп йөрер идем», – дип авыр сулады шунда Хәмит. Мин тегеләй, мин болай итәр идем, дип шактый сүз көрәштерде шунда малайлар. Аннан соң җыйган каурыйларын чүпрәкчегә тапшырырга, дип кузгалдылар. Тик чүпрәкче абзый аларны, юньсезләр, килегез әле, килегез, кайсыгыз каурыйлар эченә тимер чыбык тыгып алып килде; хәзер үк әйтегез, дип каршы алды. Бөтенесе дә Хәмиткә карады. «Минем мондый тимер чыбыкны күргәнем дә юк», – диде ул. Башкалар да, белмим, күргәнем, тотканым юк, дип баш тартты. Шуннан соң малайлар каурый җыярга бармас булды.

Яшен яшьнәгәндә

Нәҗипкә әтисе: «Улым, болыннан турыга гына бар да, Раман абзыеңны чакырып кайт; әти кәзәки тегәргә чакырды, әйберләре әзер дип әйтте

диген, ди. Кичкә таба була бу хәл. Нәҗип су буенда балык тотучы малайлар янына туктап, аларның салган саен җилтерәтеп алган балыкларына карап, бик кызыгып, кармагым булса, мин дә тотар идем, дип тора-тора, барасы җирен дә оныта. Ул арада болыт чыгып, яшен яшьнәп, күк күкрәп, яңгыр килә башлый. Малайлар барысы да өйләренә йөгерә. Тик Нәҗипнең Раман абзыйга барасы бар.

Ул аларга барып кергәндә яңгыр ява башлаган иде инде. Әтисенең кәзәки тегәргә чакырганын әйткәч, Раман абзый, ярар, Нәҗип, иртән иртүк бергә китәрбез; барыбер хәзер китә алмыйсың, бездә генә кал инде: яшен бик көчле, дигәч, малай ирексездән йокларга калды. Мәржи апай каралып, шомарып беткән өстәл өстенә кайнаган самавырын китереп куйды да, сукыр лампа яндырып, пич буена утыртты. Лампадан бик аз гына төшкән яктылыкта Нәҗипкә самавыр бик кара, бик күңелсез, әллә ничек бер якка авыш булып күренде. Тышта һаман күк күкрәп, яңгыр ява. Мәржи аппай Нәҗипкә карап, әйдә, энем, чәй эчәргә утыр, аннары Гөри дустың белән бергә йокларсыз, диде. Тәрәзәләргә иске-москы әйберләр каплап, лампаны сүндермичә генә, йокларга яттылар.

Тышта яшен уйный, каты итеп күк күкри. Тәрәзәләр каплаган булса да, яшен яшьнәгән саен өй эче ялт-йолт итеп киткәч, Мәржи аппай, писмилла-писмилла, дип чукынгалап ала. Гөри улым, син дә писмилланы әйтеп, чукынып ят, дип улына дәште. Гөри дә, писмилла-писмилла, дип, өч бармагын маңгаена, күкрәкләренә тидерде. Ятып күп тә тормады, Нәҗип яныннан торып, ул читкә барып ятты. Анасы күреп, ник аның яныннан китәсең, бергә ятыгыз, дип әйтте. Әни, мин аның янында ятарга куркам, ул чукына белми, чукынмаган өчен аны яшен сугар ич, диде малай.

– Ят, курыкма, сине сукмагач, аны да сукмый, – дип тынычландырды әни кеше.

Нәҗипнең бер дә йокысы килми, ул йоклаган булып кына ята.

– Әни, татарлар оҗмахка керәме икән?

– Керә. Алар керсә дә, ишек катында гына тора, ди.

– Әни, күкрәгенә түгәрәк калай тагып йөргән теге кешене оҗмахка кертмәскә кирәк; бик усал ул, керсә ишек катында гына тормас. Былтыр, имана-гыз түләмәгән, дип самавыр белән ястыкны да алып чыгып китте бит.

– Юк, уйламагыз да: андыйларны кертмибез, – дип кушылды шунда атасы.

– Әти, батюшка килгәч, андый әшәке татарларны ишек катына да кертмә, дип әйтербез әле. Әти, менә бер көнне каравыл өе янында Җәрми абзый болай дип сөйләде. Халыклар җыелып, Алла бабайдан җымак (оҗмах) сорарга барганнар да, алдан татарлар кергән, ди. Алла бабай, без җымак сорарга килгән иек, безгә җымак булырмы, дигәннәр ди. Алла

бабай аларга: «Сез нинди кешеләр?», – дип әйткән ди. – Без, татарлар, дигәч, татарлардан башка да җымакта урын тар. Бар, кайтыгыз дип куып чыгарып җибәргән, ди. Татарлар чыгып киткәч, керәшеннәр кергән, ди. «Алла бабай, безгә җымак булырмы?» – дип сораганнар, ди. Алла бабай: «Сез нинди кешеләр?» – дип сорагач, без – керәшеннәр, дип җавап биргәннәр. Әйдә, әйдә, керәшен, син без печати керәсең, дип әйткән ди ...

Нәҗип өйләренә кайткач, әнисеннән, оҗмахка керәшеннәр генә керәмени, дип сорады. «Әйдә, керсәләр керерләр. Керәшеннәр күп түгел, без дә сыярбыз әле, оҗмахны буш яткызмаслар», – диде әнисе.

Ындыр сукканда

Әни мине иртүк уятты да, әйдә, тизрәк тор; чәеңне эч тә ындырга чыгарсың, аппайларың чыгып китте, шунда аларга булышырсың: көлтә типкәндә, көлтә бавы кисәрсең, себергәләрсең, тырмаларсың, сиңа да эш булыр әле, диде.

Мин тиз генә чыгып та киттем. Мин ындырга чыкканда алар бер җәемне суккан ие инде. Көлтә тибәсе генә калган ие. Тиз генә урак алып көлтә бавын кисә башладым. Күрше Сажидә аппай мин кискән көлтәләрне, артка чигенә-чигенә, тәпие белән тибеп, чубагач (чабагач) астына куя. Чубагачлар астында алар бик тиз саламга әйләнә, аның урынына тагын бавы киселгән икенче көлтә килеп керә дә, тагын шулай саламга әйләнә. Көлтәләрнең барысын да салам итеп бетергәч, ике кеше кара-каршы торып, чубагач сабы белән саламны селкиләр дә, икенче җиргә илтеп өяләр. Тагын кибәннән алып җәяләр. Мин кибәннән көлтә ыргытып торам. Тагын алар янына килеп булышкалыйм. Алар ашарга кереп киткәндә мине ындыр сакларга калдырдылар. Әни миңа бер чәй тәлинкәсе белән урталай ярып пешергән бәрәңге чыгарып бирде. Өстендә бер кечерәк сынык ипие дә бар иде. Хайваннар кермәсен, әйбәтләп карап тор, дип кереп китте. Мин утырып бәрәңге ашадым.

Озак та тормый аппайлар да чыгып эшкә тотынды. Кояш түбән төшә башлады. Ашлыкны сывырырга (җилгәрергә, чүптән аерырга) бүген бер дә җил юк, нишләрбез икән, дип, аптырашып эшкә керештеләр. Көрәк белән чөеп җибәргән орлыклар, кибәгеннән аерылмыйча, бергә көшелгә төшә. Кайсыбер кибәкләр, боргалана-боргалана, чөйгән кеше өстенә килеп төшеп, кар яуган күк итә. Без-малайларның сызгырган чакны күрсәләр, нишләп җил чыгарып сызгырып йөрисез, дип ачуланалар иде. Мин инде күп тапкыр сызгырып карасам да, бер дә җил чыкмады. Сажидә аппай да сызгырган шикелле итеп караса да, һаман җил юк.

Мәдинә әбинең җил капчыгын алып килми булмас; бар, энем, тиз генә Мәдинә әбиеңнең җил капчыгын алып кайт, дип мине күрше карчыкка җибәрделәр.

Мин килеп кергәндә Мәдинә әби ишегалдында иде. Мине күрүгә, нәрсә булды, бу хәтле сулу кабып йөрисең, диде ул. Мәдинә әби, без ашлык сывыра идек, җил капчыгыңны биреп торсын әле, диделәр. Ул әзрәк көлемсерәп куйды да: «Һай, балам-яным, безнең җил капчыгы тишелеп бетте шул; менә шушы арада давыл карчыгы киләм дигән ие. Ул килсә бик әйбәтләп тектереп алырмын. Ашлыгыгызны сывырмый торыгыз. Ул берәр көннән килер, әнә, болытлар кабаргалап тора әле», – диде.

Мин тиз генә ындырга йөгердем. «Мәдинә әби, җил капчыгым тузып бетте, диде. Иртәгә аларга давыл карчыгы килә икән, аңардан тектереп алам, диде, аннан соң биреп торырмын, ашлыгыгызны шул көенчә калдырыгыз, әнә болытлар да кабарып тора, иртәдән калмас», – дип ишеткәнемне түкми-чәчми сөйләп бирдем. Аппайлар көлеште-көлеште дә, әйдә, алай булгач, көшел өстен ябып куйыйк, дип күп итеп салам белән капладылар. Без эшне бетереп кергәндә кояш баткан иде инде. Мин үзем бик арганлыктан утырган җиремдә йокыга киткәнмен. Иртә белән торганда давыл карчыгы үзе килеп, капчык тегеп йөрмәсә дә, җил-давылларын җибәргән ие. Көшел өстеннән көрәкне бик югары күтәрү дә кирәк түгел ие.

Ирләр киемнәре, баш киемнәре

Кыш көне түгәрәк, эче тиредән эшләнгән бүрек кияләр. Кайберәүләр камалы бүреккә өстенлек бирә. Бу шул ук түгәрәк бүрек, тик аның кырыена ике бармак иңе кама тоткан була. Кайбер бүрек тегүчеләр шул ук түгәрәк бүрекнең эчке ягына озын йон, кырыена сары тире тегә иде. Бүрекне башка кигәч сары озын йоннар маңгайны, колакларны каплабрак тора.

Мондый бүрекләрнең тышларын кара постау дигән әйбердән тегәләр. Әлеге бүрекләрне авылда да тегүчеләр бар. Кайберәүләр үз йортында тегә, кайбер авыл байлары, аерым эш өйләре тотып, эшчеләр җыеп, бүрекләр, төрле мех әйберләре тектерә.

Кайбер яңачарак бай кешеләр каракүл бүрек кия. Каракүл бүрекләрне шәһәрдән алып кайталар. Ирләрнең җәйге баш киемнәре – кара, зәңгәр, яшел төстәге түбәтәйләр. Күпләр кара түбәтәй кия. Кайберәүләр шулай ук түбәтәйләрне ука белән чигеп, чук тага. Андый түбәтәйләрне гадәттә бәйрәм вакытларында кияләр. Күпләрнең башында тула эшләпә: кайсы – кара, кайсы ак була. Татарлар арасында тула эшләпәнең агы ешрак таралган.

Тула эшләпәләрне киез итек басучылар баса. Сирәк кенә постау эшләпә дә күренгәли. Нинди генә эшләпә булса да, дини гадәт буенча кырыеннан өч урыннан азрак кискән була.

Ирләрнең өс киемнәре

Кыш көне сарык тиресеннән эшләнгән озын тун кияләр. Тышы кара яки көрән арзанлы чималдан тегелә. Бай кешеләр бүре яки төлке тиресеннән тегелгән толыплар кия.

Озын бишмәт тә кияләр. Бишмәтнең эченә мамык салып сырган була. Озын җиңле кәзәки, кыска җиңле кәзәки, кайберәүләр чулак җиңле дигән кәзәки кияләр, аның җиңе терсәктән генә була. Кайберәүләр озын кәзәки, озын кәзәкигә охшаган җилән дигән кием дә кия. Җилән дигәне, кәзәкидән аермалы буларак, якасы әйләнмәле, яка алды ачык була. Эчке киемнәрдән төрле төстәге күлмәкләр киелә.

Хатын-кызларның өс киемнәре

Тышкы киемнәр. Баерак кешеләр озын бишмәт кия. Олы яшьтәге хатыннар, карчыклар тун кия. Эчке киемнәрдән кыска итеп тегелгән кесәбикә, камзул була. Ул әдрәс (ярым йон тукыма) дигән зур бизәкле әйберләрдән тегелә. Аның төймәләре дә түгәрәк кызыл ахыктан (ахык – нократ ягында какыны аңлата, күрәсең, ахак; ахак – кыйммәтле таш, урысча – агат, ахак татарда саклагыч, бөти буларак кулланылган, уңыш, сәламәтлек китерә дип исәпләгәннәр) була. Мондый кызыл төймәләрне ирләр яка-изү кырыйларына, кама тоткан туннарына тага. Әдрәс камзул дигәнне элегерәк бәйрәмнәрдә ирләрдә дә күреп була иде (кыска җиңсез, ачык якалы итәк кырыеннан, изүдән, якадан әйләндереп, ука тасма тотып эшләнгән күкрәкчәне дә кесәбикә дип әйтәләр).

Карчыкларның күлмәк өстеннән генә киеп куя торган күкрәкчәләре була, аның өсте, кырые түгәрәкләнеп эшләнә. Тар ука тасмалар белән бизәлгән була. Моны күкрәкчә дә, изү дә диләр. Күлмәкләрнең алдында, күкрәк турында бер я ике рәт ышлапыр (тар бала итәк) куеп тегелгән күлмәкләр күп очрый.

Хатын-кызларның баш киемнәре – француз яулык, кашемир яулык, флүр яулык, энҗеле калфак, катташи-такыя (ука белән чиккән яулык-калфак), төрле шәлләр.

Хатын-кызларның аяк киемнәре – читек-кәвеш, күн калуш, чабата, башмак, оек, чабата, кунакта бәйрәмнәрдә чәмчәле (чигүле) читек, резин калуш, җеп оек белән киелә.

Ирләрнең аяк киемнәре – чабата оек, чабата башмак, күн калуш, күн итек, читек, кәвеш, резин калуш, яз көннәрендә күтәртмәле чабата, кыш көне киез итек, киез калуш, киез ката.

Татар ашлары

Сөттән төрле ризыклар әзерләү. Кайнаган сөт бераз суынгач, оеткылык салып, бераз торгач, салкын базга куялар. Монысы инде катык ясау була (оеткы дигәне шул ук катык инде). Шул ук катыктан сөзмә дә ясыйлар. Марла (марля) аша катыкның суын сөзәләр дә, шуңа куе сөт өсте салып ашыйлар. Монысы сөзмә була. Сөттән май язалар. Сөтне сауган чүлмәге белән берәр көн базда тоталар да, өстен җыеп, май язалар. Сөт

өстен гөбе чиләге дигән савытка салып туглыйлар. Бераз туглагач май хасил була. Шушы өстен алган сөттән катык ясыйлар.

Сөттән эремчек ясау.

Сөтне әчетеп эретәләр дә марля яки иләк аркылы сөзеп эремчеген алалар. Шул эремчеккә куе сөт кушып ашыйлар. Эремчектән пилмән һәм бөккән, пәрәмәч тә пешерәләр. Сөттән каймак та ясыйлар, корт та кайнаталар. Кортны төеп кортлы май дигәнне дә ясыйлар.

Бәлеш пешерү.

Бәлешне ит кушып та, кабак турап кушып та пешерәләр. Башта борай ярмасын казанга салып азрак кайнатып алып бүрттерәләр дә, шуннан бәлеш ясыйлар. Корт салып пешергәндә, күкәй уып, җимеш салып та пешерәләр.

Шулпалы бәлеш. Моны ит һәм бәрәңге кушып пешерәләр.

Ит пешерү. Итне гади генә пешерәләр. Кайчакта кыздырып та ашыйлар. Иттән пәрәмәч, бөккән ясала. Казылык та тутыралар.

Туй ашлары

Туй мәҗлесенә беренче табаклыкка бал-май утырталар. Бал-май янына һәркем, көченә карап, акча салу гадәте бар. Бал-майдан соң аш куялар. Аштан соң – бәлеш, бәлештән соң – ит, иттән соң килгән кунакларның ашларын, ягъни күчтәнәчләрен чыгаралар. Беренче булып төп коданың күчтәнәче куела. Төп коданың күчтәнәче: 1 пар паштит, 1 пар каз, җәй булса 1 пар тутырылган тавык. Күршеләрдән керүчеләр дә күчтәнәч алып керә. Агай-энеләре туйга күчтәнәч алып керми, алар туйга килгәннәрне өенә ашка ала. Кунаклар, ике кич кунганнан соң, актык ашларын ашый да кайтып китә. Әлеге актык аш ступай чумары була, ашка салма салына яисә ул пилмән ашы була.

Туй үзе гадәттә кыз йортында була. Егет ягыннан кызның әтисенә туй ясау өчен акча бирелә. Акча килешү буенча бирелә. Егет ягыннан кызга калым малы илтәләр. Калым малы – бер зур сандык. Сандык эчендә кызга дигән бүләк. Эче-тышы белән бишмәтлек, күлмәклек, читек-кәвеш, җиз комган.

Хатын-кызлар туйда акча салмый. Аларны туйда аерым утырталар, шул ук вакытта калым малы сандыгын ачып күрсәтәләр. Хатын-кызлар калым малын мактый-мактый бүләк сала. Якын туганнары, көчләре җиткәнчә, күлмәклекләр сала. Туйдан соң кияү егетен пар ат белән алырга баралар. Гадәт буенча һәр нәрсә парлы булырга тиеш.

Кияү килгәч, балалар кияү бүләге алырга килә. Аларга кәнфит, прәннекләр өләшәләр. Кияү егете якыннарына бүләкләр алып килә. Кызны кияү йортына озатканда, аны да бүләкләр, күчтәнәчләр белән җибәрәләр.

Туй вакытында шешәле сый белән кышын – мунчада, җәй көне келәттә генә сыйланалар.

Аулак өйдә кызлар ит бөккәне яки кабак бөккәне, я пәрәмәч, я катлама пешерә. Егетләр кәнфит, прәннек, я келиндер алып килә.

Катламаны киндер орлыгын кушып пешерәләр. Киндер орлыгын кечкенә орлык ташында яралар, шул орлыкны агач киледә төяләр дә, токмач камыры шикелле камыр ясап, шул камырны бөкләп-бөкләп, төйгән орлык салып, табага куеп пешерәләр.

Кеше үлеп, җирләп кайткач үз гаиләсе өчен генә агай-энеләрдән яки күршеләрдән аш пешереп кертәләр. Өче, җидесе, кырыгы, елында аш-су әзерләп туганнарын, күршеләрен чакырып Коръән укыталар. Мәетне күмеп кайткач, чит кешеләрнең берсенә дә бу йортка кереп ашарга рөхсәт ителми.

Йорт сырасы ясау

Ипине пичтә бер кич кундыралар. Пичтән алгач, ваклап, казанга салып кайнаталар. Казаннан алгач, сыра чүлмәге дигән зур чүлмәккә салып, аз гына йорт чүпрәсе салып әчетәләр. Берничә көн әчегеннән соң, иләк белән сөзеп, мичкәгә тутырып, базга куялар.

Бал ясау

Бал әчеткәндә суны кайнатып алалар да эссе көенчә шуңар шикәр яки шикәр комы салалар. Шикәр изелеп беткәч, суынганнан соң, чүпрәне он белән туглап, баш ясап салалар да, җылы урынга куялар. Салган савытның авызы ачык булса да ярый, марла (марля) гына каплап куялар. Бер атна әчегәч, тагын азрак шикәр салалар.

Яшелчә ашлары

Чөгендер, шалкан пешерү, кабактан төрле ашлар – кабак бәлеше, кабак бөккәне пешерү. Кабакны әрчеп, ваклап пичтә пешерү.

Кабакны күп утырталар. Кәбестә тозлау белән аз кеше шөгыльләнә. Кунаклар килгәч тә ашка кадәр чәй эчерәләр, аннан соң, азрак торгач, әүвәл аш утырталар, аннан соң бәлеш (ит яки кабак бәлеше), тагын итле бәрәңге, иттән соң җимеш суы, аннан соң чәй. Чәйгә төрле чәй ашлары бирелә.

Татар йортлары

Кара-каршы өй. Шуларның берсе ак өй, берсе аш өе. Уртада өйалды. Өйалдында бүлмәләр. Кара өй ишегалдында, лапас тирәсендә. Байлар шулай төзетә. Анда хезмәтчеләр тора. Кайбер мондый өйләрдә сарык бәкәйләрен, бозауларны тоталар. Бер өй, өй янында өйалды була. Ике катлы өйләр дә бар. Түбән өйдән югары менәргә баскыч ясала, кайберәүләрнең өй эченнән, кайберәүләрнең өйалды аркылы менә торган була. Юга-

ры өй, түбән өй дип йөртәләр. Кайберәүләр ике катлы өйнең астын, түбән өй асты дип тә йөртә. Татарларда сәндерә дигәне бик сирәк. Гадәттә аш өендә сәке була, шунда утырып ашыйлар. Ак өйдә сәке булмый, кунак килгәндә, мәҗлес вакытында идәнгә утырып ашыйлар. Идәндә утырып ашау өчен өйнең тәрәзәләре түбән урнаштырыла, байларда аерым кунак өе дә була.

Ак мунча, кара мунча

Ак мунча азрак.

Келәтләр: кара келәт, ак келәт була. Кара келәткә он, ашлык, төрле әйберләр куела. Җәй көннәрдә ак келәттә ашыйлар, яшиләр, шунда йоклыйлар. Җәен бәйрәмнәр дә шул ак келәттә уздырыла. Кыш көне өйдәге артык әйберләрне ак келәткә чыгарып куялар.

Өй җиһазлары

Сәкедә сарык йоныннан басып эшләгән зур киез. Мондый киезләрне татарлар арасында да басучылар бар. Шкаф. Шкафта чынаяк, савыт-саба, чәй калаклары, төрле әйберләр. Сәкедә, бүлмә тактасы янында сандык. Сандык өстендә мендәр, ястык. Бүлмә тактасы өстендә намазлык, сөлге, ашъяулыклар җәеп-элеп куелган була. Өстендә гарәп телендә язылган төрле догалыклар, мәчет рәсемнәре.

Кайберәүләрдә – зур, кайберәүләрдә кечкенә стена сәгатьләре.

Татарларда һөнәрчелек

Чыпта сугу – бездә күптән килгән кәсеп.

Чыпта сугу коралларын татарлар үзләре ясаган. Бауны сүстән, мунчаладан ишкәннәр. Чабата үрү, киез басу, читек-кәвеш тегү, күн итек, күн калуш тегү, төрле өс киемнәре, бүрек тегү, тире иләү, камыт (дирбия) тегү, балта эше эшләү, такта яру, таш эше эшләү, эзбич (известь) яндыру.

Хатын-кызлар киндер сугу, сөлге, ашъяулык сугу, чүпләмләп сугу, дүрт көрле (кырлы?) әйберләр сугу, түбәтәй сору (сыру), чәмчәле (чигүле) читекләр эшләү, мех эше эшләү, төрле формада чигүләр чигү, төрле челтәрләр, җәтмәләр (ятьмә) бәйләү, түшәгән киез итеккә төрле формада дебет (кәҗә мамыгы) белән чигү.

Төрле ырымнар

Кеше берәр нәрсәдән кисәк курыкса, аның котын кире кайтару өчен куркылык кою. Курыккан кешене урындыкка утырталар да, башына ак җәймә ябып куялар. Берәү шул утырган кешенең баш очында зур гына чүмеч белән су тотып тора.

Икенче кеше эретелгән кургашны шушы сулы чүмечкә китереп сала. Кургашны суга салгач су чыжлап, чәчелеп китә. Кургашын берәр нәрсәгә охшаган булып, шуңар карата им итәләр, өшкерәләр.

Яз көне кар бетәр-бетмәс Чирмеш сабан туе дип, бер көнне билгеләп, шул көнне кояш чыкканчы, бәрәңгеләр тукмак хәтле булсын дип, бәрәңге бакчасына тукмак чыгарып ыргыталар. Шул ук көнне кояш чыкканчы, җитен әйбәт булсын дип, таулырак урында кабага утырып шуалар. Искечә 1 нче сентябрьдә симән көнне, чебен тиз бетсен өчен, өч тере чебенне күмәләр. Иске чабатага кандаланы салып өй тирәсеннән берничә рәт әйләнеп, китсә кайтмас кандала, дип, җырлап йөриләр дә, ераграк урынга илтеп күмәләр.

Кара мәче сөяген алу

Кирәкле сөяген алу өчен тере баканы чүлмәккә салып кырмыска оясына ташлыйлар.

Төрле нәрсәгә ышанулар

Өрәк күрү. Төннәрен ялгыз йортларда җен күрү, албасты күрү, бу нәрсә күбрәк кырларда була. Су анасы күрү. Убыр күрү. Убыр зиратта була, диләр.

Күрәзәлек итү

Берәүнең хәлен икенче кешедән сорап, аңарга сөйләп бирү.

Игез бала табу. Игез бала туса, өчкә кадәр ихтирам итәләр, дүрткә киткәч дин буенча дөрес дип табылмый.

Яңгыр теләү бәйрәмнәре

Җәй көннәре корылык башланса, җомга көн, җомга намазыннан соң, кырга чыгып, намаз укып, яңгыр теләп йөриләр. Чүлмәнчек (яңгыр боткасы) ясау. Авылда яңгыр теләү. Шактый зур балалар, өйдән өйгә йөреп, ярма, күкәй, май җыялар. Су буена барып, казан асып, ботка пешереп ашыйлар. Ашаганнан соң, урамга кайтып, су сибешә башлыйлар. Бу эшкә зурлар да катнашып китә. Урамда кем туры килсә, шуны су белән коендыралар. Куркып чыкмыйча яткан кешеләрне, өенә кереп, коендырып чыгалар. Коеларда сулар азая. Кайберәүләр су сипкән өчен бер дә ачуланмый. Урамнарда тузаннар кими. Бу хәлгә кайберәүләрнең, Чирмеш ырымы ясап йөрисез, дип ачуланганы да бар. Шушы чүлмәнчектән соң, берәр көнне яңгыр явып китсә, икенче вакытта тагын да колачлырак ясыйлар. Балалар ярма җыеп йөргәндә, ишегалдына кергәч, бары да бердәм булып, чүлмәнчеккә, чүлмәнчеккә, дип кычкыралар. Хуҗа хатын аларга бер кечерәк савытка салып ярма яки бераз май яисә күкәй чыгарып бирә. Ботка пешкәнче, балалар бары да су кереп уйный.

Әйтемнәр, тәҗрибәләр

Эт аунаса, буран була. Телеграм баганасы шауласа, салкын була. Төнлә җил булса, балык капмый. Мәче мичкә керсә, салкын була. Җәй көнне

ат пошкырса, яңгыр була. Күктә каргалар чыкылдаса, яңгыр була. Козгын кычкырса, хәбәр килә.

Бәйрәмнәр

Һәр авылда язын Сабан туе, җәй уртасында җыен бәйрәмнәре. Көз – каз сую бәйрәмнәре. Кыш уртасында кич җыелып төрле җирдә исәкәйләр (каз өмәләре вакытында егетләр һәм кызларның төрле кыяфәткә кереп, киенеп, уйнап-биеп йөрүләре) ясап уйнау. Ай белән санап төрле вакытта килә торган дини бәйрәмнәр.

Мәдрәсәдә

Көз җиткәч, әтиләр безне мәдрәсәгә илтеп бирде. Әти мине мәдрәсәгә илткәндә букчама иман шартлары, әфтиякләр салдырды да, култык астына бер мендәр белән аска җәярдәй бер нәрсә төреп кыстырды да, мине үзе белән ияртте. Без мәдрәсәгә барып кергәндә, берничә малай тәбәнәк өстәл янында тезләнеп утырып, һәрберсе үзенчә нәрсәдер укый иде. Без килеп кергәч, алар бары да укудан туктады.

Без кергәч бүлмәсеннән укытучы чыкты. Әти аңар сәлам биргәч, ул, сәламне алды да, килдегезме, әнә шунда утырт, дип урын күрсәтте. Мин барып утыргач, әти аңар карап, менә сиңа малай, ите сиңа, сөяге миңа, дип аңа берничә тиен сәдака төртте дә чыгып китте. Мин, мендәрләрне шүрлеккә ыргыттым да, Садыйк янына барып утырдым. Ул миңа, син дә монда кунып укыйсыңмы, диде. Әйе, кунып, дидем. Өегез бик якын ич, диде ул миңа.

Мин ашарга өйгә кайтам. Кайбер малайлар зур сандыклар алып килеп, ашау әйберләрен шуңа салып тота. Алар атналар буена өйләренә кайтмый. Тәбәнәк өстәл янында идәнгә тезләнеп утыру башта, өйрәнгәнче бик читен, тез башлары авырта иде. Минем беренче елым түгел, шуның өчен мине укытучы хәлфә әфтияктән кертте. Без әфтиякне бик тиз укып чыктык. Берничә тапкыр укып, бер нәрсә аңламасак та, хәлфә абзый безне Коръәнгә күчерде. Без аны берничә малай белән бик тиз уза башладык. Без үзара куышып укып барганда Хәмит укып бетереп чыга да, икенче мәртәбә башлый. Минем моңа бик кәеф китте. Хәмиттән, ничек бик асат кына укып чыктың, дип сораган идем. Нәрсә бирәсең, әйтәм, диде ул миңа. Мин аңар, нәрсә сорыйсың, дигәч, ял көнне безгә барып, миңа чуман ясыйбызмы, барсаң, әйтәм, диде. Мин, ярар, дип күндем. Безнең ял – атнакич, җомга көн. Кичкә таба кайтып китәбез дә, җомга көн өйдә торабыз.

Мин Хәмиткә җомга көн иртүк барып җиттем. Чуманны ясагач, астына, кабат-кабат су сибеп, боз катырдык. Көн салкын булганлыктан, боз бик әйбәт булып катты. Чуман шуарлык хәлдә булгач, каршы тауга менеп киттек. Бушта ул миңа, үзең шуып күрсәт, диде. Мин утырдым да шуып та киттем. Хәмит бик кыланып, кычкыра-кычкыра йөгерсә дә, минем арт-

тан җитә алмады. Тау астына төшкәч, Хәмит, икмәктер газим, зерә шәп булган, дип, чуманны алып, тау башына менеп китте. Мин аңар рульне аяк белән идарә итәсен күрсәтеп бирдем. Ул беренчесендә бик шәп шуа алмады, берничә мәртәбә егылды, аннан инде бик оста шуа башлады. Кайсыберсендә чуманның утыргычына аягы белән басып, чүгәләп утырып та шуа башлады. Хәмитнең чуманга бик күңеле булды. Менә хәзер мин сиңа ничек итеп Коръәнне тиз генә укып чыгып китәсен әйтәм, диде. Син хәлфә абзый янына тыңлатырга барганда Коръәннең берничә битен сагыз белән ябыштыр да, бер бит ачасы урында, әллә ничә битен ачып җибәр. Хәлфә абзый бер нәрсә дә белми, ул һаман йоклап утыра, диде.

Мин өйгә кайтып кергәндә, кич булган иде инде. Әни мине, кая бардың, көн буена кайтмадың, дип орышты. Мин әнигә, Хәмитләрдә булуым, аңар чуман ясадык, ул мине мәдрәсәдә укырга өйрәтә, дигәч, аны-моны әйтмәде.

Шимбә көнне иртән мәдрәсәгә барып кергәндә кизү торган малай мич ягып томалаган ие. Мичтән чыккан зәңгәр ис әле бетмәгән. Хәлфә абзый бүлмәсеннән чыгып, ягез, малайлар, нәрсә укыйсын беләсезме, белгәннәрегез укый башлагыз, нәрсә укырга белмәгәннәргә сабак бирәм, дигәч, кайбер малайлар аның өстәленә барып тезләнеп утырды. Хәлфә абзый шүрлектән берничә мендәр тартып төшереп, берсе өстенә берсен өеп, өстенә менеп утырды да, өч аерчалы каеш камчысының сабы белән өстәлгә берничә мәртәбә шап-шап итеп сугып, укыгыз, дип кычкырып җибәрүгә, бөтен мәдрәсә эче шау итеп китте. Сабак алырга дип көтеп утырган малайлар да китапларына ятып, нидер укый башлады.

Безнең мәдрәсәдә өч озын өстәл. Шуның берсендә хәлфә абзый утыра, без аңар тыңлатырга барганда, шуыша-шуыша, бер өстәлдән икенче өстәлгә күчәбез. Тыңлатканнар арткы өстәлләргә китеп утыра.

Мин барып җиткәндә хәлфә абзый йоклап утыра иде. Ул сирәк-сирәк уянып, күзен ачар-ачмас кына камчы сабы белән өстәлгә сугып, укыгыз, юньсезләр, дип кычкырып куйгалый. Мин аның йокыда икәнен күргәч, тизрәк 5–6 битне ачып та җибәрдем. Мин шулай көн саен, 5-6 бит, кайсы көнне аннан да күбрәк ачкалап, тиз арада Коръән чыгып бетердем, аннан яңадан башладым. Шуннан соң безне мәдрәсәдә бик яхшы укучылар исәбенә керттеләр.

Без атнакич ялга китәр алдыннан ял көне кизү торыр өчен кеше билгелибез, аннан соң барлык малайлар җыелышып идән юабыз. Идән юганда коедан чиләкләп салкын су алып керәбез дә, идәннең барлык җиренә сипкәлибез.

Аннан соң аякка чүпрәк яки чыпта кисәге элэктерәбез дә, бер читтән икенче читкә кадәр йөгерә-йөгерә йөрибез. Шулай йөри торгач безнең идән агарып та китә. Хәмит малайларны тикшереп карады да, әһә, алар

идән юмый киткән икән, туктагыз, хәзер идәнне үзем корытып бетерәм дип, шүрлектән үзе юк малайның аска җәя торган мендәрен алды да өстенә бер малайны утыртып, үзе җигелеп тартып та китте. Азрак йөргәннән соң, үзе көрпә өстенә утырып икенче малайга тарттырып йөри башлады. Шулай итеп, бу эш малайлар өчен бик кызык булып, көлешә-көлешә эшне тәмамладылар. Аяк киемнәре сала торган урынны нишләтәбез дигәч, ул шул көе юылмый кала, диделәр.

Ул вакытта хәлфә абзый мәчеткә кереп киткән иде инде.

Абый укудан берничә көнгә кайткан иде. Кайтып кергәч тә миннән, я, укулар ничек бара, дип сорады. Мин мактанып, инде мин Коръәнне әллә ничә тапкыр укып чыктым, дигәч, тагын нәрсәләр укыйсыз, дип сорады. Аннан «Йосыф-Зөләйха китабы»н укыйм, дидем. Ярар, менә мин сиңа китаплар бирәм, менә монысы география китабы, дип китапны актарып күрсәтте. Ул китап эчендә төрле-төрле сызыклар бар. Шушыны укып, дөнья белән таныш. Менә монсында бик матур шигырьләр, менә монысында төрле-төрле әкиятләр бар. Син күбрәк менә шундый китапларны укы, менә монысы хисап чыгара торган китап, дип, ничек хисап чыгарырга икәнен күрсәтеп бирде.

Мин бу китапларны мәдрәсәгә алып барыйммы дигәч, анда да алып бар, өйдә дә укырсың, диде. Мин хәзер мәдрәсәдә азрак утырып кайтам да, кичен өйдә төрле китаплар укыйм. Абый миңа, шул салкын мәдрәсәдә йоклама, өйдә йокла, диде. Шуннан соң мин өйдә йоклый башладым.

Без, яз җитеп карлар эреп, балчык чыга башлауга, берәм-берәм өйгә китә башладык. Хәмит белән киткәндә мәдрәсәдә берничә генә малай калган ие. Хәлфә абзый, юньсезләр, кaһәр төшкерләре, бары да качып бетте, берсе дә сорап китмәде, дип безнең арттан ачуланып калды. Аңар Хәмит: «Әй, Хәлфә абзый, без монда берничә малай гына нишләрбез?! Бу мәдрәсәдә безгә барыбер имтихан булмаячак! Хуш, Хәлфә абзый!» – дип җавап бирде.

Хәмит кайтканда, әйдә, агай-эне, көзгә таба әзерләнеп, икенче җиргә укырга китәрбез, монда барыбер белем алып булмый, дип тәкъдим итте.

Сабан туе

Карлар эреп, сулар ташып, бозлар киткәч, җирләр кипкәч, халык Сабан туена әзерләнә башлады. Иртә белән урамда әрәпә-әрәпә дип, шау итеп кычкырган малайлар тавышы, аларның арасында ике олы кеше озын таяк башына бәйләнгән төрле ситсылар, ирләр күлмәкләре, таякның иң очында, яшел юллы-юллы чапан, арттарак кәрзин һәм чиләк тоткан кешеләр дә бар. Алары күкәй җыя. Өй саен кереп йөриләр, нәрсә булса да – яулыкмы, тастымалмы биргән кешегә малайлар шау-гөр килеп, рәхмәт-рәхмәт, дип чыгып китәләр.

Иртәгә сабан туе була дигән көнне, төштән соң, авыл эчендә, бер киңрәк урында әрәпә дигәннәре була. Аны ат аягы кыздыру да диләр. Анда балаларны көрәштерәләр, йөгертәләр, алдынгыларына аз-маз кәнфит-чикләвек бирәләр. Анда ат чабышы да була. Ул көнне аз-маз бүләк белән кызыктырып, якынга гына сука атларын җибәрәләр. Ишмукый агай кызмачарак. Чабышка җибәрү өчен ул җирән атын җитәкләп чыкты. Агай бәйге янына килеп җитүгә бер малай, кая, Ишмукый абзый, атыңны чабышка алып барыйммы, диде.

– Баш килерсеңме соң, улым?

– Әй, Ишмукый абзый, киләм, киләм.

– Әйдә алайса, менеп атлан! Тукта энем, атка колга башындагы әйберләрне күрсәтик әле.

– Ишмукый абзый атының башын югары күтәреп, әнә күр баш килгәнгә бер француз яулык. Аны ала алсаң, чибәр абыстаеңның да күңеле була инде. Аннан соң инде ул сиңа башак биргәндә онны күп итеп сибә инде.

Күп тә узмады, атлар килә, атлар килә, дип халык шаулый башлады. Бәйге янына атлар килеп тә җитте. Чынлап та, Ишмукый агайның аты баш килде. Бәйге мәйданына килеп җитүгә атының муеныннан кочаклап, hай, җирәнкәем, дип иркәләде; француз яулыкны алып атының муенына бәйләде дә, бар, энем, азрак йөртеп кил, аягына су төшмәсен, дип, үзе кызу-кызу атлап, аты баш килгән сөенечтән азрак төшереп чыкты. Кызу пичкә күп кирәкми, дигәндәй шактый ук кызып китте. Җырлый-җырлый бәйге янына килде:

Атлар бара, чабам, дип
Француз яулык алам, дип.
Әткәй булса сорар иде,
Баш килдеме атың, балам, дип.

Малайга, мә, энем, бик зур рәхмәт, киләсе елда да тагын беренче килерсең, дип берничә тиен акча биреп, атына атланып, урам буенча йөргергә китте.

Чабышка унлап ат киткән иде, бәйге ахырына дүрт ат кына килеп керде. Чабышып килгәндә берничә ат, атланган малайларын санламыйча, туры өйләренә кайтып киткән. Яр башы Гыйбадулланың аты чабыш башлана торган урыннан бөтенләй кузгалмаган. Олы юл буендагы яшел үләнгә авызын төртеп ашый башлаган. Малае, атны урыныннан алып китә алмагач, йөгән сабагын муенына бәйләгән дә, ташлап киткән.

Ишмукый абзый бүген урамда бик озак йөрде, күргән бер кеше саен, минем атым баш килде, менә алган яулыгы, дип, ат муенына бәйләгән яулыкны тотып, селки-селки күрсәтте.

Ишмукый абзый өенә кайтып кергәндә карчыгы Гаҗеби түти капка төбендә көтеп тора иде. Карчыгы аңар, әй атасы, бик озак йөрдең, көтә-көтә арып беттем, диде.

– Озак йөрмичә, әрәпәдә булдым, атны чабышка җибәрдем. Күрмисеңме: менә сиңа яулык алып кайттым. Аннан, ат баш килгәч, азрак атның аягын да юдым .

– Ярар, ярар, картым, бик шәп булган, иртәгә дә чабышка җибәрерсең.

– Әй, карчык, иртәгә анда Яр башы Гыйбадулла, Песнәк Гыймади, Чеби Галименең атлары бармый шул. Иртәгә анда бик ерактан чабыш атлары киләчәк. Дөрес булса, әйтүләренә караганда, каяндыр ерактан бер ат килә, ди, бергә чабып килә торган атларны әллә кая еракка калдырып китә ди. Бераз киткәч көтеп ала да ди, тагын әллә никадәр ташлап китә, ди. Шул ат бер дә башны бирми, ди. Аны, дөрес булса, канатлы дип әйтәләр. Караучысы күргән ди: Ул ат утлыкка менеп йоклый, ди.

Кичтән кешеләр күкәй кызартып, прәннек, кәнфит, көнбагыш әзерләп куялар, чөнки иртә белән кояш чыкканда ук балалар күкәй җыярга чыга. Балалар кичтән аяк, өс-баш киемнәрен әзерләп куя. Әни, безне иртә уят, соңга калдырма, дип кабат-кабат әйтеп йокларга яталар. Кайсыберен бик озак йокы алмый.

Иртән иртүк балалар йорт саен кереп йөриләр, булганча, чиста итеп киенгәннәр. Кулларында кечкенә, кызыл башлы тастымалдан теккән капчык. Берсен-берсе узыша-узыша йөриләр. Өйдән чыгып киткәндә, әниләре капчык төбенә, мая булсын дип, бер күкәй салып чыгара. Кергәннәрнең барсына да күкәй бирмиләр. Кайберәүләр бер прәннек бирә, кайберәүләр – кәнфит, кайберәүләр көнбагыш шикелле нәрсәләр бирә. Кечкенә авылларда тиз йөреп чыгалар, зуррак авылларда озак йөриләр. Кайсыберләре авылны йөреп бетмәсә дә, арып-талып өенә кайтып китә. Кайбер зурраклар аю булып киенеп, бер кулына таяк, икенче кулына кәрҗин тотып күкәй җыеп йөри.

Ишек алдына килеп кергәч, кеше икәнен белгәч, йә, аю аппагым, бер биеп җибәр, бер күкәй бирәм, дигәч, аю төсле итеп биеп бер күкәйне алып чыгып китә. Белмәгәннәре, абау, әнә, аю керә, аю биетүче килмәгән микәнни, дип тәрәзә аша гына карап тора. Аның аю түгел, кеше икәнен белгәч, каршына чыгып, аю абый, бер биеп җибәрсәң, кәрҗинеңә бер күкәй салам дигәч, аю булып биеп җибәрә. Карынкы (карлыккан?) тамак белән бер җырлап та ала. Ай-яй, аю җырлый да белә икән дип, көлә-көлә кәрҗингә күкәй салалар.

Кайберәүләрдән чиләк-көянтә алып, яулык бөркәнеп, яшь килен булып, яулык белән битен каплап, су алып кайткан булып керә. Кайберәүләр үз тирәләрендә генә төрле кызык ясап, күкәй җыеп йөри.

Кайбер авылларда берничә егет атка атланып кәрҗин белән күкәй җыярга чыгалар. Алар бик кызу-кызу йөриләр. Бу электән килгән гадәт булгач, боларның килгәнен көтеп, кешеләр капка төбенә чыгып тора. Егетләр күкәйне алалар да, тиз генә икенче йортка китәләр. Ә инде берничә егет атларын әзерләп теге егетләрнең җыйганнарын көтеп тора да, бары да атка менеп теге егетләрне куа китә.

Хәзер күкәй өчен тарткалаш башлана. Атны бөтен көченә чаптырып, кәрҗин белән күкәйне алырга тиеш булалар. Хәзер инде кәрҗиннәр кулдан-кулга йөри башлый. Кайберәүләр ат өстеннән егылып төшә. Тагын атка сикереп менә, тагын куа китә. Бу уенны бөтен халык урамга чыгып карап, әһә, анысы эләктерде, әһә, менә монысы эләктерде, дип күзләрен алмыйча карап тора. Бик күп тарткалашканнан соң, атлары ак күбеккә төшкәч, егетләр үзләре дә аргач, кайтып китәләр. Менә инде бу – Сабан туе билгесе. Әлеге эш балалар йөреп туктаганнан соң була.

Чишмә буенда чирәмлектә күкәй отышы уены башланган ие инде. Түгәрәкләнеп шомарган ике түбәтәйне, эченә чүбек тутырып, кара-каршы куеп тегеп, туп ясыйлар. Ике арада 25–30 адым калдырып, ике башта берничә кеше тора. Нәкъ уртага һәркем үзе бер күкәй утырта. Күкәйләрдән бер адымга якынрак сызыклар сызып куялар. Туп ыргытучы күкәйне сызыктан чыгарса, күкәй аныкы була, сызыктан чыкмаса, кире урынына утырта, бер дә тимәсә үзеннән тагын бер күкәй өстәп куя. Кызыл, сары, яшел күкәйләргә туп тәгәрәп китә. Кешеләр бары да, шау-гөр килеп, «тиде, тимәде, әһә, аныкы сызыктан чыккан, чыкмаган, алай булгач яңадан кабатласын, булды инде, тагын ни кирәк, бәргәләмәгез, әйдә инде, кемгә чират, җибәр әйдә, курыкма, алып килгәне бетсә, тагын алып килер», диешәләр.

Тезелеп торган күкәйләр кайвакыт күбәеп китә, кайвакыт бик аз кала. Бу уен шау-шу белән аралашып төш вакытына кадәр бара. Авылның берничә олырак кешесе бәйге ясау өчен урыннар карап йөри. Ат чабышына да, йөгерешчеләр өчен дә уңайлы урын кирәк. Гадәттә аларга урын олы юл буендагы мәйдан тирәсеннән бирелә.

Төш авышуга башка авыллардан да кешеләр килә башлый. Кайсы арба җиккән, кайсы атка менеп, кайсы җәяү килә. Башка авыллардан килүчеләр барысы да ирләр, хатын-кызлар күренми. Ат чабыштыру, зурларны йөгерттерү, бәйгенең башыннан ахырына кадәр көрәшү – игътибар үзәгендә. Көрәш озак барганлыктан, көрәшчеләр дә талчыга. Кайвакыт үзара килешеп көрәшне төгәлләп тә куялар. Көрәшчеләргә батырлык өчен күлмәк бирелә. Бу күлмәкләр гадәттә яшь килен бүләге була. Гадәт буенча яңа өйләнгән егет Сабан туена бүләклеккә күлмәк бирергә тиеш.

Бәйге урынын түгәрәкләүче түгәрәк тышында атка менгән кешеләр. Кайберәүләр арба җигеп килгән кешеләрнең арбалары өстенә басып карап

тора, уртада, озын колга башында, әйтеп узганымча, юллы-юллы яшел чапан. Ул инде баш, беренче булып килгән атка була. Аннары, түбәндәрәк башка төрле әйберләр, ситсылар, күлмәкләр. Әлеге колга башына эленгән ситсылар бәйгедән читтәрәк төркем-төркем басып торган кызларга егетләр яулык болгаган шикелле җилферди. Кызлар шуларга карап-карап куялар, аларга бәйге-мәйдан эченә керергә рөхсәт ителми. Алар ат чабышын һәм йөгерешне генә күрә. Кызу гына көрәш барганда, йөгерек килә, йөгерек килә, дип халык шаулаша башлый. Ул арда йөгерешчеләр килеп тә җитә. Мәйданга иң беренче булып йөгереп килеп керүче – һаман шул – Сабан туе саен баш килә торган Сәйпи агай.

Ул шундый кызык кеше: бик үк тулы да түгел, ул йөгерешкә баручылар белән бергә китә. Азрак баргач, читкә чыгып, яшеренеп ята да, йөгерекчеләр килеп җиткәндәрәк чыгып йөгерә башлый. Башта кеше шикелле йөгерә, мәйданга, ат булып, кушаяклап, сикереп чабып керә. Аның өстендә Сабан туенда гына киеп сала торган чуар ситсы күлмәк, кызыл юллы мех ыштан, бер балагын сызганган, бер балагы шул көенчә. Аңа килеп керүгә, бик зурлаган булып, бер яулыкны алып, муенына бәйлиләр. Ул башка нәрсәне алмый, миңа яулык биregез, ди.

Яулыкны муенына бәйлиләр дә, мәгез, малайлар, йөртегез, аягына су төшмәсен, дип малайларга бирәләр. Шуны гына көтеп торган малайлар, аны шундук йөгертеп алып китәләр.

Ул, ат булып, пошкыра-пошкыра чабып йөри. Аркасына чак кына камчы белән сукканны ярата. Кайсыбер малай, аны йөртү өчен, бер кечкенә камчы алып килә. Йөреп туктаганнан соң, күп рәхмәтләр әйтеп, озак тормыйча, өенә кайтып китә.

Өендә аны карчыгы каршы ала. «Кара, атасы бүген дә яулык алып кайткан икән! Менә рәхмәт! Бик армадыңмы? Аякларың авыртмадымы? Бүген дә шулай баш килдең мени? Ерактан йөгерештегезме? «Бик ерак, 40 чакрымнан!..». Сәйпи абзый – гомер буе фәкыйрьлектә яшәгән кеше. Гомер буе, җәй буе көтү көтеп, кыш көнендә кешеләргә утын кисеп, кар көрәп, тамак туйдыра. Көз көне, азмы-күпме көтү акчасы җыеп алгач, әллә кайчан үлгән әтисенең кырыгын укытам, дип бәлеш салдырып, йоласын үткәреп ала. «Чукынсын, мулланы чакырмыйм. Мулла ураза тотарга куша. Һе, көтүләрен дә көтим, уразаларын да тотыйм икән!» – ди.

Көрәш кызу бара. Ул арада, атлар килә, атлар килә, дип халык атлар ярыша торган якка йөгерә. Ике якка тезелеп, киң юл ачып куялар. Мәйданга беренче булып тимер күк атка атланган сары күлмәкле малай килеп керә. Аннан зәңгәр күлмәкле, янә төрле-төрле күлмәклеләр күренә. Кайсы туры, кайсы җирән атка атланган. Чабышка барганда бик биек булып күренгән атлар, мәйданга кергәч, бик тәбәнәк, бик озын булып күренә.

Беренче булып килгән атның муенына яшел чапанны бәйләгәч тә, ак күбеккә төшкән атны суындыру өчен йөртергә китәләр. Башка атлар да, алган бүләкләре муеннарына бәйләнгәч, төрлесе төрле якка тарала.

Ишмукый абзый әйткәнчә, беренчелекне алган ат башкаларын калдырып, бик алдан килеп кермәде. Атлар берсе артыннан берсе куалашып килеп керде.

Сабантуй узып киткәч, әти белән сабан чәчүенә чыгып киттек. Иртән әти арбага агач сука белән агач тырма, аннан соң юкә кабыгыннан тегеп эшләнгән тубалга муенга кия торган бау тагып салды, аннан орлык ашлыгы салды. Әни өйдән ашъяулыкка төргән ризык чыгарып салды. Без кырга – җир өстенә барып җиткәндә чәчүгә чыккан берән-сәрән кеше күренә иде.

Әти җирне сукалап бетергәч, тубалга орлык ашлыгын бушатты. Аннан шуның өстенә ашъяулыкны чишеп, күкәйләр салды да, менә, мин чәчкән күкәйләрне җыярсың, дип, тубалны муенына киеп, чәчеп китте. Бодай орлыклары белән бергә кәсәнке (кәс) арасына сирәк-мирәк күкәйләр барып-барып төшә. Мин бик кызыксынып карап тордым да, җыя башладым. Кәсәнке араларыннан карап йөргәндә читтәрәк яткан бер күкәйне карга килеп күтәреп тә китте. Әти, чәчеп бетергәч, атны тырмага җигеп бирде дә, мин тырмалый башладым. Тырмалап бетергәч, әти миңа, әйдә, күкәйләрне ашыйбыз, дип ашъяулыкны җир өстенә җәйде. Шунда утырып ашадык, калган күкәйләрне ашъяулыкка төрде дә, менә боларын әниеңнәргә алып кайт, мин икенче җиргә китәм, диде. Мин әтидән, нигә без басуга алып күкәй килеп чәчәбез, дип сорадым. Чәчкән ашлыклар күкәй күк шундый эре булып үссен дип өмет итәбез, борынгы бабайларыбыздан калган, элекке гадәт бу, диде.

(Дәвамы бар)

Рәшит Минһаҗ эшкәртүендә.

Дамир Таҗи

АРСЛАН ГАБДЕЛКӘРИМОВ ПАТША «НИКОЛАЙ ПАЛКИНГА»ГА ХАТ ЯЗГАН

Чирмешән районы Түбән Кәминкә (элекеге Чистай өязе) авылында морзалар[1] нәселе яшәве турында бик еш ишетергә туры килә, алар әнием ягыннан ерак бабаларым. Язуым мактану яки шул исемгә дәгъва кылу түгел, тәжрибә уртаклашу, бәлки галимнәр, төбәкчеләр бу мәкаләгә берәр нәрсә өсти алырлар дигән өметем бар. Чөнки, без төбәкчеләр бер казанда кайныйбыз, тарих сандыкларында бергә казынабыз. Казанда дөрес нәтиҗә чыгаручы галимнәр булмый калмас.

Моңарчы Кәминкәдә бабамнар Әбүбәкер (1897–1942), Мортаза (1860), Зиннур (1827), Габделкәрим (1780) Габделрәшит улы яшәгән. Габделкәримнең, яки әтисе Габделрәшитнең авылга кайсы вакытта, ни сәбәпле килеп чыгулары билгесез. Биредә алар морза түгел, ә дәүләт крестьяннары статусында. Шулай ук авылга беренче һәм икенче күчеп килүчеләр төркемендә дә исемнәре юк (1745 һәм 1762 елгы II һәм III ревизияләр). Кызганычка каршы, авыл кешеләре хакында күпме эзләсәк тә 1765 ел белән 1830 еллар аралыгына кагылышлы бер документ табылмады. Димәк, морза нәселе дигәннәребез, авылга 1762 елдан соң Олы Елгадан яки башка җирлектән килүләре, киресенчә элек ревизияләргә теркәлмичә калулары мөмкин.

Мин еш кына әнием туганнарыннан «без морзалар төбе, көчле һәм булган халык» дип ишеткәнем бар. Әлбәттә, мин моны әкият, бер уйдырма, шапырыну дип кабул итә идем. Чөнки кәминкәләрдә мактану, арттырып сөйләү, күкерәк кагу шактый алга киткән гадәтләрнең берсе. Без морзалар дигәндә, мин моңа киләчәктә дә ышанмаган булыр идем, сөяксез тел ни сөйләмәс. Зиннур бабамның ир туганы Арслан Габелкәримов 1842 елда бөек хөкемдар, Россия императоры Николай

[1] Морза (шулай ук мирза, мырза) фарсы теленнән алынган – әмир-задә (принц) сүзеннән килеп чыккан. Бу аристократ титулы турында сөйли. Безнеңчә, аксөякләр титулы. Морза исеме төрки дәүләтләрдә Казан, Әстерхан, Кырым, Себер ханлыкларында һәм Ногай Урдасында киң таралган булган.

Павлович[1] исеменә хат язган икән. Тагын бабалар исеме ачыкланды: Габделрәшитнең әтисе Сәфәр, борынгы заманга таба Ярмәк, Кодрәк, Шигай, Сабакай, Янекәйләр (Еникеевлар) бабайлар. Дөресен әйтик, хәзер бабалар нәселен морзалар белән бәйләп карау «модага» кереп китте. Монда бик сак та булырга кирәктер, беркемгә дә ялган яки ялгышлык кирәкми. Әнә тарих фәннәре кандидаты Н.В. Кузнецов-Липецкий да нәселенең бер тармагы Сабакай Янекәйләргә барып чыгу мөмкинлеген тикшергән, Арслан хатына яхшы анализ ясаган. Әмма андый тармакны табалмаган дип ишеткәнебез бар.

1840 елда Россия дәүләт Советы морзалар нәселеннән булган кешеләргә үзләренең дворянлык статусына лаеклы булуларын исбат итү хокукы биргән. Габделкәрим акыллы, үз даирәсе арасында укымышлы, курку белмәс үткен холыклы кеше булган дип сөйлиләр. Менә шул законны каяндыр ишетеп ала, борынгы бабалары, атасы сөйләгәннәр исенә төшә, ул канатланып китә, нишләп әле үзенә, нәселенә, бабалары йөрткән шул дәрәҗәле исемне кире кайтармаска. Түбән Кәминкә (36 җан) һәм Лаеш округындагы Олы Елга шулай ук Сабакай авылларында (Больших Елгов Сабакаева тож) (74 җан) яшәгән йомышлы татарлар Шигай морза Сабакаев Еникей (Янекәй) нәселенең дәвамчылары икән. Бүген бу авыл Балык Бистәсе районы биләмәсендә исәпләнә. Шуларның нәселләре Спас өязендәге Иске Мөрәс Чаллы авылында булулары да ачыкланган (11 җан). Шигай морза Сабакаев Литва сугышы вакытында яхшы хезмәте өчен жалованный грамота белән 164 (?) елда[2] Ногай даругасындагы Елга авылында җир белән бүләкләнгән, крепостной крестьяннары да булган дип яза. Шул авыл татарларының вәкиле булып бу эшне кайгыртуны үз өстенә алган. Казан белән авыл арасында, башка авылларга йөреп, акча туздырып, әллә ничә ат яндыргандыр. Әгәр морзалыкка мөнәсәбәте булмаса, шушындый караңгы елларда гаделлек өчен йөрмәс һәм шундый вакыйганы уйлап чыгара алмас иде ул. Үзенекен исбат итү өчен хәтта урыс авылларыннан (Морзиха, Сорочьи горы, Масловка һ.б.) шаһитлардан сораштырып, тәре тотып ант иттергәннәр ягьни присяга алганнар, татарлар исә Коръән белән присяга биргәннәр (Олы Елга, Олы һәм Кече Әшнәк авыллары кешеләре, соңгы икесе дә Балык Бистәсендә). Әнә шундый язулар җыярга туры килгән. Крестьяннар морзалар турында бөтен белгәннәрен әйткәннәр, писырлар исем-атлары белән аны түкми-чәчми

[1] Рәсми төстә Николай I (1796–1855) Бөтенроссия императоры, Финляндия бөек кенәзе һәм Польша патшасы, Павел I нең өченче улы. Тарихта реакционер, төрле фикерләрне тыючы буларак мәгълүм, халык аны яратмаган, «Николаша Палкин» дип йөртелгән. Хакимлеккә 1825 елда декабристлар баш күтәргән вакытта килгән.

[2] Бу безнең календарь буенча 1656–1658 еллар булырга тиеш. Бу елда рус-швед сугышы булган. Моңа кадәр Россия бөтен Украина һәм Литва җирләрен басып алган.

җентекләп язып алганнар. Җаваплары әллә ни тулы да булмаган, тегәләйдер-болайдыр дигәннән ерак китә алмаган. Машина-техника, телефон һәм кампитр булмаган заманда шундый зур эшне кузгату теләсә кемнең хәленнән килә торган эш түгел. Арсланның исеме дә үзенең үҗәтлегенә хас икәнен укучы күреп тора.

Кемнәр алар йомышлы татарлар дигән сорауга җавап, укучыга мәкаләне аңларга ярдәм итәр: Йомышлы татарлар (служилые татары) дип Мәскәү дәүләтенә хезмәттә торган халыкны атаганнар. XVIII гасыр башларына чаклы аларның төп бурычы хәрби хезмәт саналган. Шул сәбәпле йомышлы татарларга карата чирүле (гаскәр) татарлар дигән атама да кулланылган. Ул заманнарда булып үткән барлык сугышлар да аларның катнашыннан башка үтмәгән. Йомышлыларның азрак сандагы өлеше илчелек, тылмач (тәрҗемәче), ямчылык (почта), олау ташу (вожевая служба) хезмәтләрендә дә файдаланылган. Аларга дәүләт хезмәт хакын акча, икмәк һәм күпчелек очракта җир биләмәләре (поместьелар) белән түләгән, шул сәбәпле алынган җирләре шәхси милек булып саналган. Җирләре шәхси милек саналганлыктан, йомышлылар белән дәүләт җирләреннән файдаланучы ясаклы татарлар бер авылда яшәмәгән. Йомышлы татарларның бер өлеше, аеруча аларның югары катлавы, крепостной крестьяннарга да ия булган. Мәскәү патшалары йомышлы татарларны, христиан динендәге кешеләрне крепостной итеп тотудан тыя торган законнар чыгара. Петр патшаның 1718–1724 елларда уздырган реформалары татар халкының барча катлаулары тормышында зур үзгәрешләр китереп чыгара. Йомышлы һәм ясаклы татарларның хокуклары тигезләштерелеп, алар барысы бергә «дәүләт крестьяннары» дигән яңа разрядкага кергән. Шулай да «ясаклы»һәм «йомышлы»дип аталу 1850 елларга кадәр дәвам иткән....

Әлмәт шәһәрендәге «Адымнар мәктәбе» мөгаллимәсе, генеология белгече, авылдашыбыз Гөлгенә Идрисованың фикерләре дә кызыклы: Безнең Кәминкәдә морзалардан килгән дүрт нәсел булган дип уйлыйм: Габделкәрим Габделрәшит улы (Иншар поселогында яшәп киткән Мортазиннарның туганы), минем бабай Рәхмәтулла (улы Тимербулат авыл старшинасы), Габделвахаб, Мирас. Нәсел тамгалары да уртак. Балалары бер-берсенең туйларына йөрешкәннәр, бу 1834 еллардан авылда ачылган метрикалар белән раслана. Аларны туганлык яки якташлык җепләре берләштерәдер мөгаен.

Арслан Габделкәрим улының тәрҗемәи хәле: 1810 елда туган, 1852 елда 42 яшендә вафат. Хатыны Бәдерниса Дәрҗеман кызы. Балалары Ризван, Нурулла, Хәйрулла, Таифә. Сөләйман исемле улы 21 яшендә рекрутлыкка алынган; Арсланның энесе Зиннур 1827 елда туган, хатыны

Миңниса Фаиз кызы. Балалары Нурдидә, Садретдин, Шаһимәрдан, Мортаза һ.б.[1] Шул нәсел кешеләре Кәминкә җирлегендә Иншар поселогын нигезләгәннәр (яшәү вакыты 1924–1980), хәтта Оренбург далаларына китеп Ибрай (хәзер Башкортстанда Күгәрчен районы (Акман, Ибраево), Себердә Юрты Дулепино (Төмән өлкәсе Яркәү районы Аккүл) авылларын нигезләүдә катнашканнар. Әмма кан уртаклыгын хәзерге фәнни тикшеренүләргә кереп барган гаплогруппа аша гына чын дөреслектә исбат итеп буладыр мөгаен. Кызганыч ки, әле ул бездә кулланылмый диярлек.

Кулда булган мәгълүматларга күз салу, ерак гасырларны бераз булса да күзалларга ярдәм итәр. 1602–1603 елгы җан исәпләү буенча Казан өязе Олы Елга авылында (хәзерге Балык Бистәсе районында) яшәгән йомышлы татарлар – Чувашай Еникеевның хезмәт хакы (оклад) 9 сум, бертугаты Сабакай Еникеевның 6 сумга җиткән. Үз заманы өчен әлләни зур акча түгел, шул елларда эш аты 70–100 сум[2], бер каз 30–40 тиен торган. Төп шөгыльләре хәрби хезмәт дип уйлыйбыз. Беркадәр соңырак Еникеевлар морзалар буларак күренә.

1646 елда Юныс һәм Дусмәмәт Чувашаевларның Елга авылында утары булган. Аларга төшкән җирәбә (шобага салу) буенча анда 3 крестьян һәм бер бабыл йорты[3] саналган. Шул ук авылда Шигай һәм Колай Сабакаевлар, ягъни Янекәй балалары яшәгән. Болар карамагында 5 крестьян йорты, йортларны карап торучы (дворовый человек) ялчы («наймит») булган.

1647–1648 елларда Колай Еникеевның һәм аның ир туганнарының Кече Елга авылы тирәсендә 134 дисәтинә чәчүлек, Шуран елгасы буенда буш җирләре булган.

1656 елда Шигай Еникеевның Кама елгасы артында Юкәле Яман Саз авылында (Морзиха авылы) бер кырда 60 дисәтинә чәчүлек җирләре булганлыгы билгеле. Шигай һәм Колай Еникеевларның гомуми җирәбәсе буенча монда 20 крестьян йорты (күбесе христиан исемендә, шуларның икесе мордвин, берсе «немчин». Шул ук авылда Колай Еникеевның шәхси биләмәсендә 7 крестьян йорты исәпләнгән.

Олы Елга авылында XVIII гасырның беренче чирегендә безнең бабалардан Габделрәшит морза Сәфәров карамагына бабасы Ярмәк морза Кодрәковтан (атасы Шигай Сабакаев Еникеев) крепостной крестьяннар күчкән. Балык бистәсе районындагы Зур Кодрәк авылына Кодрәк морза нигез салган булырга тиеш. Шул ук районда морза исемендәге Сабакай

[1] Татарстан Республикасы Дәүләт архивы: 3 ф., 2 тасв., 666 эш, 749–750 б., 93 язма (метрика китабы).

[2] Ред. Бу фикер белән килешми. 9, 6 сум XVII гасыр башында зур акча булган.

[3] Бабыл (бобыль) – XV–XVIII гасыр башларында Рус дәүләтендә җир кишәрлеге булмаган ялгыз крестьяннар төркеме (рус булмаган халыклар татар, чуваш, мари, удмурт).

авылы Олы Елга авыл җирлегенә керә. Әлеге төбәктә Янекәй морза балалары яңа авылларга нигез салуда зур роль уйнаган.

Тагын бер табышмак: 1728 елларда Олы Елгадан Габдулла Арсланов, Зәит Әитов, Даут Сөләйманов Еникей балалары үзләренең дворовый кешеләре белән Күтәмә авылына (Чирмешән районында) яшәргә килгәннәр[1]. Араларында безнекеләр күренми. Боларның эзләре шунда югала. Еникеевлар монда чукынган мукшылар янында калмаганнардыр, мөгаен. Җир, мал өчен чукынганнар дип тә әйтә алмыйбыз.

Еникеевлардан кала Олы Елга авылында йомышлы татарлар Янчуриннар яшәгән. XVII гасыр башында Айтуган Янчуриннның хезмәт хакы 10 сум тәшкил иткән. Ул 20 чирек чәчүчелек, 10 десятинә печәнлек (200 ләп чүмәлә) җирләренә ия булган. Шунда ук ясаклы чувашлар белән бергә тегермән-тугылагыч (мельница-мутовка) тотканнар. Беркадәр соңырак улы Биктимер Айтугановка җирәбә белән җирләр эләккән. Документларда Айтуган искә алынган.

Арслан Габделкәримовның хыялы чынга ашмагандыр дип әйтеп була. Чөнки аларга морзалык дәрәҗәсе кайтарылуы турында язуларда тәгаен әйтелмәгән һәм андый документлар яки грамота архивларда күренмәде. Түбәндә авылдашыбыз башлаган эшнең кайбер битләрен урнаштырдык, ул бик озын, шул сәбәпле кыскалык дигән нәрсәгә игътибар иттек. Ул туган төбәк тарихларын өйрәнүчеләргә гаять кызыклы чыганак.

Лист 1, 1об
№ 460. 19 июня 1842 [года]

ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЙ, ДЕРЖАВШНЕЙШИЙ
ВЕЛИКІЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ
САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ, ГОСУДАРЬ
ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ!

Просит Чистопольского уезда деревни Нижней Каменки из мурз Яникеевых служилый татарин Араслан Абдулкаримов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1-й)

Высочайше утвержденным в 27-й день марта 1840-го года мнением Государственнаго Совета предоставлены права татарам из роду мурз происходящим доказывать дворянское достоинство, а [так] как одножители мои деревни Нижней Каменки и Лаишевскаго округа деревни Больших Елгов Сабакаево тож служилые татары происходят из Шагая Мурзы

[1] И. Габдуллин. Татарское дворянство. От служилых татар к татарскому дворянству (интернет язмаларыннан файдаландык).

Сабакаева сына Яникеева, служившаго в Литовскую войну и жалованная грамота за то в [7]164-м году поместною землею по грамоте в деревне Елгах, что по Ногайской дороге, а по нынешнему разделению Казанской губернии в Лаишевском уезде. Желая воспользоваться сим Высочайше дарованным правом означенных двух деревень Нижней Каменки и Больших Елгов Сабакаево тож жители, вручив мне крепостные документы, составленную роду Мурз Яникеевых поколенную родословную, данными доверенностями в Староибраевском и Лаишевском Волостных Правлениях явленными доверили мне просить о введении рода нашего в дворянское достоинство, почему я представляя при сем родословную и две доверенности всепокорнейше прошу:

Дабы повелено было с представленными родословной и доверенностями принять, и засвидетельствовав первую на основании выше объясненного мнения Государственнаго Совета надлежащим порядком выдать мне обратно для представления в Казанское Дворянское Собрание, сверх того выдать мне на основании того же мнения по произведении следствия о точном моем с доверителями из роду мурзы Яникеева происхождении свидетельство для представления в то же [Казанское] Дворянское Собрание. Крепостные же документы на владение жалованною предку нашему землею не премину я представить к производимому следствию. Июня – дня 1842-го года. К поданию надлежит в Лаишевский уездный Суд прошение в черне и набело с слов просителя писал Титулярный Советник Александр С[неразборчиво], а проситель Абдулкаримов подписал и читал.

[подпись на старо-татарском языке].

Лист 3, 3об

1843-го года февраля 8-го дня Лаишевскаго Земскаго Суда сельским заседателем Мадияровым будучи в деревне Больших Ялгах, Сабакаево тож, уполномоченный этой деревни и Чистопольскаго уезда деревни Нижней Каменки от татар происходящий из мурз Яникеевых поверенный житель последней деревни Араслан Абдулкаримов в дополнение поданнаго им в Лаишевский уездный Суд 19-го июня прошлаго 1842-го года прошение о представлении доказательств на происхождение доверителей его из роду Шагая Мурзы Сабакаева сына Яникеева на спрашивание показал: Что точно я и доверители мои деревень: Нижней Каменки Чистопольскаго и Больших Елгов Сабакаево тож Лаишевскаго уездов служилые татары, ныне налицо состоящие в первой 36-ти, а в последней 74-х душах, происходят из роду, как в представленной от меня в Лаишевский уездный Суд поколенной родословной значится, от Шагая Мурзы Сабакаева сына Яникеева; а равно таковые же служилые татары, не поименованные в родословной,

проживающие в Спасскаго [уезда Казанской губернии] в деревнях Старой Мрясовы Челны в числе 11-ти ревизских душ, тоже происходят из того же рода Мурзы Яникеева, и как они, так и доверители мои все прижиты от законных браков, по магометанскому закону совершенных, в доказательство этаго представляю при сем три (3) выданные предкам нашим жалованные грамоты: первую Юнусу Мурзе Чувашаеву сыну Яникееву, 2-ю Ураслану Мурзе Шагаеву сыну Яникееву с братьями и 3-ю Еналею Мурзе Юнусову сыну Яникееву, вместе с списанными с оных на гербовой бумаге копиями прошу из них первые поверив с последними подлинный возвратить мне; сверх того что я и доверители мои действительно происходят из роду Мурзы Яникеева, об этом должны знать соседственные селения с деревнею Большими Елгами, Сабакаево тож, жители, как то: Сорочьих Гор, Большаго и Малаго Ошняков, Больших и Малых [Елгов], почему прошу из поясненных семи селений [истре]бовании старожилых людей незазорнаго [просхож]дения и о происхождении меня и доверителей моих из рода Шагая Мурзы Сабакаева сына Яникеева [их] спросить должным порядком, к должному удостоверению о происхождении рода нашего от Мурзы Яникеева, есть ли нужно будет, [то] имеет быть представлено мной куда подлежать будет от благородных особ особое свидетельство, по каковому это справедливо, в том по-татарски подписуюсь.

[подпись на старо-татарском языке]

Доказательство принял сельский заседатель Мадияров и печать свою приложил [печать].

Лист 4, 4об

По указу Великаго Государя Царя и Великаго князя Алексея Михайловича[1], всей Великой и Малой и Белой России самодержца указу боярин и воевода Василий Петрович Шереметев, … дьяк Григорий Одинцов дали грамоту Юнусу мурзе Шагаеву сыну Яникееву, да неверстанному брату его Дюрскею на поместье отца их в деревне Больших Елгах, да на полянке бортныя ухожее по Шуран речке в вершине по обе стороны, одна слывет Большая полянка, а другая слывет Борсуклы[2] полянка, да два бортные ухожья по речке на Юре, да на другую вотчину около деревни Елгове, на речке на Шурене, да два (2) озерка на Малкане[3] [да на Будьяне], для того в нынешнем [7]157-м году[4] были они явлены Го-

[1] Алексе́й Миха́йлович Тиша́йший (9 (19) марта 1629, Москва – 29 января (8 февраля) 1676, Москва) – второй русский царь из династии Романовых (14 (24) июля 1645 – 29 января (8 февраля) 1676), сын Михаила Фёдоровича и его второй жены Евдокии.

[2] В переводе с ногайского языка – «барсучье обиталище» или «близко вода»

[3] В оригинальной писцовой книге – «Амалкане».

[4] 7157 г. по летоисчислению от сотворения мира. По летоисчислению от Рождества Христова – 1648–1649 гг.

сударю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу Всея Руси [от] отца их Чювашая Яникеева осталось поместье по Ногайской дороге в деревне Елге на сорок (40) чет в поле а в дву по тому ж [полю] сенные покосы возле Камы реки меж [озёр] Кундурлы и Шурана Верхнево четыреста (400) копен, да вотчина около той же деревни Елги по речке Шаран с вершины и до устья, по обе стороны со всякими угодьями, а знамена же в той вотчине таковы, да в той же де вотчине по Шуране речке две (2) полянки: одна слывет Большая, а другая Борсуклы, а поместья в тех полянках на три (3) [неразборчиво], да за Камою рекою по речке Шурана Верхнево и до устья по обе стороны бортной ухожей, и бобровые гоны, и рыбные ловли во озерах, озеро Малькан, да озеро Ботьма, озеро Кертали, озеро Бурчатли, и около их Мелеке озерка, а знамена в той вотчине таковы [изображение тамги]. И Государь бы их пожаловал велел то поместье, а вотчины отца их за ними справить и дать им ввозную грамоту. А в писцовых книгах Ивана Болтина [7]111-го году[1] написано: в деревне Больших Ялгах служилый татарин Чювашай Яникеев, оклад ево девять рублев, поместья за ним два жеребья, что были за отцом его; [а за него] два жеребья: двор помещиков; пашни паханые – отделено ис третьево поля к речке х Каин-Илге его жеребью – 7 четв. бес третника, да чювашские земля отделено тридцать (30)[2] четв. с третником, а то число пашни ж осталось чюваше в двух полях их служилых людей земли. Да за ним же на полянке за речкою Каин-Иглою, что дано по казанской грамоте Айтугана, а после велено отдати всем троим, пашни паханые двадцать (20) четв., и всего за ним сорок (40) четв. в поле, а в дву по тому ж; сена на реке на Каме меж озера Кундурлы и меж Шурана Верхнево четыреста (400) копен, да за Чювашаем же и за братом ево за Сабакаем отцовская вотчина два бортных ухожья по Государеве грамоте [неразборчиво] один на речке на Юрене, а другие[3] около[4] Елги деревни на речке на Шурене, да два озерка ж на Малкане[5] да на Будьяне[6], рыба в них: щука[7], карась[8]. И те бортные ухожеи пусты, а в озерках рыбу ловят на себя. А в возной грамоте, какова дана во [7]113-м году[9], Чювашаю мурзе Яникееву на вот-

[1] 7111 г. по летоисчислению от сотворения мира. По летоисчислению от Рождества Христова – 1602–1603 гг.

[2] В оригинальной писцовой книге – 30 четвертей, а не 13.

[3] Так в оригинальной писцовой книге, по смыслу же подходит слово «другой».

[4] Слово «около» пропущено в оригинальной писцовой книге.

[5] В оригинальной писцовой книге – «Амалкане».

[6] В оригинальной писцовой книге – «буднях».

[7] В оригинальной писцовой книге – «щуна».

[8] В оригинальной писцовой книге – «Каран».

[9] 7113 г. по летоисчислению от сотворения мира. По летоисчислению от Рождества Христова – 1604–1605 гг.

чину на бортной ухожей старинную деда и отца его в Казанском уезде по речке Юре, да на другую сторону до деревни Елгове на речке на Шуране, да на два озерка на Малкане да на Будьяне. Написано в Государевых Царевых и Великия князя Бориса Федоровича[1] Всея Русіи в двух грамотах, посланных с Казань по ево Чювашаю челобитью, что о тех вотчин Государевы всякие службы служили дед и отец его Яникей. А ныне с тех вотчин Государевы службы служит он Чювашай, и ко тем Государевым по обеим грамотам [неразборчиво] кроме вотчины взыскати до кряма и будет те вотчины старинные деда и отца его и ныне будет с тех вотчин Государеву службу служить он Чювашай, и грамоту на вотчину почему ему впредь владети велено ему, да в писцовых книгах Ивана Болтина с товарищи [7]118-го года[2] написано: по Казанской дороге в Больших Елгов Чювашаем Яникеевым отцовская вотчина бортной ухожей з братом его с Собакаем около Елгов деревни по речке от вершины и до устья по обе стороны, и знамена таковы: Чювашаево ухо кательное [изображение тамги], Сабакаево столб [неразборчиво], да за ними ж бортной ухожей за Камою рекою [около] Тетюш в поле по речке по Юрене по одной стороне, а знамена в той вотчине таковы: удила [изображение тамги], гусина лапа [изображение тамги]. [Нечитаемо] ево Яникея не стало [через] три годы, а грамота та де написана была у отца его, и тое де грамоту взяли у них нагайские, как их воевали, и он де после отца своего с тое старинные с отцовские вотчины Государеву службу служит и …

Лист 9

… владеет без грамоты, и будет так как Государю Чювашай мурза бил челом, а те будет вотчины деда и отца его старинные, и по государевым грамотам служилому татарину Чювашаю Яникееву с тех старинных отцовских вотчин государева служба служити и теми вотчинами владети. По тому ж как владел отец его Яникей да в поместных дачах [7]130-го году[3] написано: августа в 13-й день дана грамота служилому татарину Чювашаю Яникееву на две полянки, что в его вотчине в бортном ухожее по Шуране речке в вершине по обе стороны, одна словет Болшая полянка, а другая словет Борсуклы[4] полянка. А по его Чюва-

[1] Бори́с Фёдорович Годуно́в (в иночестве Боголеп; 2 [12] августа 1552 – 13 [23] апреля 1605) – боярин, шурин (брат жены) царя Фёдора I Ивановича, в 1587–1598 гг. фактический правитель государства, с 17 (27) февраля 1598 г. по 13 (23) апреля 1605 г. – первый русский царь из династии Годуновых.

[2] 7118 г. по летоисчислению от сотворения мира. По летоисчислению от Рождества Христова – 1609–1610 гг.

[3] 13 августа 7130 г. по летоисчислению от сотворения мира. По летоисчислению от Рождества Христова – 23 августа 1622 г.

[4] В переводе с ногайского языка – «барсучье обиталище» или «близко вода»

шаеве скаске на тех полянках пашни на три (3) чети, и по государеву цареву и великаго князя Алексея Михаиловича всея Русии указу Юнусу мурзе Чювашаеву сыну Яникееву да неверстанному брату его Дрюскею поместьем отца своего в деревни Болших Елгах и полянками в бортном ухожее по Шуране речке в вершине по обе стороны одна словет Болшая полянка, а другая словет Борсуклы полянка, да бортные ухожеи по речке Юре, да другою вотчиною около деревни Елгов на речке на Шуране, да двемя озерки на Манакане да на Будьяняе и сенными покосы на реке на Каме меж озера Кундурлы и меж Шурана Верхнево владети, как владел дед и отец их, и которыя крестьяне в том поместье ныне живут и впредь учнут жить, помещиков Юнуса мурзы Чювашаева сына Яникеева и неверстанного брата его Дрюскея слушали, пашню на них пахали и доход им помещиком платили, чем они кого пооброчат, до тех мест, покамест то поместье и вотчины опишут и измеряют государевы болшие писцы и мерщики, и учинят за ними пашни по государеву указу. К сей грамоте Государеву Цареву и Великого князя Алексея Михайловича всея Русии печать Царства Казанского приложил боярин и воевода Василеи Петрович Шереметев лета 7157-го [года][1] октября в … у подлинности подписано по склейкам на свертке: дьяк Григорий Одинцов. Справил Гришка Амирев.

Лист 16

1843-го года февраля 10-го дня Лаишевскаго Земскаго Суда Сельскому слушателю Мадиярову деревни Больших Елгов Сабакаево тож указной мулла, поступивший в сие звание из соседственной деревни Больших Елгов, Сайфутдин Искаков на спрашивание показал:

Что он в звание это утвержден в 1832 году, и с того времени получаю от Оренбурскаго Духовнаго Магометанскаго Собрания метрическия книги, в которые и записываются прихода моего служилых татар вновь рожденные дети, умершие и браком совокупляющиеся, и до 1832 года были ли таковые в деревне Сабакаевой, я не известен, и при мечети таковых не хранится. Из сих книг, много веденных, один экземпляр я ежегодно предоставляю в [Оренбургское] Духовное [Магометанское] Собрание, а другой хранится при мечети. Отыскивающие ныне дворянское достоинство служилые татары деревень: Больших Елгов Сабакаево тож Лаишевскаго, Нижней Каменки Чистопольскаго и Старой Мрясовой Челны Спаскаго уездов, как я слышал от многих людей, происходят из роду Шагая мурзы Сабакаева сына Сюндюкова, что, утверждая, [и] подписуюсь.

[подпись на старо-татарском]

[1] Октябрь 7157 г. по летоисчислению от сотворения мира. По летоисчислению от Рождества Христова – октябрь 1648 г.

Спрашивал сельский заседатель Мадияров вместо подпису печать свою приложил.

Листы 20, 20об

№ 451

22 апреля 1843 [года]

В Лаишевский Уездный Суд

Лаишевскаго Земскаго Суда

Рапорт

Конченное производством следствие о происхождении татар Чистопольскаго уезда деревни Нижней Каменки и здешняго уезда деревни Больших Елгов, Сабакаево тож, из рода мурз Яникеевых Земский Суд на дальнейшее разсмотрение и решение с учиненною описью [Лаишевский] Уездный Суд представить честь имеет вместе с тремя грамотами сельскаго заседателя Альмеева.

Секретарь [подпись]

Листы 25, 25об

Запрос

Имеют [честь запросить от лица] столоначальника архивариуса [Лаишевского] Уезднаго Суда, по учинении в делах каждаго вернейших выправок, ответить на сем запросе: не был ли кто и за что судим в уголовных преступлениях из обывателей уездов Лаишевскаго деревни Больших Елгов Сабакаево тож, Чистопольскаго деревни Нижней Каменки и Спаскаго деревни Старой Мрясовы Челны, а для видимости имян тех обывателей, которые доказывают происхождение свое из мурз, всего 120 душ, прилагается самое следствие. Апреля 23 дня 1843 года. [подпись].

На запрос сей ответствовать имеет честь, что значущиеся в деле татара, которые отыскивают свое происхождение из рода мурзы Яникеева в уголовных преступлениях ни за что не судились.

Канцелярист Пискарев [подпись].

На сей запрос ответствовать честь имею, что значущиеся во оном татара, кои отыскивают свое происхождение из рода мурзы Яникеева в уголовных преступлениях и ни за что судимы не были.

Столоначальник А. Попов [подпись].

По справке с хранящимися в архиве Лаишевского Уезднаго Суда делами, чтобы были за что-либо напред сего значущиеся в производстве о мурзах отыскивающие свое мурзинское достоинство Лаишевскаго уезда деревни Больших Елгов, Сабакаево тож, татара под суждением, того не оказалось.

Архивариус Алексеев [подпись].

Листы 26, 26об, 27, 27об
Мая 1-го дня 1843 [года]

Доклад: Поверенный от обывателей уездов: Лаишевскаго деревни Больших Елгов, Сабакаево тож, и Чистопольскаго деревни Нижней Каменки из мурз служилый татарин последней деревни, Араслан Абдулкаримов, при поданном в Суд сей 19-го июня 1842 года прошении представ[ив] составленную ими родословную и две данные ему на ходатайство доверенности от упоминаемых общежителей, просил родословную засвидетельствовать и выдать обратно, равно выдать же на основании Высочайше утвержденнаго в 27 день марта 1840 года мнении Государственнаго Совета, по произведении следствия о точном его с доверителями из рода мурзы Яникеева происхождении, свидетельство с объяснением имеющагося открытыя по следствию для представления в Каз[анское] Дворянское Собрание для дальнейшаго доказательства о правах их княжества. По сей просьбе [Лаишевский] Уездный Суд о точном происхождении просителя и доверителей его от рода мурзы Яникеева предписывал Лаишевскому Зем[скому] Суду произвесть на законном основании исследование и оное по окончании со всеми документами представить в Суд сей, что Земским Судом с приложением представленных при производстве следствия поверенным Абдулкаримовым трех грамот и с них на гербовой бумаге копий исполнено. Из производства дела видно: к доказательству описаннаго просителем из 8-ми разных селений Лаишевскаго уезда казенные, удельные и помещичьи крестьяне в числе 96-ти человек за присягою показали, что проживающие в соседственной деревне Больших Елгах, Сабакаево тож, служилые татары в 74-х душах по ревизии состоящие в 35-ти домах, точно ли происходят от Шигая мурзы Сабакаева сына Яникеева, они доподлинно хотя [и[не знают, но от предков своих, как то: дедов прадедов и отцов, ныне уже умерших, слышали, что означенные сабакаевские татара происходят из мурз, и предки их были на службе, но имели ли земли и прочие угодья, о том ни от кого не слыхали; что ж касается до проживающих в деревнях Чистопольскаго уезда Нижней Каменки и Спасскаго уезда Старой Мрясовы Челны татар, то и сии последние они происходят из того же рода, как и сабакаевские, им того не известно. Впрочем, из этих свидетельствующих крестьян 35 человек по слухам же дополнили, что сабакаевские татары когда-то имели жалованныя им земли и другие угодья; а еще 51 присовокупили, что те сабакаевские татара, отыскивающие теперь потерянное мурзинское достоинство (: по слухам сие от предков :), владели, кроме жалованных земель, даже и крестьянами, и что проживающие в деревнях Чистопол[ьского] уезда и Спасскаго Старой Мрясовы Челны татара

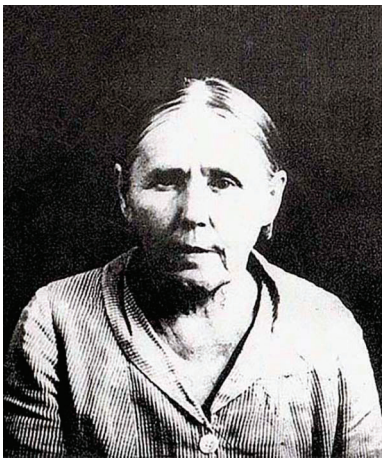
/: как удостоверяют по подобным же слухам 22 человека : /происходят из того ж мурзинскаго рода и переселились в нынешнее место жительства из деревни Сабакаевой в незапамятованных ими годах. Кроме сего, сабакаевский указной мулла Сайфутдин Искаков засвидетельствовал, что отыскивающие ныне дворянское достоинство служилые татары деревень: Больших Елгов, Сабакаево тож, Лаишевскаго, Нижней Каменки Чистопольскаго и Старой Мрясовы Челны Спасскаго уездов, как он слышал от многих людей, происходят из рода Шагая мурзы Сабакаева сына Сюндюкова. А к тому ж по учиненной в делах Лаишевскаго Уезднаго Суда справки доказывающие мурзинское достоинство татары судищимися по уголовным делам не оказались.

ПРИКАЗАЛИ: согласно прошения повереннаго Араслана Абдулкаримова и на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Мнения Государственнаго Совета, в 27 день Марта 1840 года состоявшагося, для представления в Казанское Дворянское Депутатское Собрание к дальнейшему доказательству прав на дворянское достоинство, по вытребовании от просителя Абдулкаримова надлежащаго количества узаконенной гербовой бумаги, списать с открывшагося по следствию точную копию и выдать за надлежащим свидетельством, возвратив при том все представленные им к делу подлинныя документы, как то: три грамоты, родословную с надписью на ней и на право ходатайства две доверенности, а также выдать еще и свидетельство с открывшагося по следствию.

Извлечено: ГА РТ Ф. 21. Оп. 1. Д. 476.

Халидә Баһаветдинова, Марина Имашева

ХӘДИЧӘ ЯМАШЕВА-ТАНАЧЕВА: СӨРГЕННӘН ЯЗГАН ХАТЛАР

Хәдичә Ямашева-Таначева. 1937 ел.

Хәдичә Ямашева-Таначева һәм Вәлидхан Таначевларның тормышлары, иҗтимагый эшчәнлекләре турында галимә Т.Ә. Биктимированың мәкаләләре китап-журналларда басылып тора [Биктимирова: 2021. Б. 18–30; Б. 30–35; Б. 39–45]. Шулай да укучыларга алар турында бераз мәгълүмат биреп узыйк әле.

Хәдичә Ямашева 1883 елны Чистайда сәүдәгәр Зариф Бадамшин гаиләсендә туа. 1912 елны Казан шәһәрендәге фельдшерлар әзерли торган училеще тәмамлап, татарлар арасында беренче теш табибәсе була. Аның турында Фатыйх Әмирхан 1911 елның 3 октябрендә дусты Ризван Алушига язган хатында «Озакламый менә бер зубной врачымыз да була: Ямашев хатыны Хәдичә. Ахры акрын-акрын чынлап та үсә башладык...» дип искә ала [Заһидуллина: 2026. Б. 44]. 1912–1937 елларда ул Казан, Мәскәү һәм Урта Азия шәһәрләрендә профессиональ эшчәнлеген дәвам итә.

1902 елда ул татарның күренекле революционеры, журналист Хөсәен Ямашевка кияүгә чыга. Алар Г. Тукай, Ф. Әмирхан, Г. Камал, Г. Коләхмәтовлар белән аралашып яшиләр. Аңлашыла ки, дөньяга карашлары, көрәш идеяләренең берлеге бу дуслыкның нигезен тәшкил итә. Алар даими полиция күзәтүе астында да булалар. 1907 елны Оренбургта татар телендә революцион-демократик «Урал» газетасын чыгаралар.

1912 елда кинәт кенә Хөсәен вафат була һәм Хәдичә ханым иренең дусты, юрист Вәлидхан Таначевка кияүгә чыга. Аларның балалары булмый. Вәлидханның яшь әнидән туган энесе Миратны тәрбияләп үстерәләр. Әмма аның гомере кыска булып чыга. 1931 елда медицина институтына керергә әзерләнгән егет, бозда тимераяк шуганда уңайсыз егылып, вафат була.

Хәдичә Ямашева-Таначева табибә булу белән бер рәттән җәмәгать эшләрендә дә актив катнашуын дәвам итә. Ул мөслимәләр җәмгыятенең рәисе булып тора. Шулай ук Бөтенроссия мөселман хатын-кызлар корыл-

таен (апрель, 1917) оештыруда зур роль уйный. Казан шәһәре Думасына (1917) сайланган бердәнбер хатын-кыз депутат та ул.

Революциядән соң, Вәлидхан Таначев Казах АССРның Мәскәүдәге вәкаләтле илчесе итеп билгеләнә. Шунлыктан алар башкалага күчеп яшиләр.

1937 елда алар икесе дә кулга алыналар һәм 1939 елны Коми АССРның НКВД Ухто-Ижемск төзәтү-хезмәт лагерена җибәреләләр. Бу вакыйгаларның шаһите булган рус язучысы Ю.И. Чирков әсәрендә Хәдичә апаны түбәндәгечә искә алына: «Семенов представил меня дантисту – худенькой старушке – Ходиче Зариповне Ямашевой, первой женщине-врачу Татарии. У нас нашлись общие знакомые: знаменитый Фирдевс, жена председателя Совнаркома ТАССР Мухтарова и ряд других деятелей, участвовавших, как и она, в революционом движении, а теперь томящихся в лагерях. Ходича-ханум рассказала, что она будет гастролировать по совхозам: месяц в Седью, месяц в Ухте, будет помогать нашей переписке и обещала уговорить заведующего медпунктом Сванидзе, чтобы он дал Ирме, хоть на неделю, перевод на легкие работы в зоне. ... Освобождение от работы еще на один день ей достала Ходича Зариповна» [Чирков: 1991. С. 288–289].

Бу өзектән Хәдичә ханымның лагерьда теш врачы булганлыгы һәм тоткыннарга кулыннан килгән кадәр ярдәм иткәнлеге аңлашыла.

Тоткынлыкта Вәлидхан белән Хәдичә төрле поселокларда яшәргә мәҗбүр булалар. Хәдичә апаны башка совхозларга да күчереп йөрткәннәр. «Хәдичә белән бәйләнешем юк, ләкин минем кайбер мәгълүматларым буенча, ул миннән бик ерак түгел... Ул, күрәсең, үз белгечлеге буенча эшли һәм бу хәл аның миннән яхшырак тәэмин ителергә тиешлеген күрсәтә...» – дип яза Вәлидхан ага Хәдичә ханымның апасы Фәһимәгә.

1945 елны 6 ел лагерьда утыргач алар иреккә чыгарылалар. 1947 елны Хәдичә ханым үзе яшәгән йортта (Казан шәһәре, Тукай урамы 79) теш кабинеты ача. Ә Вәлидхан ага Яшел Үзән шәһәренең промкомбинатында юрист-консульт булып эшли. Ләкин, 1949 елда аларны яңадан кулга алалар һәм Красноярск өлкәсенә сөргенгә җибәрәләр [Биктимирова: 2021. Б. 39–45]. Алар Абан районы Эстәрлетамак авылында туган җирләрен сагынып яшәргә мәҗбүр булалар. Шулай ук алар белән бергә Хәдичә апаның туганының кызы Илһамия Туктарова (Богданович) та була[1]. Вәлидхан ага «Кызыл Юл» колхозында счетовод һәм кассир

[1] Туктарова Илһамия Фассаховна (1896–1980) Мәскәү дәүләт университетын тәмамлый. Казан шәһәрендәге педтехникумда укыта. 1937 елда ун елга хөкем ителә. Ире Богданович Якуб Сөләйманович (1883–1937) Казан медицина институтында рус теле кафедрасы мөдире булган, 1937 елда атылып үтерелә.

булып эшли. Ә Хәдичә ханымның сәламәтлеге какшаган була инде. Шулай да, туган җиренә исән-сау кайту хыялы белән яши һәм үзенең яраткан эше белән кабат шөгельләнүенә өметен югалтмый. Ярдәмчеләре Мәгъсүмә Гыйльфановага язган хатларында «бормашинамны саклый күр», «эш коралларын кәгазьгә төреп салдыңмы?» – дип кайгыртып тора.

Хәдичә апа берничә тапкыр йогышлы авырулар: грипп, сары (желтуха) белән авырый, лагерьда күргән газаплар да эзсез калмый, күрәсең. 1950 елда Хәдичә Ямашева-Таначева вафат була. Кабере Эстәрлетамак авыл зиратында.

1954 ел ахырында В.Ш. Таначев һәм Илһамия Туктарова (Богданович) Казанга кайтырга рөхсәт алалар [Таначева-Ямашева: 1883].

1970 елны Вәлидхан аганың вафатаннына соң, аларның гаилә архивын туганы Фәрид Молдагалиев Алма-Атага алып китә. Бүгенге көндә бу документлар Казакъстанда яшәүче Вәлидхан Таначевның абыйсы Ибраһимның оныгы Асылбек Әмирхан улында саклана. Хәдичә апаның хатлары татар телендә (гарәп имлясында) язылган.

Түбәндә Таначевларның ярдәмчеләре Мәгъсүмә Гыйльфановага язган хатлардан өзекләр китерәбез. 1949–1950 еллар арасында Красноярск өлкәсенең Абан районы Эстәрлетамак авылыннан (сөргеннән) язылган хатлар беренче тапкыр басыла. Бу хатларда туган җирне сагыну, сөргендәге тормыш һәм алар яшәгән татар авылы тарихы һәм гореф-гадәтләре тасвирлана.

Хәдичә Ямашева-Таначеваның дусты Зәйнәп Хәсәнигә (журналист, «Аң» журналының җаваплы сәркатибе) язган хатлар басылып чыккан иде [Әхмәтгәрәй Хәсәни: 2011. Б. 326–337].

Сөекле ирен кайгыртып:

Хөрмәтле Мәгъсүмә! Сиңа бик күп итеп сәлам җибәрәм һәм хәерле гомер телим. Без бер килеш, исән, һаман шулай торабыз әле, синең озын хатыңны алган идем. Шактый вакыт үтте, яза алмадым. Кичә бер открытка җибәргән идем. Киез итек турысында. Син зинһар, шуны тизрәк рәтләп җибәрә күр, ярыймы?! ...

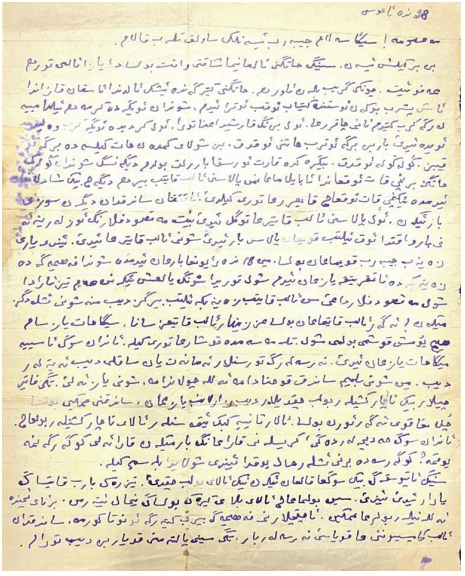
...Вәлидкә киез итек карасын алсын ди. Кунычы озын булмасын, ди. Кырык беренче номерлы ботинка кия торган аякка дип сорарсың. Мин өченче көн ул турыда хосусый открытка язган идем...

...7 сендә.[1]

Хөрмәтле Мәгъсүмә! Сиңа бик сагынып күп-күп сәлам җибәреп, матур тормыш һәм бәхет теләп калам. Без исән. Мин сиңа шушы арада яз-

[1] Хатларның елы күрсәтелмәгән.

ган идем алгансың инде син, отпусска чыга торгансың. Мин сиңа бу хатны бигрәк шуның өчен язам, син инде киткәнче безгә бер посылка салып китсәнә, Вәлид абыеңа җылы чалбар кирәк, монда табып булмый. Сез шуны алып җибәрсәгез лә, мин бу хатны кичә яза башлаган идем, менә бүген уйладым әле, син киткәнче эшең бик тыгыз булса, ялдан кайткач җибәрсәң дә ярар дип беләм. Ноябрь башларына килеп җитсә дә ярар. Аңарчы салкыннар башланмас әле, чалбарны алышырга Зәйнәп киленнән үтендем. Ул алышыр. Бик киң булмасын, уртача размер булсын. Менә мин акчасын гына кайдан алырсың икән, әгәр Зәйнәп (Зәйнәп Хәсәни. – Х.Б., М.И.) безгә акча җибәреп өлгермәгән булса, анардан алырсың.... Вәлид абыеңның телогрейкасын да җибәр, иске булса да монда ярар әле, бик үк тузып бетмәгән булса әрсезгә кияргә. Яңасын алсак, күп акча кирәк инде. Әле чалбар да йөз сумнан ким булмас, акча күбрәк булса, анысын да алсаң да ярар иде дә бит, булмас шул. Иске дә ярап торыр әле. Аннан соң мин Вәлид абыеңның куен сәгатен төзәттереп җибәрергә дип Фәһимәгә[1] язган идем. Менә шуны нишләрсез икән, кемнән төзәттерерсез икән. Киров урамында аптекны (?) узгач, беренчеме, икенчеме капкадан кергәч, бер татарлар торалар. Бер мәлне ул йортта скорый помощь тора иде. Ул минем авыруларым, бер сәгатьче карт, хәзер алай ачык сәгать эшләми бугай ул, Әминәләр, Нәфисәләр кардәше, анардан сорарсың, аларга барган чакта. Менә ул яхшырак төзәтер иде әллә дисәң генә әйттерәм. Кемнән төзәттерсәгез дә ярар. Аның өчен дә акча турысында Зәйнәп апаң белән сөйләш. Аннан соң миңа колхоз базарыннан аяк киеменең эченә сала торган киез стелькалар алып җибәр 2 пар. Зурраклар, калынраклар булсыннар, катыраклар. Димәк, чалбар, телогрейка, сәгать, стелькалар җибәрерсең. Менә инде сине тагын эшкә кушмый булмый шул. Син ачуланма инде, ярыймы?...

25 ноябрь һәм 28 августларда Хәдичә Ямашева-Таначеваның ярдәмчесе Мәгъсүмәгә язган хатлары.

...Мин Казанны һаман бик сагынам. Туганнарым, танышларым берәм-берәм күз алдыма килеп кенә торалар. Һич онытылмыйлар. Үзем

[1] Бертуган апасы.

һаман-һаман авырыйм. Ике ай бар инде. Сары белән авырыйм. Вәлид абыең бик исән йөри әлегә. Теге киездән үзенә җиңсез телогрейка тектем. Үземнекен текмәгән әле...

Эстәрлетамак авылындагы тормышлары, Себердәге татар авылының табигате, тарихы һәм гореф-гадәтләре

...Син миннән сорап язгансың безнең тормышыбыз турысында. Мин сиңа әле ул турыда язмадыммыни? Менә язам алайса: без вольный булып, ягъни ирекле кешеләр булып торабыз. Бөтен хакларыбыз бар. Фәкать бер шушы Красноярск крайда гына торырга тиеш. Ул Красноярск крае бик зур. Безнең […][1] кебек әллә ничә бар. Аның төньягына табан бик салкын боз диңгезенә терәлгән җирләре бар. Без Казан белән бер сызыкта торабыз. Һавасы шул бездәгедән бераз салкынрак булыр, әллә ни аермасы юк. Яз көне салкын булган иде. Җәй матур булды, көз дә бик яхшы килде. Корбан гаетен без 3ендә иттек. Шул көннәрдә бик эссе булды, мин күлмәкчән капка төбенә чыгып утырдым, көннәр кояшлы. Болытлы көннәр бик аз була. Ләкин бер начарлыгы бар – җилле көннәре күп. Авылыбызда 75 йорт кына. Кешеләре төрле җыентык. Кайсы ачлыктан качып, кайсы бәхет эзләп, кайсы Себер килгән кешеләр. Күбесе Уфа белән Казаннан, Саба районнары. Барысы да Россиядән килгән кешеләр. Себернең төп кешеләрен без әле күргәнебез юк. Үзләре бик ялкаулар, шул сәбәпле колхозлары ярлы. Күбрәк бодай чәчәләр, арыш икмәген бик аз ашыйлар. Без дә бодай оны ашыйбыз. Күмәчне үзебез салабыз. Монда бик кызык. Ипи сала торган мичләре бар, башка мичләре юк. Барысы да тимер мич белән торалар. Ул мич көне буе янып тора. Утын исәпсез. Кайсылары төнлә белән дә ягып торалар. Ул тимер мич зур, аның өсте плитә. Менә шунда аш пешерәбез. Бер тол хатында фатирда торабыз. Өе яңа, матур, кояшка карый. Балконы бар. Җәй көне шунда ашап эчтек. Хәзер инде һәр көнне кичке чәйне эчкәч, шул балконга чыгып утырабыз да, айга карыйбыз. Сезне дә бу айны күрә торганнар дип моңаябыз. Бүлмәбез 3 тәрәзәле, зур гына, хуҗабыз алдагы якта, тагын 1 бүлмә бар, шунда тора кызы белән. Укый торган кечкенә кызы бар. Бер малае бар, анысы укуда районда...

...Монда һәркемдә тәрәзә төбендә гөлләр. Безнең дә шулай хәзергә чикле чәчәк атып утыралар. Зур гына стенада көзге бар. Аның янында сәгать. Бик күп карточкалар, сөлгеләр элеп бетергән. Караватларыбыз бар. 3 өстәлебез бар. Электр юк. Лампабыз бар. 10лы лампа. Керосин лавкада сатыла. Лавкалары бар. Товарлары күп. Районыбыздан 10 чакрым. Авылыбызның тирә-ягы вак кына урманлык, каен белән нарат, үзләре сирәк һәм яшьләр. Аралары печәнлек. Ул куаклар бәрәңге бакчасыннан

[1] Укылмый.

ук башланалар. Җиләк тә шунда ук башлана. Җәй көне бик җыйдык. Киптердек тә. Җир җиләге, каен аз. Урманнарда шундый матур чәчәкләр булды, андыйлар безнең бакчаларда да булмыйлар. Без Красноярск краенда кайда да күчә алабыз. Мөгаен, хакыбыз бар. Безнең авыл Себер тимер юлыннан 60 чакрымда, машина белән килдек. Вәлид абыең канторда эшли. Күбрәк өйгә алып кайта эш. Трудденьгә бодай алдык, шуны ашыйбыз әле. Ярты пот талкан ясаттык. Монда яшелчә быел уңмады. Кәбестә зур, шалкан һәм чөгендер колхоздан алдык. Бәрәңгене сатып, ваклап алабыз. Чиләге 3 сум. Май килосы 35 сум, онның поты 50 сум. Ит 8-13 сум. Сөт литрын 2,5кә алабыз. […] 4 сум килосы, күкәй 7-8 сум иде, хәзер юк. Бераз запас ясап калдык.

Син язгансың урманнан утынны үзегез алып кайтасызмы дип. Юк, без әле һаман «барин» булып ятабыз. Алай кара эшләр эшләп йөрмибез. Утын хуҗалар китерәләр, суны да алар китерә...

...Без монда ашка йөрибез. Үзебез чакырмыйбыз. Әле бу арада каз ашына йөрибез. Монда һәркем унардан ким түгел каз суялар. Бер көнне өмә карарга бардык. Казны йолкып бетергәч, кызларны каз коймагы ашаталар икән дә, шул көнне үк муллалар чакыралар икән. Ирләр арасыннан, хатыннар чакыралар икән. Ашлары бик простой. Лакша да ит. Каз өмәсендә каз. Чәй янына төрле вак нәрсәләр куялар. Камыры бер дә майсыз. Кайсы паштет ясый, эченә җиләк тыгып. Бәлеш салмыйлар. Сладкий юк. Мин кесәмә шикәр тыгып барам да, әкрен генә алып эчәм. Туйларында самогон куеп, шуны үлгәнче эчәләр икән...

...Казанда хәзер яшелчә күп дип язалар. Бездә дә районда саталар инде дә, алып кайтуы кыен андый авыр нәрсәләрне, колхозда кыяр бик күп диләр. Әле бүген 10 кило тагын барып алырга әйтәләр дә, алмам ахры, тозларга савытым юк. Болай күп ашадык инде, бозыла. Суган үзем утырткан идем бит. Бик ашадык яшел яфракларын. Пироглар да пешердек. Инде төпләрен бүген йолкам дип кенә тора идем, яңгыр яуды. Кырау төшүдән куркам. Бик зур булып үсмәделәр. Бер генә түтәл иде. Шулай да бик рәхәт була икән үз җимешең. Бәрәңгебез авыл башында гына кырда, аны да ашыйбыз инде. 5 сутый утырткан идек. Җиләк быел күп булмаса да, җыйдык. Бөрлегән күп ашадык. Ул җиләкләр безнең бәрәңге бакчасы артында ук башлана. Бу авылның урыны бигрәк матур бит, гел урманлык, яшь каен белән нарат араларында аланлык, яшел чирәм. Авылның дүрт ягы да шулай, авылның бер башыннан бер башы күренеп кенә тора. Матур урман булып. Бер ягыннан урманлы тау менеп китә, бер башыннан куаклык арасыннан су агып бара, кечкенә генә су. Кара карлыган белән кызыл карлыган шул суның буенда үсә. Бер көн барып, шактый гына җыеп кайттык. Бик чытырлык, җыюы кыен. Кара җиләк

тә җыйдык вакытында. Инде менә актык җиләк брусника, ягъни нарат җиләге. Шуны җыярга бардык. Моннан берничә көн элек. Ераккарак. Бер каралып беткән чәйнеккә бәрәңге салдык, суын да салдык. Чөнки ул тирәдә су юк. Икенче чәйнеккә үз чәйнегемә чәй кайнатып алдык. Күкәй пешердек. Җиләк пирожкиларыбыз бар иде. Шуларны күтәреп киттек тә, көн буе торып кайттык. Күп итеп брусника җыйдык. Илһамия белән бик каты кычкырып җырладык. Бар тавышыбыз белән теге сезгә язган туган илдән аерылганлык җырларын. Болай якын җирләргә, тауга, урманга һәр көн чыгабыз диярлек. Менә шулай җүләрләнеп йөрибез. Вәлид бер вакыт эшләми торган иде дә, тагын шул колхоз канторында эшли башлады. Ул да грипп белән авырды. ... Колхоздан он бирә башладылар инде. Ваклап бирәләр. 11 кило он алдым инде. 3 килодан, шул җитеп тора. Быел бездә бик аз [...]. Шул сәбәпле, акча күбрәк китәр. Чөнки он кыйбат, әле бер дә төшми 100 сумнан, арыш 75 сум. Күмәч үзем салам...

...Тагын сиңа нәрсә языйм инде мондагы галәмәтләрдән. Монда юкә агачы юк, шуның өчен мунчала юк, идәнне үлән белән юалар. Бер үлән бар, үзе бик йомшак. Идәнне бик корыта, үзе бик озакка чыдый. Аннан соң тагын бер үлән бар, матраслар өчен бик йомшак. Безнең дә матраслары быз шулар белән тутырган. Тагын бер үлән бар, катыкка болгап куйсаң, чебенне үтерә. Мәгъсүмә, бу хатымны язып бетерә алмаган идем. Бүген 29 ында бетерәм бугай. Бүген сине төшемдә күрдем. Сине төшемдә күрсәм, хат килә торган иде синнән. Әле яңа килгәч, хатыңны көтмим, нәрсә булып чыгар. Минем аркамда кечкенә генә борчуың булмас микән...

...Без әле бер җиргә дә заявление язганыбыз юк. Ярты кыштан соң язарбыз дип торабыз. Хәере белән, тиздән күрешеп, бергә торырга язсын...

...Без монда акчаны бик кысып тотабыз. Акча тапмагач бит бик кыен. Инде кассадагы акчаны тотып бетердек...

...Безнең акча килер җиребез юк, шул сәбәпле безгә хәзер 20–30 сум акча тагын бер йөрергә чыккан вакытта...

...Без хәзер бер тиенсез утырабыз, чөнки кассадан алырга җибәргән доверенность кире кайтты. Яңадан җибәрдек. 15 нче декабрьсез акча ала алмабыз. Бик уңайсыз булды. Монда бит бер тиен акча алып булмый бурычка...

...28 август. Чөнки грипп белән авырдым. Хатыңны китергәндә ишек алдында аскан казанда аш пешереп, бүкән өстендә китап укып утыра идем. Шуннан өйгә дә кермәдем, Илһамияләргә кереп киттем аны чакырырга. Ул безнең каршыда гына тора. Ул керде дә, өйгә кереп, Вәлид өйдә иде, барыбыз утырып, хатны укыдык. Без шулай кемнән хат килсә дә бергә укыйбыз. Көлә-көлә укыдык. Бигрәк тә карт урыска барырлык булдым дигәнсең, шуннан көлдек...

Туган җирне сагынып язган шигъри юллар:

...Бу хатны бер дә рәтләп яза алмадым. Әллә нишләп башым эшләми. Бездә берничә көн туктамый яңгыр ява, йөдәдек инде. Бу хатта сиңа бер дә хәбәр яза алмадым инде. Үпкәләмә.

Һаман алма бакчасына керәм, алма чәчәк атканда
Төнлә төшләремдә күрәм, югалтам таң атканда.
Ишек алдым яшел чирәм. Былбыл баласы кача
Бик сагынам, айга карыйм. Айны да болыт баса.
Саулык теләп, Вәлид абыеңнан, Илһамиядән сәлам.

...Сиңа бик рәхмәт инде, бик борчыйбыз. Хат язып тор. Еш яз. Хат килгәч, үзегезне күргән кебек булам. Күп хәбәрләр яз.

Алчәчәкне акчәчәккә үкенәм кушканыма
Туган илдән аерылуны язмасын дошманыма.
Хатлар яздым арганчы, бармакларым талганчы,
Күңелләрем тынмас инде синнән җавап алганчы.
Саулык, байлык теләп [Хәдичә].

...Дим буйлары тугай-тугай, тугайда бер тургай
Иртә сайрый, кич тә сайрый, сагынып үлсен ди бугай.
Ал тасмалар алдым мин, чәчләремне үрергә,
Бу хат миннән бәхетлерәк, бара сине күрергә.

Хәдичә Ямашева-Таначева хатлары. Төп нөсхә (Асылбек Әмирхан улы Ибраһимовның (Алма-Ата шәһ.) шәхси архивыннан).

Әдәбият

1. Әхмәтгәрәй Хәсәни: Фәнни-популяр җыентык. Казан: Җыен, 2011.
2. Биктимирова Т. Җан апа / Чистай өязенең мәгърифәт йолдызлары: тарихи-документаль һәм биографик җыентык /төз. авторлар С.А. Уманова, Т.Ә. Биктимирова. Казан: «Школа» редакцион-нәшрият үзәге, 2021.
3. Заһидуллина Д.Ф. Фатих Әмирхан шәхесенә яңа караш // Фәнни Татарстан. 2026. № 1. Б. 37–55.
4. Таначева-Ямашева Хадича Зариповна (1883). https://ru.openlist.wiki/%D0%A2%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B2%D0%B0-%D0%AF%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%A5%D0%B0%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B0_%D0%97%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B0_(1883) (мөрәҗәгать итү датасы: 22.02.2026).
5. Чирков Ю.И. А было все так. М.: Политиздат, 1991.

И.Е. Алексеев, О.В. Степанов

СЕЛО КУЛАЕВО ПЕСТРЕЧИНСКОГО РАЙОНА ТАТАРСТАНА В НУМИЗМАТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ: НАХОДКИ ЗОЛОТООРДЫНСКИХ МОНЕТ

В 2025 г. стало известно, что ранее в черте с. Кулаево Пестречинского района Республики Татарстан и в его окрестностях частными лицами были произведены сборы монет, относящихся преимущественно к булгарским выпускам Монгольской империи и выпускам Улуса Джучи (Золотой Орды). Предположительно в одно время там же были найдены монеты Русского царства XVII в. (главным образом, медные копейки периода правления царя Алексея Михайловича).

Общая характеристика комплекса.

С учётом большой нумизматической и историко-краеведческой значимости средневековых монет нами была проведена работа по сбору информации о найденных нумизматических памятниках (н.п.).

Первоначально удалось собрать сведения о 310 монетах и 2 заготовках для чеканки монет (306 – медных и 6 – серебряных). В дальнейшем, в процессе работы с материалом, выяснилось, что средневековые джучидские и иностранные монеты в данной местности находили и ранее. Из таковых нам стало известно ещё об одной медной иностранной монете, в связи с чем общее количество изученных монет и заготовок для их чеканки увеличилось до 313 (307 – медных и 6 – серебряных). Кроме того, выяснилось, что вместе с н.п. был найден изготовленный из серого металла элемент украшения, напоминающий монетовидное изделие (вес и диаметр: 1,47 г. /обломан/, примерно 21×21 мм) (таб. IV, № 40).

Из 311 монет 14 (4,50%) относятся к булгарским эмиссиям Монгольской империи XIII в. (с именем халифа ан-Насира ли-дин Аллаха, а также великого хана Мунке), 291 (93,57%) – к эмиссиям Улуса Джучи XIV в., 2 (0,64%) – эмиссиям иностранных государств, 4 (1,29%) н.п. не атрибутированы.

При этом большая часть джучидских монет – 243 из 291 (83,50%) – выпущена в периоды правления ханов Узбека (712–741 гг. х.: 1313–1341) и Джанибека (741–758 гг. х.: 1341–1357), 43 (14,78%) – хана Хызра (761–762 гг.х.: 1360–1361), 2 (0,69%) – хана Токты (1290–1312), 1 (0,34%) – хана Бердибека (758–760 гг. х.: 1357–1359), 1 (0,34%)–хана Азиз Шейха (766–768 гг. х: 1365–1367) и 1 (0,34%) – в 1370-е – 1380-е гг.

Джучидские монеты отчеканены на различных монетных дворах (м.д.) – Азака, Булгара, Гюлистана, Крыма, Сарая, Сарая ал-Джадида и

Сарая ал-Махрусы, Янгикента (некоторые н.п. являются подражаниями). Иностранные монеты атрибутированы как эмиссии одного из Анатолийских бейликов и Государства Хулагуидов.

Большинство монет сильно корродированы (кор.), что свидетельствует об их длительном нахождении в агрессивной почвенной и водной среде. Часть н.п. пробита и обломана, что делает затруднительным определение их первоначальных веса и размера (диаметра).

Описание местности.

Как сообщается в академической «Татарской энциклопедии», с. Кулаево было основано «в период Казанского ханства» [Кулаево: 2006. С. 505]. «До покорения Казани, – писал краевед И.А. Износков (1835–1917), – жили в этой местности татары. Есть предание, что село названо по имени татарина «Кулая», поселившегося здесь первым[1] [Износков: 1885. С. 4].

Возможно, имя «Кулай» – это поздняя трансформация татарского слова «кулай» (удобный, подходящий), которое указывает на то, что данная местность была признана удобной для проживания людей и основания здесь поселения. Развивая «озёрную» версию происхождения села, имеет смысл предположить, что «Кулай» – это производное от татарских слов «куль» (озеро) и «ай» (луна/полумесяц). На юго-западной окраине с. Кулаево находится устье р. Шемелки – правого притока р. Мёши [Шемелка: 2014. С. 404]. Обе реки, протекающие рядом с селом, имеют большие изгибы, здесь же прослеживаются остатки водоёмов, форма одного из которых, возможно, могла напоминать полумесяц.

После завоевания в 1552 г. царём Иваном IV Васильевичем Казани и ликвидации Казанского ханства село было заселено русскими и впоследствии стало именоваться Спасское (по названию построенной в нём Спасской церкви) [Износков: 1885. С. 4; Сергеев: 2016. С. 11–12].

К сожалению, нам не удалось определить точные места находок здесь средневековых монет: предположительно, они были найдены на северо-восточной окраине села и к востоку от него. На то, что рядом с селом существовали древние поселения указывал ещё тот же И.А. Износков: «По дороге из села в д[еревню] Арышхазду, – писал он, – в 1 вер[сте] от села и в 60 саж[енях] вправо от дороги, курган, в котором при распахивании находят кости» [Износков: 1885. С. 4].

Описание монет.

Изученные нами монеты относятся к следующим описанным (условно поименованным) типам.

[1] Едва ли не вернее производить название от күл /тат[арский]/ – озеро.

I. Медные джучидские монеты (пулы).

Таблица I. Монеты XIII – XIV вв., найденные в окрестностях с. Кулаево Пестречинского района Татарстана (вес и диаметр): *1* – 0,75 г, 17×17 мм; *2* – 2,69 г, 20×21 мм; *3* – 3,14 г, 19×21 мм; *4* – 1,43 г, 17×17 мм; *5* – 0,68 г (кор.), 16×17 мм; *6* – 0,70 г (кор.), 14×15 мм; *7* – 0,65 г (кор.), 16×20 мм; *8* – 1,63 г, 16×18 мм; *9* – 1,27 г, 15×17 мм; *10* – 1,06 г (кор.), 15×16 мм.

1. **С теоморфным именем покойного багдадского халифа ан-Насира ли-дин Аллаха** (1158–1225) и религиозной сентенцией (хадисом) («Жизнь есть час. Употребляй её на дела благочестия»); не датированы (н.д.) – относятся к концу 620-х – ок. 649 гг.х. (1230-е – ок. 1251) [Бугарчев, Петров: 2018. С. 15; Сингатуллина: 2003. С. 71–72, 132 (тип 7, 7а), 157 (тип 7)]. М.д. не обозначен: Булгар (?). Выявлено **10 экз.** Вес и диаметр: 0,71 г (кор.), 16×[16] мм; 1,04 г (кор.), 14×17 мм; 1,15 г (кор.), 14×17 мм; 1,75 г, 17×17 мм (**таб. I, № 1**); 1,92 г (кор.), 16×18 мм; 2,03 (кор.), 18×20 мм; 2,18 г (кор.), 20×21 мм; 2,21 г (кор.), 16×18 мм; 2,69 г, 20×21 мм (**таб. I, № 2**); 3,62 г, 17×19 мм.

2. **С именем Великого хана Монгольской империи Мунке (Мункэ, Менгу)** (1251–1259) («Менгу кан величайший /верховный/») и тамгами на обеих сторонах. Монеты данного типа н.д. – относятся к 649–657 гг.х. (1251–1259) [Бугарчев, Петров: 2018. С. 16; Сингатуллина: 2003. С. 72–73, 132, 158]. Биты на монетах предыдущего типа – с именем халифа ан-Насира ли-дин Аллаха. М.д. – Булгар («Чекан Буалгара»). Выявлено **4 экз.** Вес и диаметр: 1,48 г (кор.), 16×17 мм; 1,71 г (кор.), 17×19 мм; 3,11 г (кор.), 18×20 мм; 3,14 г, 19×21 мм (**таб. I, № 3**).

3. **«Пентаграмма (пятиконечная звезда) в круге»** (анонимный). Монеты данного типа известны под 721 г.х. (1321/1322) и н.д., с обозначением м.д. «Сарай» (легенда лицевой стороны /л.с./: в центре – «шестнадцать пул – даник», вокруг – «Чекан Сарая, год 721 [или без года]») [Фелоров-Давыдов: 2003. С. 167 (№ 14, 15), таб. I (№ 14, 15)]. Выявлен **1 экз.** (год не вошёл). Вес и диаметр: 0,68 г (кор.), 16×17 мм (**таб. I, № 5**).

4. **«Сокол (кречет) с тремя крупными точками (кружками)»**, с установочной легендой («Высочайшее повеление») (анонимная). Монеты данного типа известны под 726 г.х. (1325/1326) – чеканились при хане Узбеке, с обозначением м.д. «Сарай» («Чекан Сарая 726») [Клоков,

Лебедев: 2000. С. 308 (№ 4)]. Выявлен **1 экз.** Вес и диаметр: 0,70 г (кор.), 14×15 мм (**таб. I, № 6**).

5. **«Тамга в треугольнике»**, с предположительным благопожеланием на обратной стороне («Кутлуг болсун») (анонимный) (с разновидностями – «перекладинами» на правой и левой «ножках» тамги и т.д.). Монеты данного типа н.д. – относятся к началу 730-х гг.х. (началу 1330-х) – чеканились при хане Узбеке. М.д. не обозначен: Булгар (?). Выявлено **35 экз.** Вес и диаметр: 0,36 г (кор.), 14×15 мм; 0,52 г (кор.), 13×18 мм; 0,58 г (кор.), 16×16 мм; 0,65 г (кор.), 16×20 мм (**таб. I, № 7**); 0,66 г, 15×17 мм; 0,70 г, 14×17 мм; 0,72 г (кор.), 15×18 мм; 0,72 г, 16×17 мм; 0,73 г (кор.), 17×19 мм; 0,74 г (кор.), 15×15 мм; 0,76 г, 15×17 мм; 0,76 г (кор.), 16×18 мм; 0,79 г (кор.), 13×15 мм; 0,80 г, 14×15 мм; 0,80 г, 14×18 мм; 0,81 г (кор.), 17×18 мм; 0,82 г, 16×17 мм; 0,82 г, 16×18 мм; 0,85 г, 14×15 мм; 0,86 г, 16×17 мм; 0,87 г, 13×15 мм; 0,88 г, 18×19 мм; 0,89 г (кор.), 15×17 мм; 0,94 г, 16×16 мм; 0,96 г, 18×20 мм; 1,11 г (кор.), 14×16 мм; 1,13 г (кор.), 15×18 мм; 1,14 г (кор.), 16×18 мм; 1,18 г, 14×17 мм; 1,26 г, 15×16 мм; 1,26 г, 17×19 мм; 1,31 г, 15×17 мм; 1,32 г, 14×16 мм; 1,63 г, 16×18 мм (**таб. I, № 8**); 1,77 г, 15×18 мм.

6. **С разъяснительной легендой «шестнадцать – даник» (или «шестнадцать пулов – даник»)** (анонимный) (с разновидностями). Монеты данного типа чеканились в 730-е гг.х.: известны под 731 г.х. (1330/1331), 732 г.х. (1331/1332) и 738 г.х. (1337/1338) – при хане Узбеке, с обозначением м.д. «Сарай» (легенда оборотной стороны /о.с./: «Чекан ас-Сарая [в] году 731 [или 732]»), м.д. «Сарай ал-Махруса» (легенда о.с.: «Чекан ас-Сарая ал-Махруса [в] году 731») [Клоков, Лебедев: 2000. С. 65–66, 124: рис. 2–5а–5б, 6б] и м.д. «Янгикент» (легенда о.с.: «Чекан Янгикента»). Выявлено **2 экз.** с обозначением м.д. «Сарай» – вес и диаметр: 1,27 г, 15×17 мм (731 г.х.) (**таб. I, № 9**); 0,97 г (кор.), 15×15 мм (73[?] г.х.); **3 экз.** – м.д. «Сарай ал-Махруса»: 1,06 г (кор.), 15×16 мм (73[?] г.х.) (**таб. I, № 10**); 1,22 г (кор.), 15×16 мм (год не вошёл) (перечеканка – ?); 1,22 г (кор.), 16×17 мм (год не вошёл); **1 экз.** – м.д. «Янгикент» [ZENO.RU: № 157196]: 1,18 г (кор.), 16×17 мм (год не вошёл) (**таб. II, № 11**). Всего – **6 экз.**

7. **«Тамга в пентаграмме»** (анонимный) (с разновидностями – «перекладинами» на правой и левой «ножках» тамги и т.д.). Монеты данного типа чеканились в 730-е гг.х.: известны под 732 г.х. (1331/1332), 733 г.х. (1332/1333), 734 г.х. (1333/1334) и 736 г.х. (1335/1336) – при хане Узбеке [3, С. 38 – 39], с обозначением м.д. «Булгар». Выявлено **44 экз.** (во всех случаях год не вошёл или вошёл частично). Вес и диаметр: 0,49 г (пробита), 15×17 мм; 0,51 г (кор.), 17×17 мм; 0,55 г (кор.), 15×15 мм; 0,66 г (кор., пробита), 17×18 мм; 0,67 г (кор.), 16×16 мм (**2 экз.**); 0,77 г (кор.), 14×16 мм;

0,81 г (кор.), 16×17 мм; 0,83 г (кор.), 16×19 мм; 0,88 г (кор., пробита), 17×18 мм; 0,89 г (кор.), 16×18 мм; 0,93 г (кор.), 15×17 мм; 0,97 г, 14×18 мм; 0,99 г (кор., обломана), 15×17 мм; 1,02 г (кор.), 14×19 мм; 1,02 г, 17×18 мм; 1,03 г, 17×17 мм; 1,13 г (кор., пробита), 16×17 мм; 1,13 г, 17×18 мм; 1,17 г (кор.), 17×17 мм; 1,18 г (пробита), 15×17 мм; 1,18 г, 16×18 мм; 1,18 г, 17×17 мм; 1,21 г, 15×16 мм; 1,22 г (кор.), 16×19 мм; 1,22 г (пробита), 16×19 мм; 1,24 г, 17×18 мм; 1,26 г (кор.), 17×18 мм; 1,26 г, 18×20 мм (**таб. II, № 12**); 1,28 г, 17×18 мм; 1,34 г (кор.), 16×19 мм; 1,35 г, 15×17 мм; 1,35 г, 17×21 мм; 1,36 г, 19×20 мм; 1,38 г (пробита), 16×17 мм; 1,40 г, 20×21 мм (**таб. II, № 13**); 1,41 г (пробита), 17×18 мм; 1,44 г, 17×17 мм; 1,49 г (кор.), 17×18 мм; 1,53 г, 16×17 мм; 1,53 г (пробита), 17×19 мм; 1,59 г, 15×16 мм; 1,59 г (кор., пробита), 17×17 мм; 1,64 г, 16×18 мм.

8. **«Лев и солнце»**, с установочной легендой («Высочайшее повеление») (анонимный) (с многочисленными разновидностями и подражаниями). Монеты данного типа чеканились в 730-е гг.х.: известны под 732 г.х. (1331/1332), 733 г.х. (1332/1333), 734 г.х. (1333/1334) и н.д. – с обозначением м.д. «Азак», под 737 г.х. (1336/1337) – с обозначением м.д. «Сарай» – чеканились при хане Узбеке. Выявлено **42 экз.** (во всех случаях год не вошёл или вошёл частично): 2 – с обозначением м.д. «Азак» (в т.ч. 1 – «зеркально»), остальные 40 – «сарайского типа» (в т.ч., подражания) (м.д. не вошёл или вошёл частично). Вес и диаметр: 0,53 г (кор.), 13×14 мм; 0,72 г (кор.), 13×15 мм; 0,78 г (кор.), 13×14 мм; 0,78 г (кор.), 14×15 мм; 0,79 г (кор.), 14×15 мм; 0,79 г (кор.), 15×16 мм; 0,80 г (кор.), 12×12 мм; 0,85 г (кор.), 14×15 мм; 0,87 г (кор.), 14×14 мм; 0,88 г (кор.), 13×14 мм; 0,88 г (кор.), 17×17 мм; 0,89 г (кор.), 14×15 мм; 0,94 г (кор.), 15×16 мм; 0,95 г (кор.), 17×18 мм; 0,96 г (кор.), 13×13 мм; 0,99 г (кор.), 15×16 мм; 1,03 г, 15×16 мм (**таб. II, № 14**); 1,06 г, 15×16 мм; 1,07 г, 14×14 мм; 1,09 г (кор.), 15×17 мм (м.д. «Азак») (**таб. II, № 15**); 1,10 г (кор.), 15×15 мм; 1,12 (кор.), 14×14 мм; 1,13 г (кор.), 14×15 мм; 1,15 г (кор.), 14×15 мм; 1,16 г (кор.), 15×15 мм; 1,19 г (кор.), 13×15 мм; 1,19 г (кор.), 15×18 мм; 1,19 г (кор., пробита), 16×16 мм (м.д. «Азак») [13,

Таблица II. Монеты XIV в., найденные в окрестностях с. Кулаево Пестречинского района Татарстана (вес и диаметр): *11* – 1,18 г (кор.), 16×17 мм; *12* – 1,26 г, 18×20 мм; *13* – 1,40 г, 20×21 мм; *14* – 1,03 г, 15×16 мм; *15* – 1,09 г (кор.), 15×17 мм; *16* – 1,19 г (кор., пробита), 16×16 мм; *17* – 1,20 г (кор.), 15×15 мм; *18* – 1,47 г, 15×16 мм; *19* – 1,11 г (пробита), 15×16 мм; *20* – 1,71 г, 14×15 мм.

№ 315518] (**таб. II, № 16**); 1,20 г (кор.), 14×15 мм; 1,20 г (кор.), 15×15 мм (**таб. II, № 17**); 1,20 г (кор.), 15×16 мм; 1,22 г (кор.), 14×15 мм; 1,23 г (кор.), 14×14 мм; 1,24 г (кор.), 13×15 мм; 1.25 г (кор.), 13×14 мм; 1,29 г (кор.), 14×16 мм; 1,31 г, 13×14 мм; 1,35 г, 14×14 мм; 1,46 г (кор.), 14×15 мм; 1,47 г, 15×15 мм; 1,54 г (кор.), 14×16 мм; 1,56 г, 15×15 мм.

9. **«Девятиячеистая решётка»** (анонимный) (с разновидностями – с точками и без точек в сегментах, различиями в написании легенды и т.д.). Монеты данного типа н.д. – чеканились не ранее 740-х гг.х. (1340-х) [Бугарчев, Петров: 2018. С. 48] с обозначением м.д. «Булгар» («Чекан Булгара»). Выявлено **12 экз.** Вес и диаметр: 0,42 г (кор.), 11×12 мм; 0,63 г (кор., пробита), 12×13 мм; 0,86 г (кор.), 10×14 мм; 0,91 г, 12×14 мм; 0,94 г, 12×13 мм; 1,11 г, 13×15 мм; 1,11 г (пробита), 15×16 мм (**таб. II, № 19**); 1,12 г, 11×13 мм; 1,15 г, 13×15 мм; 1,18 г, 13×15 мм (брокаж); 1.44 г, 12×12 мм; 1,71 г, 14×15 мм (**таб. II, № 20**).

10. **«Цветочная розетка»** (анонимный) (с многочисленными разновидностями и подражаниями). Монеты данного типа чеканились в 750-е – 760-е гг.х.: известны под 751 г.х. (1350/1351), 752 г.х. (1351/1352), 753 г.х. (1352/1353), 755 г.х. (1354/1355), 756 г.х. (1355/1356), 758 г.х. (1356/1357), 759 г.х. (1357/1358), 760 г.х. (1358/1359), 761 г.х. (1359/1360), 766 г.х. (1364/1365), н.д. и с искажёнными датами, – главным образом при хане Джанибеке, а также при последующих правителях, с обозначениями м.д. – «Сарай ал-Джадид» (в действительности – также в Крыму, на Северном Кавказе и т.д.), «Джадид», «Барджин» (Базджин), «Тебриз» и др. Выявлено **16 экз.**: 15 – с обозначением м.д. «Сарай ал-Джадид», 1 – м.д. не ясен (возможно подражание) (**таб. III, № 24**). Год полностью идентифицируется только на **2 экз.**: на 1 – 751 г.х. (1350/1351) или 752 г.х. (1351/1352), на 1 – 752 г.х. (1351/1352). Вес и диаметр: 1,38 г, 17×17 мм (**таб. III, № 24**); 1,59 г (кор.), 16×17 мм; 1,64 г, 17×19 мм (**таб. III, № 25**); 1,74 г, 16×18 мм; 1,77 г, 17×18 мм (**таб. III, № 26**); 1,80 г, 17×18 мм (760-е гг.х.) (**таб. III, № 27**); 1,81 г (кор.), 17×18 мм; 1,87 г, 16×18 мм; 1,89 г, 17×17 мм; 1,93 г

Таблица III. Монеты XIV в., найденные в окрестностях с. Кулаево Пестречинского района Татарстана (вес и диаметр): *21* – 1,53 г, 15×17 мм; *22* – 1,51 г, 15×17 мм; *23* – 1,54 г, 15×16 мм; *24* – 1,38 г, 17×17 мм; *25* – 1,64 г, 17×19 мм; *26* – 1,77 г, 17×18 мм; *27* – 1,80 г, 17×18 мм; *28* – 0,91 г (кор.), 15×17 мм; *29* – 1,05 г (кор.), 16×17 мм; *30* – 1,69 г, 18×19 мм.

(кор.), 16×16 мм; 1,98 г, 18×18 мм; 2,05 г, 15×18 мм; 2,16 г, 17×19 мм; 2,23 г, 17×17 мм; 2,39 г, 17×19 мм; 2,41 г, 16×17 мм.

11. **«Двуглавая птица» («двуглавый орёл»)**, с легендами на о.с. «Чекан Сарая ал-Джадид, ун алты данг» или «Чекан Сарая ал-Джадид» (анонимный) [Федоров-Давыдов: 2003. С. 175 (№ 72, 73–75), таб. V (№№ 72–75), таб. VI (№ 76)] (с многочисленными разновидностями и подражаниями). Монеты данного типа по большей части н.д. – относятся к 740-м гг.х. (1340-м) – чеканились при хане Джанибеке, с обозначением м.д. «Сарай ал-Джадид». Выявлено **79 экз.** Вес и диаметр: 0,32 г (кор.), 14×15 мм; 0,40 г (кор.), 13×14 мм; 0,40 г (кор.), 15×15 мм; 0,46 г (кор.), 13×14 мм; 0,47 г (кор.), 12×13 мм; 0,55 г (кор.), 13×14 мм; 0,59 г (кор.), 14×16 мм; 0,60 г (кор.), 14×14 мм; 0,60 г (кор.), 14×15 мм; 0,61 г (кор.), 15×16 мм; 0,65 г (кор.), 15×17 мм; 0,66 г (кор.), 14×16 мм; 0,66 г (кор.), 15×15 мм; 0,67 г (кор.), 16×17 мм; 0,70 г (кор.), 15×15 мм; 0,73 г (кор.), 15×16 мм; 0,75 г (кор.), 14×15 мм; 0,75 г (кор.), 15×16 мм; 0,76 г (кор.), 15×15 мм; 0,76 г (кор.), 12×13 мм; 0,79 г (кор.), 15×16 мм; 0,81 г (кор.), 16×16 мм; 0,82 г (кор., пробита), 14×15 мм; 0,86 г (кор.), 13×14 мм; 0,86 г (кор), 15×15 мм; 0,87 г (кор.), 14×15 мм; 0,90 г (кор.), 14×15 мм; 0,91 г (кор.), 14×14 мм; 0,91 г (кор.), 15×17 мм (**таб. III, № 28**); 0,94 г (кор.), 15×16 мм; 0,95 г (кор.), 14×14 мм; 0,95 г (кор.), 16×16 мм; 0,97 г (кор.), 14×15 мм (2 экз.); 0,98 г (кор.), 14×16 мм; 0,98 г (кор.), 15×16 мм; 1,00 г (кор.), 15×15 мм (2 экз.); 1,00 г (кор.), 16×16 мм; 1,01 г (кор.), 15×15 мм; 1,02 г (кор.), 15×16 мм; 1,03 г (кор.), 16×17 мм; 1,04 г (кор.), 14×15 мм; 1,05 г (кор.), 16×17 мм (**таб. III, № 29**); 1,06 г (кор.), 14×15 мм; 1,07 г (кор.), 15×15 мм; 1,07 г (кор.), 15×16 мм; 1,12 г, 17×17 мм; 1,13 г (кор.), 14×15 мм; 1,14 г (кор.), 16×17 мм; 1,15 г, 15×16 мм; 1,16 г, 14×15 мм; 1,16 г (кор.), 15×17 мм; 1,18 г, 14×15 мм (2 экз.); 1,18 г (кор.), 14×16 мм; 1,18 г (кор.), 15×15 мм; 1,19 г (кор.), 14×15 мм; 1,21 г (кор.), 15×16 мм; 1,22 г (кор.), 13×15 мм; 1,22 г (кор.), 16×17 мм; 1,25 г, 13×15 мм; 1,26 г (кор.), 15×15 мм; 1,27 г, 15×15 мм; 1,28 г (кор.), 15×16 мм; 1,34 г (кор.), 16×16 мм; 1,35 г, 14×15 мм; 1,36 г, 14×15 мм (брокаж); 1,36 г (кор.), 16×16 мм; 1,38 г, 14×14 мм; 1,39 г, 14×14 мм; 1,41 г (кор.), 13×14 мм; 1,44 г (кор.), 15×15 мм; 1,49 г (кор.), 15×16 мм; 1,51 г, 17×17 мм; 1,53 г (кор.), 17×19 мм; 1,55 г (кор.), 15×15 мм; 1,56 г, 15×15 мм; 1,59 г (кор.), 14×15 мм.

12. **«Птица («пчёлка»)» («двуглавый орёл /«пчёлка»/»)** (анонимная). Монеты данного типа известны под 744 г.х. (1343/1344) – чеканились при хане Джанибеке, с обозначением м.д. «Крым» (легенда л.с.: «Чекан Крыма в году четыре сорок семьсот», либо искажённая) [Савоста: 2013. С. 24 (№ 62.2)]. Выявлено **4 экз.** Вес и диаметр: 1,02 г (кор.), 17×19 мм; 1,11 г (кор.), 17×19 мм; 1,28 г (кор.), 16×18 мм; 1,69 г, 18×19 мм (**таб. III, № 30**).

Таблица IV. Монеты XIV в., заготовки для чеканки монет и элемент украшения, найденные в окрестностях с. Кулаево Пестречинского района Татарстана (вес и диаметр): *31* – 2,04 г, 18×19 мм; *32* – 3,35 г, 18×19 мм; *33* – 3,71 г, 17×18 мм; *34* – 2,90 г (кор.), 19×20 мм; *35* – 1,04 г (кор.), 16×17 мм; *36* – 1,33 г (кор.), 16×18 мм; *37* – 0,57 г (кор.), 14×15 мм; *38* – 0,58 г, 14×15 мм; *39* – 1,71 г, 14×17 мм; *40* – 1,47 г (обломана), 21×21 мм.

13. **С именем хана Хызра** (легенда л.с.: «Султан справедливый Хызр хан, да продлится его правление») (с разновидностями). Монеты данного типа известны: под 762 г.х. (1360/1361) с обозначением м.д. «Сарай ал-Джадид»; под 762 г.х. (1360/1361), а также ошибочно – под «722», «766» гг.х., с обозначением м.д. «Гюлистан». Выявлено **43 экз.**, из которых: с обозначением м.д. «Сарай ал-Джадид» – **13 экз.**, м.д. «Гюлистан» – **30 экз.** (в том числе, **1 экз.** – под «766» г.х.). Вес и диаметр (м.д. «Сарай ал-Джадид»): 2,04 г, 18×19 мм (**таб. IV, № 31**); 2,05 г (кор.), 17×17 мм; 2,06 г (кор.), 15×17 мм; 2,09 г (кор.), 16×17 мм; 2,33 г (кор.), 18×18 мм; 2,39 г (кор.), 16×17 мм; 2,45 г, 17×17 мм; 2,48 г, 16×18 мм; 2,98 г, 17×17 мм; 3,08 г, 17×18 мм; 3,10 г, 19×19 мм; 3,47 г, 16×18 мм; 3,56 г, 17×18 мм. Вес и диаметр (м.д. «Гюлистан»): 1,90 г (кор.), 18×19 мм; 2,07 г (кор.), 17×18 мм; 2,09 г (кор.), 17×18 мм; 2,16 г (кор.), 17×19 мм; 2,22 г (кор.), 17×19 мм; 2,26 г (кор.), 18×19 мм; 2,34 г (кор.), 19×19 мм; 2,41 г, 18×19 мм; 2,43 г, 17×18 мм; 2,47 г (кор.), 17×18 мм; 2,48 г (кор.), 17×19 мм; 2,49 г (кор.), 17×18 мм; 2,55 г, 17×19 мм; 2,58 г (кор.), 17×19 мм; 2,71 г (кор.), 18×19 мм; 2,74 г (кор.), 17×20 мм; 2,89 г, 18×18 мм; 3,04 г (кор.), 18×19 мм; 3,06 г (кор.), 18×19 мм; 3,08 г, 18×18 мм (двойной удар штемпеля или перечекан); 3,09 г (кор.), 18×19 мм; 3,13 г (кор.), 17×18 мм; 3,18 г, 17×18 мм; 3,22 г (кор.), 18×18 мм; 3,23 г (кор.), 17×19 мм; 3,26 г, 17×18 мм; 3,35 г, 18×19 мм (**таб. IV, № 32**); 3,66 г, 18×20 мм; 3,71 г, 17×18 мм («766» г.х.) (**таб. IV, № 33**); 3,78 г, 17×18 мм.

14. **«Девятиячеистая решётка в обрамлении точек и виньеток»** (анонимный). Монеты данного типа чеканились под 768 г.х. (1366/1367) с обозначением м.д. «Сарай ал-Джадид» (легенда л.с.: «Чекан Сарая ал-Джадид, 768») – при хане Азиз Шейхе [ZENO.RU: № 29451]. Выявлен **1 экз.** Вес и диаметр: 2,90 г (кор.), 19×20 мм (**таб. IV, № 34**).

15. **«Химера»** [Алексеев: 2018. С. 201 (рис. 15)]. Монеты данного типа н.д., чеканились без обозначения м.д. с разъяснительной легендой «шестнадцать пул – один даник» (куфическим шрифтом) [Клоков, Лебедев: 2000. С. 4, 108–109 (№ 96а – 96в), 145 (рис. 23, № 96а–96в)]. Выявлен

1 экз. [Клоков, Лебедев: 2000. С. 145 (рис. 23, № 96а)]. Вес и диаметр: 1,04 г (кор.), 16×17 мм (**таб. IV, № 35**).

Среди четырёх медных монет, которые не удалось атрибутировать, на двух сохранились фрагменты арабографических легенд. Вес и диаметр: 0,59 г (кор.), 13×13 мм; 0,80 г (кор.), 15×[15] мм; 1,11 г (кор.), 16×17 мм (возможно, выпуск м.д. Мохши); 1,16 г (кор.), 14×14 мм. Ещё два н.п. идентифицированы как заготовки для чеканки монет. Вес и диаметр: 0,58 г, 14×15 мм (**таб. IV, № 38**); 1,71 г, 14×17 мм (**таб. IV, № 39**).

II. Серебряные джучидские монеты (данги или дирхамы).

1. **С именем хана Токты.** Монеты данного типа известны под 710 г.х. (1310/1311) с обозначением м.д. «Сарай ал-Махруса», с легендами: л.с. – «Султан верховный Гийяс ад-Дин Токтогу справедливый», о.с. – «Чекан Сарая ал-Махруса, год 710». Выявлено **2 экз.** Вес и диаметр: 1,43 г, 17×17 мм (**таб. I, № 4**); 1,44 г, 17×17 мм.

2. **С именем хана Узбека.** Монеты данного типа известны под 739 г.х. (1338/1339) и 740 г.х. (1339/1340) с обозначением м.д. «Сарай», с легендами: л.с. – «Султан верховный Мухаммед Узбек хан, чекан Сарая, 739 [или 740]», о.с. – калима и религиозное благопожелание. Выявлен **1 экз.** – под 740 г.х. (1339/1340) [ZENO.RU: № 142579]. Вес и диаметр: 1,47 г, 15×16 мм (**таб. II, № 18**).

3. **С именем хана Джанибека** (возможно «русская имитация») [ZENO.RU: № 185552]. Монеты данного подтипа известны под 747 г.х. (1346/1347), с обозначением м.д. «Сарай ал-Джадид», с легендами: л.с. – «Султан справедливый Джанибек хан» (также два «узла счастья» и шестиконечная звезда) [ZENO.RU: № 145951], о.с. – «Чекан Сарая ал-Джадид, 747». Выявлен **1 экз.** Вес и диаметр: 1,53 г, 15×17 мм (**таб. III, № 21**).

4. **С именем хана Джанибека.** Монеты данного подтипа известны под 754 («457») г.х. (1353/1354), с обозначением м.д. «Гюлистан», с легендами: л.с. – «Султан справедливый Джанибек хан», о.с. – «Чекан Гюлистана, 457» [13, № 52044]. Выявлен **1 экз.** Вес и диаметр: 1,51 г, 15×17 мм (**таб. III, № 22**).

5. **С именем хана Бердибека.** Монеты данного типа известны под 759 г.х. (1357/1358) и 760 г.х. (1358/1359), с обозначением м.д. «Гюлистан», с легендами: л.с. – «Султан справедливый Бердибек хан, да продлится его правление»; о.с. – «Чекан города Гюлистан, в 759 [или 760] г.». Выявлен **1 экз.** под 759 г.х. (1357/1358). Вес и диаметр: 1,54 г, 15×16 мм (**таб. III, № 23**).

III. Иностранные монеты.

1. **Государство Хулагуидов.** Атрибуция спорная. Предположительно с именем ильхана Ануширвана (номинально правил под опекой Чобанидов в 745 – 756 или 757 гг.х.: 1344 – 1355 или 1356) – на л.с., калимой

(шахадой) и именами первых четырёх (праведных) халифов – на о.с. М.д. Тебриза (?). Год не идентифицирован. Медь. Выявлен **1 экз.** Вес и диаметр: 1,33 г (кор.), 16×18 мм (**таб. IV, № 36**).

2. **Анатолийский бейлик.** Предположительно Эретна (Эретнаогуллары). Тип «двуглавая птица» («двуглавый орёл»). М.д. и год не идентифицированы. Медь. Выявлен **1 экз.** Вес и диаметр: 0,57 г (кор.), 14×15 мм (**таб. IV, № 37**).

Выводы.

Результаты изучения джучидских (золотоордынских) и иностранных монет, найденных в окрестностях с. Кулаево, указывают на то, что во 2-й половине XIII–XIV вв. здесь осуществлялись денежные операции, предположительно связанные с хозяйственно-торговой деятельностью.

Судя по составу монетного комплекса («сборов»), наибольшая их интенсивность приходилась на время правления ханов Узбека и Джанибека, т.е. на 1-ю половину XIV в. В заметном количестве представлены также медные монеты с именем хана Хызра, выпущенные в начале 1360-х гг. Монеты, относящиеся к последующим периодам истории наличествуют в единичном количестве, что может служить показателем затухания или прекращения в данной местности денежных операций и, соответственно, хозяйственной деятельности.

Очевидно, что находки в окрестностях с. Кулаево средневековых монет значительно удревляют историю существовавшего на этом месте поселения (или поселений): по крайней мере, до середины XIII в. Развитию здесь хозяйственной жизни вполне могло содействовать его удобное местоположение, характеризующееся наличием множества водных путей.

При этом в нумизматическом отношении наибольший интерес, по нашему мнению, представляет медный пул времени правления хана Узбека, отчеканенный в Янгикенте (**таб. II, № 11**) (тем более, что находки продукции этого центральноазиатского м.д. в Татарстане фиксируются крайне редко) [Алексеев: 2024. С. 408 (рис. 1, № 15), 410]. Кроме того, обращают на себя внимание монета редкого типа («девятиячеистая решётка в обрамлении точек и виньеток») выпуска м.д. «Сарай ал-Джадид» времени правления хана Азиза Шейха (**таб. IV, № 34**), а также н.п. Государства Хулагуидов (**таб. IV, № 36**) – предположительно м.д. Тебриза.

В части изучения технологии чеканки джучидских (золотоордынских) монет «на местах» значительный интерес вызывают н.п., отнесённые к заготовкам: одна – вырезанная (**таб. IV, № 38**), другая – литая (**таб. IV, № 39**).

Полагаем, что дальнейшее выявление и изучение средневековых н.п., найденных в данной местности, могут оказаться весьма перспективными как в историко-краеведческом, так и в нумизматическом отношениях.

Источники и литература

1. Алексеев И.Е. Новые сведения о центральноазиатских нумизматических находках из пределов Татарстана // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья: Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию А.М. Беленицкого, 95-летию В.М. Массона и 100-летию Ю.А. Заднепровского (Санкт-Петербург, 5 – 8 ноября 2024 г.) / Отв. ред. В.П. Никоноров и Е.О. Стоянов. – Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2024. С. 407–410.
2. Алексеев И.Е. «Химерические» мотивы на золотоордынских (джучидских) и «удельных» русских монетах XIV–XV вв. в свете гипотезы о символизации эпидемий чумы // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 187–208.
3. Бугарчёв А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой трети XIV вв.: монография. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – 336 с., ил.
4. [Износков И.А.] X. Кулаевская волость // Список населённых мест Казанского уезда, с кратким их описанием. Составил действительный член казанск. губернск. статист. комитета Износков. – Казань: Типография Губернского Правления, 1885. – 10 с.
5. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Джучидские монеты с Водянского городища // Степи Европы в эпоху средневековья: Сборник научных статей. Т. 1. – Донецк: ДонГУ, 2000. С. 303–344.
6. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Сборник статей. – Вып. III. Нумизматический сборник. – Т.2. – Нижний Новгород, 2000. С. 56–147.
7. Кулаево // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. – Т. 3: К – Л. С. 505.
8. Савоста Р.Ю. Медные монеты Золотой Орды. Западная часть Улуса Джучи. Каталог. – Луганск: Издательство ООО ПЦ «Максим», 2013. – 73, (1) с.: ил.
9. Сергеев В.А. Очерки о родном селе. – Казань: ООО «Полигран-Т», 2016. – 296 с.
10. Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII века. – Казань: Издательство «Заман», 2003. – 192 с.: ил.
11. Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. – Москва: «Палеограф», 2003. – 352 с., 40 с. ил.

12. Шемелка // Татарская энциклопедия: В 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2014. – Т. 6: У – Я. С. 404.
13. ZENO.RU – Oriental Coins Database [Электрон. ресурс]. Режим доступа: https://www.zeno.ru/

Список сокращений

– г.х. (гг.х) – год (годы) хиджры;
– кор. – корродирована;
– л.с. – лицевая сторона;
– м.д. – монетный двор (монетные дворы);
– н.д. – не датирована;
– н.п. – нумизматический памятник (нумизматические памятники);
– о.с. – оборотная сторона;
– экз. – экземпляр (экземпляры).

ДАСТАН «ГЫЙСА УГЛЫ АМӘТ»

(текст хәзерге әдәби телдә бирелә)

Көннәрдән бер көн хәзрәте Җанибик хан кош чөеп ау ауларга чыкты. Җанибик ханның хатыны Тайдулы ханша йөкле иде. Хан әйтте: «Әй ханша, мин аудан кайтканчы бала туса, кыз бала туса үтер, әгәр ир бала булса, төшлек җирдән үзең сөйгән кешене сөенче сорарга җибәр, – диде. – Әгәр кыз бала туып үтермәсәң, үзеңне үтерермен», – диде. Хан ауга киткәннән соң, Тайдулы ханшаның күзе ярылды. Тәңре Тәгаләнең фәрманы белән кыз бала туды. Кызны үтермәде, Бирдебәккә җибәрде. Олы улы Бирдебәк кызны асрады. Аннан соң ханның үзенә кеше җибәрмәде, ханга каршы кеше бармады. Хан Җанибик кыз туганын белде. Килеп сарайга керде. Сорады, үтердеме, дип. Белгән иделәр, үтермәде бугай, диделәр. Хан сарайга килде. Тайдулы ханша каршы чыкты. Хан ук белән атты, ботына тиде. Хан инанмады. Ханша тугыз солтан анасы иде. Угланнарның ачулары килеп, аталарына сүз әйттеләр: «Угыл кирәк булса, тугыз улың бар, бер кыз баланы күпсенәсең», – диделәр. Аннан соң хан, ачуланып, кызны үтерергә кеше җибәрде. Тайдулының ике аргамагы бар иде. Бер аты Ашыкча дигән, берсенең аты Туйкычак дигән иде. Бу ике атны кушып, кызны качырсын дип кеше җибәрде. Бирдебәккә хәбәр төште. Кызны алып качты. Чиркәскә барып, мәкам-йорт тотты. Җанибик ханның бу эшенә халыкның күңеле яман булды. Улларын куа башлады дип әйттеләр. Хан, халыкның күңеле яман булганын белеп, беркөн әйтте: «Кем дә кем минем улымны китерә, кызымны аңа бирермен», – диде. Гыйса углы Амәт әйтте: «Әй ханым, әгәр бүләк бирсәң, мин китерермен», – диде. Хан әйтте: «Хуш, алай булсын», – диде. Гыйса углы Амәт әйтте: «Син халык алдында ачуланышкан бул, – диде. – Мин анда барып алдаем, яхшы булыр», – дип. Бу эшләрне күп кеше белми иде. Амәт китәр көнне хан халыкка аш бирде. Үз кулыннан халкының барчасына аш ашатты. Аннан Амәтне өндәде, аңа тутырма бирде. Амәт әйтте: «Әй ханым, халыкка яхшы аш бирдең, миңа ни бирәсең?» – диде. Ханның бу сүзгә ачуы килеп: «Тотыгыз, үтерегез!» – диде. Амәтнең аты тышта хәзер иде, атка менеп качып китте. Бирдебәккә барды. «Ханнан качып килдем» – диде. Бирдебәк Амәтне яхшы гыйззәт кылды, сыйлады. Беркөн Бирдебәк ау ауларга китте. Амәт бер корткага барып әйтте: «Мин сине ана итәрем, күп мал бирермен син барып әйтсәң, шул кызның миңа күңеле төшәрме?» – диде. Кортка әйтте: «Кыз итәгатьле булыр, кызны белмим, ханша сине ошатыр». «Хуш, шулай булсын, барып әйт»,– диде. Кортка ханшаның каршына барды, күзен ача алмады, утырган иде. Ханша әйтте: «Ни өчен йоклыйсың?» Кортка әйтте: «Һич дәрманым калмады, ханнан качып килгән Амәт би иркемә куймады», – диде, «Һичкемдә андый нәрсә күргәнем юк иде, – диде. – Күп

кенә күргән идем», – диде. Ханша әйтте: «Барып китер», – диде.– «Безнең белән уйнасын»,– диде. Аннан соң кортка барып Амәтне китерде. Үзе кайтты. Уйнадылар, көлделәр, гайре эш кылмадылар. Амәт әйтте: «Син иреңә әйт, мин синең белән йоклармын, диген. Кич белән ул килер, син аның белән җеп бәйләгеч уйнаган булып бармагын бәйлә, чылбыр кагырсың, мин шунда килеп үтерермен», диде. Кич булды. Бирдебәк килде, бер сәгать булды. Ханша чылбырны какты.

Амәт бинең бер колы бар иде. Ул колга кылыч бирде: «Барып Бирдебәкне син кылыч белән чапкан бул, әмма кылычның йөзе белән чапма», – диде. Колы йөгереп килде. Бирдебәккә кылычның сырты белән тиде. Бирдебәк ачуланып: «Һай, бу ни эш?» – дигәндә, Амәт үзе йөгереп барып колның кулыннан тартып алды, колын үтерде. Аннан соң ханшаны үтерде, ул кортканы да үтерде. Аннан солтан Бирдебәккә әйтте: «Алган хатының мондый эшне эшләде, бүтәннәр нәрсә эшләмәс, – диде. – Кил, ханга кайтыйк», – диде. Шуннан Бирдебәк әйтте: «Хуш, алай булсын», – диде. Күчеп кайтты. Амәт белән Бирдебәк үз илләренә кайттылар. Хан каршы чыкты. Мәнгәл дигән байның өенә төштеләр. Җыелышып эчтеләр. Хан исереп йоклады. Мәнгәл байның Тимер атлы бер улы бар иде. Һич кеше күргәне юк иде. Хан ялгыз ятыр иде. Мәнгәл улы Тимер килде, күркәм кеше иде. Хан күңеленнән әйтте: «Минем кызым моңарга икән», – диде. Ул угыл торып олылады. Амәт килде:

– Охшармы бикләр, охшармы,
Монча дәүләт бар булса,
Аргамакның аягын
Ефәк белән тошармы?
Тимер икән таш аткан
Гыйса улы Амәт барында
Мәнгәл углы Тимергә
Кызын бирмәк охшармы?

Кырык кыркын яратып Кырымга китте, кул теләде. Кырым мөселманга гаскәр бирмәде. Конткарга барды, ул тагын җибәрмәде. Аннан Кызылбашка барды. Кызылбаш Кырымнан куркып, ул да бирмәде. Кайтып, ил читенә килеп, шымчы җибәрде. Хан ауга чыкканда, кызын алып качты. Зөя тамагына барып, Идел якасында торды. Инде аны Кыз тавы диләр. Хан аудан кайтты. Амәт кызын алып качканын белде, кая киткәнен белмәделәр. Ике елдан соң хәбәре килде: йөкле, имеш. Ай-көн узды. Хәзер барган кеше алыр дигәч, хан гаскәр җибәрде. Өч йөз кеше белән Алачин Алауны баш итеп җибәрде. Җәй көне иде. Амәт биек тауның башында утырып тора иде, кыз ерактан карап күрде: берничә кеше килә, бер җирән

атлы кеше. Артында белмим садагы, белмим кеше, диде. Бераздан Амәт үзе күрде. Алачин Алау ханнан килә икән. Ул вакытта углан туган иде. Бишеге белән алып килә алмады, бер агач ботагына утыртып китте, куйның койрык маен бала авызына каптырып, Тәңремә тапшырып, сугышка каршы бардылар. Алачин куып җитте. Атына атты, иярнең арт кашына тиде. Амәт әйтте: «Ант-шарт иткән дус идең, җанымны алырга булдың. Аткан алай атмас, болай атыр», – дип, аргамагын ега атты, ятып калды йәнә үзгә аргамакка менеп килде. Тагын атты, атының ялын ияртә төште. Амәт тагын атты, янә ятып калды. Алачин Алау бер бүз аргамакта менеп килеп җитте. Садактагы угын кырыйга атты. Амәт кармап бакты, бер угы бар икән. Килеп атының умырткасының кырына атты. Ат егылды. Алачин атыннан егылды. Алачин Алау әйтте: «Әй дус, бер кашык каным үтенермен... антымны бозган идем, үземә килде, – диде. Амәт әйтте: «Ни күрсәң, аны йигәйсең, – диде. Идел башына чыкты. Идел башында мәкам-йорт тотты. Җанибәк хан үлгәннән соң, Бирдебәккә килеп кушылды. Ханның ярты йортын биләде. Ул вакытта Хаҗи Тарханда Тимер Котлы хан иде, улы-кызы юк иде. Ул заманда Хаҗи Тарханда бүрәнә актарырга барган кешеләр бер бала табып алып килделәр. Ханша ул баланы үзенә алып асрады. Бала үскәннән соң, Хаҗи Тарханда карак була башлады. Халык ул балага рәнҗеде: «Ханым, безне сөймәс булсаң, аны сөйсәң, аны тот», – диделәр. Шунда хан әйтте: «Бу бер угыл белән ни булыр, миңа халкым кирәк», – диде. Угланны, салдан алып килгән өчен, Салчы дип атаган иде. Көннәрдән бер көн Салчы гаскәргә барды, анда Өчкиекле дигән җирдә уеннар өйрәнде: кубыз, думбра төрле уеннар өйрәнде. Анда-монда һәркем белән сүзгә килеп: «Әй атасыз-анасыз», – дип әйтер булсалар, ул әйтер: «Ак Сарайда балчымын, ана Иделдә Салчымын. Хаҗи Тарханда байракчымын. Атамны сорасагыз, белсәгез, никахсыз, үзем артык туган. Соң төбем сорап нитәсез»,– дия иде. Салчы Җанибик ханның кызыннан туган угыл булыр. Ханнарга ана ягыннан туган угыл булды. Гыйса углы Амәт углыдыр.

Тәмам валлаһу әгъләм биссаваб.

Алынды: *Мирастан биш сәхифә: XVI–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. Б. 64–66.*

АЙСЫЛДЫНЪ УЛЫ АМЕТ БАЬТИР

(ногай варианты)

Бурын заманда Айсыл баьтир болган. Ол оьзи Янбек ханнынъ сарай баьтирлериннен саналган.

Айсыл баьтир хан ман сыйыспаган, сонынъ уьшин хан оны суьймеген эм ога душпанлык саклаган. Ахырында Айсыл баьтир хатынын эм Амет атлы ясын калдырып, казаклыкка шыгып кеткен.

Айсыл баьтир коьп йыллар агашлыкта яшап, аза бойын туьк басып, аьлемет бир сыпатлы болган.

Ама хан оны мутпаган, кашан да болсын ол мага зарар этер деп, Айсыл баьтирди ыслар уьшин, кувгыншы аьскер йибереди. Бу аьскер излей юрип, агашлыкта Айсылды табады. Олар алды ман мал сойып, казан асып, Айсылды шакырадылар. Айсыл бир де иркилмей келеди, алдына салынган этти ашаяк болып, явырын суьекти алып карайды эм: «Явырын суьек халктынъ басына кан куйылаягын коьрсетеди, элге яв шабаяк. Элге сондай кыйынлык келген заманда, хан ман душпанлыкты койып турып, халкка ярдамга бармай ярамас», – деп ойланады. «Ал, йигитлер, мен элге кайтаман», – деп орныннан турады. Сол заманда Айсылды калай ыслармыз экен деп кайгырып, турган аьскер аьжейип этип, суьйинеди.

Айсыл алды ман оьз уьйине келеди. Айсыл уьйге келгенде, Амет баьтир уьйде йок эди. Атасыннан яслай калган Амет оьсип йигит болып, атаклы баьтирлерге саналып юри экен.

Бир заман Амет уьйге кайтып келеди, азбарда байлы турган уьйкен атты коьрип, уьйинде бир баьтир конак барлыгын сезинеди. Амет уьйге кирип, атасын коьрсе де танымайды. Ол Айсылдынъ оьзине коьп карамай, тамга суьелген Айсылдынъ аьдем коьтере алмаган ок-яйына карайды. Амет Айсылдан ызын сорап, ок-яйды алып тартып карайды, Коьп, баьтирлер тарта алмаган ок-яясын Аметтинъ иркилмей тартканын коьрип, Айсыл баласынынъ баьтир болаягын сезинеди. Соннан сонъ Айсыл Аметке атасы экенин билдиреди.

Сол арада калмык ханы буларга кавга этип келеек болады деген хабар келеди. Явга Айсыл баьтир оьзи бармай, баласы Аметке барувга ызын береди эм де Аметти бир картка йибереди. Ол карт Аметке оьзининъ саклап койган ок-яйын эм бир яхшы юйрик атын береди. Явга бараяк баьтирлер уьшин хан сарайында той этилип, баьтирлер ат шаптырып, ойын этип туры экенлер.

Солар ишине Амет баьтир де атланып келеди. Ойнаган атлар ишинде Амет баьтирдинъ аты баьрисиннен де озады. Хан Аметти танымай, бу кимнинъ ясы экен деп сорайды. Айсыл баьтирдинъ ясы деген соьзди эситкенде, завкланып турган ханнынъ шырайы сытылады.

Явдынъ келеятканын эситип, хан аьскери мен шыгып согыс баслайды. Душпан ягы енъеди. Ханнынъ коьп аьскери кырылып, оьзи колга туьспеге аз калады. Сол заманда Амет баьтир оьзининъ юйрик атын ханга берип кашырады. Хан оьлимнен калганына суьйинип, Амет баьтирге Шаарбек атлы кызын беруьвге соьз береди. Амет согыс майданында калады, хан кашып кутылады.

Хан янындагы саклавлары ман арып-талып кайтканда, йолда Бугалы байга тыншаймага токтайды. Бугалы бай оьзине конакка хан келгенге суьйинип, бек уьйкен сый этеди. Хан кайтар заманда Бугалы байдынъ улы Темирге Шаарбекти берип, куда болаякка соьз береди. Хан ман куда болувга суьйинип, Бугалы бай той этип, коьп савкатлар ман хан сарайына келеди.

Сарайда уьйкен той болып турган заманда, Амет баьтир душпанды енъип, коьп олжа ман аман-сав кайтып келеди. Ханнынъ ваьдесинде турмаганын коьрип, Амет баьтир тувра сарайга келип киреди. Аметти согыста оьлип калар деп ойлаган хан коьрип, адап калады. Хан Аметке бир аяк кымыз береди. Амет кымыз аягын колга алып, булай толгайды:

Ана Эдил бастан булганды,
Тезден тынса ийги эди,
Анасыннан тел козылар айырылды,
Аналарын тезден тапса ийги эди.
Айсылдынъ баьтир Амети атланды
Оьлен битпей, шоьп кеппей,
Омырткасын ез алкадай ол буькпей,
Оьлимши яман иске ол ушырамай
Бу языдан тегин келсе ийги эди.
Усарма, яннар, усарма,
Аргымактай айваннынъ
Аягын ший ийбек пен тысарма,
Элдинъ басы Янибек хан
Бугалы байдынъ улына
Бугасын баккан кулына
Айсылдынъ баьтир Амети савында
Кызын берер усарма?
Усады, яннар, усады,
Аргымактай айваннынъ,
Аягын ший йибек пен тысады,
Эки юзли Янибек,
Бугалы байдынъ улына
Бугасын баккан кулына
Айсылдынъ баьтир Амети савында

Кызын берер усайды.
Булкыншагынъ бурарман,
Бурып йолга саларман,
Кедегенъди кесермен,
Кесип шонтык этермен,
Элинъди эки боьлермен
Элтир тавга ябарман,
Боьлик-шоьлик этермен,
Боьриккен койдай этермен
Бу айтканымды этермен,
Мырадыма етермен,
Бу айтканымды этпесем,
Мырадыма етпесем,
Атам Айсыл, мен Амет,
Атамнан уьлис те алмай, мал да алмай
Арам аьвлет кетермен.

Бу соьзлерди айтып, Амет баьтир кымыз аягын ерге атып, шыгып кетеди. Хан ашувланып, Аметти оьлтиртеек болады, ама картлар макул этпейдилер. Сонъ Аметтен кутылув йолын излеп, хан картлардан кенъес сорайды. Картлардынъ бириси: эки киевди шатраш[1] ойнатпага керек, кайсысы утса, Шаарбек соныкы болар, деп кенъес береди. Амет те, Темир де разы болып, шатраш ойнамага киристилер. Ханнынъ кызы Шаарбек экинши уьйде тенълери мен олтыры экен. Аметтинъ аьлин билер уьшин, боьлеклер берип бир кызды йибереди. Бугалы байдынъ улы Темир ханнынъ кызын сыйлап, боьлекти басына коьтереди, ама Амет баьтир хан кызынынъ боьлегин астына басып олтырады.

Боьлек аькеткен кыз ойында Аметтинъ енъиле баслаганын коьрип кетеди. Йиберген боьлеклерди Темирдинъ басына коьтергенин, Аметтинъ астына салганын эситкенде, Шаарбек: «Бай баласы коштан[2] экен, баьтир баласы йигит экен», – деген. Ойында Аметтинъ утылаягын эситип, Шаарбек оьзи келип терезеден сыгалап карайды эм булай толгайды:

Атты аттай ойнатсанъ
Пилди пилдей кадалтсанъ
Ханнынъ кызы Шаарбек,
Туьсер бугай курыкка.

Соннан сонъ Аметтинъ коьзи ашылып, ойында утып шыгады. Бу хабар ханга эситилгенде, ол ашувланып, кызымды Аметке кене де бермен деди.

[1] Шатраш ойыны – шахмат ойынына усаган ойын.

[2] Коштан – ырыя.

Амет яхшылык пан ис шыкпаягын билип, кызды алып кашаяк болады. Атын яхшы яраклап, кызга бараяк кешеде атына карап булай толгайды:

Сыдырув арка, сылув тоьс,
Сыдыра шапшы, юйригим,
Бетегели бийнар тоьс,
Бек ювыршы, юйригим,
Сарай алды тар сокпак,
Ян алып, ян бермеге барамыз
Ашувынъды куьл юзинънен шыгарып
Аягынъды сайлап басшы, юйригим.

Соннан сонъ Амет баьтир атланып Шаарбек яткан ушпа шарлак алдына барып турады. Аметтинъ келгенин билип, Шаарбек ушпа шарлактан каргып атылады. Амет оны ямышыга туьсирип алады.

Калмыктан тартып алган хан
Тамгалы кара атты,
Сарай якка каратты,
Атадан калган алты кулаш шал атты
Шарлак баска ойнатты,
Шаарбектей аьруьвди
Тавга алып йоьнеди.

Амет пен Шаарбектинъ кашканын эситип, хан кувгыншылар йиберди. Кувгыншылардынъ баслыгы Алав баьтир болган. Алав баьтирдинъ ювыклап келгенин билип, Шаарбек тынышсызланганда, Амет баьтир булай толгайды:

Йыламашы, канышым,
Ат уьстинде ел алар,
Коьзинъ сисер, янышым.

Шаарбек:

Мен йыламай ким йылар,
Артымыздан Алав баьтир келеди,
Онъ колында огы бар,
Сол колында яйы бар,
Каршылдатып атпага
Энди ювык келеди.
Астымызда хан тамгалы кара ат,
Кабыргадан ок тийсе,
Кан шоркырап бек акса,
Бу каралды улы йол,

Сулайып ерге йыгылса,
Коьлем ийги коьп яман
Артымыздан кувып келген душпанга
Олжалыкка мен калсам
Онда куьним не болар?

Амет:

Йыламашы, канышым,
Ат уьстинде ел алып,
Коьзинъ сисер, янышым.
Артымыздан Алав баьтир келсе де,
Онъ колында огы бар,
Сол колында яйы бар,
Карсылдатып атпага
Энди ювык келсе де,
Астымызда хан тамгалы кара ат,
Сулайып ерге йыгылмас,
Бир карарды таптырар.

Шаарбек:

Мен йыламай, ав иемиз, ким йылар,
Артымыздан Алав баьтир келеди,
Онъ колында огы бар,
Сол колында яйы бар,
Каршылдатып атпага,
Энди ювык келеди.
Куьбе бузып ок тийсе,
Оьпкеликтен ок шыкса,
Нарт баласы эр эдинъ,
Бу каралды улы йол,
Сулайып ерге йыгылсанъ,
Коьлем ийги коьп яман
Артымыздан кувып келген аьскерге
Олжалыкка мен калсам,
Онда куьним не болар?

Амет:

Йыламашы, канышым,
Коьзинъ сисер, янышым,
Артымыздан Алав баьтир келсе де,
Онъ колында огы бар,
Сол колында яйы бар,
Каршылдатып атпага,

Энди ювык келсе де,
Куьбе бузып ок тийсе,
Оьпкеликтен ок шыкса,
Нарт баласы мен оьзим,
Сулайып ерге йыгылман.
Мен юрмеген ер барма,
Сынаспаган эр барма?
Аскар-аскар, аскар тав,
Эригип анъга шыкканда,
Алдымыздан балалы булан оьткенде,
Алав баьтир атканда,
Баласы аксай берип кеткенде,
Айсылдынъ баьтир Амети атканда,
Баласын койып анасынынъ
Явырынынъ кос куьзгисин бузганда,
Огым оьте шыкканда,
Кара таска капканда,
Сенинъ атанъ Янибек хан,
Табан салып тартканда
Табан салып алалмай,
Ат куйрыкка такканда,
Эл ямагат йыйылып,
Тамашага бакканда,
Каралыкта кез юрип,
Куьш сынаскан эрдир мен.

Сол заманда Алав баьтир йолдасларын артта калдырып, оьзи етип келеди эм Аметке карап: «Амет, мен сени мен согыспага келмедим, хан йиберген сонъ амалсыздан келдим. Сен де мендей бир баьтир болганлыктан, мен сенинъ акынъда билемен. Мине бу бармагыма огынъды ат!» – деп Алав баьтир юван бармагын коьтерип турды. Амет ок атып, онынъ бармагын яралады. Соннан сонъ Алав баьтир кери кайтып, артта калдырган йолдасларына барып: «Аметти енъип болмаяк. Мине коьресизбе, меним де бармагымды яралады», – деп яралы бармагын коьрсетти. Оны коьргенде, кувгыншылар коркып кери каштылар.

Соннан сонъ Амет баьтир Шаарбек пен бирге аман сав тавга барып еттилер эм сонда яшап калдылар.

Тура бара Аметтинъ янына хан, бий, байлардынъ зорлыгына даяна алмай, элден кашып шыккан йигитлер йыйыла бердилер.

Хан Аметти ыслатып оьлтиртуьвдинъ амалын эрте-кеше ойлайды. Ахырында бир карт Аметти ыслатаяк болды. Ол карт ханнан бир аз аьс-

кер алып эм бир юйрик ат минип, Амет турган ерге барып, аьскерин тасада калдырып, оьзи «Амет» деп кышкырады. Амет шыкса кашады. Бу ис Аметтинъ йолдасларына шек туьсиреди. Олар Аметти хан ман хабарласады деп шекленедилер эм бас коьтередилер. Амет оьзининъ тазалыгын ыспат этер уьшин, суьйикли атына атланып, Шаарбекти алдына алып, каядан атылып оьледи. Оьлер алдында Амет суьйикли атына карап, булай толгайды:

Аскар-аскар, аскар тав,
Сенсинъ меним бийигим,
Асылым кара киси улыннан,
Атымды сен шыгардынъ, юйригим.
Асувлы казан, ягувлы от,
Ас келтирген юйригим,
Шагыл-тагыл тавлардан
Шакал оьтпес йоллардан,
Камалаган каты душпан явлардан,
Ян куткарган юйригим,
Бу дуныяды коймай энди ис болмас,
Мен дуныяды койганда,
Куйрыгынъ, ялынъ кыналап,
Сен де калма, юйригим.

Алынды: *Ногай халк йырлары. – М. Изд. «Наука», глав. редакция восточной литературы, 1969. С. 27–33.*

Г.Н. Зайнеева

ФАТИХ АМИРХАН: ЛИЧНОСТЬ И ДОКУМЕНТЫ

Аннотация. *В публикации рассматриваются официальные документы, касающиеся жизни и творчества классика татарской литературы Фатиха Амирхана (1886–1926). Представленные источники хранятся в фондах Государственного архива Республики Татарстан и в Центре письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ в личном фонде Фатиха Амирхана (фонд № 16). Среди материалов имеются дела разного характера: личные свидетельства, медицинские заключения, документы, отражающие профессиональную, научную и общественную деятельность. Хронологические рамки дел охватывают период с июля 1901 по январь 1926 г. Следует отметить, что представленные в статье материалы существенно обогащают наши представления об исторической реальности той эпохи и имеют принципиальное значение для детального изучения жизни и творчества Фатиха Амирхана.*

Ключевые слова: *Фатих Амирхан, личный фонд, Центр письменного наследия, текстология, публицистика, источниковедение, архивные источники, история, юбилей, история татарской литературы.*

Фатих Амирхан (1886–1926) – личность, являющаяся ключевой фигурой в культурном наследии татарского народа. Его многогранная деятельность в качестве писателя, публициста, критика и общественного мыслителя трансформировала татарскую литературу и заложила основы национальной философии. В этом году в феврале-июне прошли мероприятия, посвященные 140-летию со дня рождения Фатиха Амирхана: международная конференция «Фатих Амирхан в социокультурных контекстах XX в.» (организатор – ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ), презентация академического собрания «Сочинений» в 6-ти томах в рамках данной конференции и в литературном музее Габдуллы Тукая (подготовлен учеными-текстологами ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ), выступления перед учащимися в научных библиотеках, интервью и заметки в СМИ.

Несколько слов об академическом издании «Сочинений» Фатиха Амирхана в 6-ти томах. С 2021 г. велась серьезная и кропотливая работа по подготовке многотомника, в котором должно было найти место все творческое наследие классика татарской литературы. Составителями данного издания являются ученые отдела текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова: Хуснутдинова Г.А., Алеева А.Х., Галимзянова Э.М., Зайнеева Г.Н., Ханнанова Г.М., Файзуллина Ф.Г.; автор вступительных статей – доктор филологических наук, профессор Загидуллина Д.Ф. В период с 2024 по

2026 гг. академическое издание было полностью опубликовано и представлено читателям. Следовательно, 140-летие писателя ознаменовалось новым фундаментальным трудом, содержащим все произведения, публицистику, критику, воспоминания, письма, документы.

В первом номере журнала «Туган җир. Родной край» (2026 г.) нами была опубликована статья «Духовный деятель Мухаммедзариф хазрат: архивные поиски», в содержании которой вниманию читателей были представлены архивные документы, касающиеся духовной деятельности отца Фатиха Амирхана – Мухаммедзариф хазрата. В этом номере мы знакомим читателей с архивными материалами, отражающими жизненный и творческий путь самого Ф. Амирхана. Документы, которые представлены в статье, хранятся в фондах Государственного архива Республики Татарстан и в архиве Центра письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ в личном фонде Фатиха Амирхана (Ф. 16). По содержанию они различного характера и, как было отмечено, охватывают период с 1901 по 1926 гг. Часть этих материалов была переведена на татарский язык ученым Марселем Ибрагимовичем Ахметзяновым и издана в коллективном сборнике в 1990 г.

Материалы условно можно классифицировать на три группы. Первая – это личные документы, такие как метрическая справка о рождении, копии свидетельства о рождении и смерти, личная книжка застрахованного, годичный паспорт, удостоверение личности. Вторая – записи о здоровье писателя: справка о состоянии здоровья, больничный лист нетрудоспособности, отношение Башкирского ЦИК начальнику ст. Уфы об оказании содействия в пути больному, отношение и удостоверение Академцентра Наркомпроса Народного комиссариата социального обеспечения ТАССР о назначении персональной пенсии. (В августе 1907 г. его парализовало, несмотря на различные курсы реабилитации ноги остались парализованными. До конца своих дней он вынужден был передвигаться на инвалидной коляске). Третья – документы, отражающие профессиональную, общественную и научную деятельность Ф. Амирхана: корреспондентский билет газеты «Татарстан», удостоверение о работе преподавателем татарской литературы Татарского театрального техникума Татпрофобра, уведомление о членстве в Центральной комиссии по изучению татарской культуры историко-этнографического отдела Всероссийской ассоциации при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, договора с Комбинатом издательства и печати ТАССР об издании произведений Ф. Амирхана (в них перечислены рукописи произведений для издания, но до сегодняшнего дня судьба некоторых из них неизвестна). В договорах прописано все до мельчай-

ших подробностей: гонорар, количество авторских экземпляров, тираж. Имеется выписка из протокола заседания Татарской редакционной коллегии Академцентра Татнаркомпроса (май 1924 г.) о возврате рукописей в связи с рецензией Гумера Тулумбайского: «...эти вещи для рабоче-крестьянского читателя никакого интереса не представляют и что издание их было бы поддержкой реакционного направления в литературе». (Текст данной рецензии в полном объеме был напечатан в журнале «Безнең юл» в № 5–6 за 1926 г. и включен во второй том академического издания Ф. Амирхана). После прений было вынесено постановление о возвращении рукописей автору.

Данные материалы являются ценными источниками для литературоведов, текстологов, историков и обогащают биографию и творческое наследие писателя.

1. Свидетельство Казанского уездного училищного совета об успешном окончании курса учения в русском классе при медресе Ново-Татарской слободы г. Казани. 30 июля 1901 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 2*].

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Казанский уездный училищный совет сим удостоверяет, что сын указного муллы в Ново-Татарской слободе г. Казани Мухамедфатих Мухаммедзарифович Амирханов успешно окончил курсы учения в русск[ом] клас[се] при медресе Ново-Татарской слободы г. Казани, а потому имеет право на льготу, установленную пунктом 4-м ст. 56-й Устава о воинской повинности.

Выдано июля 30-го дня 1901 г.

Председатель Казанского Училищного Совета /подпись неразборчива/.

Инспектор народных училищ Казанск[ого] и Царевококш[айского] уездов /подпись: Горохов/.

№ Училищного совета 132

№ Училища 44

2. Метрическая справка о рождении. 2 марта 1907 г. Копия [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 1*].

1886 г. 1-го января родился Мухамедфатих, отец его Казанский мещанин, указный мулла Зариф Хусаинович Амирханов, мать Бибирабига Зиннатуллина[1]. В метрической книге написано так под № 1-ый.

1 Бибирабига Зиннәтулла кызы Амирханова.

Верно выписано из метрической книги. Указный мулла при 9-м номере каменной мечети на Ново-Татарской Слободе Зариф Хусаинович Амирханов.

1907 г. 2-го марта.

Личная печать: Мухаммедзариф Амирханов.

3. Свидетельство о явке к исполнению воинской повинности (временное) Ф. Амирхана, выданное Казанским городским по воинской повинности Присутствием. Казань, 29 октября 1907 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 3*].

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о явке к исполнению воинской повинности (временное)

Мещанин г. Казани Мухаммедфатих Мухаммедзарифович Амирханов являлся к исполнению воинской повинности при призыве 1907 г. и, по вынутому им № 557 жеребья, подлежит поступлению на службу в постоянные войска но, на основании 47 ст. Устава о воинск[ой] повин[ности], поступление ему на службу отсрочено до одного года, но не далее призыва 1908 г.

Выдано Казанским городским по воинской повинности Присутствием октября 29-го дня 1907 г. за № 424.

Председатель присутствия /подпись неразборчива/.

Делопроизводитель /подпись неразборчива/.

4. Разрешение Министерства народного просвещения об освобождении Ф. Амирхана от экзамена по немецкому и церковно-славянскому языкам. Казань, 10 февраля 1911 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 4. Машинопись*].

Министерство народного просвещения

Департамент народного просвещения

Разр[яд] средн[их] учебн[ых] зав[едений]

I делопроизвод[ство]

«10» февраля 1911 г[ода]

№ 5033

I приложение

Департамент Народного просвещения объявляет Фатиху Амирханову[1], что Министерством разрешено освободить просителя, как татарина-мусульманина при испытаниях зрелости от экзамена по немецкому и церковно-славянскому языкам, о чем сообщено для надлежащего распоряжения Попечителю Казанского учебного округа.

[1] В документе подчеркнуто пунктирной линией.

Приложение при сем возвращается.
И.о. вице-директора /подпись неразборчива/.
Делопроизводитель /подпись неразборчива/.
Казань, Н.-Татарская сл., д. 21.

5. Протокол обыска в квартире Фатиха Амирхана. 13 ноября 1912 г. г. Казань [*Государственный архив Республики Татарстан, Ф. 1, Оп. 4, Д. 6978, Л. 58–58 об.*].

ПРОТОКОЛ

1912 г., ноября 13 дня, и.о. Помощника Казанского Полицеймейстера Шершнева в присутствии нижеподписавшихся лиц производил в квартире Казанского мещанина Фатыха Зарифовича Амирханова, живущего в доме отца своего в Ново-Татарской Слободе, внезапный обыск с целью обнаружения ценности или денег, собранных им от пожертвований среди татар на нужды войны для Турции, при чем в помещении, которое занимает Амирханов никаких записок и писем, указывающих на поступающие к нему пожертвования, а также и денег не обнаружено, при самом же Амирханове в кармане пиджака оказался кожаный кошелек с деньгами 60 руб. 50 коп. / три пятирублевого билета, золотом две монеты по 10 руб. и четыре по пять рублей и серебром 5 руб. 50 коп. /

О вышеизложенном записано в настоящий протокол.
И.о. помощника Полицеймейстера подпись /Шершнев/
Пристав 5 части подпись /неразб./
подпись: Галяутдин Мухутдинов
подпись: Абдулнасыр Гафуров

Настоящий протокол прочитал, причем объясняю, что деньги 60 руб. я получил от книгоиздательства Гаср за проданную мною книжку нам предъявил Ахмед-Гарей Сибагатуллович Хасанов[1].

Подпись: Купеческий сын Абдулгарей Сибагатуллович Хасанов.

6. Рапорт и.о. помощника полицеймейстера Шершнева об обыске в квартирах Амирханова и Хасановых. Казань, 1912 г., 13 ноябрь [*Государственный архив Республики Татарстан, Ф. 1, Оп. 4, Д. 6978, Л. 60–60 об.*].

Его Высокоподобию,
Казанскому Полицеймейстеру
И.о. помощника Полицеймейстера Шершнева

[1] Ахмед-Гарей Сибагатуллович Хасанов – нашир, тәрҗемәче, язучы, җәмәгать эшлеклесе Әхмәтгәрәй Сибгатулла улы Хәсәни (1883–1933).

РАПОРТ

Казанский мещанин Фатых Амирханов шесть лет болен параличом ног, ходить не может и постоянно находится дома, занимаясь писанием своих сочинений для магометан на татарском языке: романов, рассказов и сказок, которые издаются книгоиздательством «Гаср», пишет он и статьи в газеты «Юл», за что получает гонорары. При внезапном обыске я застал Амирханова писавшим татарский рассказ. Получение за свои сочинения денег Амирханов записывает ежемесячно в памятную книжку, за пять месяцев им получено от «Юл» и «Гаср» 161 рубль, более в памятной книжке никаких других записей нет, книжка эта ведется за несколько лет.

Хасановы живут довольно зажиточно, имеют свой книжный магазин, как квартира, так и магазин были осмотрены мною тоже внезапно.

По моим впечатлениям, которые я вынес при обыске в квартирах Амирханова и Хасановых, и по ним самим едва ли их можно подозревать в незаконных сборах пожертвований; мое внезапное появление застало их врасплох и что-либо компромитирующее их в отношении сбора они скрыть бы не успели.

О чем доношу Вашему Высокоподобию.

И.о. Помощ[ника] Полицеймейстера: подпись /Шершнев/

13 ноября 1912 г.

7. Протокол и.о. помощника Казанского полицмейстера Шершнева об обыске в доме и магазине у А. Хасани. Казань, 1912 г., 13 ноября [*Государственный архив Республики Татарстан, Ф. 1, Оп. 4, Д. 6978, Л. 59*].

ПРОТОКОЛ

1912 года, ноября 13-го дня, и.о. Помощника Казанского Полицеймейстера Шершнева в присутствии нижеподписавшихся лиц произведен в доме и магазине книгоиздательства Ахмедгарея Хасанова и К° на Евангелистовской улице внезапным обыском с целью обнаружения записок, писем, квитанций или денег, собранных от пожертвований среди татар на нужды войны для Турции, причем во всех помещениях, которых занимают братья Хасановы никаких записок, квитанций, писем, призывающих на поступающие к ним пожертвования не обнаружено, причем в письменном столе Ахмедгарея Хасанова найдена чековая книжка Волжско-Казанского Коммерческого Банка за № 3047 с 15 ноября 1911 года на вложенные деньги на текущий счет на сумму 900 руб., последние взносы были 28 июля с.г. и в книжку вложены два кредитных сторублевых билета.

В магазине тоже ничего указывающего на связь пожертвований не оказалось.

И.о. Помощника полицийместера подпись /Шершнев/.

Пристав подпись /Чеканов/.
Подписи: Галяутдин Мухутдинович, Камалетдин Муромов.

8. Сообщение Казанскому Губернатору от Департамента духовных дел о получении достоверных сведений по поводу обыска в доме Ф. Амирхана. Казань, 1912 г., 15 декабря [*Государственный архив Республики Татарстан, Ф. 1, Оп. 4, Д. 6978, Л. 61–61 об.*].

МВД
Департамент
Духовных дел
15 декабря 1912 года
№ 11865

Казанскому Губернатору

В № 1072 газеты «Вактъ» напечатано сообщение о том, что в г. Казани произведен обыск в доме Амирханова, подозреваемого в сборе пожертвований в пользу «Красного Полумесяца».

Вследствие сего Департамента покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать уведомить, соответствует ли действительности приведенная газетная заметка и в утвердительном случае, сообщить возможно подробные сведения по настоящему делу.

Директор, Егермейстер
Высочайшего Двора подпись /неразборчива/.
Чиновник особых поручений подпись /Тарановский/.

9. Уведомление Казанского губернатора в Департамент духовных дел об агентурных сведениях о деятельности Ф. Амирханова и А. Хасанова. Казань, 1912 г., 24 декабря [*Государственный архив Республики Татарстан, Ф. 1, Оп. 4, Д. 6978, Л. 62–62, 63 об.*].

К № 873
Министерство
Внутренних Дел
Казанский губернатор
По канцелярии
24 декабря 1912 года
№ 12917
г. Казань

В ДЕПАРТАМЕНТ ДУХОВНЫХ ДЕЛ

Вследствие отношения от 15-го сего декабря за № 11865, полученного мною 22 числа, имею честь уведомить Департамент Духовных дел, что 13-го ноября сего года мною были получены от Начальника Казан-

ского Губернского Жандармского Управления сведения, основанные на достоверных агентурных данных о том, что проживающий в г. Казани мещанин Фатих Зарифов[ич] Амерханов без всякого разрешения занялся производством сбора пожертвований в пользу Турецкого Красного Полумесяца и собрал таких пожертвований с разных лиц уже до 200 рублей, отмечая получение денег в своей записной книжке. Помощником Фатыху Амерханову по сбору пожертвований явился один из братьев Хасановых. Так как наблюдение за настроением мусульманского населения указывало, что среди мусульман действительно зреет мысль тем или другим способом прийти на помощь своим единоверцам в Турции; при чем редактору казанской газеты «Юлдузъ» Максудову было кем-то даже прислано 13 рублей, пожертвованных в пользу Красного Полумесяца, то я признал необходимым поручить Казанскому Полицейместеру произвести самое тщательное дознание об Амерханове и Хасанове, обвиняемых в недозволенном производстве сбора пожертвований; при чем эту меру я предпринял по соглашению с полковником Калининым.

Полицейским дознанием и внезапным обыском, произведенным помощником Казанского Полицеймейстера 13-го ноября в квартирах Фатыха Амерханова и Ахмедгарея Хасанова, однако данных подтверждающих справедливость агентурных указаний против Амерханова и Хасанова не добыто и возникшую переписку об этих лицах я должен был дальнейшим производством прекратить, установив за ними тщательное негласное наблюдение, которое в подтверждающих данных к обвинению их пока также не дала. Тем не менее, я не сомневаюсь в достоверности агентурных сведений, полученных Начальником Казанского Губернского Жандармского Управления и если Амерханова и Хасанова не удалось изобличить в незаконном сборе пожертвований, то лишь благодаря той крайней конспиративности, которою они обставили свою деятельность.

Губернатор,
Двора Его Величества Камергер /подпись не поставлена/

1915

10. Годичный паспорт Ф. Амирхана, выданный Казанской мещанской управой. 26 мая 1915 г. – 26 мая 1916 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 7*].

Паспорт № 3357
Выдан Казанской Мещанской управой
Гербовая печать: Бесплатно на срок не более одного года

1. Вероисповедание: Мухаммеданское
2. Время рождения или возраст: 1 января 1886 года
3. Род занятий: беллетрист

4. Состоит ли или состоял ли в браке: холост

5. Находятся при нем: –

6. Отношение к отбыванию воинской повинности: в 1907 году освобожден от военной службы навсегда

7. Подпись (владельца паспорта):

Для неграмотности предъявителя обозначаются его приметы:

Рост: –

Цвет волос: –

Особые приметы: –

Предъявитель сего: мещанин города Казани Мухамедъ-Фатихъ Мухаммедзарифовъ Амирхановъ уволен в разные города и селения Российской Империи от нижеписанного числа по 26 мая тысяча девятьсот шестнадцатого года.

Дан с приложением печати тысяча девятьсот пятнадцатого года мая двадцать шестого дня.

Член Управы: подпись неразборчива

№ 409

30/V

1918

11. Выписка из протокола заседания Исполнительного комитета мусульманского комиссариата при Совете крестьянских и рабочих депутатов г. Чистополя об освобождении от осмотра лошади, принадлежащей Ф.Амирханову. 1918 г., 7 июня [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 34*].

Копия Ф. Амирханову

Рос[сийская] Совет[ская]

Федер[ативная] Республ[ика]

Исполнительный Комитет

Мусульманск[ого] Комиссариата

при Совете Кр[естянских] и Раб[очих]

Депутатов

«7» июня 1918 г[ода]

№ 567

г. Чистополь

В ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Выписка из протокола заседания Исполнительного Комитета Комиссариата по мусульманским делам от 6-го июня сего года.

Заслушано заявление гр. Фатиха Амирханова, проживающего в гор. Чистополь об освобождении от осмотра принадлежащей ему лошади.

Постановлено: принимая во внимание, что гражд. Амирханов совершенно не владеет ногами (из-за сильного ревматизма и паралича ног), но ему как ближайшему сотруднику самых популярных мусульманских газет «Кояш» и «Ени Вакт» приходится большею часть времени быть в выезде и что это есть его заработок.

Ходатайство считать заслужившим удовлетворения и об этом довести до сведения Совета городского народного хозяйства.

Председатель Комиссариата: /подпись/

Секретарь: /подпись/

12. Уведомление об избрании Ф. Амирханова членом Центральной комиссии по изучению татарской культуры историко-этнографического отдела Всероссийской ассоциации Востоковедения. Москва, 19 марта 1923 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 35. Машинопись*].

СССР
Народный Комиссариат
Совет Национальностей
Всероссийская научная
ассоциация Востоковедения
«19» марта 1923 года
№ 314
Москва, Трубниковский пер., 19
Тел.: 73–84

Центральная комиссия по изучению татарской культуры историко-этнологического отдела Всероссийской научной ассоциации при Наркомнаце заседании своем от 3 февраля сего года избрал Вас членом Комиссии и просит Вас принять участие в организации местной Казанской комиссии.

Центральная комиссия по изучению татарской культуры имеет предметом своего изучения и другие смежные культуры (турко-татарского порядка) в широком масштабе прошлого и настоящего.

Зам[еститель] историко-этнологич[еского] отд[еления] В[сероссийской] н[аучной] а[ссоциации] в[остоковедения]: И. Бороздин /подпись/.

Председатель комиссии: /подпись неразб./

Секретарь: А. Башкиров /подпись/.

13. Удостоверение преподавателя татарской литературы в Татарском театральном техникуме. 12 июня 1923 г. г. Казань [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 8*].

А[втономияле] Т[атар] С[оциаль]

Ш[уралар] ж[өмһүрияте]
Һөнәр, техника вә белемнәр баш идарәсе
карамагындагы Татар театр техникумы

Татарский Театральный техникум
Татпрофобра
«12» июня 1923 года.
№ 287
Казань, Вознесенская, д. № 10

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего гр. Эмирханов Ф.З. действительно состоит преподавателем татарской литературы в Тат[арском] Театральном техникуме, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Зав.тат.теат.техникумом: З.В. Баязидский /подпись/.
Секретарь: Никитина /подпись/.

14. Издательский договор № 12 Комбината издательства и печати Татарской АССР об издании произведений Ф. Амирханова. Казань, 16 июня 1923 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 39, Л. 1. Машинопись*].

Договор № 12
1923 года, июня «16» дня, гор. Казань

Комбинат издательства и печати в лице Председателя правления тов. Мухтарова Нюриса Гильфановича с одной стороны и гр[аждани]н Амирханов Фатих Зарифович, проживающий по Б.-Казанской ул., дом №__, кв.__ с другой стороны, заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. Гр[аждани]н Амирханов Ф.З. обязуется представить Комбинату для печатания своих рукописей: 1. «Бирнчи гишек», 2. «Меить узаткандан сунг» и 3. «Китргизь минга чечекляр» – размером в семь (7) печатных листов; при чем срок представления всех вышеназванных рукописей не позднее 15-го августа 1923 года.

2. За означенные рукописи Комбинат уплачивает Гр[аждани]ну Амирханову Ф. гонорар по восемнадцати (18) руб. золотом за каждый печатный лист, всего сто двадцать шесть (126) руб. золотом.

3. 50% всего гонорара выдается Амирханову Ф.З. авансом в счет вышеназванных рукописей немедленно по заключению настоящего договора, а остальная сумма по представлению последней рукописи, т.е. 15-го августа 1923 года.

4. Комбинат имеет право выпустить первое издание трудов Амирханова с количеством тиража не превышающим 3 000 экзем[пляров] каждого названия.

5. Право последующих изданий остается за Комбинатом в течении одного года после распространения предыдущего издания; при чем оплата гонорара не должна превышать первого издания.

6. Гр[аждани]ну Амирханову Ф.З. представляется бесплатно 25 экземпляров его книги по выходе ее из печати.

7. В случае неисполнения той или иной стороны пунктов настоящего договора, последний считается расторгнутым и виновная сторона несет убытки в размере фактической стоимости.

8. Все споры по настоящему договору разрешаются судебными учреждениями ТССР.

9. Гербовый сбор по настоящему договору оплачивается поровну обеими договаривающимися сторонами.

Предправления комбината: Мухтаров.

Автор: Амирханов.

С подлинным верно: секретарь комбината: И. Кулеев /подпись/.

15 Отношение Башкирского Центрального исполнительного комитета начальнику ст. Уфы об оказании содействия в пути больному Ф. Амирхану. 2 июля 1923 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 36*].

СССР
РСФСР
Башкортстан шуралар җөмһүрияте
Мәркәз Башкарма Комитеты
Всебашкирский Центральный
исполнительный комитет
Сов[ет] раб[очих], крест[янских]
и красноарм[ейских] депутатов
«2» июля 1923 год.
№ 2499
г. Уфа

Начальнику ст. Уфа

Сегодня отправляется до ст. Чишмы на кумысолечение один из больных, ответственных работников Татарской Республики – тов. Амирханов.

Согласно его заявления при продвижении в поезде жел[езно]-дорожная администрация может не пропустить в вагон его кресла-велосипеда в неразобранном виде. Принимая во внимание тяжелое положение тов. Амирханова, а тем более, что он едет только до ст. Чишмы, БЦИК ре-

комендует Вам оказать тов. Амирханову всевозможное содействие и не чинить ему препятствий в продвижении и провозе с собою кресла.

Секретарь БЦИК: /подпись/.

Управделами: /подпись/.

16. Корреспондентский билет Ф.Амирхана. 15 августа 1923 г. г. Казань [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 9*].

Билет саны 38

Моны күрсәтүче Фатих Әмирхан иптәш Татарстан мәркәз башкарма комитеты һәм партиянең Татарстан өлкә комитеты нәшере «Татарстан» гәзитенең даими мөхбиредер.

«Татарстан» гәзите мөхәррире: Баһаветдинев /имза/

Сәркатибе: М. Гали /имза/

Казан, 1923 нче ел, 15 нче август.

Билет № 38

Предъявитель сего тов. Амирхан Фатих действительно является постоянным корреспондентом газ[еты] «Татарстан» органа ЦИК и ОКРП Авт[ономной] Татарской Соц[иалистической] Советской Республики.

Редактор газеты: Багаутдинов /подпись/

Секретарь: М.Гали /подпись/

Казань, 15 августа 1923 года.

17. Личная книжка застрахованного Ф. Амирхана за № 7040. 21 августа 1923 года [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 10*].

Без права передачи
ТАТНАРКОМТРУД
Управление социального страхования
Районная касса № 1
Личная книжка застрахованного № 7040

На право получения бесплатной медпомощи и страховых пособий

Фамилия: Амирхан

Имя: Фатих

Отчество: Зарифович

Возраст: 37

Род занятий: преподаватель

Место работы: Татарский театрал[ьный] техникум

Отделение, цех и т.п.: –
Адрес: Б. Проломная ул. № 46
В кассе л.сч. № –
В Контр.Бюро л.сч. № –
Печать
Предкассы: подпись /неразб./
гор. Казань 21 августа 1923 года.

18. Выписка из протокола № 8 от 9 мая 1924 года заседания Татарской редакционной коллегии Академцентра Татнаркомпроса о возврате рукописей Ф. Амирхана. Казань, 9 мая 1924 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 38. Машинопись*]

ВЫПИСКА
из протокола № 8 заседания Татарской редакционной коллегии Академцентра ТНКП от 9 мая 1924 года

Слушали: п. 7. «Принесите мне цветов» (1/2 п.л.), «После похорон» (около 2-х печ. лист.) и «Первая любовь» (около 5-ти печ. лист.) Фатыха Зарифовича Амирхана с рецензией Г. Тулумбайского, в которой указывается, что эти вещи для рабоче-крестьянского читателя никакого интереса не представляют и что издание их было бы поддержкой реакционного направления в литературе. тов. Г. Максудов сообщает изъявленное ему желание автора взять свои труды обратно.

Постановили: п. 7. Вернуть автору.

Выписка верна:

Секретарь научно-пед[агогической] комиссии: Фаткуллин (подпись).

19. Больничный лист нетрудоспособности. 10 мая 1924 г., г. Казань [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 5, Л. 1*].

Больничный листок № 61

Выданный «10» мая 1924 года, 2-ая Совет[ская] больница, на право получения денежного пособия по случаю временной утраты трудоспособности.

Фамилия: Амирханов
Имя: Фатих
Отчество: Зарифович
Возраст: 37
Место службы: Тат[арский] Театральн[ный] техникум
Должность: преподаватель

Адрес заболевшего: Жуковская ул., д. №10 кв. 1
Болезнь. Диагноз (по-русски): Геморрой
Коечное лечение: Помещен во 2-ю Совет[скую] б[ольни]цу 15 апреля 1924 года.
Выписан: из 2-й Совет[ской] б[ольни]цы 5 мая 1924 года
Нетрудоспособный нуждается в отпуске
Подпись врача: /неразб./
«10» мая 1924 года.

20. Удостоверение личности Ф. Амирхана. Казань, 1 июня 1925 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 11*].

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
Русия Социал Кушма Совет Җөмһүрияте
РСФСР
Действительно по 1-е июня 1926 г.
ТССР

Удостоверение личности
Шәхеснең таныкнамәсе

Выдано: Казстолмилицией Тат. Сов. Соц. Респуб.
Бирелде: ТССҖ Казан шәһәре столичный милиция идарәсеннән
1. Фамилия, имя и отчество: Амирханов Фатих Зарифович
Исем, фамилия һәм атасының исеме: Фатих Зариф улы Амирханов
2. Год, месяц и число рождения: 1886 год
Туган вакыты яхуд яше: 1886 ел
3. Место постоянного жительства: Т[атарская] Р[еспублика] гор.Казань
Торак урыны: Т[атарстан] Ж[өмһүрияте] Казан шәһәре
4. Род занятий – основная профессия: литератор
Шөгыленең төре – төп кәсебе: литератор
5. Отношение к отбыванию воинск[ой] повинности: –
Гаскәри хезмәтне үтәүгә мөнәсәбәте: –
6. Семейное положение: холост
Гаиләви хәле: өйләнмәгән
7. Перечень малолетних до 16 л., вносимых в данное удостовер[ение]: -
Шушы таныкнамәгә кертелергә тиешле 16 дан ким балаларның саны, яшьләре: -
8. Личная подпись владельца: –
Паспорт иясенең имзасы: –
№32295
«1» июня 1925 года – «1» июнь 1925 ел

гор. Казань – Казан шәһәре
Начальник Казанской Столичной Милиции: подпись /неразб./
Заведывающий Паспор[тным] Столом: подпись /неразб./

21. Сообщение о назначении персональной пенсии. Казань, 1925 г., 23 июня [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 40*].

Татар Социал шуралар җөмһүрияте
Мәгариф халык комиссариаты
РСФСР
Народный комиссариат
Просвещения
Татарской С[оветской]
С[оциалистической] Республики
Казань, «23» июня 1925 года
№ 0912
Жуковская ул., д. 10

Тов. Амирханову Фатиху

Акадцентром Татнаркомпроса Вы представлены на индивидуальную пенсию, а потому Вам предлагается немедленно сделать следующее:

1. Достать в ТНКСобезе (Малая Лядская) справочный лист о степени нуждаемости и представить его обратно в Татнаркомсобез в заполненном виде;
2. Взять оттуда же предложение освидетельствоваться в Экспертно-Контрольной Комиссии;
3. Составить краткую автобиографию и представить в Татнаркомсобез.

Ученый секретарь Академцентра: /подпись/

22. Издательский договор Комбината издательства и печати Татарской АССР об издании произведений Ф. Амирхана. Казань, июнь 1925 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 39, Л. 2*].

ДОГОВОР № _

Казань «_» июня 1925 г. Комбинат издательства и печати ТССР, с одной стороны и гр-н Амирханов Фатих Зарифович, проживающий в гор. Казани по Жуковской ул. в доме № 10, кв. 2, с другой – заключили между собой настоящий договор в нижеследующем:

1. Гр-н Амирханов Ф.З. представляет Комбинату в совершенно готовом и одобренном Академическим центром Татнаркомпроса для печати виде на одно издание сборник своих трудов на татарском языке под названиями: 1. «Неравные», 2. «Татарка» и 3. «Дочери народа» (включение

в серию библиотеки татарской литературы), размером в три с половиной /3½/ печатных листа, исчисляемых по 40 000 типографских знаков в листе.

2. За означенный труд Комбинат обязуется уплатить гр-ну Амирханову Ф.З. гонорар в размере пятидесяти /50/ руб. за каждый печатный лист, всего сто семьдесят пять /175/ руб., при чем 60% причитающегося гонорара, т.е. сто /100/ руб. выдается по заключению настоящего договора, а окончательный расчет производится не позднее 1-го июля сего 1925 г.

3. Настоящее издание сборника определяется по усмотрению Комбината.

4. Преимущественное право последующих изданий остается за Комбинатом.

5. По выходе сборника из печати автору Амирханову Ф.З. представляется 10 экземпляров его труда бесплатно.

6. Подлинный договор хранится в делах Комбината, а копия передается на руки гр-ну Амирханову Ф.З.

7. Все споры по настоящему договору разрешаются судебными учреждениями ТССР, по месту нахождения Комбината.

Заместитель директора Комбината: /Ибрагимов/.
Заведующий издательским отделом: подпись /Хуснуллин/.
Автор: /Амирханов/.

23. Удостоверение персонального пенсионера, выданное Ф. Амирханову Народным комиссариатом социального обеспечения. Казань, 10 августа 1925 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 40*].

РСФСР
Татар Социал шуралар җөмһүрияте
Иҗтимагый тәэминат халык комиссариаты
РСФСР
Татарская С[оветская]
С[оциалистическая] Республика
Народный Комиссариат
социального обеспечения
Казань, «10»августа 1925 г.
№ 7327
/Действительна на 3 месяца/

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие гр. Эмерханову Фатыху в том, что он действительно является персональным пенсионером и получает пенсию через НКСО-ТССР в размере 40 руб., что подписью и приложением печати удостоверяется.

НКСО: /подпись неразб./.
Бухгалтер: Турукин /подпись/.

24. Справка о состоянии здоровья Ф. Амирхана. 13 августа 1925 г. г. Казань [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 5, Л. 2*].

13/VIII — 1925 г.

Справка

выдана в том, что Амирханов состоит под наблюдением в течении 2-х мес[яцев]. У него:

1) подорв[ано] пит[ание] до истощ[ения];
2) западен[ие] верхуш[ки];
3) прав[ое] легкое отстаёт в дыхании;
4) на протяжении месяца выслушиваются хрипы влажные под ключицей в нижней доле справа;
5) со стороны кишечника – учащенные жидкие отправления.

Диагноз: Tbc. pulm.[1] II b. product (exud ?[2])
Enterit tbc[3]
Г[лавный] врач: подпись /неразб./
Диспанс.
Казань.

25. Издательский договор № 140 Комбината Издательства и Печати Татарской АССР об издании произведений Ф. Амирханова. Казань, август 1925 г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 39, Л. 4*].

Договор № 140

Казань «_» августа 1925 г. Комбинат Издательства и Печати ТССР, с одной стороны и гр-н Амирханов Фатих Зарифович, проживающий в городе Казани по Жуковской улице в доме № 10, кв. 2, с другой – заключили между собой настоящий договор в нижеследующем:

1. Гр-н Амирханов Ф.З. представляет Комбинату на ОДНО издание в совершенно готовом и одобренном Академическим центром Татнаркомпроса для печати виде сборник произведений на татарском языке под названием: «Неравные», «Татарка» и «Дочери народа» / включенный в серию библиотеки татарской литературы / – размером в 6 ¼ печатных листов.

---

[1] Tbc. Pulm. – туберкулёз лёгких.
[2] Знак вопроса поставлен в документе
[3] Enterit tbc – туберкулёзный энтерит.

2. За означенный труд Комбинат уплачивает гр-ну Амирханову Ф.З. гонорар в размере двести пятьдесят /250/ рублей аккортно, независимо от количества печатных листов, при чем расчет производится немедленно по заключению договора.

3. Настоящее издание сборника произведений Амирханова Ф.З. определяется по усмотрению Комбината.

4. Преимущественное право последующих изданий остается за Комбинатом.

5. По выходе сборника из печати гр-ну Амирханову Ф.З. представляется бесплатно 10 авторских экземпляров.

6. Подлинный договор хранится в делах Комбината, а копия передается на руки автору гр-ну Амирханову Ф.З.

7. Все споры по настоящему договору разрешаются Судебными Учреждениями ТССР, по месту нахождения Комбината.

Директор Комбината Изд. и Печати ТССР: подпись /Измайлов/.

Зам. Зав. Издат. Отделом: подпись /Кулеев/.

Автор: подпись Ф.З. Амирханов /Амирханов/.

26. Удостоверение о состоянии здоровья Ф. Амирханова. Казань, 23 января [1926] г. [*Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНРТ, Ф. 16, Оп. 2, Ед. хр. 5, Л. 3*].

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие в том, что Фатих Амирханов болеет катаром легочных верхушек осложненным правосторонним воспалением. По состоянию своего здоровья Ф. Амирханов помимо лекарственного лечения нуждается в санаторно-курортном лечении.

Подпись врача: А.Б. Терегулов.

Печать врача: доктор Терегулов.

Список литературы

1. Әхмәтҗанов М. Фатих Әмирхан тормышына бәйләнешле документлар // Язучы биографиясенә яңа чыганаклар. – Казан: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1990. С. 41–48.
2. Зайнеева Г.Н., Хуснутдинова Г.А. Духовный деятель Мухаммедзариф хазрат: архивные поиски. Туган җир. 2026. № 1. С. 64–73.
3. Зәйниева Г.Н., Хөснетдинова Г.А. Фатих Әмирхан мирасын барлап // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2023. – № 3. С. 123–130.

ТАТАР РУХЫ

ТАТАРСКИЙ ДУХ

Р.Н. Латыпов

ОТ ДВУГЛАВОГО ОРЛА ДО СТЕПНОЙ ДЕМОКРАТИИ

(об одной лекции о татарских кланах)

«Сейчас наступил довольно глухой период». Этой неожиданной фразой доктор исторических наук Дамир Исхаков 3 июля 2026 г. начал свою лекцию о татарских дастанах в клубе «Тукай».

Вместо разговора о древнем эпосе доктор исторических наук сначала заговорил о сегодняшнем дне – и о том, почему интерес к прошлому в последние годы только растет.

«Те, кто пережил национальное возрождение 1980–1990-х гг., помнят, какой тогда был подъем духа. Сейчас этого нет», – сказал историк. По его мнению, именно в такие периоды люди начинают искать ответы не в будущем, а в прошлом. «Когда общество переживает кризис, люди начинают искать опору. И оказывается, что эта опора находится очень далеко – в прошлом. Без такой опоры выстроить современную картину мира невозможно».

Исхаков считает, что именно этим объясняется всплеск интереса к мифологии, эпосу и народному творчеству. Достаточно зайти в книжный магазин – полки с эпическими произведениями и мифологией народов мира сегодня занимают там заметное место. Впрочем, далеко не все разделяют этот интерес. «Есть люди, которые говорят: не нужно ворошить прошлое, не стоит задумываться о мифах, дастанах и прочей ерунде. Нужно жить современностью».

Сам историк придерживается противоположной точки зрения. Более того, он убежден, что народное творчество сегодня становится своеобразным противовесом массовой культуре, которую считает опасным явлением. В подтверждение своей мысли Исхаков вспомнил американского историка турецкого происхождения Хасана Бюлента Паксоя – автора исследования о дастане «Чура батыр». Именно ему принадлежит мысль, что в дастанах сохранилась «незамутненная идеологией мысль народа», которую уже невозможно переписать или подстроить под политическую конъюнктуру: «Это мысли самого народа, которые невозможно подвергнуть идеологической обработке».

С этим выводом Исхаков полностью согласен – дастаны не подчиняются современной идеологии, прошли проверку временем, они на самом деле народные. Но при этом, по его признанию, «сфера, которая воспроизводит независимое мышление, не подвергнувшееся воздействию идеологии, властям нравится не всегда».

Дамир Исхаков к татарским дастанам подошел не как фольклорист, а как этнолог. Его интересовали не художественные особенности эпоса, а исторические сведения, которые в нем сохранились. В своей книге ученый сосредоточился на нескольких исторических дастанах. Исследование начинается с «Ак Күбек» сибирских татар. По его мнению, это произведение относится к домонгольскому периоду и имеет кипчакское происхождение. Дастан вместе с пленными кипчаками, ставшими затем мамлюками в Египте, оказался связан и с арабской исторической традицией. Следом идет эпос «Түләк һәм Сусылу» – произведение, сохранившееся только у татар и башкир. Его историк датирует XIV в. Отдельное место занимает дастан «Идегей», который большинство исследователей относят к XV – началу XVI вв. Судьба этого эпоса, напоминает Исхаков, сама по себе показательна. После запрета 1944 г. он вновь был опубликован лишь в 1990 г.

Самым поздним из исторических дастанов ученый называет эпическое произведение «Чура батыр». По его словам, именно здесь в последний раз по отношению к главному герою употребляется слово «батыр» – не в современном значении богатыря, а в значении воеводы, предводителя военного отряда. После того, как татары начали служить в русских войсках, отмечает Исхаков, батыры в народном эпосе уже не появляются. И это, по мнению историка, тоже важная историческая деталь.

Степная демократия: почему Чингисхан зависел от беков.

Однако главным открытием последнего времени Исхаков считает не эти произведения, а «Дастан о роде Чингисхана» («О роде Чингисхана»), сохранившийся в составе сборника «Дәфтәри Чыңгыз-намә». Сборник обычно датируют концом XVII в., хотя сам дастан, убежден ученый, значительно древнее.

«В нем скрыта очень важная историческая информация общетатарского характера. И, как ни странно, именно этот момент исследователи практически упустили», – отметил Исхаков, переходя к подробному разбору памятника. Лектор обратил внимание на перечень татарских кланов, который содержится в дастане. Каждому племени соответствуют свои символы – птица, дерево, уран (боевой клич) и тамга. Подобного полного перечня, отметил ученый, нет у другого тюркского народа.

Но открытием своим историк считает вовсе не это.

В дастане рассказывается, как скрывавшегося Чингисхана разыскали и вернули десять племенных вождей во главе с Майкы бием. После возвращения они помогли ему вновь прийти к власти. Именно этот сюжет, считает Исхаков, объясняет, как на самом деле были устроены отношения между ханом и племенной знатью. «Чингисхана привела к власти группа племенных вождей. Потом, как говорится в дастане, он одарил каждое племя птицей, деревом, ураном, тамгой, а также дал владения и доходы. В итоге, в самом дастане проводится очень тонкая мысль: к власти род Чингисхана подняли именно беки. Не всё так просто оказывается». По мнению Исхакова, именно здесь проявляется то, что он называет **степной демократией**. «Часто говорят, что в Золотой Орде никакой демократии не было. Она была, но аристократической. Племенные беки, находившиеся рядом с ханами, и представляли эту аристократию». Историк объяснил, что власть хана не была безусловной. Между чингизидами и племенными вождями существовала сложная система взаимных обязательств, подкрепленная родственными браками.

«Ханы брали в жены дочерей и сестер племенных беков. А те, в свою очередь, женились на дочерях и сестрах ханов. Так возникала правящая корпорация». По словам Исхакова, эта система сохранялась и позднее. В качестве примера он привел Крымское ханство, где карачи-беки могли выступить против правителя.

«Если хан правил плохо, они имели право его убить. Военная сила ханства находилась в руках племенных вождей».

Именно поэтому, убежден историк, татарские дастаны нельзя воспринимать лишь как памятники фольклора. За их сюжетами скрываются вполне реальные политические институты и исторические события, многие из которых еще только предстоит изучить.

Двуглавый орел – византийский или золотоордынский символ?

Еще один неожиданный вывод Дамира Исхакова касается происхождения российского двуглавого орла. Историк считает, что его истоки искать следует не в Византии, как принято считать, а значительно восточнее – в традициях Золотой Орды.

К такому выводу он приходит, анализируя сразу несколько татарских дастанов. Как уже было отмечено, у каждого древнего тюркского племени были свои родовые символы: птица, дерево, боевой клич (уран) и тамга. Причем птица была не просто отличительным знаком. «Птица и дерево были очень существенной частью древнейшей тюркской жизни. Согласно мнению специалистов, дерево – это мировое дерево, а птица – та, которая возносит души умерших на небеса. Поэтому и дерево, и птица имели очень серьезное значение».

В качестве примера историк приводит дастан «Идегей». На первый взгляд кажется, что отец Идегея, служивший сокольничим у Тохтамыша, передает Тамерлану птенцов редкой ловчей птицы. Однако в тексте эта птица названа иначе – «дәүләт кошы», то есть «государственная птица».

Ответ, считает Исхаков, находится в другом памятнике – «Дастане о роде Чингисхана». «Кроме племенных беков, свою птицу имел и сам Чингисхан. Она называется «ике башлы каракош» – «двуглавый орел».

Именно здесь, по мнению ученого, и скрывается происхождение знаменитого символа. «Если вы посмотрите золотоордынские монеты, то увидите, что двуглавый орел встречается на них очень часто. Русские историки обычно связывают происхождение этой символической птицы с Византией. Но мое исследование показало, что на золотоордынских монетах двуглавый орел появился раньше, чем этот символ пришел на Русь из Византии». И Исхаков предполагает, что двуглавый орел был родовым знаком дома Чингисхана.

Эту версию, по его мнению, подтверждает и другой татарский дастан – «Түләк һәм Сусылу». В нем над троном главного героя кружит птица, которую называют **шонкаром (кречет), иногда ее называют «меңезлик кош»**, что согласно диалектологическим материалам, означает «птица, изображенная на деньгах». Именно эта деталь позволила историку предположить связь героя дастана Туляка с родом Кият – личным родом Чингисхана.

Из этого Исхаков делает еще более смелый вывод: «Фактически российский двуглавый орел не имеет отношения к Византии, а восходит к Золотой Орде». В подтверждение своей версии историк напоминает и о российском гербе начала XVII в.

«Он увенчан тремя венцами. Все три венца – это короны Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Получается, что герб, который до сих пор существует у России, имеет татарское происхождение и восходит к древнейшему периоду, ко времени правления в Золотой Орде рода Чингисхана». По мнению Исхакова, эта деталь еще раз показывает, насколько тесно история России связана с восточной, прежде всего золотоордынской, традицией. «Российская история на самом деле очень сильно ориентирована на Восток. Просто мы об этом недостаточно хорошо знаем. Нужно внимательнее работать с источниками».

Почему народ «простил» предателя? История Чура батыра.

Одним из самых интересных исторических источников Дамир Исхаков считает дастан «Чура батыр». Его главный герой – Чура Нарыков – не вымышленный персонаж, а вполне реальная историческая личность, один из вождей племени аргын, живший в XVI в., чьи владения находи-

лись неподалеку от Казани. Предки Чуры жили на территории современного Караваева и в районе Дубъязов. Род Нарыковых у татар хорошо известен по родословным и письменным источникам.

Однако больше всего Исхакова заинтересовало другое обстоятельство. Исторические хроники и народный эпос рассказывают о Чуре Нарыкове совершенно разные истории.

Согласно татарским историческим преданиям, Чура предал своего хана. Пытаясь бежать в Московию, он был схвачен и жестоко казнен. «Казанский хан приказал влить ему в рот расплавленное серебро со словами: «Хотел разбогатеть? Получай, сколько хочешь»».

О его бегстве и гибели пишет и русский источник XVI в. «Казанский летописец». Правда, по этой версии Чура погиб в бою с ханскими войсками, отправленными в погоню.

Но в самом татарском дастане нет ни слова о предательстве. Наоборот, Чура предстает героем, который до конца сражается с русскими войсками и погибает в бою, бросившись вместе с конем с высокого волжского берега.

Почему народ полностью изменил биографию реального человека? Именно этот вопрос Исхаков считает одним из самых интересных. По его мнению, ответ связан с положением рода Нарыковых в Золотой Орде. Аргыны входили в число четырех крупнейших племен, пришедших вместе с Тохтамышем. После распада Орды именно эти роды – ширины, барыны, аргыны и кыпчаки – стали опорой Казанского, Крымского и Касимовского ханств. «Боевой единицей этих ханств были именно эти племена». Исхаков предполагает, что после прихода Улу-Мухаммеда большая часть этих кочевых родов даже не вошла вглубь Казанского ханства, а расселилась по его окраинам, сохранив свою военную организацию. Затем они оказались в Ногайской Орде и в Казахском ханстве. Интересно, что собственный дастан о Шуре сохранился и у казахов. Именно он, по словам историка, содержит один из самых загадочных эпизодов всего тюркского эпоса. После долгого боя Шура отдыхает вместе со своим другом Кулунчаком. Тот неожиданно спрашивает: «Где скрывается твоя душа?» Шура отказывается отвечать, предупреждая, что знать это опасно. Но, в конце концов признается: «Моя душа скрывается в змее». В тот же миг появляется огромная змея и поглощает обоих героев. Исхаков признается, что пока не смог разгадать смысл этого эпизода.

«Возможно, под змеей понимается вечное время, которое поглощает любого человека. Но пока другой разгадки этой загадки у меня нет. Я специально рассказываю вам об этом – может быть, кто-то из вас найдет ответ».

Почему у матери Идегея появились крылья?

Подводя итог лекции, Дамир Исхаков признался: чем глубже он изучает татарские дастаны, тем больше в них остается загадок. Одной из них историк назвал происхождение Идегея. Историческая личность Идегея хорошо известна. Его отец – Балтычак би, беклярибек левого крыла Золотой Орды Уруса, неоднократно упоминается в письменных источниках. Но в самом дастане его называют уже по-другому – Котлыкыя би. Еще больше вопросов вызывает образ матери Идегея. «Она преподносится не как человек, а как женщина-пери – существо из потустороннего мира. Почему у вполне исторической личности мать оказывается из другого мира? Пока ответа на этот вопрос у меня нет. Думаю, за этим скрывается какой-то смысл, который нам еще недоступен».

По словам Исхакова, подобные загадки встречаются и в других тюрко-татарских дастанах. Их сравнительный анализ до сих пор практически не проведен. Историк отметил, что татарские версии эпоса нередко дополняются каракалпакскими, ногайскими и казахскими вариантами. Иногда именно в них сохраняются важные детали, которых нет в татарских текстах.

Так, в татарском дастане о Чура батыре известно только имя его отца, тогда как в ногайской версии родословная героя прослеживается на несколько поколений назад – вплоть до начала XV в. «В каждой национальной версии есть очень интересные элементы, которые могут быть важны для нас, но пока не изучены. Здесь огромное поле работы и для историков, и для этнологов».

Почему Исхаков уверен, что Золотая Орда опиралась на 17 главных племен?

Одним из новых выводов своего исследования Исхаков назвал реконструкцию политического устройства Золотой Орды. Историк обратил внимание на то, что в эпосе «Идегей» говорится о девяти и восьми «юртах» – всего семнадцати. Почти столько же родов упоминается и в «Дастане о роде Чингисхана», где в разных версиях фигурируют от четырнадцати до шестнадцати кланов. Эти сведения, по мнению ученого, неожиданно подтверждаются свидетельствами арабского путешественника Ибн Баттуты, посетившего Золотую Орду в 1333–1334 гг.

Описывая торжественный курултай при Узбек-хане, Ибн Баттута рассказывает, как перед правителем на курултае в районе Бешдага (Пятигорска) один за другим прошли семнадцать туменов – около 170 тыс. воинов.

«Я думаю, что это была гвардейская часть чингизидов. Уже при Узбек-хане в Золотой Орде насчитывалось не менее пятидесяти-шестидесяти племен, но решающее значение имели именно семнадцать» аристократи-

ческих кланов. Еще одним подтверждением этой версии Исхаков считает описание судебных заседаний в Хорезме. Ибн Баттута, побывавший там, пишет, что помимо судей на них неизменно присутствовали восемь беков.

«Я думаю, что это были главы важнейших племен левого крыла Золотой Орды. Они отвечали за свои племена и участвовали в принятии решений».

По мнению историка, все эти сведения – татарские дастаны, записки Ибн Баттуты, труды Рашид ад-Дина и монгольские хроники – складываются в единую картину. «Информация, сохранившаяся в дастане «Идегей», имеет явную историчность и позволяет воспроизвести социально-политическую структуру Золотой Орды. Она выросла из монгольской имперской системы и сохранила ее основные принципы». Исхаков добавил, что аналогичные сведения встречаются и в монгольских источниках, где рассказывается об отправке на запад восьми тысячных подразделений во главе с племенным вождем из клана кенегес. По его мнению, это еще одно свидетельство того, что военная и политическая организация Золотой Орды строилась вокруг крупных племенных объединений, следы которых сохранились в тюрко-татарском эпическом материале.

«Татарин, не прочитавший дастан «Идегей», не сможет построить свою идентичность»

Завершая лекцию, Дамир Исхаков признался, что главная ценность татарских дастанов раскрывается только тогда, когда на них начинают смотреть глазами историка, а не только фольклориста. По его словам, исследователи фольклора чаще изучают сюжеты, художественные образы и связи между эпическими произведениями разных народов. Историков же интересует другое – реальные события и общественное устройство, скрытые за эпическим повествованием. Именно поэтому, считает Исхаков, многие важные сведения, зашифрованные в татарских дастанах, до сих пор остаются непрочитанными. «Татарские дастаны – интереснейшие произведения. Но их надо уметь читать. Для их понимания нужны очень глубокие исторические знания. Мы их уже опубликовали, но своему народу до сих пор не объяснили, что в них содержится».

Главным произведением татарского эпоса историк назвал «Идегей». «Я утверждаю, что эпос «Идегей» – настоящий шедевр. Татарин, который не прочитал дастан «Идегей», даже не заслуживает называться татарином, потому что он не сможет построить свою идентичность». По мнению Исхакова, именно в дастанах сохранилось представление средневековых татар о самих себе. «Вся средневековая татарская идентичность находится в наших дастанах. Надо войти в этот мир, пропустить его через себя – и выйти уже другим человеком».

Историк убежден, что сегодня, когда национальное самосознание оказалось «расшатано», обращение к эпосу особенно важно. «Нашу молодежь, да и не только молодежь, полезно пропустить через дастаны, чтобы люди обрели подлинную идентичность. Причем эту идентичность создали наши предки, и она не зависит ни от какой идеологии».

В качестве примера Исхаков вновь обратился к дастану «Чура батыр», отметив, что даже его финал скрывает глубокий смысл, который исследователям еще предстоит осмыслить.

После лекции историка спросили, как татарам сохранить себя в условиях роста числа смешанных браков. Готового рецепта, признался он, у него нет. «Одним из защитных механизмов раньше была религия. Сейчас она работает уже не так, но татары все равно должны думать о том, как выживать в многоэтничной среде. Это очень серьезный вопрос».

В завершение Исхаков рассказал, что продолжает работу над книгой о происхождении татар Золотой Орды. По его словам, существующие теории объясняют лишь часть процесса, тогда как главная задача – показать, **из каких этнических компонентов сформировался татарский народ**. «Сейчас я работаю над этой темой. Надеюсь, в следующем году закончу книгу, в которой постараюсь показать, каким образом татары сформировались этнически. То, что я сегодня рассказывал о древних кланах, – как раз часть этой большой работы».

«В дастанах скрыта идеология татарства»

После лекции Дамиру Исхакову задали несколько вопросов – о природе мифов, нехватке исторических источников у татар и роли народного эпоса в сохранении национальной памяти.

Профессор, кандидат психологических наук Рамиль Гарифуллин заметил, что мифы и эпические произведения отражают не только исторические события, но и внутренний мир народа, его переживания, ценности и коллективное сознание. Он также посетовал, что у татар сохранилось сравнительно немного письменных памятников и археологических объектов, поэтому дастаны становятся особенно ценным источником. Исхаков согласился с ним лишь отчасти. По его словам, проблема не в отсутствии источников, а в том, что имеющиеся материалы до сих пор не получили полноценного исторического объяснения. «Вот хороший сборник «Дәфтәри Чыңгызнамә», составленный, вероятно, в конце XVII в. Но никто до сих пор не ответил на вопрос: с какой целью он был составлен? Кто-то ведь собрал все эти тексты воедино». По мнению историка, именно в этом сборнике просматривается цельная концепция татарской истории. «Фактически мы там видим идеологию татарства. Все говорят: «Где же татары?» А вы внимательно прочи-

тайте «Дастан о роде Чингисхана». И сразу обнаружите татар, идущих из глубины веков».

«Если школа не может – значит, будет делать интернет»

Продолжая тему, Исхаков отметил, что народный эпос практически исчез из образовательного пространства.

«Русские встроили свое народное творчество в школьный курс литературы. Дети проходят через него весь путь формирования национального самосознания. У нас народному творчеству в учебниках уделено совсем мало места». По его мнению, если возможности школьной программы ограничены, эту функцию должны взять на себя современные медиа. «Если через школу не получается, значит, нужно объяснять через интернет. Нужны целые учебные курсы, где нашему народу рассказывали бы, какое богатство у нас есть. Пока этого нет».

Завершая встречу, Исхаков вспомнил конференцию на Алтае, где аспирантка из Тибета рассказывала об исполнении эпоса «Гэсэр». По ее словам, считается, что во время мастерского исполнения эпоса послушать его собираются даже боги. Историк признался, что специально спросил алтайских ученых, верят ли они в это. «Они ответили: «Да». Вопрос ведь в том, как человек воспринимает культурное наследие своего народа».

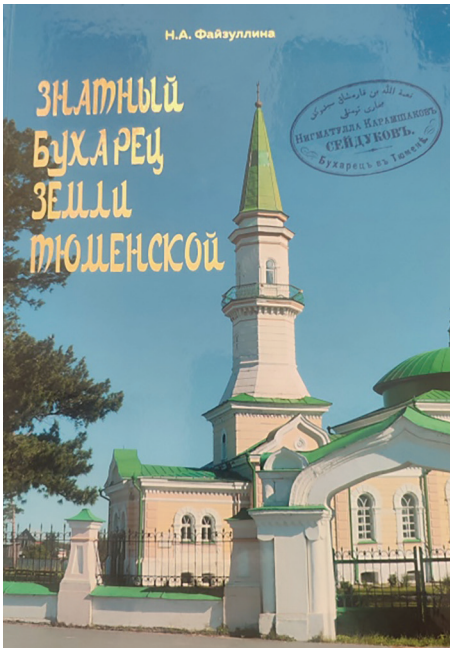
Дамир Мавлявеевич Исхаков *– историк, этнограф и этнолог, доктор исторических наук, академик Российской академии естественных наук. Широко известен как один из ведущих специалистов по истории и этнографии татарского народа.*

ТӨБӘК ТАРИХЫНА КАРАГАН ХЕЗМӘТЛӘР ТУРЫНДА МӘГЪЛҮМАТ. РЕЦЕНЗИЯЛӘР

ИНФОРМАЦИЯ О КРАЕВЕДЧЕСКИХ ТРУДАХ. РЕЦЕНЗИИ

Новая книга

О КНИГЕ Н.А. ФАЙЗУЛЛИНОЙ «ЗНАТНЫЙ БУХАРЕЦ ЗЕМЛИ ТЮМЕНСКОЙ»

11 июля 2026 г. состоялась презентация книги тюменского краеведа, хранителя музейных фондов Ембаевского историко-архитектурного музея, Нэли Асхатовны Файзуллиной «Знатный бухарец земли Тюменской».

В течение многих лет Нэля Асхатовна занимается изучением истории сибирских бухарцев и татарского купечества, популяризацией историко-культурного наследия татар с. Ембаево. Потому не случайно, что итоги ее многолетнего кропотливого труда воплотились в настоящую книгу, посвященную жизни и деятельности уроженца с. Ембаево, купца II гильдии Нигматуллы Карамшаковича Сейдукова (1829–1901).

Удивительно, но до сегодняшнего дня, несмотря на то, что история села Ембаево постоянно находится в фокусе пристального внимания историков и краеведов, практически нет отдельных исследований, посвященных замечательному человеку, меценату и просветителю Нигматулле Сейдукову, за исключением небольшой книги Р.С. Ишимовой. Думается, что работа Н.А. Файзуллиной во многом устранит эту лакуну.

Книга, как считает сама автор, не является сугубо научным трудом, она рассчитана на широкую публику, интересующуюся историей татарского населения Тюменской области. Тем не менее, работа подготовлена на основе изучения значительного комплекса исторических источников, снабжена

необходимым научным аппаратом. Нэля Асхатовна постаралась собрать не только сведения из имеющейся научной литературы, но и дополнила их своими полевыми материалами (воспоминаниями земляков, фотографиями, письмами и т.д.), собранными у жителей с. Ембаево. Особо хочется отметить то обстоятельство, что в книге нашли достойное место материалы коллекций, хранящихся в музее с. Ембаево. В книгу включены подробные сведения о памятниках историко-культурного наследия, находящихся на территории историко-архитектурного комплекса с. Ембаево, сообщения о людях, живших в селе и связанных с Н. Сейдуковым. Все это погружает читателя в атмосферу эпохи конца XIX – начала XX вв.

Книга Н.А. Файзуллиной пронизана глубоким уважением к личности Н.К. Сейдукова, бережным и трепетным отношением к памяти о великом земляке. И это не удивительно! Благотворительная деятельность Нигматуллы Сейдукова не имеет себе равных в Сибири. Вместе с братьями Рахматуллой и Хабибуллой он не только построил на свои средства 15 мечетей, 50 школ и медресе в татарских селах Сибири, но и в течение многих лет содержал их, а наиболее способных учеников направлял учиться в лучшие учебные заведения Поволжья, Приуралья, Средней Азии.

Феномен татарского меценатства конца XIX – начала XX вв. – это уникальное явление. Оно напрямую связано с исламом и традиционными национальными духовными и нравственными ценностями, впитываемыми в культуру татарского народа веками. Известно, что основой сохранения национальных ценностей является язык и вера, именно они определяют устойчивое развитие культуры и идентичности народа. Ислам, являясь основой духовной культуры мусульманских народов, в течение столетий формировал особую социокультурную среду, определяя в целом образ жизни и менталитет татар-мусульман. Не случайно современник Н. Сейдукова, общественный деятель, просветитель – И. Гаспринский, говорил об этом: «Хотя мусульмане и лишены высокой европейской культуры как силы для самосохранения, но они в своей религии и проистекающем из нее общественном быте имеют весьма крепкую, почти непреоборимую силу сопротивления всяким чуждым влияниям во вред своей национальной индивидуальности».

Традиционно важное место в татарской культуре занимало воспитание и образование. Роль знаний в жизни мусульманина определена хадисами Пророка, один из которых гласит: «Тому, кто вступил на путь приобретения знаний, Аллах облегчит путь в Рай». Не случайно еще во второй половине XVIII в. И. Георги в «Описании всех в Российском государстве обитающих народов», сообщает: «татары... великое и похвальное о порядочном воспитании детей имеют попечение. Они не только приучают детей к прилежа-

нию, бережливости и другим прародительским обыкновениям, но пекутся ещё о научении их чтению, письму, арабскому языку и вере».

В XIX – начале XX вв. татарские дети получали начальное образование в мектебе, существовавших практически в каждом селе. Но, если обучение детей начальных школ было в ответственности родителей, то медресе (средние и высшие образовательные учреждения) полностью содержали богатые татары-меценаты. Благотворительностью занималось большинство татарских купцов, так как для мусульман она всегда имела важное духовное значение как богоугодное дело. Но братья Сейдуковы – Нигматулла, Рахматулла и Хабибулла, занимают особое место в ряду меценатов, внесших вклад в развитие культуры и образования среди татарского населения Сибири. Ембаевское медресе одним из первых в России перешло к прогрессивному новому методу обучения (ысулы джадид). Для преподавания в ембаевском медресе приглашались выпускники лучших мусульманских учебных заведений Уфы, Казани, Оренбурга, Троицка, выпускники Казанского и Стамбульского университетов. А те, кто окончил ембаевское медресе, направлялись имамами и мугаллимами в различные уголки Сибири.

Н.К. Сейдуков прожил непростую жизнь, в которой было много потерь и лишений, тем не менее, как истинный мусульманин, он стремился помочь каждому, кто нуждался в помощи. Тобольский православный миссионер Е. Елисеев пишет о Нигматулле-хаджи: «Всякий нуждающийся, к какой бы национальности или вере он ни принадлежал, находил в нём поддержку, и никогда не отпускал от себя бедняков, не облегчив их участи».

Во время большого пожара в 1881 г. выгорело все с. Ембаево. Братья Сейдуковы на свои средства бесплатно выстроили 170 домов по специальному плану архитектора. Нигматулла хаджи умер 18 декабря 1901 г. и был похоронен в Ембаево. На просвещение народа он завещал 28 тыс. рублей…

Политические события начала XX столетия произвели серьезную трансформацию системы традиционных устоев, формировавшихся в течение столетий, что привело к отчуждению от религиозных и этнокультурных традиций. Были утрачены многие исламские институты, в том числе и культура благотворительности. Современному татарскому сообществу еще предстоит до конца осмыслить роль исламских институтов, в т.ч. роль исламской благотворительности, являющейся неотъемлемой составной частью мусульманской системы ценностей.

Думается, что книга Н.А. Файзуллиной о выдающемся земляке, сибирском бухарце, купце и меценате Нигматулле Карамшаковиче Сейдукове может помочь нам в этом осмыслении.

З.А. Тычинских

ХУШЛАШУ

НЕКРОЛОГ

УЛ АТАКЛЫ АРХЕОЛОГ, КҮРЕНЕКЛЕ МӘГЪРИФӘТЧЕ ИДЕ

15 июнь көнне Казан зыялылары тарих фәннәре докторы, атаклы археолог, Татарстан Фәннәр академиясенең мөхбир әгъзасы Фаяз Хуҗинны соңгы юлга озатты.

Татарстан Фәннәр академиясенең Альфред Халиков исемендәге Археология институты директоры, тарих фәннәре докторы Айрат Ситдыйков хушлашу мәрасимендә: «Без бүген бик зур югалту кичерәбез. Фаяз Шәриф улы Хуҗин зур галим, киң кырлы, бик кешелекле, зыялы шәхес иде. Йомшак күңелле кеше булгангамы, аңа бик күпләр тартылды. Ул минем остазым булды. Әгәр ул үз канаты астына алмаса, мин фәндә әллә ни зур уңышларга ирешә дә алмас идем. Аның белән бик еш киңәшләштем. Әле менә аңа 1 августта 75 яшь туларга тиеш иде. Шул уңайдан халыкара конференция-семинар уздырырга ниятләдек. Соңгы вакытта, еш кына авырый башлагач: «Мин сезне авыр хәлгә куям инде. Юбилеема багышланган конференция минем истәлеккә әйләнмәсме икән», – дип әйтеп куйгалады. Узган ел ул, авыру килеш, өч китабын әзерләде. Без аңа багышланган конференцияне барыбер уздырачакбыз. Әлеге китапларны бастырып, шунда җыелган галим-голамага бүләк итәрбез шәт», – дип чыгыш ясады.

Күңеле сизгән икән: Фаяз ага үз эшчәнлегенә багышлап үткәрелгән гыйльми җыелышны күрә, анда катнаша алмады. Ни генә булмасын, 1–2 августта Казан, Биләр һәм Болгарда үткәрелгән «Урта гасырлар Идел-Урал буе археологиясенең актуаль проблемалары»дигән халыкара семинар археология остасының эшчәнлеген шактый яхшы күзалларга мөмкинлек бирде.

Татарстан Фәннәр академиясе президенты, техник фәннәр докторы Рифкат Миңнеханов: «Алыштыргысыз кешеләр юк дисәләр дә, аның урынында башка кешене күз алдына китерү кыен. Аның бөтен тормыш юлы, эшчәнлеге Татарстанга бәйле булды. Ул ярты гасырдан артык гомерен төбәгебезнең археология мирасын өйрәнүгә багышлады», – дип галимгә зур бәя бирде.

Төрле галимнәр бар. Берәүләр милләтебез, фәнебез алдында гаять зур хезмәтләр башкарса да, теге яки бу сәбәптән тиешенчә бәяләнеп бетми, мактаулы исемнәрне тарапканда читтәрәк кала. Шөкер, Фаяз аганың казанышлары күп булды, шәрәфле исем-дәрәҗәләре дә аз түгел. Ул – Татарстанның атказанган фән эшлеклесе, фән һәм техника өлкәсендә дәүләт премияләре лауреаты, алты томлык Татарстан археологиясе картасының авторларыннан берсе; Идел буе Болгарстаны, Алтын Урда, Казан ханлыгы чорлары археологиясен өйрәнгән, Биләр, Суар, Җүкәтау, Чаллы шәһәрлеге биләмәләрендә, Казан кремлендә колачлы археологик тикшеренүләр алып барган, Казанның борынгы ныгытмаларын, Казан ханнары төрбәләрен, Колшәриф мәчете фрагментларын өйрәнүгә сизелерлек өлеш керткән галим; аның җитәкчелегендә Казан һәм Алабуга шәһәрләренең меңьеллыгы дәлилләнде. Галим – 750 дән артык фәнни һәм фәнни-популяр хезмәт, шул исәптән утызлап монография авторы; аның җитәкчелегендә алты фән кандидаты, бер фән докторы әзерләнде. Ул Болгарда Болгар цивилизациясе музее, Казан кремлендә Татарстан археологиясе музее, Биләрдә Биләр тарих-археология һәм табигать музей-саклаулыгы концепцияләрен булдыруның башында торды; «Идел буе археологиясе» – журналының баш мөхәррире һәм бик күп фәнни журналның редколлегия әгъзасы буларак, Татарстанның гына түгел, якын-тирә республикаларның археология фәнен үстерүгә дә зур өлеш кертте.

Семинар барышында язучы Вахит Имамов, Россия Фәннәр академиясенең Мари-Эл Республикасындагы филиалы – Мари Тел, әдәбият һәм тарих институты директоры Людмила Григорьева, «Сәләт» яшьләр үзәге директоры Айгөл Габдрахманова, Чуаш Гуманитар фәннәр институтының өлкән фәнни хезмәткәре Евгений Михайлов, КФУның Алабуга институты (филиалы) доценты, археолог Альберт Нигамаев, ТФАдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының «Мирасханә»үзәге баш фәнни хезмәт-

кәре, тарих фәннәре докторы Гамиржан Дәүләтшин, ТФАнең Ислами тикшренүләр үзәге хезмәткәре, тарих фәннәре докторы Илдус Заһидуллин, мәрхүмнең хатыны Гөлнур ханым Хуҗина, Биләр музей-саклаулыгы директоры Зөфәр Шакиров, Археология институты баш фәнни хезмәткәре, тарих фәннәре кандидаты, археолог Җәмил Мөхәммәтшин (сүз уңаеннан, 2 август көнне хемәттәшләре аны 80 яше тулу белән тәбрик итте), Археология институты хезмәткәре Илгизәр Галимҗанов һәм башка фикердәшләре Фаяз ага Хуҗин хезмәтләренә зур бәя бирде, аның олы җанлы, хуш күңелле шәхес булуын тәкрарлады.

Шөкер, Айрат Ситдыйков сүзендә торды: семинар эшендә катнашучыларга мәрхүмнең соңгы елда әзерләнгән, ни кызганыч, үз куллары белән тотып карый алмаган өч китабын бүләк итте. Болар – «Болгар-татар тарихыннан сайланма хезмәтләр», галим хезмәтләренең биобиблиографик күрсәткече, өченчесе – татарча һәм урыс телендә дөнья күргәне – «Болгар шәһәре: Идел буенда мөселман дөньясы».

Әлеге хезмәтләр арасында «Болгар-татар тарихыннан сайланма хезмәтләр» җыентыгы хәзерге вакытта көн кадагында торган иҗтимагый-сәяси мәсьәләләргә җавап бирүе, актуальлеге белән аерылып тора. Шул җөмләдән җыентыктагы «Идел болгарлары һәм аларның күршеләре», «Идел болгарлары, славяннар һәм Борынгы Русь: элгәреге урта гасырлар чорында мәдәни-икътисади һәм этносәяси багланышлар», «Татарлар һәм башкортлар – кардәш халыклар», «Чуашларның килеп чыгышына карата», «Риваять-легендаларда болгар-татар тарихы», «Шайтан каласы – Ак мәчет ул» кебек мәкаләләр мәктәп балалары, студентлар өчен генә түгел, гомумән, илебез, күрше халыклар тарихы белән кызыксынучылар өчен һәм күп кенә баш бутаучыларга җавап бирә торган, халык саны алганда аеруча кирәкле кыйммәтле хезмәт булып тора.

Югыйса, халык саны алу җитә башласа, милләттәшләребезнең үзаңы, тарихи күзаллавы, тиңдәшлеге җитәрлек дәрәҗәдә түгел әле, дип чаңа суга башлыйлар. Ә бит Фаяз аганың шушы китабын берничә дистә мең тираж белән бастырып авыл-калаларга таратасы, андагы фикерләрне радио-телевидениедән яңгыратасы гына. Тик моңа җанисәп алу елы җиткәндә генә түгел, алдан ук алынырга кирәк. Бу эш, башка галимнәрне, тарихчыларны, этнологларны, әдәбиятчы-телче галимнәрне, сәнгать әһелләрен дә җәлеп итеп, дистә еллар дәвамында, даими алып барылырга тиеш.

Галимнең: «Барыбыз да аңлыйбыз: телсез һәм тарихсыз милләтнең киләчәге юк. Димәк, безгә телебезне һәм тарихыбызны саклап калу өчен көрәшергә кирәк», – дигән сүзләрен васыять итеп кабул итсәк иде.

Рәшит Минһаҗ

ПАМЯТИ РАМЗИ КАЛИМОВИЧА ВАЛЕЕВА

28 июля 2026 г. на девяностом году оборвалась жизнь Рамзи Калимовича Валеева, известного историка и педагога, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Татарстан, заслуженного работника высшей школы, заслуженного профессора К(П)ФУ, лауреата Государственной премии в области науки и техники.

Рамзи Калимович, заслуживший своими оригинальными трудами признание университетского ученого и российского (татарстанского) исторического сообщества, родился 7 мая 1937 г. в татарской д. Карашам Зеленодольского района ТАССР. Его детство и юность прошли в постоянном труде и учебе. С раннего детства он испытал всю тяжесть крестьянского труда. Это были трудные военные и послевоенные годы: время тягот и лишений. Несмотря на это, Рамзи Калимович смог сохранить и пронести с собой огромный запас жизнелюбия, стойкости, мудрости, целеустремленности, трудолюбия и чуткости. Благодаря своему невероятно большому оптимизму и вере в себя, в тяжелые послевоенные годы он смог окончить среднюю общеобразовательную школу с хорошими оценками. Р.К. Валеев мечтал стать военным летчиком, покорять небеса на сверхзвуковых реактивных самолетах. Но планам не удалось осуществиться: приемная комиссия летного училища отклонила его заявление из-за небольшого дефекта слуха.

Трудовую деятельность Рамзи Калимович начал в своем родном колхозе разнорабочим, а после прохождения срочной службы в рядах Советской армии в 1958 г. он поступил на историко-филологический факуль-

тет Казанского университета. Историческая наука стала его призванием, хотя изначально эта сфера казалась Р.К. Валееву романтичным и недосягаемым идеалом: в его окружении – ни среди родных, ни среди знакомых – не было ни одного человека, причастного к вузовской среде. Однако, несмотря на это, его родители с пониманием отнеслись к выбору сына и старались помочь ему, хотя, думается, предпочли бы для него более реальную сельскую профессию (бухгалтера, инженера и т.п.).

По окончании вуза в 1963 г. Р.К. Валеев был выдвинут на комсомольскую работу в качестве освобожденного секретаря комитета ВЛКСМ университета. Одновременно Рамзи Калимович начинает преподавательскую деятельность в качестве ассистента кафедры философии. В 1968 г. он становится старшим преподавателем, в 1975 г. – доцентом кафедры истории СССР, в 1992 г. – профессором кафедры современной отечественной истории исторического факультета Казанского государственного университета (ныне кафедра отечественной истории и архивоведения Института международных отношений, истории и востоковедения К(П)ФУ). До конца жизни он не перерывал связи с университетом и был в курсе многих дел, происходивших на его родной кафедре. Почти до последних лет жизни Рамзи Калимовича привлекали для чтения лекций по разработанным им спецкурсам. Заведующий кафедрой отечественной истории и архивоведения профессор А.А. Литвин и члены кафедры всячески его поддерживали. Сам звонил нам, и мы по возможности звонили ему: он любил поговорить и нас слушать. Особенно Рамзи Калимович был благодарен профессору С.Ю. Малышевой, которая умела слушать и очень искренне отвечать на его вопросы.

Рамзи Калимович отличался тем, что уже в молодые годы проявил одно важное качество, которое оставалось неизменным на протяжении всей его жизни: он постоянно и целенаправленно совершенствовал свои знания и научный профессионализм в области истории. Не каждый выпускник вуза способен на это. Постоянное стремление к повышению своего профессионального научного и педагогического уровня стало основой для развития гибкого и мобильного мышления, позволявшего ему масштабно и компетентно решать самые сложные научные и жизненные проблемы.

На какой бы должности Р.К. Валеев не работал, он всегда стремился в полном объеме, досконально и детально разобраться в том, чем приходилось ему заниматься. Без отрыва от учебного процесса Рамзи Калимович написал более десяти монографий и свыше 300 научных и научно-популярных статей, которые отличаются глубиной анализа и оригинальностью научных идей. Будучи уже признанным ученым, в мае 1990 г. он

успешно защитил докторскую диссертацию по истории общенационального кризиса в России, а его первый аспирант – автор этой публикации Р.В. Шайдуллин, 11 октября 1990 г. кандидатскую диссертацию, посвященную нэповской деревне Татарстана.

Главной сферой научных интересов Р.К. Валеева были национально-демократическое движение среди татар, общественно-политическая история Поволжья и Приуралья начала XX в., а также трагические судьбы татарской интеллигенции и общественно-политических деятелей 1920–1930-х гг. – жертв сталинских репрессий. Следует иметь в виду и его большую смелость: он не побоялся заняться исследованием деятельности Багаутдина и Гайнана (Сардара) Ваисовых, находившихся долгие годы под запретом. Большой интерес в научном плане представляет его исследование, посвященное переписке Гайнана Ваисова с классиком русской литературы Львом Толстым. Во многом благодаря его усилиям и научным изысканиям были реабилитированы видные татарские религиозные, общественные и научные деятели Бурханетдин, Гильметдин, Шахаретдин и Галимджан Шарафы. Он не только написал о них солидную работу «Фажига» («Трагедия», 1996), но и инициировал установку на улице Жуковского в Казани мемориальной доски Галимджану Шарафу и надгробной плиты на его могиле.

Несомненной заслугой Рамзи Калимовича является и новое переосмысление истории татарского национально-демократического движения в России в 1917–1918 гг. К примеру, в работе «Болак арты республикасы» («Забулачная республика», 1999) им впервые комплексно анализируются кризис в татарском национально-демократическом движении и причины угасания институциональных процессов в татарском национальном строительстве. В его монографии «Последний враг народа» (2013), посвященной проблеме и этапам суверенизации Татарстана излагается история первого суверенитета Татарстана. Он развил теорию «о двух суверенитетах», которая рассматривается в контексте расширения политической и экономической самостоятельности Татарстана, а также этнокультурных интересов татарского народа. Любовь к истории малой родины определила круг краеведческих интересов и пристрастий Рамзи Калимовича, сделав его в последние годы жизни активным историографом Горной стороны и историко-культурного наследия ее жителей.

Разносторонняя, плодотворная, эффективная научная и педагогическая деятельность Р.К. Валеева не осталась не замеченной в университетском руководстве. В 1981 г. его назначают заместителем декана исторического факультета, в 1995 и 1998 гг. он избирался его деканом. Следует подчеркнуть, что назначение на пост декана одного из ведущих

факультетов Казанского университета – это всегда закономерный итог, а не случайное стечение обстоятельств или прихоть академической или общественной элиты.

Период деканства Р.К. Валеева совпал с очень сложными и противоречивыми годами, связанными с развалом СССР и борьбой за этнокультурный и экономический суверенитет в Татарстане. Демократические преобразования в вузовской системе развивались очень медленно и тяжело. Но постепенно набиравший силу процесс национального возрождения, образования новых политических партий и общественных движений затрагивал национальные и общественно-политические интересы не только представителей правящей верхушки России и Татарстана, но и вузовских структур, начиная от преподавателей и завершая должностными лицами университетской системы. Исторический факультет, в составе которого были люди самых различных научных, этнополитических и идеологических взглядов, объективно отражал всю палитру общественных, социальных, национальных явлений и событий, происходивших в стране и республике, представлял собой своеобразный «бурлящий котел страстей».

Перед деканатом исторического факультета стояла ответственная задача: не превратить его в «дискуссионный клуб политиканов и интриганов», а сделать эффективно работающим учебным и научным подразделением университета. Не каждый руководитель был способен тогда адекватно воспринять сложившуюся в умах и действиях широких масс ученой и студенческой общественности ситуацию, пойти с их представителями на открытый диалог. Кому-то мешали старые стереотипы в вузовском научном и учебном процессе, кто-то просто игнорировал кардинально изменившуюся ситуацию в университете. Самое главное – многие из них были не способны и не готовы к восприятию изменившегося жизненно-психологического менталитета людей, не пожелавших жить в условиях жесткой административной системы.

Р.К. Валеев, находясь во главе исторического факультета, умел сглаживать многие негативные явления во вверенной ему структуре и направлять деятельность ученого и преподавательского коллектива в нужное позитивное русло. И учебный, и научно-исследовательский процесс на историческом факультете оставался под его демократическим контролем, многие профессора и доценты видели в нем руководителя, способного спокойно и эффективно работать в изменившихся условиях, а аспиранты и студенты – доброго и мудрого наставника.

Р.К. Валеев принадлежал к тому типу руководителей, которые всегда были готовы к диалогу. Он никогда не отвергал, пусть даже самые ради-

кальные или нелепые предложения, умел выслушать своих оппонентов, обладал редким даром убеждения, являлся блестящим полемистом, не терялся в самых экстремальных ситуациях. У него было еще одно качество – принятые решения Рамзи Калимович настойчиво, а порой и жестко доводил до логического конца. Все это, несомненно, характеризовало его, как ученого и мудрого руководителя. Его огромной заслугой было то, что деканат исторического факультета, несмотря на все разногласия в университетских «коридорах», почти всегда приходил к консолидированному решению. Этому способствовало и то, что он по возможности стремился работать в тесной связке с ректорами, проректорами и другими руководителями университета.

Можно с полной уверенностью говорить о том, что Р.К. Валеев стоял у истоков сегодняшней демократии, прочно воцарившейся в современном историческом сообществе университета. Новая политика, проводимая им, значительно расширила возможности исторического факультета и его научные связи с различными вузами и академическими структурами в целом России и Татарстана, что также способствовало решению многих научных и научно-методологических проблем исторической науки.

Кроме того, Р.К. Валеев вел целенаправленную работу по сохранению и развитию научных кадров, начатую первым деканом факультета профессором И.Р. Тагировым, прежде всего по омоложению преподавательской среды. Выпускниками факультета ежегодно защищались десятки кандидатских диссертаций, постепенно росло число докторов наук, что значительно оживило научно-преподавательскую работу не только на факультете, но и во всем университете. Эффективная работа молодых преподавателей сразу же обратила на себя внимание, поскольку для многих стало очевидным, что на факультете появилась новая преподавательская смена, обладающая значительным научным потенциалом. За недолгий срок деканства Р.К. Валеев сумел превратить вверенный ему факультет в одно из самых результативных подразделений Казанского университета.

На историческом факультете под руководством Р.К. Валеева и других его коллег (И.Р. Тагирова, А.Л. Литвина, И.П. Ермолаева) была подготовлена целая плеяда молодых и перспективных ученых. Он никогда не забывал о молодых научных кадрах, всегда старался помочь им советом или добрым словом, умел в нужную минуту их поддержать и вселить в них уверенность в своих силах и возможностях. За четверть века Рамзи Калимович подготовил 13 кандидатов исторических наук (А.М. Валеев, А.А. Гатин, А.И. Диндаров, Л.М. Заббарова, Р.И. Заляев, Г.Р. Каримова, Р.З. Мансуров, Л.О. Сулима, О.Н. Тихонов, Г.А. Фаттахова, К.Р. Шакуров и др.), а для двоих (Р.В. Шайдуллин, И.А. Чуканов) стал научным консуль-

тантом при подготовке докторских диссертаций. Его ученики работают в различных высших учебных заведениях, академических научно-исследовательских институтах и государственных структурах Татарстана и других регионов России.

Р.К. Валеев достиг высоких вершин в исторической науке. Многогранная подвижническая деятельность Р.К. Валеева стала для его учеников и коллег уникальным уроком: он учил их добиваться своего, оставаясь чутким к людям, уважая их, сочувствуя и помогая на каждом этапе пути.

Следует заметить, что такое уважение к людям и своей родной земле и народам, проживающим на ней, – не только редчайший, но и поистине уникальный дар. Рамзи Калимович – прекрасный и чистый образ многомиллионного татарского народа, вызывающий в памяти заветную, томящую душу и щемящую сердце музыку татарских народных песен, которые он любил всей душой и сердцем.

Рамзи Калимович Валеев навсегда останется в памяти коллег, учеников и друзей не только как талантливый и пытливый ученый и педагог-наставник, но и как человек редкой душевной доброты, умевший заражать молодежь своим оптимизмом и страстью к исторической науке.

Р.В. Шайдуллин,
д.и.н., профессор КФУ,
заведующий центром энциклопедистики
Института татарской энциклопедии и регионоведения
им. М. Хасанова АН РТ.

ТӨБӘК ТАРИХЫ БУЕНЧА КОНФЕРЕНЦИЯЛӘР ҺӘМ ОЧРАШУЛАР ХАТЛАР ҺӘМ КАЙТАВАЗЛАР

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ И ВСТРЕЧИ ПИСЬМА И ОТКЛИКИ

Томас Нигаматзянов

В МУЗЕЕ ХАСАНА ТУФАНА

10 июля 2026 г. мы побывали в с. Старая Киреметь, которое находится всего в 6 км от районного центра Аксубаево, посёлка городского типа. В этом селе родился и вырос выдающийся татарский поэт, лауреат Государственной премии имени Габдуллы Тукая Хасан Туфан. Посетили прекрасный музей, посвящённый Поэту.

Нам посчастливилось – в пятницу, священный день для мусульман, в музее дежурила сама Тагзима Исламовна Низамова, директор музея-усадьбы. Она и явилась нашим душевным экскурсоводом, поведала нам о трагической судьбе двух героев татарского народа – Хасана Туфана и его жены Луизы Салиаскаровой, актрисы татарского театра им. Г. Камала.

Сталинские репрессии прокатились беспощадным катком по интеллигенции всех народов, в том числе и татарского. Приближение беды Хасан Туфан стал ощущать уже с 1934 г. В 1937 г. он был исключён из Союза писателей ТАССР, а в 1940 г. бывшего ответственного секретаря журнала «Совет әдәбияты» арестовали, обвинили в связях с Японией, антисоветской пропаганде, национализме. Через два года допросов и пыток его приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор не успели привести в исполнение – в камеру к заключённым вошёл посыльный и объявил Хасану Туфану о решении военной коллегии Верховного суда СССР: «Расстрел заменить десятью годами лишения свободы в колонии строгого режима».

В 1950 г., после истечения срока, он был навечно сослан в Устарский район Новосибирской области. Только в 1956 г. Хасан Туфан был реабилитирован.

И все эти годы супруга Луиза ждала его освобождения и возвращения в родную Казань. Не просто ждала, но боролась за его жизнь. Луиза Салиаскарова, уволенная из театра как жена «врага народа», сдавала

донорскую кровь, а на вырученные деньги отправляла мужу в Сибирь посылки с продуктами. Донорские справки она аккуратно складывала в свой ридикюль… Однако Луиза не дождалась своего мужа – умерла от истощения. Совершила подвиг, пожертвовав собой…

Конечно, старого дома, где в детские годы жил будущий поэт, сегодня уже нет. На его месте специально для музея построен новый просторный бревенчатый дом. Однако внутри крестьянского дома воспроизведён национальный быт начала XX в., а также быт советского времени – это и посуда, и одежда, и многое другое. В разнообразном интерьере присутствуют подарки, которые ему дарили друзья и важные персоны, и вещи, которыми он повседневно пользовался. Тут и большой книжный шкаф, полный книгами, и мандолина, на которой он играл. Говорят, Хасан Туфан знал нотную грамоту и записывал на этом инструменте мелодии. Среди любопытных экспонатов я обнаружил тот самый ридикюль, который после возвращения Поэта из Сибири передала Хасану Туфану его дочь Гульгина,

Позже он напишет знаменитые стихи «Тамчылар ни диләр?», посвящённые любимой супруге Луизе Салиаскаровой. Я перевёл их на русский язык.

О чём говорят капли?

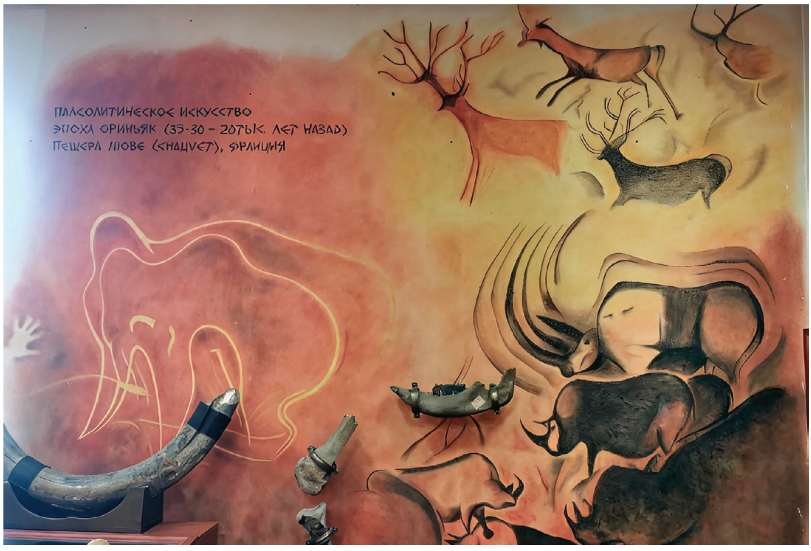
Луизе Салиаскаровой

В твоём я обнаружил сундуке
Со справками больницы ридикюль.
Тебе, моей жене любимой, он
Моим подарком самым первым был.
Перебираю документы я…
А справки эти оказались мне
Последней весточкой про жизнь твою.
Они всё рассказали о тебе...
И в каждой справке – капелек следы.
Отколь они? Без капель нет страниц.
Быть может, капли выпали из туч?
Иль с влажных капнули твоих ресниц?
В окно твоё дубасили «ветра»,
Угрозы посылая: «Не тоскуй!»…
Не приняла… Уволена была…
Решилась: «В доноры пойду. Рискну!»
Посылками ты помогала мне:
«Ведь мы на родине … здесь нет проблем…»

А эта помощь значила всегда
Твои пайки на кровь твою взамен.
И думала – обманешь ты меня? –
Всё ж обманула, жертвуя собой:
Почти оборвалась ведь жизнь моя,
Но ты её спасла своей душой.
Встречая и последнюю зарю,
День нашей встречи, верю, ты ждала,
Однако же Свобода, опоздав,
Меня в Сибири кое-как нашла…
Склоняю голову перед тобой.
На фото я гляжу в твои глаза,
Как на Мадонну гений Рафаэль
Смотрел глазами, полными в слезах…
Зашевелились тут её цветы,
Друг с другом разговаривая так:
«Наверно, если б были мы людьми,
Тоскуя, тоже бы стонали так».

И.В. Халымбаджа, Ф.Ф. Харисов.

ИЗ ИСТОРИИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ им. В.Г. ХАЛЫМБАДЖА

История геологического музея Татарской гимназии №15 Казани началась с того, что профессор Вячеслав Георгиевич Халымбаджа, замечательный представитель казанской школы геологов, стал читать гимназистам факультативный курс геологии, знакомя ребят с уникальным миром этой науки. Во время занятий выяснилось, что для полноценного учебного процесса необходим обучающий материал. Так возникла идея создания столь специфического музея, носящего теперь имя профессора.

Вячеслав Георгиевич Халымбаджа (1929–1997) – выдающийся геолог-палеонтолог, доктор геолого-минералогических наук (1982), профессор (1983), представитель казанской школы геологов. Он внёс значительный вклад в изучение верхнепалеозойских отложений. Его научные труды посвящены палеонтологии, палеозоогеографии, биостратиграфии и минералогии палеозоя, а также применению математических методов в этих исследованиях. Одним из важнейших достижений Вячеслава Георгиевича стало установление основных закономерностей геохронологического и географического распространения конодонтов. На основании коэффициента сходства он выделил две зоогеографические области и четыре провинции в позднем девоне, что стало значительным вкладом в мировую палеонтологию. В знак признания его заслуг новый вид ископаемых конодонтов был назван его именем.

Идею создания музея горячо поддержал директор гимназии Фанит Фахразович Харисов. Он с самого начала поверил в важность этого проекта для школьников и педагогов и сделал всё, чтобы идея стала реальностью. Именно благодаря его организаторским способностям, настойчивости и искренней заинтересованности в гимназии появился этот уникальный музей. Фанит Фахразович лично занимался выделением помещений, помогал с оборудованием, создавал все условия для работы с коллекцией. Но не только директор, весь коллектив гимназии с энтузиазмом включился в создание музея. Учителя, сотрудники, старшеклассники – все вносили свой вклад, кто-то помогал с обустройством, кто-то с систематизацией образцов, кто-то просто поддерживал идею словом и делом. Именно эта общая поддержка позволила 4 февраля 1999 г. торжественно открыть музей.

Основой первой постоянной экспозиции послужила личная коллекция горных пород, минералов и окаменелостей Вячеслава Георгиевича, зачастую это уникальные экспонаты.

Итак, образовалась небольшая начальная коллекция. В первые же годы работы музея к ее пополнению подключились и другие сотрудники геологического факультета Казанского государственного университета, в частности, канд. геол.-мин. наук Владимир Геннадьевич Изотов и канд. геол.-мин. наук Ляля Мирсалиховна Ситдикова. Коллеги Вячеслава Георгиевича существенно расширили собрание музея, дополнив ключевые типы пород и минералов. Со дня основания музея его главным хранителем является заведующая библиотекой гимназии Ильсия Саляховна Гарафутдинова.

В 2005 г. дочь В.Г. Халымбаджа – Инна Вячеславовна, закончив геологический факультет КГУ, стала вести факультативные занятия по геологии в гимназии и активно подключилась к работе в музее. С этого момента именно она становится фактическим руководителем и главным реализатором всех музейных проектов – от пополнения коллекций до создания новой образовательной среды. Работая геологом и участвуя в экспедициях по всей России, Инна Вячеславовна регулярно пополняет коллекцию образцами с Сахалина, из Карелии, Иркутской области и даже Южной Америки.

Уже в 2005 г. под её руководством был реализован первый крупный проект: благодаря финансированию, полученному от администрации Кировского района, был открыт второй зал музея. Помещение было подготовлено с нуля – проведён ремонт, на заказ сделаны новые витрины. Это позволило значительно расширить экспозицию и разместить многие образцы, которые ранее ждали своего часа в запасниках.

Следующим масштабным проектом стало обновление музея в 2008 г. Музей посетил мэр Казани И.Р. Метшин, который высоко оценил коллекцию и проведённую работу. Благодаря поддержке мэрии было получе-

но финансирование, позволившее закупить новые современные витрины. В обновление музея внесла большой личный вклад и младшая дочь В.Г. Халымбаджа – Алина Вячеславовна Закирова. Друзья семьи Халымбаджа также активно помогали в этой работе. К тому времени коллекция музея увеличилась практически втрое и приобрела тот вид, который мы видим сегодня – целостная и законченная тематическая экспозиция, включающая в себя главные типы пород и минералов, важнейшие полезные ископаемые и палеонтологические образцы. Торжественное открытие обновленного музея в 2010 г. стало знаковым событием для гимназии и Кировского района и оно было приурочено к празднованию десятилетия со дня основания музея. Этот день объединил и собрал всех друзей музея из геологического факультета КГУ и ТГРУ ПАО «Татнефть».

Ещё одним важнейшим проектом, инициированным и реализованным Инной Вячеславовной, стало создание в музее стен палеолитической и мезолитической живописи. Зал экзогенных процессов превратился в уникальное пространство, где наука соединяется с искусством. Скоро экспозиция зала будет пересмотрена, чтобы выставить богатую коллекцию плейстоценовой фауны, которая пока хранится в запасниках музея.

Сегодня музейный фонд насчитывает более 500 экспонатов и постоянно пополняется новыми. Музей посвящён геологии России, её минеральным ресурсам, а также располагает коллекциями по минералогии, горным породам, древней флоре и фауне.

Особенно хочется подчеркнуть вклад наших друзей-дарителей: доктора геолого-минералогических наук, Заслуженного геолога Российской Федерации и Республики Татарстан Накипа Салаховича Гатиятуллина, доктора геолого-минералогических наук Олега Николаевича Лопатина и доктора геолого-минералогических наук Владимира Владимировича Силантьева, и многих других. Коллекция музея продолжает пополняться новыми экспонатами, фонды музея увеличиваются каждый год.

Отдельно хочется отметить поддержку, которую нам оказывает ТГРУ ПАО «Татнефть» и Рамиль Накипович Гатиятуллин, а также его сотрудники.

Выпускники гимназии, закончившие геологический факультет, также участвуют в пополнении коллекции. Например, отметим замечательного геолога-нефтяника Ильшата Фалгатовича Талипова, подарившего отлично оформленную коллекцию нефтей месторождений Западной Сибири.

В экспозиции музея раритетами являются породы из мантии Земли – «дуниты» известного массива Рай-из (Полярный Урал), алмазоносный кимберлит из трубки «Удачная» (Якутия).

Хорошо представлен в музее минералогический раздел экспозиции, включающий все основные группы минералов различного генезиса (са-

мородные, минералы пегматитов, гидротермальных жил, осадочного, магматического и метаморфического происхождения), уникальные образцы из Слюдянки и Кольского полуострова.

Особый интерес вызывает коллекция полезных ископаемых. Это руды ряда уникальных месторождений мира: оолитовые руды Лотарингского бассейна, серебросодержащие полиметаллические руды месторождения Дукат Магаданской области и даже руды будущего – железомарганцевая конкреция из глубин Тихого океана.

В центре музея – полезные ископаемые Татарстана: поделочные ониксы, гипс-селенит, медные руды и угли, титан-циркониевые концентраты из гравийных месторождений и, конечно, главное богатство России – образцы нефти и нефтеносных пород различных месторождений Татарстана и Западной Сибири.

Большое внимание уделено палеонтологическим остаткам. Среди них – зубы и бивни мамонта прекрасной сохранности, фрагменты черепа и скелета мамонтенка, шерстистого носорога и бизона, «ракеты» юрских морей – белемниты, зубы ископаемых акул, отпечатки медуз, окаменелое дерево и многое другое.

Опыт Геологического музея им. В.Г. Халымбаджа показал, что музей меняет образовательную и культурную среду вокруг себя, поднимает её на новый уровень. Он раздвигает горизонты, повышает общую культуру и меняет саму атмосферу школы – делает её глубже, интереснее, осмысленнее.

Интерес к музею огромен и совершенно не сопоставим с его небольшими размерами. Для ребят это «свой» музей: можно забежать на перемене, зайти позаниматься после уроков. Не нужно никуда специально ехать, тратить время и деньги на дорогу – никаких искусственных преград. Можно хоть каждый день работать с учебными коллекциями. И всё это совершенно бесплатно.

Настоящая наука и культура не должны быть закрыты за билетами и длинными маршрутами. Они должны быть рядом. Сюда приходят из других школ, здесь постоянно проводятся экскурсии для школьников и учителей со всего Татарстана, приезжающих на курсы переподготовки.

Музей также предоставляет научную базу для исследовательских работ и научного волонтерства, становясь местом, где школьники могут не только узнавать новое, но и участвовать в настоящей науке.

На базе музея работает геологический кружок для школьников «Мастодонты». Юные геологи участвуют в олимпиадах и научных конференциях, выезжают на геологические маршруты и активно участвуют в жизни музея.

Музей начинался с небольшой коллекции профессора Халымбаджа. Сегодня это уникальное образовательное и культурное пространство, не имеющее аналогов в республике. За каждым образцом, каждым экспонатом здесь стоят геологи, учёные, учителя, ученики, друзья и выпускники. Те, кто дарил образцы, кто помогал с ремонтом и расписывал стены.

И наша история продолжается.

Список литературы

1. Гатовский Ю.А., Шинкарев Г.Е. Новый вид конодонтов рода Palmatolepis в память профессора В.Г. Халымбаджи // Планетарные системы верхнего палеозоя: биостратиграфия, геохронология и углеводородные ресурсы: сб. тезисов докладов Междунар. стратигр. конф. Головкинского – 2017 и IV Всерос. конф. «Верхний палеозой России». – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 53–55.
2. Иванов Е.М. Музейная педагогика в социокультурном контексте: опыт и современная проблематика // Молодой ученый. – 2025. – № 7 (558). С. 83–86.
3. Калашникова К.Н., Новогранова Е.Г., Харченко И.И. Функции школьных музеев Новосибирской области: между образованием и культурой // Мир экономики и управления. – 2018. – Т. 18, № 2. С. 262–276.
4. Халымбаджа В.Г. – биографическая статья // Татарская энциклопедия. – URL: https://tatarica.org/ru/razdely/nauka/personalii/halymbadzha-vyacheslav-georgievich (дата обращения: 01.08.2026).
5. Халымбаджа В.Г. Конодонты верхнего девона востока Русской платформы, Южного Тимана, Полярного Урала и их стратиграфическое значение. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. – 211 с.
6. Харисов Ф.Ф., Гарафутдинова И.С. Использование возможностей музея в образовательном процессе // Казанский образовательный портал. – Вып. № 18. – URL: http://www.smi.kazanobr.ru/18/10.html (дата обращения: 01.08.2026).
7. Skopa V.A. The role of the school museum and the development of patriotic education of youth // Современные наукоемкие технологии. – 2025. – Т. 7, № 6. С. 143–148.

ХРОНИКА

27 июня 2026 г. в Тобольске прошел День города, в котором активное участие приняли представители НКА сибирских татар Тобольска (председатель – член редколлегии журнала «Туган җир. Родной край», к.и.н. З.А. Тычинских).

26–27 июня в с. Малый Труев (Дәхтәрни) Пензенской области прошел XVI Всероссийский сельский Сабантуй, на котором присутствовали 55 тыс. участников, а в открытии участвовали Раис РТ Р.Н. Минниханов, губернатор Пензенской области О.В. Мельниченко, председатель Национального Совета ВКТ В.Г. Шайхразиев. В составе делегации от Татарстана находились также другие руководители Исполкома ВКТ, а также гл. редактор журнала «Туган җир. Родной край», д.и.н. Д.М. Исхаков, член редколлегии журнала М. Акчурин. К данному мероприятию была издана книга «Татары Пензенского края (этногенез и традиции)» (авторы: д.и.н. Г.Н. Белорыбкин, И.Л. Измайлов, Д.М. Исхаков). Исследование получилось красочным и весьма содержательным.

В клубе Тукая (гостиница «Ногай») 3 июля 2026 г. д.и.н. Д.М. Исхаков выступил с лекцией на тему «Тюрко-татарские дастаны и связанные с ними легенды». Собравшимися лекция была выслушана с большим интересом и вызвала целый ряд вопросов. Заседание прошло в весьма оживленном духе.

Илештә төбәкчеләр җыены

8 июль көнне Башкортстанның Илеш районында «Ак Идел җире» татар төбәкчеләре берләшмәсе чираттагы җыен-конференциясен уздырды. Анда Казаннан Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институты хезмәткәрләре Илнара Хәнипова, Хәлим Абдуллин, Рөстәм Әминов һәм Илнар Гарифуллин катнашты.

Бу – «Ак Идел җире» төбәкчеләренең икенче җыены. Беренче җыен узган ел Чакмагыш районында узган иде. Бу юлы да төбәкчеләр район буенча автойөреш оештырган. Автойөреш вакытында берничә авылны, шул исәптән шагыйрь Роберт Миңнуллин туып үскән Шәммәт авылын, Башкортстан партия Өлкә комитетының 1960 нчы елларда Беренче секретаре булып эшләгән Мидхәт Шакировның әнисен биргән Ябалаклы авылын гизгәннәр, конференция Илеш һәм Актаныш районнары чигендә урнашкан Иске Кыргыз авылында үткәрелде.

Шәммәт авылында, ниһаять, төзекләндерелгән элекке мәктәп бинасында шагыйрь Роберт Миңнуллинга багышланган музей ачылган (хәзерге вакытта авылда мәктәп юк). Аны оештыруга клуб мөдире (җәмәгатьчелек башлангычында музей мөдире дә) Илгиз Сәлимгәрәев зур өлеш керткән (эчтәлеген булдыруга Татарстан музейчылары булышкан). «Әлегә башкорт һәм урыс телләре белән янәшә, бертигез хокукта татар теле дә файдаланылган беренче музей бу. Бәлкем тора-бара башка музейларда да татар теленә юл ачылыр», – дип белдерде бу уңайдан Башкортстан төбәкчеләренең туплау шурасында Татарстан ягыннан әгъза булган Илнар Гарифуллин.

Ябалаклы авылында җирле мәчет имам-хатыйбы Камил хәзрәт Галиуллин авыл тарихы, кешеләре турында бик күп мәгълүмат биргән.

Иске Кыргыз авылында оештырылган конференция вакытында кунакларга җирле мәктәп музеен күрсәткәннәр. Мондый бай, тирән эчтәлекле мәктәп музеен әле бер төбәктә дә күргән юк иде, дип сокланган анда кунаклар. Фәнни-гамәли җыелыш барышында Казан галимнәре быел институт чыгарган хезмәтләрне – «История татар Западного Приуралья» хезмәтенең икенче кисәген, «История татарских сел Предкамья», «Календарь победы татар и татарстанцев в годы Великой Отечественой войны» хезмәтләрен тәкъдим иткән. Төбәкче Марат Ахунов үз чиратында яңа гына табадан төшкән «Агыйдел җире тарихы. Тарихи очерк» дигән китабы турында сөйләгән.

Конференция азагында төбәкчеләр эшләнгән эшләр хакында хисап биргән, киләсе елда башкарасы эшләрне тәгаенләгән. «Ак Идел җире» берләшмәсенең эшчәнлеген киңәйтү, сафларын ишәйтү зарурлыгы тәкрарланган, символлары кабул ителгән. Төбәкчеләрнең киләсе утырышын август аенда Туймазы районының Төмәнәк авылында оештырырга килешкәннәр.

Рәшит Минһаҗ

Гастрономический фестиваль «Сибирский баурсак» – 2026

18 июля 2026 г. на территории спортивно-оздоровительного комплекса «Сибиряк» в Тобольском округе уже в четвертый раз состоялся гастрономический фестиваль «Сибирский баурсак». Традиционное блюдо тоболо-иртышских татар – «олло / кабац баурсак» стал не только символом татарского гостеприимства и домашнего уюта, но и символом дружеского тепла и единства народов, населяющих многонациональный Тобольский округ. Ведь главной задачей фестиваля является сохранение и укрепление самобытных традиций татар Тюменской области, а также стремление передать кулинарное и культурное наследие новым поколениям.

Теплая и искренняя атмосфера, ежегодно царящая на фестивале, привлекает к мероприятию все большее число участников и гостей. Это ставшее традиционным событие стало ожидаемым, и ежегодно объединяет тысячи гостей не только Тобольска и Тобольского округа, но и всей Тюменской области.

В этот раз на традиционном конкурсе подворий приняло участие 25 коллективов, представивших самобытные традиционные обряды, а также богатейшую и разнообразнейшую кухню сибирских татар.

Фестиваль открылся выступлением сводного хора Тобольского округа, затем выступили с поздравительными речами Глава Тобольского округа А.А. Ходосевич, Глава Тобольска П.А. Вагин, заместитель председателя Комитета по делам национальностей Тюменской области Р.В. Малыгин и др. представители властных и общественных структур. Все они подчеркивали важность сохраненения традиций и культуры народов, населяющих регион.

Традиционно главными событиями праздника стали выпекание гигантского баурсака и соревнование молодых умелиц на скорость изготовления баурсаков.

Первыми попробовали свои силы в выпекании баурсака главы города и района, а также имам Тобольской соборной мечети Ибрагим-хазрат Сухов, показавший свои кулинарные умения и заметивший, что в татарской семье супруги всегда во всем стремятся помочь друг другу, в т.ч. и на кухне.

А затем начались соревнования между командами. В этот раз самый большой баурсак – высотой 36 см и 74 см в диаметре, испекла команда Тобольской городской национально-культурной автономии сибирских татар. Мастерицы Суфия Казукова, Наиля Муратова, Нурия Вафеева, Лариса Меркулова и Зульфия Янгучина стали победительницами фестиваля.

Одновременно шли соревнования среди молодых команд на скорость выпекания. Самое большое количество баурсаков – 137(!) испекла команда девушек из д. Кутарбитка. Но жюри, оценив и вкусовые качества блю-

да, отдала тем не менее первое место команде девушек Дегтяревского поселения, немного уступившим по количеству испеченных изделий, но форма и вкус баурсаков которых были на высоте.

Также гостей фестиваля ждали необычный театрализованный интерактив «Как брат Блин в гости к Баурсаку приехал», чайхана, бьюти-базар и ярмарка фермеров и ремесленников с оригинальными товарами от местных мастеров, книжная выставка и публичные чтения на татарском языке.

На фестивале развернулась масштабная спортивная зона. Зрители болели за участников состязаний по силовому экстриму, армрестлингу, гиревому спорту и перетягиванию каната, а также понаблюдать за турнирами по колке и распилу дров. Программу дополнили эффектные конные выступления, национальные игры для детей и творческие мастер-классы.

А музыкальное настроение создавал «Татар кавер проджект» с необычным исполнением мировых хитов – на татарском языке звучали популярные и узнаваемые песни, а главным подарком для слушателей стало выступление хедлайнера – популярного казанского музыкального проекта «ДЫШАТЬ».

Завершился насыщенный летний день торжественным награждением победителей и большой дискотекой под сеты диджея Рябикова.

З.А. Тычинских.

Казан шәһәрендә, Татарстан Республикасының Милли музее һәм «Миллиард татар» электрон газетасы инициативасы белән 2026 елның 1–2 августларында «Тарихи факт» исемле фестиваль үткәрелде. Ул чара кысаларында 2 август көнендә т.ф.д. И.Л. Измайловның ике китаптан торган Болгардан башлап Казан ханлыгы чорына кадәр хәрби эшләргә багышланган хезмәтен тәкъдим итү чарасы да узды. Аннан соң җыелган халык өчен Алтын Урданың тарихи мирасы турында татар телендә әңгәмә булды. Әңгәмәдә катнашучылар арасында т.ф.д. Д. Исхаков, т.ф.к. М. Гатин һүм т.ф.к. Л. Абзалов та бар иде. Чараны Милли музейның генераль директоры А. Файзрахманов алып барды. Музей артындагы мәйданда, ачык һавада оештырылган бу кызыклы чарада шактый кеше кызыксынып катнашты, төрле сораулар бирелде. Гадәттә музейның ачылмый торган подвалларына экскурсия белән тамамланды бу чара.

АВТОРЛАР БУЕНЧА БЕЛЕШМӘ

Алексеев Игорь Евгений улы, тарих фәннәре кандидаты, Татарстан Республикасы Рәисенең Эчке сәясәт мәсьәләләре департаменты Дини берләшмәләр белән үзара хезмәттәшлек идарәсе баш киңәшчесе.

Баһаветдинова Халидә Зиннәт кызы, ТР ФА Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институтының фәнни хезмәткәре.

Булатова Әлфия Кәрим кызы, филология фәннәре кандидаты, ТФАнең Г. Ибраһимов ис. ТӘһСИның ареаль лингвистика бүлегенең өлкән фәнни хезмәткәре.

Бушков Руслан Аркадий улы, тарих фәннәре кандидаты, Россия хәрби тарихи Фәннәр Академиясенең мөхбир-әгъзасы, Н.А. Заболоцкий исемендәге әдәби премия лауреаты. К(Идел буе)ФУның журналистика һәм медиа-элемтә югары мәктәбенең доценты.

Гарипова Ләйлә Шамил кызы, филология фәннәре кандидаты, ТФАнең Г. Ибраһимов исемендәге ТӘһСИның Язма мирас үзәгенең әйдәп баручы фәнни хезмәткәре.

Зәйниева Гөлнара Нургали кызы, филология фәннәре кандидаты, ТР ФА Г. Ибраһимов ис. ТӘһСИның текстология бүлегенең өлкән фәнни хезмәткәре.

Имашева Марина Марат кызы, тарих фәннәре докторы, ТР ФА Ш. Мәрҗани исемендәге Тарих институтының әйдәп баручы фәнни хезмәткәре.

Исхаков Дамир Мәүләви улы, тарих фәннәре докторы, РТФА академигы, БТК Милли Шура әгъзасы, «Туган җир. Родной край» журналының баш мөхәррире.

Латыйпов Рәмис Нурмөхәммәт улы, журналист, К(И)ФУ укытучысы.

Минһаҗев Рәшит Рәкыйп улы, журналист.

Нигамәтҗанов Томас Тимерхан улы, РФнең һәм ТРның Журналистлар берлеге әгъзасы, Әнгам Атнабаев исемендәге премия лауреаты, «Теплоконтроль» АҖ Казан приборлар төзү предприятиесе баш метрологы.

Сибгәтова Эльза Миңнәхмәт кызы, ветеран-педагог, ТРның атказанган мәктәп укытучысы.

Степанов Олег Виталий улы, нумизмат-тикшеренүче, төбәкче, Петровск фәннәр һәм сәнгать академиясенең мөхбир-әгъзасы, БТК каршындагы Гомумтатар төбәк тарихын өйрәнүчеләр җәмгыяте идарәсе әгъзасы.

Тажиев Дамир Нәзир улы, Россия журналистлар берлеге әгъзасы, Рафаил Төхфәтуллин исемендәге премия лауреаты, Әлмәт төбәгенең җәмәгать эшлеклесе, туган як тарихын өйрәнүче.

Тычинских Зәйтүнә Әптрәшит кызы, тарих фәннәре кандидаты, РФА УрБнең Тубыл комплексы фәнни станциясе өлкән фәнни хезмәткәре.

Хакимҗанов Фәрид Сабиржан улы, филология фәннәре докторы, К(Идел буе)ФУ профессоры, Татарстанның атказанган фән эшлеклесе, Россия тюркологлар комитеты әгъзасы.

Халымбаджа Инна Вячеслав кызы, геолог, МБМУ «15 нче татар гимназиясе»нең В.Г. Халымбаджа ис. Геология музее җитәкчесе.

Хамидов Ризаеддин Сафиулла улы, дин эшлеклесе.

Харисов Фәнит Фәхраз улы, педагогика фәннәре кандидаты, МБМУ «15 нче татар гимназиясе» директоры.

Хәмидов Азат Газиз улы, пенсионер.

Шакиров Руслан Камил улы, бәйсез тикшеренүче.

Шәйдуллин Рафаил Вәли улы, тарих фәннәре докторы, профессор, М. Хәсәнов исемендәге Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институтының энциклопедистика үзәге мөдире.

Ярхамов Илнур Ирнис улы, журналист, «Туган җир. Родной край» журналының web-редакторы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Игорь Евгеньевич, кандидат исторических наук, главный советник Управления по взаимодействию с религиозными объединениями Департамента Раиса Республики Татарстан по вопросам внутренней политики.

Багаутдинова Халида Зиннатовна, научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Булатова Альфия Каримовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Бушков Руслан Аркадьевич, кандидат исторических наук, член-корр. Российской академии военно-исторических наук, доцент Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций К(П)ФУ.

Гарипова Лейля Шамиловна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Зайнеева Гульнара Нургалиевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела текстологии ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Имашева Марина Маратовна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана К(П)ФУ.

Исхаков Дамир Мавлявеевич, доктор исторических наук, академик РАЕН, член Национального Совета ВКТ, главный редактор журнала «Туган җир. Родной край».

Латыпов Рамис Нурмухамматович, журналист, преподаватель К(П)ФУ.

Мингазов Рашит Ракипович, журналист.

Нигаматзянов Томас Тимерханович, член Союза журналистов РФ и РТ, лауреат премии им. Ангама Атнабаева, главный метролог Казанского приборостроительного предприятия АО «Теплоконтроль».

Сибгатова Эльза Минахметовна, ветеран-педагог, Заслуженный учитель школ РТ.

Степанов Олег Витальевич, нумизмат-исследователь, краевед член. кор. Петровской академии наук и искусств., член правления «Всетатарского общества краеведов» при ВКТ.

Тазиев Дамир Назирович, краевед, член Союза журналистов РФ, лауреат премии имени Рафаила Тухватуллина, общественный деятель.

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ТКНС УрО РАН.

Хакимзянов Фарид Сабирзянович, доктор филологических наук, профессор К(П)ФУ, заслуженный деятель науки Татарстана, член комитета тюркологов России.

Халымбаджа Инна Вячеславовна, геолог, руководитель Геологического музея им. В.Г. Халымбаджа МБОУ «Татарская гимназия № 15»

Хамидов Азат Газизович, пенсионер.

Хамидов Ризаеддин Сафиуллович, религиозный деятель.

Харисов Фанит Фахразович, кандидат педагогических наук, директор МБОУ «Татарская гимназия № 15».

Шайдуллин Рафаиль Валеевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РТ.

Шакиров Руслан Камилевич, независимый исследователь.

Ярхамов Ильнур Ирнисович, журналист, web-редактор журнала «Туган җир. Родной край».

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционный совет журнала «Туган җир/Родной край» сообщает что к публикации принимаются статьи и материалы как на татарском, так и на русском языках. В этой связи обращаемся ко всем заинтересованным в развитии указанного журнала авторам с предложением принимать участие в его издании. Для этого необходимо подготовить и направить соответствующие статьи в наш адрес.

Рекомендуемая тематика публикаций:

- *методика и методология историко-краеведческих исследований;*
- *история краеведения и историко-краеведческое наследие;*
- *проблемы региональной истории;*
- *новые археологические, нумизматические, фольклорные и эпиграфические находки;*
- *публикация источников;*
- *история конкретных сел и деревень;*
- *история музеев и публикация музейных коллекций;*
- *жизнь и деятельность выдающихся краеведов и земляков;*
- *использование краеведческих материалов и музейных коллекций в школе;*
- *популярные статьи по краеведению;*
- *краеведческая хроника (конференции, встречи и т.д.);*
- *рецензии, обзоры книг на краеведческую тематику.*

Статьи оформляются согласно указываемым ниже требованиям:

Технические требования к оформлению статей

1. Внутри публикаций ссылки оформляются следующим образом [Аминов: 2017. С. 82.]*;* [Денисов: 2012. С. 25; Черкас: 2005. С. 16.]; [ГАОО. Ф. 476. Оп. 3. Ед. хр. 609. Л. 6.]

2. Список использованной литературы оформляются согласно ГОСТу и приводятся в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка:

Источники и литература

1. Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 348 с.

2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 98. Оп. 2. Ед. хр. 25.

3. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Ед. 26.

4. Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Оренбургского края (XVIII – начало XX в.). М. – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2012. – 410 с.

5. Черкас Т.Г. Хронограф города. Орск: [Б.и.], 2005. – 67 с.

Редакционные требования к оформлению*:*

Инициалы и фамилия автора указываются справа, далее по центру публикации идет название статьи.

1. Текстовый редактор – Microsoft Word, в формате .doc или .docx;
2. А 4;
3. Поля: слева – 3 см., справа – 1,5 см. сверху и снизу – 2 см. Нумерация страниц снизу справа;
4. Шрифт – Times New Roman;
5. Размер шрифта – 14;
6. Межстрочный интервал – 1,5;
7. Абзацный отступ – 1,0.

***Требования к иллюстративным материалам**:*

Фотоматериалы и рисунки (сканкопии) принимаются только качественные (в формате JPEG, объемом не менее 3,50 МБ).

Объем публикаций в пределах от 0,5 до 1,0 п. л. (20 000–40 000 знаков с пробелами). К публикациям прилагаются аннотации из 5–6 предложений, а также выделяются ключевые слова (4–5).

Сведения об авторе:

1. Фамилия, имя, отчество _____
2. Ученая степень _____
3. Ученое звание _____
4. Занимаемая должность _____
6. Почтовый адрес с индексом _____
7. Адрес электронной почты (e-mail) _____
8. Контактный телефон _____

Редакция отмечает, что после получения статьи от автора и детального его изучения членами редколлегии, она, в случае соответствия всем требованиям, передается в печать. Если материалы не соответствуют техническим и научным требованиям, статья возвращается автору с замечаниями для устранения недостатков. В связи с большим объемом поступающих материалов редколлегия может ограничиться пересылкой автору, в случае необходимости, соответствующих правил оформления для приведения ее в соответствие с требованиями.

Редколлегия оставляет за собой право размещения публикаций в журнале согласно рубрикаций и наличия мест в выпускаемых номерах. После выхода журнала авторы статей могут получить по одному экземпляру издания.

Авторам выплачивается гонорар. Для этого необходимо вместе с материалом прислать сканкопии паспорта, ИНН, СНИЛС, счет со всеми банковскими реквизитами.

Электронная версия журнала размещается на сайтах Всемирного конгресса татар и «Всетатарского общества краеведов».

Материалы следует присылать по эл.адресу: monitoring_vkt@mail.ru
с указанием темы: «Для журнала «Туган җир/Родной край». Допускается и прямая передача публикаций в редакцию, но лишь в электронных версиях. Для этого указываем адрес нашего журнала: Казань, ул. А. Пушкина, 52, офис 303, редакция журнала «Туган җир/Родной край»

Туган җир

Төбәк тарихы буенча журнал

Родной край

Краеведческий журнал
3’2026

Электронная версия журнала размещается:
http:tuganzhir.org

Подписано в печать 30.09.2026 г. Формат 70×100 1/16
Усл. печ. л. 19,5 Тираж 999 экз.
Отпечатано с готового оригинал-макета.
в типографии ООО «Грумант»
В данном номере журнала использованы фотографии из личных архивов авторов

В рамках мероприятий XXVI Федерального Сабантуя.
Омск, 18 июля 2026 г.

Открытие памятника Габдулле Тукаю.
с. Ашеваны Усть-Ишимского района Омской области,
20 июля 2026 г.

«Ак Идел җире» татар төбәкчеләре берләшмәсенең чираттагы җыен-конференциясе. Башкортостан, Илеш районы, 8 июль 2026 ел.

«Тарихи факт» исемле фестиваль кысаларында. Казан, 2 август 2026 ел.

Известный краевед Дамир Тазиев в редакции журнала. Казань, 12 августа 2026 г.

Представители НКА сибирских татар на Дне города.
Тобольск, 27 июня 2026 г.

VI гастрономический фестиваль «Сибирский баурсак».
Тобольский округ, 18 июля 2026 г.

Д.Г. Тумашева в окружении сибирских татар.
II съезд ТОЦ. Казань, 15–16 февраля 1991 г.

Известный общественный деятель Рашит Ягъфаров в окружении своих единомышленников.
(публикуется по случаю юбилея Р.Ф. Ягъфарова)

